ТУРКЕСТАН

Ефим Резван

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН

Национальный филиал Межгосударственной телерадиокомпании
«Мир» в Республике Казахстан

Ефим Резван

ТУРКЕСТАН

Мой мир ислама

I

Санкт-Петербург – Алматы
2016

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

УДК 39:069
ББК 63.5 Л6
Р 43

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
и Национальный филиал Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» в Республике Казахстан

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН
Рецензенты:

Владимир Грусман,
директор Российского этнографического музея
(Санкт-Петербург)

Нурсан Алимбай,
директор Центрального
Государственного музея Республики
Казахстан (Алматы)

Редактор: М. Е. Резван
Корректор: М. А. Иванова
Художественный редактор: Т. М. Федорова
Дизайн: Т. В. Богданова
Цветокоррекция, верстка: А. В.Сушицкий

В книге использованы материалы из коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Государственного Эрмитажа, Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея, Российского этнографического музея, Бостонского музея изящных искусств, Российской национальной библиотеки, Института истории материальной культуры РАН, Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Государственного музея истории религии, Библиотеки Российской академии наук, Архангельского областного краеведческого музея, материалы совместной российско-казахстанской историко-этнографической экспедиции по проекту «С. М. Дудин — фотограф, художник, этнограф. Материалы экспедиции в Казахстан 1899 г.» (2010 г.) и выставочного проекта «С. М. Дудин — фотограф, художник, этнограф» (остров Родос, Греция, 2010 г.). Права на изображения, использованные в настоящей публикации, принадлежат правообладателям, указанным в подписях к иллюстрациям.
Все права охраняются. Книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или издана в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения письменного разрешения правообладателя.

Р 43 **Ефим Резван**
ТУРКЕСТАН. Мой мир ислама: I / Проект «Иджма‘= Согласие». —
СПб.: ООО «КМБХ», 2016, 328 с., ил. — 1000 экз.
ISBN 978–5–906523–11–2

Книга известного российского исламоведа, заместителя директора Петербургской Кунсткамеры и главного редактора международного научного журнала “Manuscripta Orientalia” проф. Е. А. Резвана основана на материалах многолетних архивных, музейных и экспедиционных исследований, посвященных истории, культуре и традициям Казахстана. В книгу включены результаты экспедиционных выездов 2010–2015 гг., главной целью которых был сбор материалов для научного обеспечения публикации казахских коллекций Петербургской Кунсткамеры в рамках масштабного научного проекта с предварительным названием «Традиционная казахская культура в предметных и фотоиллюстративных коллекциях МАЭ РАН». В книге подробно и на новом научном материале анализируются судьбы целого ряда знаковых предметов, реликвий казахской культуры, теснейшим образом связанных с историей и Казахстана, и России. Избранный автором подход к материалу объединяет в себе полноценный научный аппарат и литературно-художественный стиль изложения, что серьезно расширяет аудиторию предлагаемой публикации.

УДК 39:069
ББК 63.5 Л6

Для оформления обложки использована работа Л. Л. Бурэ (1887–1943)
«В мечети Хазрет-Султана Йасави», 1919 г.
С любезного разрешения Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург).

© Е. А. Резван, 2016
© Т. В. Богданова, дизайн, 2016
© ООО «КМБХ», 2016

ISBN 978–5–906523–11–2

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Содержание

Олжас Сулейменов «Я не буду пересказывать книгу. Просто прочитайте ее» 6

Посвящение 8

Предисловие о Петербурге и Париже 13

Глава I. Мангышлак 25
Коллекции
«Прелюбопытное собрание идолов» 89
Песня из 1905 года 96

Глава II. Таксис — относительное время 103
Коллекции
Цвет 139
Коллеги о С. М. Дудине 156
А. М. Успенский Самуил Дудин. Воспитание глаза 162
Фотоарсенал романтической эпохи 184

Глава III. Два озера 197
Коллекции
В. А. Брюханов Конур-аулиэ 221
Будда в пещере 224
«Альбом Радлова» 230

Глава IV. Созвездие чаши 241
Коллекции
К истории казахских коллекций МАЭ 275
Из коллекции Лаикжана Биркимбаева и Хасана Имамбаева (поступление 1899 г.) 297

Послесловие о чудесах 315

Участники экспедиций 2010–2015 гг. 324

Summary 326

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

«Я не буду пересказывать книгу. Просто прочитайте ее»

Среди тех, кто по приказу Петра строил Санкт-Петербург, с первых дней были мусульмане: новую столицу, возводимую царем-реформатором в бешеном темпе, строила вся Россия. Я спрашивал специалистов, как мусульмане в месяц Рамазан держали пост во время белых ночей? В Санкт-Петербурге наибольшая продолжительность дня приходится на 21–22 июня. Я думал об этом, когда вечером 23 июня 2011 года входил в «Дом с маврами», фантастически красивый особняк князя Кочубея на Конногвардейском бульваре. Здесь должен был пройти мой творческий вечер — официально в связи 75-летием и 50-летием творческой деятельности, — а на самом деле, как добрый повод еще раз встретиться и поговорить со своими питерскими друзьями. Я собирался рассказать о книге «Тысяча и одно слово» и о проекте исторической кинокартины «Жангир-хан».

Зал был полон, и разговор продолжился много позже запланированного времени. В конце вечера мне представили профессора Ефима Резвана, известного российского исламоведа, заместителя директора Петербургской Кунсткамеры и главного редактора международного научного журнала "Manuscripta Orientalia". Он подарил мне свои книги и совсем коротко рассказал о научном проекте, посвященном казахским коллекциям Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук, и об экспедициях, связанных с этим проектом. Тогда меня особенно заинтересовал его рассказ об архивных фотоколлекциях музея, и, прежде всего, о собрании работ Самуила Мартыновича Дудина, выдающегося художника-фотографа, одного из основателей того научного направления, ко-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

торое мы называем сегодня визуальной антропологией, о его интереснейшей фотографической серии, сделанной в Северном Казахстане в 1899 году и предназначенной для Всемирной Парижской выставки. Профессор Резван пообещал мне тогда прислать книгу, написанную по результатам его экспедиций в Казахстан, и вот я держу ее в руках.

Я не буду пересказывать книгу. Просто прочитайте ее, посмотрите и послушайте: я знаю, что автор предполагает дополнить книгу мобильными приложениями, — на экранах планшетов и телефонов иллюстрации книги оживут и зазвучат. Очень надеюсь, что и сама форма подачи материала, и новые технические решения привлекут к этой книге молодых читателей. Это тем более важно, что во многих случаях автор намечает пути будущих исследовательских проектов, связанных с нашей историей и культурой. Сколько же всего интересного нас еще ждет! Я завидую молодым людям, которые смогут однажды разгадать тайны, которые до сих пор хранят древние рукописи, географические карты, музейные экспонаты!

В 1989 году, накануне развала Союза, я писал: «Обобщённого научного знания о судьбах этого огромного куска Евразии не написано: концепция его не выработана. Наши усилия должны быть направлены на то, чтобы разоблачить ложный догмат, утверждающий, что предки наши всегда только враждовали». С тех пор, к огромному сожалению, мы в этом деле продвинулись не слишком далеко. Более того, сплошь и рядом можно увидеть попытки возвести в абсолют проблемы и различия. Я очень рад, что книга моего петербургского коллеги, сможет хотя бы частично заполнить существующую здесь лакуну. Она рассказывает о главном: о нашей общей истории, о нашем общем наследии, о наших общих реликвиях.

В первой половине лета в Петербурге уличное освещение, как правило, не включают: нет необходимости. Мы вышли из Дворца Кочубея поздним вечером. Заходящее солнце глубокими тенями повторяло металлическое кружево решетки. Светлое небо отражалось в двойных ренессансных окнах бельэтажа с центральными колонками и точеными арочными завершениями. Европейское Возрождение впитало множество элементов восточной культуры, и окна Дворца Кочубея, — прямые свидетели этого. Четыре мавра, украшавшие ограду, стойко продолжали свою службу, глядя свысока на пары влюбленных молодых людей, шумные студенческие компании, стайки туристов-иностранцев с громадных круизных теплоходов, пришвартованных на Неве совсем неподалеку. Я вдохнул влажный питерский воздух и снова почувствовал, что я дома и среди друзей.

В 2003 году в тихом питерском переулке был установлен памятник Джамбулу, чьи строки помнит сегодня практически каждый питерский школьник:

Спать не в силах сегодня я…
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

На любовь отвечают любовью. Здесь в Петербурге с помощью страниц древних рукописей и уникальных музейных коллекций поколения русских ученых изучали и изучают историю Великой степи, нашу общую историю. Автор лежащей перед вами книги — один из этих людей. Он зовет нас с вами в удивительное путешествие по стране, изучению которой он отдал свое сердце.

Олжас Сулейменов

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Февраль 1989 года. Я в Хадрамауте, на юге Йемена, и первый раз своими глазами вижу настоящий ритуал праздничного паломничества к могиле святого. Паломничество в такой день развивается согласно незыблемому сценарию, заточенному и отшлифованному временем. К куббе — мавзолею святого — размеренно движется река поющих и скандирующих мужчин в белых рубахах и клетчатых юбках-фута. Справа к скале жмется плотная толпа женщин в черном. У ног женщин — девочки в белых и розовых платьях «как у Мальвины». Я достаю свой «Зенит» и совершенно непрофессионально за первые минут пятнадцать-двадцать как в лихорадке отстреливаю свои 36 кадров. В руках старшего коллеги рядом — дорогущий среднеформатный «Киев-60 TTL». У него в запасе 12 кадров. Он много опытнее меня, кадры бережет, но и у него через час заканчивается пленка. Поднявшись на небольшую скалу, я продолжаю наблюдать за ритуалом, дошедшим до нас сквозь века, и мечтаю о наисовременнейшем чуде той поры — видеокамере, писавшей два часа видео со звуком и пришедшей на смену 8-миллиметровым кинокамерам (25-метровый рулон 16-миллиметровой пленки на две минуты изображения без звука). И что самое главное — в аденском магазинчике я не только видел, но и повертел в руках это чудо, бережно переданное мне хитроглазым смуглым продавцом.

Для меня это было персональным началом медийной революции 1980-х, принесшей миру персональные компьютеры, компакт-диски, плееры, видеомагнитофоны и видеокамеры, сотовые и портативные беспроводные телефоны, факсы, цифровые фотоаппараты, записывавшие отснятые кадры на 3,5-дюймовые дискеты — другое чудо той поры. Очень скоро все эти технические новинки стали частью нашей жизни, а экспедиционные материалы, привозимые домой сегодня, включают, как правило, тысячи цифровых изображений и многие часы видеозаписи.

Поэтому совсем неслучайно центральное место в книге занимает глава, посвященная романтической эпохе первых фотографов-путешественников, ученых-этнографов, которые могли брать с собой в поле технические чудеса той поры — переносные фотокамеры и звукозаписывающие устройства. То была первая медийная революция, о которой мы уже забыли.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Время, в которое мы живем, — время «документирования реальности», господства изображения, которое стремительно вытесняет текст. Мы все чаще переходим с СМС на ММС — зачем писать, если все и так понятно! — посылаем друг другу бесконечные ссылки на фото и видео, все больше говорим «по скайпу», постоянно живем «в контакте». Наша жизнь бесконечно дублируется, записывается камерами наблюдения в подъезде дома, в магазине, на улице…

Все это не может не влиять на формат книг (текстовые стремительно уходят в электронный формат). По понятным причинам книги о путешествиях оказываются здесь на переднем крае. Сегодня стандартный рассказ о путешествии — это обычно серия фотографий с кратким введением и, в лучшем случае, с подписью под каждым фото. В борьбе с самим собой, с редактором, дизайнером и издателем этой книги я бесконечно сокращал число иллюстраций. (Пишу эти строки и думаю, добавлять ли сюда пару-тройку йеменских фотографий или нет). В результате наша книга по своему формату получилась не совсем обычной, впрочем, как необычным стал и жанр, который ни я, ни мои друзья так и не смогли однозначно определить.

Все это к тому, что я хочу посвятить эту книгу моим коллегам, которые жили и работали на рубеже XIX–XX веков и так же, как я, в конце 1990-х радовались новым фантастическим возможностям, связанным с развитием фото- и кинотехники. В своей книге я смог подробно рассказать только об одном из этих людей — о Самуиле Мартыновиче Дудине, создателе одной из первых этнографических и музейных фотолабораторий в мире, интересном художнике, прекрасном ученом и выдающемся собирателе этнографических коллекций.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Предисловие о Петербурге и Париже

Что толку в книжке, если в ней нет ни картинок, ни разговоров?

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

Мне очень повезло в жизни. Я родился в Санкт-Петербурге, одной из мировых культурных столиц, закончил восточный факультет Ленинградского государственного университета — место, где студентов ориентируют в первую очередь на научную карьеру и где сами стены хранят голоса выдающихся ученых. Почти двадцать лет я проработал в Ленинградском филиале Института востоковедения АН СССР (ныне — Институт восточных рукописей РАН). Здесь собрана известная на весь мир коллекция восточных рукописей — больше ста тысяч единиц хранения! В те годы в прекрасном здании на Дворцовой набережной сложился научный коллектив, равного которому, по-видимому, не было ни в одном другом гуманитарном научном центре СССР. Общение с выдающимися учеными было самой лучшей школой. Вряд ли с чем-то можно сравнить и саму возможность ежедневно брать в руки рукописные памятники мирового значения.

Моим научным руководителем стал Петр Афанасьевич Грязневич — известнейший арабист и исламовед, равно имевший вкус и к тщательнейшим исследованиям, и к экспедиционной работе в поле. Человек энциклопедически образованный и наделенный романтическим отношением к жизни, он стал одним из создателей Советско-Йеменской комплексной экспедиции АН СССР и возглавлял ее работу в течение семи лет, с 1983 по 1989 г. Ученые разного профиля — археологи и специалисты по арабской культуре, этнографы и антропологи, эпиграфисты

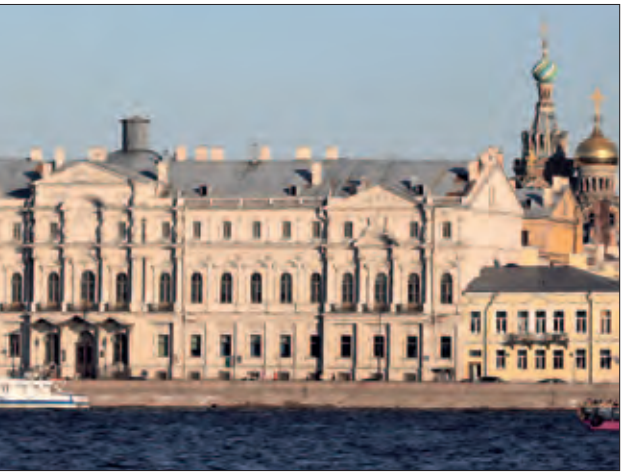
На набережной Невы.
Фото Т. М. Федоровой, 2011 г.

Мост Александра III в Париже.
Фото Т. М. Федоровой, 2011 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

и геоморфологи, палеоботаники и лингвисты, специалисты по истории архитектуры и филологи, сотрудники крупнейших академических, музейных и университетских центров СССР осуществляли в рамках экспедиции грандиозную программу по комплексному изучению — с древних времен и до наших дней — Южного Йемена, и прежде всего одной из важнейших историко-культурных областей Арабского Востока — Хадрамаута. Я проработал в экспедиции всего один сезон — чуть более трех месяцев, которые оказались очень важными в моей жизни. Именно опыт, полученный в Йемене, позволил мне понять: для того чтобы рукопись «раскрылась» до конца, необходимо побывать на месте ее создания.

Пятнадцать лет я работаю в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН. Каждый день я вхожу в дверь одного из старейших в мире зданий, построенных специально для музейных нужд. С начала XVIII в. Кунсткамера является символом Российской академии наук. В Кунсткамере, а позднее в Этнографическом музее, наследнике наиболее значительной части ее коллекций[1], было положено начало этнографическим, археологическим и антропологическим исследованиям в России. В настоящее время собрание музея, основанного по указу Петра Великого в 1714 г., является одним из наиболее полных и интересных в мире. Оно насчитывает более миллиона экспонатов и отражает все многообразие культур народов Старого и Нового Света. Одновременно музей является одним из крупнейших гуманитарных исследовательских центров Академии наук.



Богатейшие научные коллекции музея последовательно складывались на протяжении всей его 300-летней истории в первую очередь в ре-

[1] Создан в 1836; с 1879 — Музей антропологии и этнографии. В 30-е годы XIX в. на основе коллекций Кунсткамеры было создано семь самостоятельных академических музеев: Этнографический, Азиатский, Египетский, Анатомический, Зоологический, Ботанический, Минералогический и Кабинет Петра I. Этнографический и Анатомический музеи продолжали находиться в здании Кунсткамеры.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

зультате напряженной экспедиционной и исследовательской деятельности Академии. С музеем связана научная деятельность ряда выдающихся академиков-путешественников XVIII–XX вв., русских мореплавателей, всемирно известных исследователей этнографии народов России и мира.

МАЭ РАН — памятник самой успешной модернизации в истории России. Приоритет науки в системе государственных ценностей, изучение и сохранение национальных культур, межнациональный диалог — ключевые аспекты деятельности музея. Они всегда совпадали и совпадают сегодня с важнейшими задачами российской государственности. Олицетворяя прорыв Петровской эпохи, Петербургская Кунсткамера является одним из символов России, важным и для национальной, и для гражданской идентичности жителей страны.

Вид из окна Кунсткамеры на Петропавловский собор и Соборную мечеть Санкт-Петербурга. Фото Т. М. Федоровой, 2009 г.

Институт восточных рукописей РАН. Фото Т. М. Федоровой, 2015 г.

На экспозиции «Ближний и Средний Восток» МАЭ РАН. Фото Т. М. Федоровой, 2011 г.

МАЭ содержит одно из самых больших в мире собраний, посвященных культуре и этнографии мусульманских народов (всего около 1000 коллекций, связанных с культурой и историей мусульман Ближнего Востока, Центральной Азии, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Китая, Кавказа и России). Это собрание является результатом деятельности 60 научных и музейных организаций и более чем 400 собирателей (во многих случаях — выдающихся ученых, путешественников и государственных деятелей). В целом мусульманская коллекция МАЭ, безусловно, самая богатая в России. Работа с подобными собраниями, с одной стороны, требует от специалистов высочайшей квалификации, но с другой — сама такая работа воспитывает, формирует специалистов мирового уровня.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

На протяжении многих десятилетий МАЭ является ведущим академическим центром по изучению культуры, этнографии, истории и современности мусульманских стран. Сегодня с исламской проблематикой в той или иной степени связаны исследования, проводящиеся в восьми

научных отделах музея. Ежегодно МАЭ организует серию экспедиционных выездов в страны и районы традиционного распространения ислама.

Спецификой петербургской научной школы по изучению ислама справедливо считается комплексный подход, сочетающий глубокую филологическую подготовку, изучение рукописных и архивных первоисточников, с одной стороны, со специальными знаниями, полученными в ходе полевой работы, и изучением богатейших предметных и фотоиллюстративных коллекций — с другой. В русле такого комплексного подхода проходило становление и развитие научных школ МАЭ, восходящих к именам В. В. Бартольда, И. И. Зарубина, И. Н. Винникова, В. А. Иванова (Центральная Азия), Л. И. Лаврова (Кавказ), П. А. Грязневича, М. Б. Пиотровского (Аравия, коранистика), Д. А. Клеменца, С. М. Дудина, А. М. Решетова (Китайский Туркестан).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

В музее я смог дополнить опыт ученого-рукописника как работой с потрясающими предметными коллекциями, так и многообразным полевым экспедиционным опытом. Сотрудники музея обладают во многом уникальной возможностью реализовать полученные результаты не только в виде монографий и статей, но и в виде выставочных проектов, сопровождаемых развернутыми каталогами. Примером работы в этом направлении является проект «Иджма‘ = Согласие», посвященный исследованию культурного многообразия исламского мира[2]. Этот проект — независимая попытка, обратившись к первоисточникам, разобраться в сложном клубке проблем, связанных с современным исламом. Он имеет научную, видео- и выставочную составляющие. Именно частью этого проекта и является книга, предлагаемая вашему вниманию.

Проект создается на основе экспедиционных материалов, полученных мною за последние пятнадцать лет. Для меня очень важно, что он дает возможность представить моим друзьям то, что обычно остается за рамками научного отчета: ты отправляешься с целью найти древнейшую рукопись Корана, но помимо фотографий ценнейших листов пергамена, исписанных древним почерком *хиджази*, привозишь впечатления от встреч с замечательными людьми, память о степных дорогах, о ярчайшем солнце, привозишь вкус кумыса и курта… Это и «картинки, и разговоры».

Для любого человека, родившегося в России, Восток — это в первую очередь Центральная Азия. Рассказывают, что на рубеже XIX–XX вв. в самом центре Санкт-Петербурга, на перекрестке Невского проспекта и Садовой улицы, работало питейное заведение, необычайно популярное в те годы. Это была рюмочная fast food, где посетитель имел возможность выбрать одну из ста закусок к рюмке одного из ста видов водки. Среди закусок почетное место занимало мясо, вяленное под седлом лошади. Во все времена такое мясо было важной частью рациона воина-кочевника. Мясной сок и лошадиный пот составляли «маринад», лишняя влага испарялась, и в результате получалось вяленое в меру, подсоленное мясо. В какой еще европейской столице можно было попробовать такую изысканную закуску? Теперь это место облюбовали для себя новые всадники — питерские байкеры.

МАЭ РАН. Вид со стороны Государственного Эрмитажа. Фото Т. М. Федоровой, 2015 г.

Ворота во двор исторического здания Двенадцати коллегий — главного здания Санкт-Петербургского государственного университета. Здесь преподают многие из сотрудников МАЭ РАН. Фото Т. М. Федоровой, 2012 г.

Байкерское кафе на углу Невского проспекта и Садовой улицы. Фото Т. М. Федоровой, 2009 г.

[2] См., например: http://ijma.kunstkamera.ru

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

***

«Лицом к лицу лица не увидать»: для меня самого открытие Центральной Азии состоялось, как ни странно, в Париже. Летом 1989 г., накануне 200-летия Французской революции, я неожиданно для себя оказался в столице Франции. Вопрос о научной командировке решался долго и трудно, и к тому времени я уже и думать забыл о возможности поработать в парижских архивах и библиотеках. Тем не менее какая-то из бюрократических шестеренок все-таки со скрипом провернулась, и я, тридцатилетний ленинградский арабист, был направлен в Париж в рамках обменов по соглашению между АН СССР и CNRS. Я ехал работать с материалами по Аравии и Корану, но французские коллеги видели во мне в первую очередь представителя научной школы, связанной с изучением Центральной Азии. Меня постоянно спрашивали о последних работах в этой области, о судьбах коллег и коллекций. Мне приходилось часто рассказывать о регионе, где я к тому времени успел побывать только туристом. Мне предлагали новые французские исследования по Центральной Азии, восхищались моими возможностями работать с профильными рукописными и архивными коллекциями, и я, до этого момента «ориентированный» на арабийский материал, вдруг увидел, что за богатства хранятся прямо у меня дома. Я остался арабистом, но с тех пор Центральная Азия прочно заняла место не только в моем сердце, но и на рабочем столе.

В зеркале парижских букинистов.
Фото Т. М. Федоровой, 2009 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

За жизнь мы прочитываем множество книг, но лишь немногие благодаря особому стечению обстоятельств остаются с нами навсегда. Как ни странно это звучит, для многих русских моего поколения Париж начинался с книги Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». Хотя эта необычайно грустная, но все-таки такая жизнеутверждающая книга посвящена Городу, прежде всего она о празднике творчества и о любви. На самом деле, только радость настоящей работы остается с тобой навсегда.

В те годы доллар стоил 63 копейки, и мне по условиям научных обменов советской поры выдали довольно значительную сумму денег. Первое, что я заметил еще в аэропорту Шарль де Голль, был персональный компьютер — настоящая мечта, и судьба денег была решена. Я поселился в Латинском квартале в самой дешевой гостинице на рю дез Эколь, стал жестко экономить на всем, но каждое утро с огромной радостью выходил на солнечную парижскую улицу, поворачивал направо и мимо памятника Верлену в уютном сквере поднимался по улице Кардинала Лемуана, проходил площадь Контрэскарп и направлялся в университетскую библиотеку. Тот, кто помнит «Праздник, который всегда с тобой», поймет меня.

Второй мой наиболее частый маршрут той поры шел вниз к Сене мимо русского и английского книжных магазинов с запретными для советского гражданина обложками книг в витрине и дальше к Институту арабского мира, в богатой и очень удобной библиотеке которого я полюбил работать. Не заглядываясь на столики уютных кафе, я покупал еду на дешевых фермерских рынках, вычислял бесплатные дни в музеях, работал в библиотеках до их закрытия, а поздними вечерами бродил вдоль Сены, плутал по маленьким улочкам острова Сен-Луи, перешучивался с клошарами, которые укладывались спать под мостами или на галерее

Книжный магазин
на улице Бюшри в Париже.
Фото Т. М. Федоровой, 2009 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

площади Вогезов. По субботам мы с моим парижским приятелем — молодым астрономом из ЮАР — позволяли себе пообедать по-королевски: заходили в приглянувшийся дешевый ресторанчик на улице Ксавье Прива или где-нибудь рядом, заказывали вкуснейшую еду, графин дешевого домашнего вина и говорили обо всем на свете.

Это было счастливое время. Я купался в море недоступных в Союзе книг, радовался Городу, перечитывал «Праздник» и мечтал о возвращении домой, где у меня, как тогда казалось, был такой прочный тыл. Впереди была вся жизнь. За два дня до отъезда был наконец куплен компьютер, но денег на такси в аэропорт уже не осталось. Путь туда длился шесть часов: в двух руках непросто унести чемодан и три тяжелые компьютерные коробки.

Я дописываю эти строки в самолете, летящем в Петербург из Парижа. Объявили снижение, и улыбчивая бортпроводница просит выключить ноутбук. Внизу, за иллюминатором, весенний северный лес, квадраты полей, белых с черными проталинами, кромка Фин-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ского залива с игрушечными дворцами, шоссе с вереницами машин… Я закрываю крышку и достаю из кармана на переднем сиденье заботливо припасенный «Праздник»:

— Не знаю, Тэти. Есть много разновидностей голода. Весной их становится еще больше. Но теперь это уже прошло. Воспоминания — тоже голод.

***

Для меня очень важно, что многие главы моей книги были впервые опубликованы в прекрасном журнале «60 параллель», который группа по-настоящему талантливых журналистов под руководством Юлии Неруш издавала в Сургуте. Благодаря этому у меня появилось множество читателей не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в Сибири.

Я искренне благодарен судьбе, которая свела меня с коллегами из Национального филиала Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» в Республике Казахстан и ее директором Аскаром Алимжановым. Книга увидела свет во многом именно благодаря его участию в проекте. Она никогда не была бы написана без поддержки и щедрой помощи моих друзей и коллег в Санкт-Петербурге, Москве, Алматы, Астане, Семее, Шимкенте, Актау, без дружеского участия всех тех, кто делил со мной радость полевой работы в Степи. Двое из этих людей, Дмитрий Шнеерсон и Антон Успенский, любезно предоставили для публикации в книге свои материалы.

В значительной части моих экспедиций последних лет принимала участие петербургский фотограф Татьяна Федорова. Ее работы составили основной блок фотографий, иллюстрирующих эту книгу. Фотографии большинства экспонатов МАЭ РАН выполнены Стасом Шапиро. Как всегда, большую радость мне принесла работа с петербургским дизайнером и издателем Татьяной Богдановой.

Санкт-Петербург, 23 июля 2015 г.

Париж. Вечернее кафе.
Фото Т. М. Федоровой, 2009 г.

В Люксембургском саду.
Фото Т. М. Федоровой, 2009 г.

Угол Невского проспекта
и Садовой улицы.
Фото Т. М. Федоровой, 2015 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ГЛАВА I

МАНГЫШЛАК

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Мангышлак

Если боги хотят наказать человека,
они исполняют его желания.

Оскар Уайльд

Истинное назначение вашего путешествия —
это не место на карте, а новый взгляд на жизнь.

Генри Миллер

Подготовка к 300-летию Кунсткамеры совпала с реформой Академии. Музей готовил серию изданий, связанных с фантастическим временем Петра. Я читал о невероятных академических экспедициях начала XVIII в., думал о том, как же мало мы рассказываем о своей истории, и корил себя, что так и не смог вырваться на Мангышлак, хотя практически уже подготовился к экспедиции. Я мечтал найти на Мангышлаке следы, оставленные трагически закончившейся экспедицией князя Черкасского. Традиционно считалось, что именно он доставил из этой экспедиции в Кунсткамеру ее первые среднеазиатские коллекции[1].

Другой важной целью нашей экспедиции было историко-этнографическое изучение, фото- и видеофиксация древних подземных и внутрискальных мечетей и некрополей X–XIX вв., расположенных вдоль одного из северных ответвлений Великого шелкового пути. Мне было интересно поискать здесь следы саларов (салоров), народа огузского, южнотюркского происхождения, живущего ныне в Предтибетье на территории КНР. Саларам была посвящена большая экспедиция, организованная мной в 2008 г.[2] Я написал о них книгу[3] и сделал выставку[4]. В XIV в. подразделения салоров жили в Прикаспии, на плато Устюрт и в предгорьях Балхан[5].

Кукла «Арзи-биби». Самарканд, 2006 г.
Частное собрание, Санкт-Петербург.
Фото Т. М. Федоровой, 2008 г.

Караван в пустыне Такла-Макан
неподалеку от Кашгара. Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

[1] Подробнее см. ниже, с. 89–95.

[2] Историко-этнографическая экспедиция «Мусульмане Китайского Туркестана (уйгуры Синьцзяна, салары Цинхая)» Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (19.09.08–01.10.08). Подробнее см.: http://www.kunstkamera.ru/news_list/science/2008_10_22/

[3] Е. А. Резван. *Между Туркестаном и Тибетом: салары* (СПб., 2010).

[4] Подробнее см.: http://www.kunstkamera.ru/index/exposition/exhibitions/salary/

[5] См.: Е. Г. Царева. *Традиционное ворсовое ткачество туркмен как этнографический источник*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (СПб., 1993).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Одновременно с подготовкой к 300-летию музея в геометрической прогрессии множилось число ведомственных бумаг и справок, которые мы чуть ли не ежедневно должны были посылать в Москву. Раз уж не получилось с экспедицией, я в качестве лекарства от хандры субботними и воскресными вечерами стал потихоньку собирать материал для отложенного выставочного проекта. Выставка должна была называться «Возмутитель спокойствия», но рассказывать скорее о второй повести Леонида Соловьева (1906–1962), озаглавленной «Очарованный принц». Эта культовая для всех русских востоковедов повесть была создана автором около 1950 г., во время заключения в Дубровлаге (Мордовия), куда он попал по обвинению в «подготовке террористического акта». По воспоминаниям Юрия Олеши, Соловьев принял лагерный срок «как возмездие за преступление, которое он совершил против одной женщины — его первой, как он выразился, “настоящей” жены»[6]. Как оказалось, эту невероятную книгу можно прочесть и как развернутую «молитву» по суфийскому образцу[7]. Такая традиция восходит ко временам расцвета мусульманской культуры (пример — знаменитая космография Закарии ал-Казвини (ок. 1203–1283), озаглавленная *‘Аджа’иб ал-махлукат ва гара’иб ал-мауджудат* — «Чудеса сотворенного и диковинки существующего»).

В лекарственном ряду кашгарского базара.
Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Темными и холодными питерскими вечерами я неспешно подбирал предметы к будущей выставке, мечтая выйти однажды из утреннего, пропитанного еще не жарким солнцем Ходжента и отправиться на поиски своего «Горного озера». В наших коллекциях можно легко найти, например, все «гадательные принадлежности», купленные Ходжой Насреддином на базаре: «ветхий потертый коврик, пустую тыкву для воды, старую китайскую книгу, посеребренное зеркальце, связку бус и еще кое-какую мелочь», а также многое из того, что, согласно Соловьеву, ис-

[6] Юрий Олеша. «Литературные дневники». Публикация, послесловие и комментарии Виолетты Гудковой. *Знамя*, VII. (1998). [Online]. Доступно на: http://magazines.russ.ru/znamia/1998/7/olesha.html (последнее посещение 03.05.2014 г.). См. также: И. Э. Бернштейн. «Дело Леонида Соловьева». В Л. В. Соловьев. *Очарованный принц* (М., 2015). С. 278–286.

[7] Н. Пригарина. «Очарованный принц и суфизм». *Там же*. С. 287–303.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

пользовали кокандские гадальщики: «Перед каждым гадальщиком лежали на коврике различные магические предметы: бобы, крысиные кости, тыквы, наполненные водой из вещего источника Гюль-Кюнар, черепаховые панцири, семена тибетских трав и многое другое, необходимое для проникновения в темные глубины будущего. У некоторых, из числа наиболее ученых, были и книги — толстые, растрепанные, с пожелтевшими от времени страницами, с таинственными знаками, вселявшими в умы непосвященных страх и трепет. А самый главный гадальщик имел даже, по особому дозволению начальства, человеческий череп — предмет жгучей зависти всех остальных»[8].

Я мечтал о том, чтобы частью выставки стали туркестанские работы Павла Кузнецова (1878–1968), автора замечательной формулы «искусство покоится на форме и радости»[9]. Однажды я был просто сражен наповал его картиной «Дрессировщица с кошкой» (1909). Вспомните: «— Зверь, именуемый кот! — кричал Насреддин, покраснев и приседая от натуги. — Находящийся в клетке! Он имеет четыре лапы! Четыре лапы с острыми когтями, подобными иглам! Он имеет длинный хвост, свободно изгибающийся вправо и влево, вверх и вниз, могущий принимать любые очертания — крючком и даже колечком! Зверь, именуемый кот! Он выгибает спину и шевелит усами! Он покрыт черной шерстью! Он имеет желтые глаза, горящие в темноте подобно раскаленным угольям!»[10].

Павел Кузнецов. Дрессировщица с кошкой. 132,0 × 114,0. Холст, темпера. Около 1909 г. Государственная Третьяковская галерея, инв. № Ж–457. С любезного разрешения музея

Среди работ художника я нашел и портрет пленительной Арзи-биби, жены менялы Рахимбая («Воздух наполнился благоуханиями. Пришла жена менялы — высокая, стройная, под легким покрывалом, сквозь которое угадывались

[8] Соловьев. *Очарованный принц*. С. 77–78.

[9] Из выступления Павла Кузнецова на конференции художников по вопросам о культуре живописи 26.04.1940. *РГАЛИ*, ф. 2943, оп. 1, ед. хр. 1173, л. 13. Цит. по Т. Левина. «Искусство покоится на форме и радости». *Павел Кузнецов. 1878–1968* (М., 2015). С. 9.

[10] Л. В. Соловьев. *Повесть о Ходже Насреддине*. (Л., 1980). С. 52.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

румяна и белила на ее щеках, краска на ресницах, сурьма на бровях и китайская мастика не губах»). Лицо женщины на картине прикрыто плотным *чачваном* (сеткой из конского волоса для закрывания лица), но именно такой виделась мне она под ней.

Работа, как всегда, отчетливо помогала, и в понедельник я входил в свой рабочий кабинет, имея на диске противоядие от тоскливой канцелярщины. В самом начале февраля уже за полночь я искал туфельки для Арзи-биби, когда совершенно случайно наткнулся на фантастически яркую цитату:

«— О мудрец, ты знаешь все тайны бытия и смерти! Да! Но! Как родилась обувь? Как родилась женская соблазнительная, бесовская, похотливая, змеиная, похожая на голову кобры туфля? А?

Тогда Ходжа Насреддин улыбнулся и сказал:

— …А что такое женская извилистая хищная туфля? Это союз! Это сладкая связь каблука и стреловидного носка! И каблук — это зебб фаллос мужа, а змеиный узкий носок — это устье, это лоно, это эль кесс жены! И тут вечная погоня фаллоса мужа за лоном жены! И чем у́же носок — тем выше, дольше каблук! А может, тут и вся разгадка земного бытия? А?

И еще мудрец тихо шепнул:

— Говорят, что Адам, наш первоотец, соблазнил Еву, первомать, только тогда, когда она встала на каблуки, как на два вздыбленных фаллоса-зебба! И те первокаблуки были так высоки и тонки, что Ева не смогла удержаться на них и закачалась, замаялась, и оттого стала бешено желанной, и рухнула переспело в объятья Адама. С той поры так любят грешные блудные мужи высокие шаткие змеиные каблуки! Да! Айхха! Так что обувь родилась не для хожденья, а для соблазненья!»[11].

Я немедленно залез в сеть, где обнаружил настоящие сокровища. Я читал, не мог оторваться и удивлялся, как же так я раньше ничего этого не видел! Вскоре мне удалось списаться и с невероятным Тимуром Касимовичем Зульфикаровым, поэтом, прозаиком и драматургом. Ну а после всего этого просто не могла не появиться и моя «Арзи-биби». У нее было неожиданно старинное русское имя. Она была независимой, «готовой по жизни на эксперимен-

Павел Кузнецов. Сартянка. 86,0 × 59,8. Холст, масло. Конец 1910-х — начало 1920-х. Государственная Третьяковская галерея, инв. № 8904.
С любезного разрешения музея

Серьги *халка* с семью подвесками. Длина 12,0 см, диаметр полумесяца 12,0 см. Серебро, коралловые бусины. Среднеазиатская экспедиция АН СССР, 1926. МАЭ РАН, № 3310–12аб.
Фото С. Б. Шапиро

Туфли деревянные резные (*кафши чуби*).
30,5 × 11,0 × 10,2 см; высота каблуков 7,5 см.
Дерево, краситель натуральный, сталь. Западный Памир, конец XIX в. Приобретены А. Г. Якобсоном в 1910 г. МАЭ РАН, № 1683–1/1–2.
Фото С. Б. Шапиро

[11] Т. К. Зульфикаров. *Рождение обуви*. [Online]. Доступно на: http://www.proza.ru/2015/04/28/2257 (последнее посещение 15.11.2015 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ты», просто фантастически улыбалась (сначала загорались глаза), замечательно, взахлеб, умела слушать, умела предугадывать желания и любила Стинга.

Еще Геродот описал древнеперсидскую двухэтапную традицию принятия важных решений. Если такие решения рождались во время пьяных посиделок, то на следующий день они обязательно обсуждались еще раз в трезвом виде. И наоборот: то, что было принято изначально без алкоголя, должно было быть рассмотрено вновь под его влиянием. Я оказался в интересной компании, мы коллективно приняли разные решения и с утра рассмотрели их на трезвую голову. В общем, Арзи-биби принесла мне удачу, и экспедиция на Мангышлак сложилась самым неожиданным образом: я едва успел собраться.

Добирался в аэропорт на такси. Арзи-биби очень хотела проводить, но не смогла. Передала «на дорожку» мой любимый чай с чабрецом («Будешь заваривать и вспоминать!»). Уже в самолете получил от нее эсэмэску: «По словам Ренуара, сначала художник насилует женщину, а потом начинается работа (Мари-Терез Вальтер, возлюбленная Пабло Пикассо). Классной экспедиции тебе! Возвращайся скорее!».

В питерском аэропорту, а потом в самолете я перечитывал материалы, посвященные князю Черкасскому, которые запихал в рюкзак прямо перед отъездом. Этими материалами щедро поделился со мной

Гравюра из: С. М. Мордвинов.
Книга полнаго собрания о навигации.
(Санкт-Петербург, [1748]–1753)

Компас судовой. Диаметр 13,5 см., высота 7,5 см., высота с подвеской 11,0 см.
Металл, стекло, бумага. Литье. XVIII в.
Размещался на потолке капитанской каюты в качестве контрольного за рулевым на вахте.
Архангельский областной краеведческий музей Кп № 2853.
С любезного разрешения музея

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

молодой коллега Артем Андреев, также участник нашей экспедиции.

Князь Александр Бекович Черкасский[12] (до своего крещения в 1697 г. — Девлет-Гирей-мурза) — один из тех невероятных людей петровского времени, чьи имена очень быстро стали настоящей легендой. Представителю знатного кабардинского рода, восходящего, согласно традиции, к мамлюкскому султану Иналу (по другой версии — к ханскому крымскому роду)[13], довелось побывать в заложниках-аманатах, оказаться в доме князя Бориса Алексеевича Голицына, «дядьки»-воспитателя Петра, дослужиться в Преображенском полку сначала от солдата до сержанта, а потом и до капитана, получить в Голландии специальность навигатора и картографа…

В 1714 г. практически одновременно сибирский губернатор князь М. П. Гагарин и знатный мангышлакский купец Ходжа Нефес сообщили Петру, что на Амударье близ городка Еркета (Эркет, Иркет, Иркень, в действительности — Яркенд в Китайском Туркестане) якобы имеются богатые золотые пески, и хивинцы, дабы скрыть это, с помощью специальной дамбы отвели течение реки в Аральское море. Полагалось, что течение можно будет легко восстановить и потом получить доступ к месторождениям золота, равно и уточнить возможность водного пути в Индию.

Сегодня, основываясь на результатах работы Хорезмской историко-археологической экспедиции, становится очевидно, что по существу речь шла о восстановлении важнейшей части древнего Великого индийского пути. Этот путь начинался в Таксиле, на северо-западе Индии, и приходил в Александрию на Средиземном море.

Изразец с изображением двухмачтового парусника, выходящего в море.
Подпись: «Путь наш далек». 28,0 × 15,0 см.
Глина, эмаль. XVIII в. Архангельский областной краеведческий музей, Кп № 2148.
С любезного разрешения музея

[12] Вслед за А. А. Андреевым мы намеренно не ставим дефис перед фамилией Черкасский. По-видимому, «Бекович» стало частью фамилии впоследствии. Сохранившиеся документы начала XVIII в. свидетельствуют, что он сам подписывался как Александр Черкасский. Впоследствии Бекович, его отчество, стало частью фамилии. См.: А. А. Андреев. «Юность князя Александра Бековича Черкасского. Факты и мифы». *Лавровский сборник: материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012–2013 гг.: этнология, история, археология, культурология* (СПб., 2013). С. 140.

[13] Кабардинские князья часто брали на воспитание крымских ханычей: аталычество способствовало объединению родов-союзников, оказывавших друг другу помощь перед лицом общего врага. См.: В. Н. Сокуров. *Внешнеполитическое положение Кабарды в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в.* Автореферат кандидатской диссертации (М., 1977). С. 18.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

«В отличие от Великого шелкового пути, основные трассы которого проходили или по суше, или по морю, этот путь был комбинированным — одна часть его проходила по суше, другая — по рекам, третья — по морям. <…> Обе части этого пути соединялись в Келифе, откуда дорога вновь разветвлялась. Одна ее ветвь по Оксийскому водному пути приводила в Хорезм, а затем через Саракамыш по Узбою в Каспийское море. Другая шла от Окса по Келифскому Узбою, впадающему в Узбой около крепости Игды-кала, а затем также по Узбою приводила в Каспийское море. Ветвь этой дороги от Маргианы через Парфиену шла в Дахистан и Гирканию, в долине Атрека и Горгана и также выводила к Каспийскому морю. Преодолев Каспийское море, эта трасса выходила к устью р. Куры»[14].

По мнению Х. Юсупова, водный путь по Узбою функционировал с VII в. до н. э. до IV–V вв. н. э., что было связано с уровнем воды в озере Саракамыш, которое питало Узбой[15]. На протяжении многих веков контроль над этой частью торгового пути осуществляла крепость Игды-кала[16].

На поиски Еркета Петр снаряжает несколько экспедиций, отправившихся разными маршрутами[17]. Во главе одной из них встал князь Черкасский, которому Петр лично вручил подробную инструкцию.

В салоне погас общий свет, я щелкнул выключателем, и узкий лучик высветил круг на документах, лежащих на столике:

Петр Великий и Минерва. И. Вагнер с картины Я. Амигони по оригиналу Л. Каравака. Гравюра из: С. М. Мордвинов. *Книга полнаго собрания о навигации*

[14] Э. В. Ртвеладзе. *Великий индийский путь. Из истории важнейших торговых дорог Евразии* (СПб., 2012). С. 7–8, 47–50, 126–129.

[15] Подробнее см.: Х. Юсупов. *Древности Узбоя* (Ашхабад, 1986).

[16] См.: Х. Юсупов. «Игды-кала — парфянская крепость на Узбое». *Этнография и археология Средней Азии* (М., 1979). С. 53–58. См. также: В. Н. Ягодин. «Кочевники и Хорезм в Приаральском микрорайоне в IV/V вв. до. н. э. — IV/V вв. н. э.». *Археология Приаралья. Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау.* VII (Ташкент, 2008). С. 116–124; Б. И. Вайнберг. «Водный торговый путь по Амударье и культовые центры вблизи него». *Проб-*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Капитану от гвардии князю Черкасскому февраля 14 дня 1716 году

1. Надлежит над гаваном, где бывало устье Аму-Дарьи реки, построить крепость человек на тысячу, о чем просил и посол хивинской.

2. Ехать к хану хивинскому послом, а путь иметь подле той реки, но смотреть прилежно течение оной реки, тако ж и плотины, ежели возможно, оную воду паки обратить в старой ток, к тому ж протчия устья запереть, которые идут в Аральское море, и сколько к той работе потребно людей.

3. Осмотреть место близ плотины или где удобно на настоящей Аму-Дарье реке, для строения ж крепости тайным образом, а буде возможно будет, то и тут другой город сделать.

4. Хана хивинского склонять к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к ево службе и чтоб он за то радел в наших интересах.

5. Буде он то охотно примет, а станет желать той гвардии и без нее ничего не станет делать, опасаясь своих людей, то оному ее дать, сколько пристойно, но чтоб были на ево плате, а буде станет говорить что перво нечем держать, то на год и на своем жалованье оставить, а впредь чтоб он платил.

6. Ежели сим или иным образом склонитца хивинской хан, то просить ево, дабы послал своих людей (при которых и наших два бы человека было) водою по Сыр-Дарье реке вверх до Эркети городка для осмотрения золота.

7. Также просить у нево судов и на них отпустить купчину по Аму-Дарье реке в Индию, наказав, чтоб изъехал ее, пока суды могут итти, и оттоль бы ехал в Индию, примечая реки и озера и описывая водной и сухой путь, а особливо водяной к Индии тою или другими реками, и возвратиться из Индии тем же путем или, ежели услышит в Индии еще лутчей путь к Каспийскому морю, то оным возвратитца и описать.

8. Будучи у хивинского хана, проведать и о бухарском, не мочно ли ево хотя не в подданство (ежели того нельзя сделать), но в дружбу привести таким же маниром, ибо и там тако ж ханы бедствуют от подданных.

9. Для всего сего надлежит дать регулярных четыре тысячи человек, судов, сколько потребно, грамоты к обеим ханам, также купчине к ханам же и к Моголу.

10. Из морских офицеров порутчика Кожина и навигаторов человек пять или более послать, которых употребить в обе посылки, первая под образом купчины, другая — к Эркети.

11. Инженеров из учеников Куломовых дать двух человек.

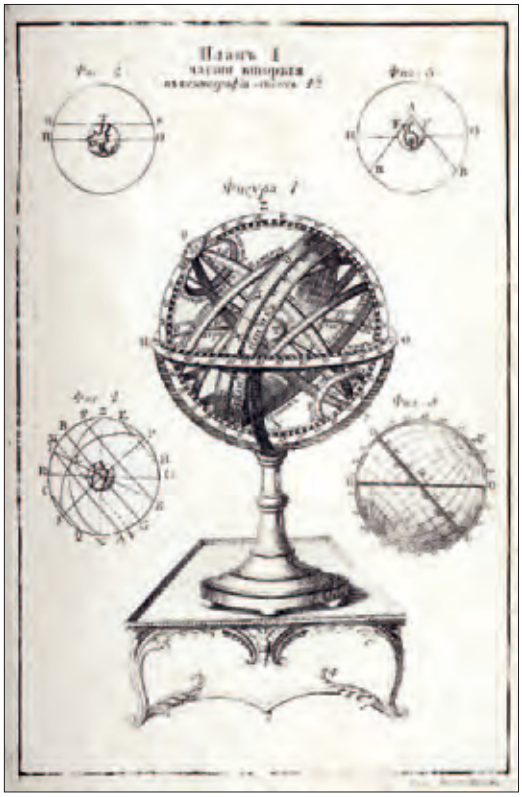
12. Нарядить казаков яицких полторы тысячи, гребенских пятьсот да сто человек драгун и доброго командира, которым иттить под образом провожания каравана из Астрахани и для строения города, и когда оные придут к плотине, тут велеть им стать и по той реке, где плотина, прислать к морю для провожания его сколько человек пристойно. Вышеописанному командиру накрепко смотреть, чтоб с обыватели земли ласково и безтягостно обходилися и для делания там города отпустить с помянутыми конными несколько лопаток и кирок.

13. Порутчику Кожину приказать, чтоб он там разведал о пряных зельях и о других товарах и как для сего дела, так и для отпуску товаров придать ему, Кожину, двух человек добрых людей из купечества, и чтоб оные были не стары.

По сим пунктам господам сенату с лутчаю ревностью сие дело как наискоряя отправить, понеже зело нужно.

Петр

На документе помета: «Сие писано ево царского величества собственною рукою»[18].



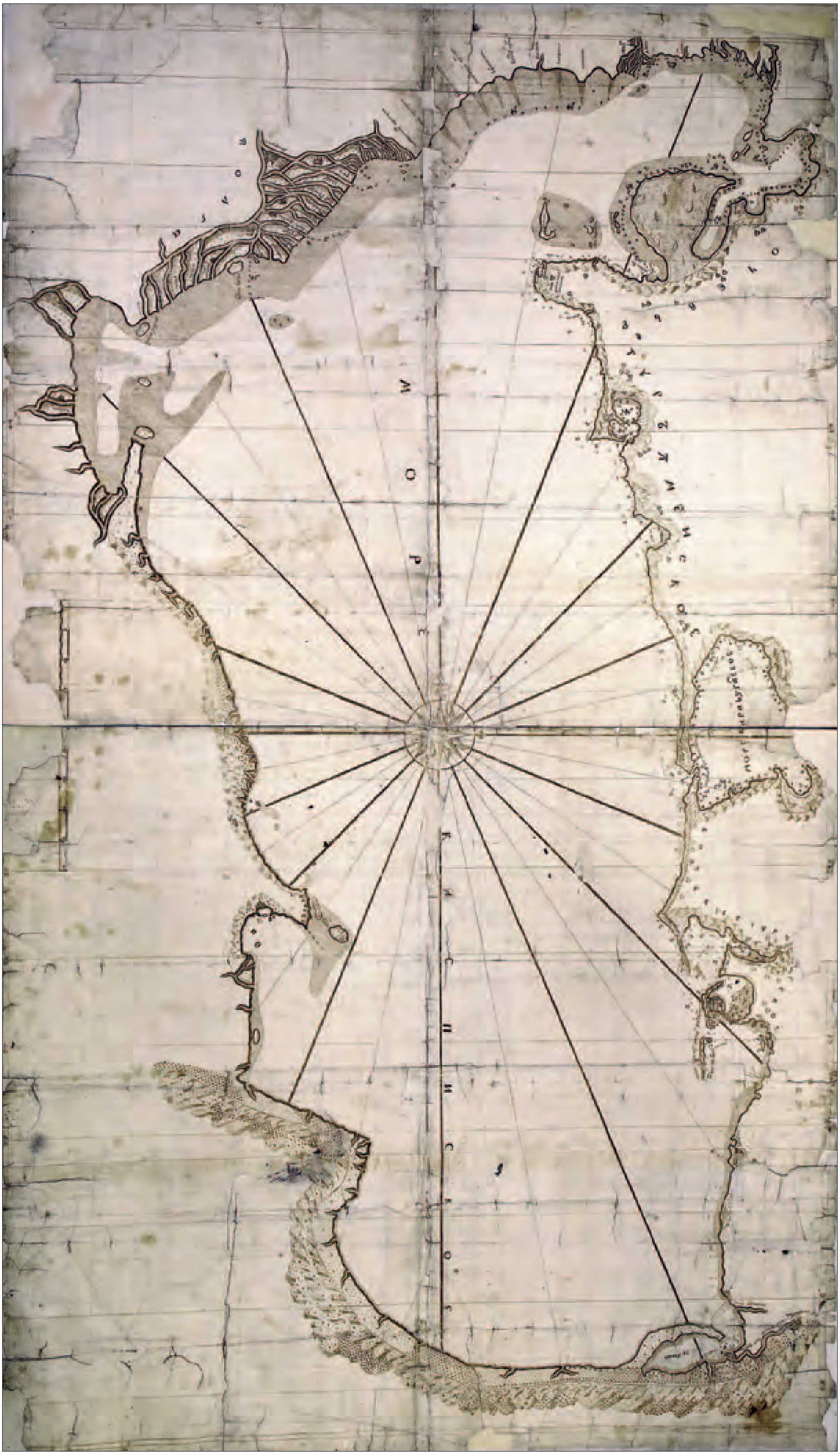
Армиллярная сфера. Гравюра из: С. М. Мордвинов. *Книга полнаго собрания о навигации*

лемы истории, филологии, культуры. XV (М., 2005). С. 13–18.

[17] См.: Е. А. Княжецкая. *Судьба одной карты (о географе А. Бековиче-Черкасском)* (М., 1964). С. 14. Подробнее см. ниже, с. 89–95.

[18] *Центральный Государственный Военно-Исторический Архив*, ф. ВУА, д. 35, ч. 1, л. 58–61. Копия. Дальнейшие распоряжения по подготовке экспедиции князя Черкасского см. в копии письма Курбатову от 14 февраля 1716 г. (*РГАДА*, ф. 134, Сношение России с Хивой, 1716 г., д. 1, л. 1а–1б.), а также письмо Правительствующему сенату 14 февраля 1716 г., в этом документе интересно акцентирование необходимости установления связей с Великими Моголами (*там же*. Л. 2а–2б).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

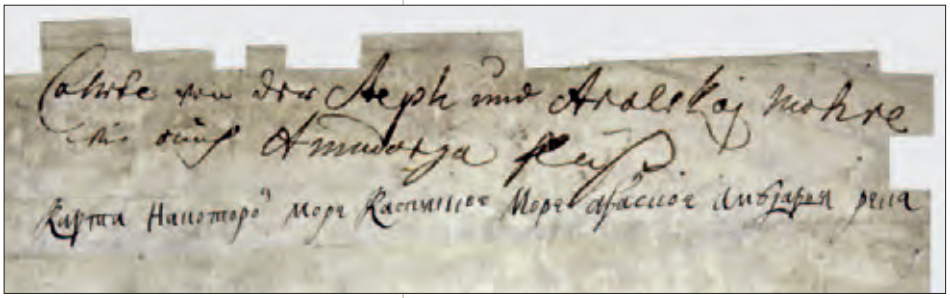


Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

В дальнейшем задачи Черкасского изменялись и усложнялись. Экспедиция была реализована в три этапа: соответственно в 1715, 1716 и 1717 гг.

Прибыв в Астрахань, Черкасский приступил к строительству судов. Экспедиция вышла в море в начале ноября 1714 г., но была затерта льдом. В Астрахань удалось вернуться лишь в начале декабря. В апреле 1715 г. флотилия из двадцати бригантин и шкута «Святой Петр», на котором шел сам Черкасский, вновь вышла в море. Экспедиция высадилась на стоянке Тюб-Караган и, разделившись, приступила к работе. В результате многонедельных поисков было обнаружено сухое русло реки, которую посчитали Амударьей. В действительности это была река Узбой, вытекавшая некогда из высохшего озера Сарыкамыш. Были найдены и остатки старинного акведука, принятые за плотину. Из Астрахани о находках было доложено Петру. К донесению Черкасский приложил подробную карту северного, восточного и южного побережья Каспия. Петр потребовал уточнений. Черкасский вновь выходит в море, направляясь к северному побережью. От реки Яик путешественники прошли к низовьям Амударьи. В Балханском заливе было обнаружено прежнее устье Узбоя — Актам. Черкасский нашел и плотину, которая находилась на протоке Карагач и преграждала сток воды из главного русла Амударьи в этот проток. Полученные Петром в 1714 г. сведения вроде бы подтверждались, и Черкасский получил новую задачу — повернуть течение Амударьи по старому руслу[19] и создать тем самым водный путь между Россией и Индией!

Принятию этого решения предшествовали возбуждение в 1670-х гг. хивинским ханом вопроса о постройке на Мангышлаке укрепленного города «для бережения» и «чтобы с обеих сторон было проезжим людям добро», обращения хивинцев к российским государям в 1676 и 1691 гг.[20], посольство 1700 г. от хивинского хана Шах-Нияза, который, как долго считалось, просил



Навигационная карта Каспийского моря и прибрежной полосы А. Черкасского и надпись на обороте карты. 74,0 × 124,0 см. 1715 г. Библиотека Российской академии наук. Отдел рукописной книги. Собрание карт Географического департамента № 645. Фото С. Б. Шапиро, 2015 г.

Рейсфедер с пунктирным рейсфедером и циркуль измерительный корабельный. Латунь, сталь. Западная Европа, первая четверть XVIII в. Государственный Эрмитаж. С любезного разрешения музея

[19] Е. А. Княжецкая в начале 1960-х гг. отмечала: «Сейчас для того, чтобы сохранить впадение Амударьи в Арал, создано 600 км дамб. В случае их прорыва (что вполне возможно в период зимних заторов льда), Амударья немедленно найдет себе путь в Сарыкамышскую впадину и через четырнадцать лет, заполнив ее, потечет по Узбою». При этом как сегодня, так и во времена Петра огромная часть орошаемых земель осталась бы без воды. Возможно этим объясняется неслыханное вероломство хивинского хана. См.: Княжецкая. *Судьба одной карты*. С. 53.

[20] См.: *Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв.: материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР*. Под ред. А. Н. Самойловича (Л., 1932). С. 229.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Залив Черкасского — одно из предполагаемых мест высадки экспедиции 1715 г.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Золотая Бухара на закате.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.

Петра принять его в русское подданство[21], обращение в 1714 г. к самому Петру Ходжи Нефеса[22], представителя туркменских купцов, водивших караваны от каспийского побережья до Бухары[23]. Петр совершенно справедливо мог предполагать, что его мероприятия по строительству крепостей, восстановлению старых и созданию новых торговых путей, безопасность которых будет гарантировать Россия, безусловно отвечают интересам Хивы и Бухары и должны быть поддержаны ими.

Он приказал подготовить для Черкасского верительные грамоты к ханам Хивы и Бухары и к Великому Моголу. После поворота течения Амударьи Черкасскому было предписано построить две крепости, контролирующие новый водный путь, и двинуться по нему в сторону Индии «пока суда могут идти», продвигаясь далее по суше и ведя географические наблюдения, необходимые для обустройства торгового пути в будущем. Петра особенно ин-

[21] Последние исследования показывают, что это не так, см.: А. А. Андреев. «Российско-хивинские отношения в конце XVII — нач. XVIII в. Декларативная “шерть” или реальное подданство?». *Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории*. II/6 (2015). С. 16–31.

[22] Ф. И. Соймонов. *Описание Каспийского моря и чиненных на одном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого* (СПб., 1763). С. 6.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

тересовала возможность напрямую закупать в Индии «пряные зелья». Поиски Еркета и песошного золота отошли на второй план.

Шестьдесят девять судов, построенных в Астрахани для новой экспедиции, вышли в море в сентябре 1716 г. На мысу Тюб-Караган была заложена крепость Святого Петра, еще две крепости заложили в заливе, впоследствии названном по имени Черкасского, и на Красноводской косе для охраны устья возрожденной реки. Всюду были оставлены гарнизоны.

Еще в 1714 г., получив от Петра приказ об организации экспедиции, Черкасский послал нескольких доверенных людей для изучения торговых путей, мест добычи полезных ископаемых, рек и местностей между Аральским и Каспийским морями. Тебей Китаев, один из таких людей, побывал в Хиве, Бухаре и Самарканде и принес важные известия о добыче под Самаркандом золота и лазурита. Армянин Алексей Хомурадов, проживший по приказу Черкасского пять лет в Бухаре, сообщил о местах добычи золота, серебра и селитры, необходимой для производства пороха, о разведении шелковичного червя[24]. В распоряжение князя поступил и чертеж местностей между Каспием и Аралом с очень полезными комментариями практического характера (например, описанием основных колодцев на старинном караванном пути из Астрахани в Хиву). Все эти сведения были очень важны теперь, когда Черкасский занимался подготовкой к пешему походу именно по этому маршруту[25].

Все шло очень непросто. Дезертировал самолюбивый поручик Кожин, которому предстояло под видом купца отправиться в Индию[26]. Он написал несколько ложных доносов и сорвал посольство в Бухару,

Золотой Гур-Эмир. Самарканд, 1404 г.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.

М. Кугорн. Новое крепостное строение на низком и мокром месте. Москва, 1710. Русский перевод сочинения голландского военного инженера Минно Кугорна: *Nieuwe Vestingbou op een natte of lage horizont* (Leewarden, 1702). Государственный Эрмитаж, С любезного разрешения музея

[23] Подробнее см.: Княжецкая. *Судьба одной карты*. С. 43.
[24] Подробнее см.: *Там же*. С. 29–33.
[25] Эти материалы легли в основу второй карты Черкасского, переданной Петру в 1715 г. См.: *Там же*. С. 92–102, 111–112.
[26] Кожин продолжал клеветать на Черкасского и после его гибели и, к сожалению, преуспел в этом. Однако вскоре за должностные преступления он был осужден на смертную казнь, замененную в 1722 г. пожизненной ссылкой в Сибирь.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

отправленное Черкасским для предуведомления о мирном характере действий русских: Петр требовал «накрепко смотреть, чтоб с обывателями земли ласково и без тягости обходиться»[27]. Алексей Святой и Иван Воронин, отправленные с той же миссией в Хиву, сообщали, что там замышляют недоброе. Обо всем Черкасский подробно докладывал Петру.

Подготовка к последнему этапу экспедиции была закончена в марте 1717 г. Отряд князя Черкасского состоял из двух эскадронов драгун, двух пехотных рот на конях, гребенских и яицких казаков (всего 2200 человек), двух учеников-инженеров, четырнадцати переводчиков. С собой везли в нужном количестве разнообразный инструмент для земляных и строительных работ. Вместе с отрядом шло до двухсот русских, хивинских, бухарских и армянских купцов со своими товарами[28].

В конце марта казаки пошли степью до Гурьева. Основная часть экспедиции двинулась туда морем. Княгиня Марфа Борисовна Черкасская с двумя дочерьми и грудным сыном прошла морскую часть пути с мужем, простилась с ним и отправилась назад на парусной барке. Когда общий лагерь в Гурьеве стали сворачивать, пришло страшное известие: на обратном пути барка с семьей князя попала в бурю и затонула. Чудом удалось выжить лишь маленькому сыну князя: его, выброшенного волнами на отмель, нашли рыбаки.

Потрясенный горем князь несколько дней отказывался говорить, не прикасался к пище и питью, но 9 июня 1717 г. отряд все-таки вышел из Гурьева, ступив на старинный караванный путь, шедший из Астрахани до Хивы. Уже на плато Устюрт отряд догнал посланец с царским указом: отправить в Индию вместо Кожина другого человека, знающего восточные языки. Выбор пал на татарского мурзу Кутлу-Мухаммада (Алексея Ивановича) Тевкелева (1674–1766), впоследствии генерал-майора и основателя Челябинска[29].

Кости в степи. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

[27] Цит. по: Княжецкая. *Судьба одной карты*. С. 34

[28] Г. Ф. Миллер. «Известие о песошном золоте в Бухарии и чиненных для оного отправлениях…». *Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие* (1760, январь). С. 9, 12–13, 19, 21, 25. См. также: Княжецкая. *Судьба одной карты*. С. 37, 39.

[29] Миссия Тевкелева закончилась неудачей: буря вынесла его корабль к персидскому Астарабаду, и он был взят в плен.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Около семи недель в летнюю жару экспедиция шла по плато Устюрт от колодца к колодцу. Воды и травы в корм лошадям постоянно не хватало. Много лошадей пало. С половины пути Черкасский вновь отправил в Хиву к хану Шир-Газы посла, извещая о своих мирных намерениях. В это же время экспедицию ночью покинули проводники, посланные к Черкасскому калмыцким ханом Аюкой, принявшим русское подданство. Аюка не только перешел на сторону Шир-Газы, но и сообщил ему, что русские идут как завоеватели. Вскоре в ответ на посольство Черкасского в его отряд прибыли два хивинских посла с подарками князю, однако уже через несколько дней к русскому лагерю подошли хивинцы численностью до 20 тысяч человек. Два дня хивинское войско осаждало русский лагерь и было вынуждено отступить. Опять появился посол Хивы, который принялся утверждать, что хивинцы напали по недоразумению в отсутствие хана, однако после отъезда посла атаки на русский лагерь возобновились. Только тогда Черкасский приказал пустить в ход артиллерию. Вновь с извинениями появился хивинский посол, затем прибыли два приближенных хана, поклявшихся на Коране в его мирных намерениях и пригласивших Черкасского в свой лагерь. При встрече с Черкасским хан опять целовал Коран,

Стена и ворота Ичан-Калы,
укрепленного внутреннего города Хивы.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.

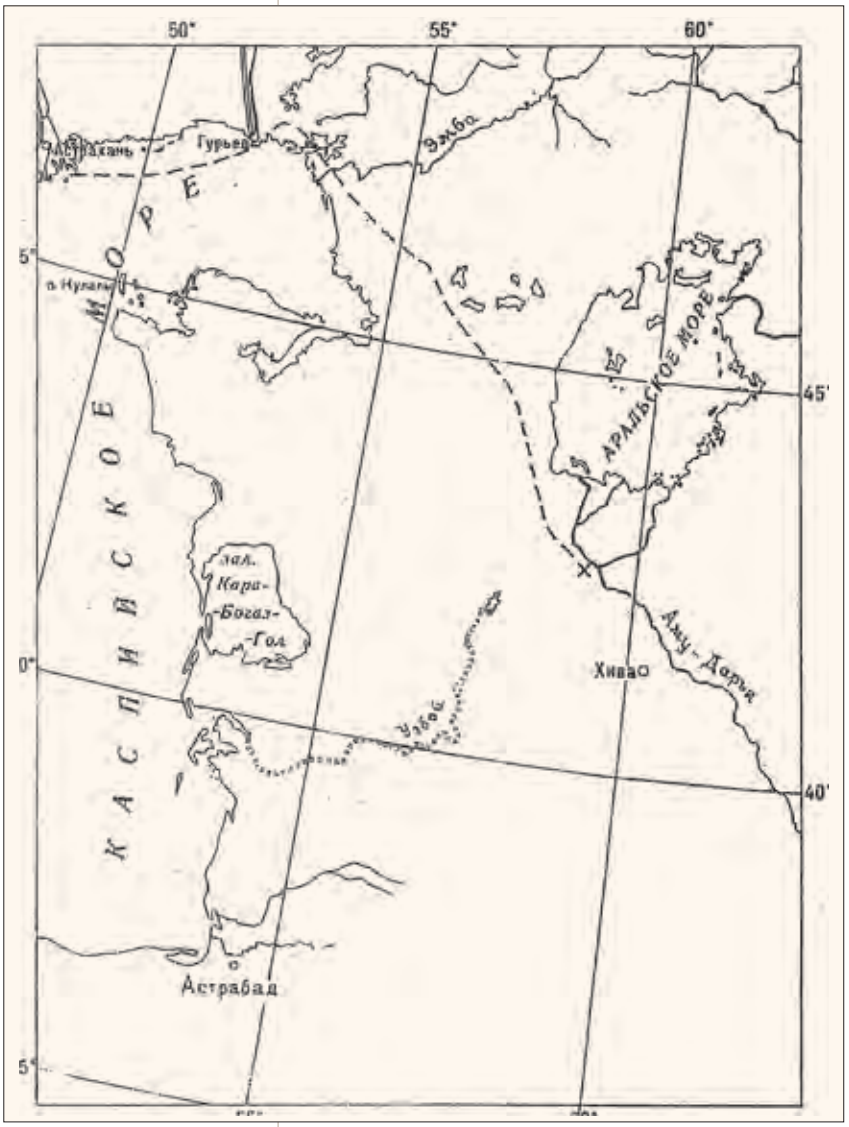
Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

клянясь в том, что никакого зла русскому отряду не причинит. Князь в ответ поклялся на кресте.

Шир-Газы предложил Черкасскому вместе двинуться в Хиву, тот согласился и выступил с отрядом в 500 сабель. После трех дней езды в последних числах августа все стали лагерем у озера Порсу, находящегося в 108 км от Хивы. Хан пригласил князя к себе и, сообщив о том, что разместить и прокормить в Хиве весь русский отряд невозможно, предложил разделить его на пять частей и послал квартировать в города, ближайшие к Хиве. Несмотря на понятные сомнения, Черкасский согласился и отправил в отряд соответствующий приказ. Начальник лагеря майор Франкенберг не поверил такому распоряжению и поехал к князю сам. Тот подтвердил приказ. Русские разделились и вскоре были изрублены хивинцами. Оставшиеся в живых попали в плен. Как впоследствии рассказал на допросе Ходжа Нефес, «А потом вывели из палатки господина князя Черкасского, и платье все с него сняли, оставили в одной рубашке и стоячего рубили саблею, и отсекли голову»[30]. Перед смертью князь успел напомнить Шир-Газы о его клятве на Коране.

Массовой казни пленных воспротивился верховный кади Хивы, сказавший в лицо Шир-Газы, что русских взяли клятвопреступлением. Во многом благодаря этому подробности расправы стали в результате известны в России: несколько участников экспедиции смогли бежать из плена.



Хива. Утро.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.

Путь Черкасского от Астрахани к Аральскому морю и место его гибели (×).
По: Княжецкая. *Судьба одной карты*. С. 42.

[30] Цит. по: Княжецкая. *Судьба одной карты*. С. 47.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

***

Светало. Самолет снижался над морем. Из иллюминатора хорошо была видна береговая полоса в утренней дымке. Сегодня все просто, а 300 лет назад для того, чтобы нанести очертания берега на карту, ставшую европейской сенсацией, потребовалось несколько тяжелейших экспедиций[31].

Аэропорт Актау пахнул югом. Пока я взбирался в высоченный внедорожник, достоинства которого мне пришлось оценить чуть позже, прилетела эсэмэска от Арзи-биби с ссылочкой на композицию Стинга[32] и текстом: «Мы все это время пытались быть как в этом клипе. У тебя получилось вполне. Честно. А у меня?». В ответ я отправил ей “Wild is the Wind” Нины Симон[33] и удивился самому себе: как-то уж очень легко я перешел на ее манеру общения.

Один из крупнейших в мире карьеров по добыче урановой руды открытым способом. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Фонтан-памятник, один из символов города Актау, несет образ экспедиции князя Черкасского. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Актау — «Белая Гора» по-казахски. Город совсем молодой, основан в 1961 г. в связи с открытием богатейших залежей ураново-фосфатных руд. В те годы он назывался сначала «Почтовый ящик 475», затем «Гурьев-20». Здесь практически на пустом месте и в кратчайшие сроки был создан уникальный производственный комплекс, который включал в себя добычу урановой руды открытым способом на одном из крупнейших в мире карьеров, ее переработку и обогащение на месте. Для этого были созданы производства химических реагентов (азотно-туковый и сернокислотный заводы), мощная теплоэлектростанция. Наследником этой инфраструктуры сегодня является Мангистауский атомный энергокомбинат (прежде — Шевченковская АЭС). Здесь в 1972–1999 гг. работала атомная электростанция (на основе блока на быстрых нейтронах БН-350) и опреснительная установка, тогда — единственная атомная опреснительная установка в мире, поставлявшая городу пресную воду в объеме 120 000 м³ в сутки[34].

[31] Петр с молодых лет понимал значение Каспийского моря для развития русской торговли на южном направлении. Еще летом 1694 г. у него возникла идея похода на Каспий (Подробнее см.: Е. В. Гусарова. «Еремей Мейер, астраханского флота капитан». *Петровское время в лицах* (СПб., 2000). С. 13–14). Пятью годами позднее Шельтрупу, датчанину на русской службе, было поручено составить карту Каспийского моря, но Шельтруп попал в плен к персам и умер. В том же 1699 г. эстафету принял Еремей Мейер, капитан астраханского флота (подробнее см. *там же*. С. 12–16). Составленная им карта была в 1704 г. доставлена в Петербург, но по неизвестной причине не была опубликована, хотя успела оказать влияние на западную картографию региона (Л. С. Берг. *История русских географических* открытий (М., 1962). С. 98–100).

[32] Sting. “The Windmills of Your Mind”.

[33] Nina Simone. “Wild is the Wind”.

[34] В 1997 г. реакторная установка БН-350 переведена в режим вывода из эксплуатации, который будет осуществляться более 50 лет.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Тюб-Караган — место прибытия экспедиции кн. Черкасского в 1715 г. Съемка ведется с места возможного расположения крепости Святого Петра, заложенной в том же году. Неподалеку — городища Коргантас и Кетиккала в X–XVII (?) вв. Сюда по северному ответвлению Великого шелкового пути свозились товары из Китая, Персии, Хорезма и территории современного Азербайджана. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

С утра мы направились в Мангистауский областной историко-краеведческий музей. Его директор Тамара Калмурзаевна Жумалиева обещала нам помочь. Как всегда, спешили, и только из окна машины я успел сфотографировать один из символов Актау — фонтан-памятник, который несет образ экспедиции князя Черкасского.

Мы оказались у добрых друзей, из музея просто не хотелось уходить. Еще чашка чая — и новый разговор о коллекциях, книгах, выставках…

Эсэмэска от нашего водителя: «Боюсь, мы уже никуда не успеем!» Мы успели, побывав в тот день на заливе, названном именем Черкасского, и на мысе Тюб-Караган — месте высадки его экспедиции в 1715 г. Именно здесь, на холме, контролирующем залив, и была, скорее всего, заложена крепость Святого Петра. Голубое небо и голубая бухта, причалы, корабли. Тимур Сандыбаев и Даурен Медетбаев, сотрудники Национального филиала Межгосударственной телерадиокомпании «Мир»

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

в Республике Казахстан, пишут со мной интервью. Я счастлив, что, несмотря на бесконечную суету, все-таки смог добраться сюда.

Мыс Тюб-Караган, увенчанный скалой на своей самой западной точке, издревле являлся главным ориентиром для мореплавателей на Каспии. Говоря современным языком, здесь был основной транспортно-логистический хаб северного ответвления Великого шелкового пути. Здесь зафиксированы палеолитические стоянки и обнаружены городища Коргантас и Кетиккала (X–XVII(?) вв.). Склоны плато, уходящие в море, изрезаны громадными развалами пластов песчаника и известняка.

Один из таких развалов — урочище Султан-эпе, выходящее в Мангышлакский залив — мы увидели на следующий день. Ближе к вершине глубокое ущелье заросло густым лесом. Многочисленные выходы грунтовых вод и прямая дорога к морю сделали эти места обитаемыми с конца каменного века. С VIII–IX вв. путь к морю охраняло укрепленное поселение, практически — небольшая крепость. Как всегда, неподалеку от важного центра торгового пути, здесь, по крайней мере с XII в., возникла и подземная суфийская обитель, основанная последователями Ахмада Йасави.

Тут степь встречается с морем, и местный святой наставник — Султан-эпе — издревле является покровителем рыбаков и путешественников. Об этом говорят и «мачты» на месте поклонения в некрополе у мечети, вырубленной в скале. У основания «мачт» — рога архаров. Считается, что вода из скального колодца, расположенного неподалеку от мечети, не только самая вкусная на Мангышлаке, но и целебная.

Там, где степь встречается с морем. «Мачты» на месте поклонения в некрополе у мечети Султана-эпе, покровителя моряков. У основания мачт — рога архаров. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Следом за нами в небольшую подземную комнатку с низким потолком зашли паломницы. Сопровождавший их пожилой мужчина зажег керосиновую лампу и, взяв в нише Коран, прочитал начальную *суру* «ал-Фатиху». Я следом за ним, ко всеобщей недоуменной радости, прочитал по-арабски последнюю 114-ю *суру* «Люди»:

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!
Скажи: «Прибегаю к Господу людей,
Царю людей,
Богу людей,
от зла наущателя скрывающегося,
который наущает груди людей,
от джиннов и людей!»[35]

Паломницы, расспросив, кто мы и откуда, оставили Султану-эпе традиционные подарки — платки (*орамал байлау*), а я еще на пять минут остался посидеть в прохладной тишине. Наверху может быть убивающая жара или колючий холод, гомон и крики, слезы и смех, а здесь, внизу, тебя всегда ждут прохлада, тишина и чуть шершавая поверхность скалы, отполированная за столетия спинами многих тысяч паломников.

[35] Здесь и далее тексты Корана цитируются в переводе И. Ю. Крачковского. Случаи, когда наш перевод несколько отличается, помечены знаком *.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

….Мы подогнали машины к самому обрыву и разложили на капоте свой обед. Внизу открывался потрясающий вид на впадину Карагие, одну из самых глубоких в мире впадин с отметкой 132 м ниже уровня моря. Соль, устилавшая дно впадины, искрилась на солнце.

Мангышлак известен своими солеными озерами. Два из них — Акколь и Кызылколь — описал еще доктор А. В. Елисеев (1859–1895), необычайно популярный в конце XIX в. русский путешественник и писатель. Военный врач по специальности, он одно время служил в Туркестане, а о Мангышлаке писал по дороге в Персию, куда направился в 1890 г. для оказания помощи в борьбе с эпидемией холеры: «Это так называемое Розовое озеро, совершенно неожиданно появившееся на горизонте золотистой пустыни, — писал Елисеев. — Это озеро представляет собой довольно обширный бассейн, наполненный водой прекрасного лилово-розового оттенка, местами переходящего в настоящий насыщенный малиновый цвет, и окаймленный по берегам пластами поваренной соли, смешанной с мелкими ракушками…

А. А. Андреев в проходе в подземную мечеть Султан-эпе (IX–XII в). Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Чтение Корана перед паломницами в подземной мечети Султан-эпе. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Оставление традиционных даров (платки — *орамал байлау*) в подземной мечети Султан-эпе. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Вид на впадину Карагие. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Долго мы любовались этим оригинальным и едва ли достаточно описанным явлением природы… Надо прибавить еще, что недалеко от Розового озера лежит другое соленое озеро прекрасного голубого цвета, покрытого по берегам тонкими пластами соли, словно корою льда. Оба этих озера среди окружающей их величественной пустынной природы представляют собой такое волшебное зрелище, ради которого можно нарочно съездить в Александровский форт…»[36]

Поесть мне особенно не дали: сначала три телефонных звонка, а потом длиннющая эсэмэска от Арзи-биби:

«Пьешь мой чаек?
“Кто б ты ни был, — заходи, прохожий.
Смутен вечер, сладок запах нарда…
Для тебя давно покрыто ложе
Золотистой шкурой леопарда.
Для тебя давно таят кувшины
Драгоценный сок, желтей топаза,
Что добыт из солнечной долины,
Из садов горячего Шираза.
Розовеют тусклые гранаты,
Ломти дыни ароматно-вялы;
Нежный персик, смуглый и усатый,
Притаился в вазе, запоздалый;
Я ремни спустила у сандалий,
Я лениво расстегнула пояс…
Ах, давно глаза читать устали,
Лжет Коран, лукавит Аверроэс!
Поспеши… круглится лик Селены;
Кто б ты ни был — будешь господином.
Жарок рот мой, грудь белее пены,
Пахнут руки чебрецом и тмином.
Днем чебрец на солнце я сушила,
Тмин сбирала, в час поднявшись ранний…
В эту ночь — от Каспия до Нила —
Девы нет меня благоуханней!..”[37].

[36] А. В. Елисеев *По белу свету: Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света* (СПб., 1901–1904). IV. С. 98.
[37] Мариэтта Шагинян. *Orientalia* (1913).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Мариэтта Шагинян! Лауреат Ленинской премии и Герой Социалистического Труда. Между прочим, в 1928 году опубликовала своеобразное литературное произведение — “роман-комплекс” “К и к” (расшифровывается “Колдунья и коммунист”), объединивший разные жанры — “от поэмы до доклада”».

Пока я отвечал — сначала на звонки, а потом про Коран и нравственность, — все уже поели и ждали лишь меня, чтобы тронуться дальше.

Прежде чем отправиться в путь, я попросил разложить на капоте большую карту, купленную накануне. Дмитрий Носырев, наш водитель и знающий краевед, показывает мне предстоящий маршрут. Двигаемся от одного святого места до другого, но на самом деле следуем древним торговым путем. Начало распространения ислама среди кочевников Арала-Каспия относится к IX–X вв. Хотя исламизация шла непросто[38], в первую очередь благодаря оживленным торговым путям[39] Мангышлак оказался исламизирован значительно сильнее, нежели другие кочевнические районы Великой степи. На Мангышлак, полуостров Бузачи, в отдельные районы Устюрта ежегодно на зимние пастбища (*кыстау*) спускались тысячи и тысячи кочевников-скотоводов. Это место оптимальной зимовки для кочевников Западного Казахстана, замкнутая экологическая и богатейшая историко-культурная ниша[40]. Сегодня считается, что в этом районе 362 святых места, однако на самом деле таких мест значительно больше. Торговля с паломничеством всегда шли рука об руку, оставляя по пути караван-сараи и суфийские обители. Громадную роль в истории и духовной жизни этих мест сыграли ученики и последователи Ахмада Йасави[41], члены мощного суфийского братства йасавиййа.

Сабрия. Чай. Гранат.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.

[38] С. Ажигали. *Памятники Манкыстау и Устюрта* (Алматы, 2014). С. 142–143.
[39] А. Е. Астафьев. *Пути торговых сообщений эпохи средневековья на территории Арало-Каспийского водораздела* (Актау, 2010).
[40] См.: Ажигали. *Памятники*. С. 29–30.
[41] Подробнее о нем см. ниже. С. 241–274.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

…Идем по грейдеру довольно быстро. Мощный внедорожник заглатывает километры прямо как на асфальте. Нас на бешеной скорости обгоняет грузовик, экипированный и раскрашенный будто для участия в ралли «Париж — Дакар». Избавляясь от клубов пыли, мы сворачиваем с грейдера и движемся в сторону одинокой постройки. Рядом с ней стоят две «Нивы» и заседланная пастушеская лошадь.

Это Куйеутам, заложенный в XV–XVI вв. мавзолей зятя Шопан-аты, обязательный пункт на пути паломничества к некрополю и мечети Шопан-аты. Путешествуя по мусульманскому миру, я вижу, как местные традиционные ритуальные практики, в том числе и паломнические, постепенно вытесняются комплексом «стандартных» ближне- и средневосточных ритуалов *зийары*.

Граффити на стене мавзолея Куйеутам.
Внизу — тамги рода адай. Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Замечательно, что это поветрие сюда не пришло. Здесь во многом все так, как было и столетия назад. Практически у каждого святого места паломники обязательно троекратно обходят уходящий в небо шест, оставляют подарки-платки и возжигают пряную траву адраспан (гармала обыкновенная, могильник, лат. *Peganum harmala*). Вообще, ритуалы, связанные с огнем, сопровождают в этих местах важнейшие события в жизни человека (рождение, переход в следующие возрастные группы, сватовство, свадьбу, похороны).

Пожилой служитель прочел краткую молитву. Паломники расселись по машинам, а мы принялись изучать стены святилища, исписанные и изрисованные снизу доверху. Чувствую себя школьником, понимая, что знающий человек будет читать эти стены как книгу[42]. Я знаю, что «наконечник стрелы» — тамга рода адай, но практически такую же высекали и на туркменских (салорских) памятниках…

У входа в Куйеутам, мавзолей зятя Шопан-аты (заложен в XV–XVI вв.), обязательный пункт на пути паломничества к мечети Шопан-аты, ученика Ахмада Йасави (XII – начало XIII в.) — основателя суфийского братства йасавийа.
Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Останавливаемся на взгорке. Шопан-ата — крупнейший некрополь в Западном Казахстане (свыше двух тысяч видимых памятников), четко разграниченный на две части: туркменскую и казахскую, — кажется сверху городом.

Комплекс, эпонимом которого является легендарный покровитель пастухов и овец Шопан-ата (?–1182), возник в XI–XII вв. По преданию, именно Шопан-ата единственный из мюридов Йасави смог найти посох учителя, брошенный им через верхнее отверстие юрты. Вонзившийся в камень посох пророс шелковицей, из земли пробился источник, а Шопан-ата построил рядом

[42] Подробнее см.: З. Самашев, Ж. Жетібаев. *Қазақ петроглифтері (көне тамыры мен сабақтастығы)* (Алматы, 2005).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Вход во внутрискальную мечеть-мавзолей Шопан-аты, расположенный на старом караванном пути в Хорезм. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

суфийскую обитель. Скально-подземное сооружение вырублено в уступе неглубокого сухого русла и состоит из нескольких помещений, расположенных полукругом. Древнейшую часть комплекса составляют несколько подземных и наземных помещений с глубокими нишами. Сейчас здесь находятся могилы Шопан-аты и его дочери, покровительницы женского здоровья, основной зал для поминальных молений с деревянным шестом, выведенным наружу через проем в потолке. Рядом располагается небольшая подземная мечеть, в которую ведет длинный коридор. Здесь молились, жили, давали приют путникам. Теперь тут места последнего упокоения учеников и последователей Шопан-аты[43].

После молитвы и совершения ритуалов поклонения у могилы самого Шопан-аты паломник должен поклониться могиле Байана, тестя наставника, совершив ее троекратный обход, испить воды из святого колодца с целебной водой и принять участие в таинстве коллективного жертвоприношения. Завершается ритуал паломничества вкушением мяса жертвенного барана и питьем чая.

Достопочтенного Ибрагима, *шыракши* некрополя и подземной мечети Шопан-аты, на месте не оказалось. Нас встретила матушка Мариям, его жена. Поначалу она, увидев камеры и фотоаппараты, встретила нас довольно хмуро, но постепенно оттаяла

[43] См.: Ажигали. *Памятники*. С. 110.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

и в конце даже пригласила нас к богато накрытому столу, угостив кислым верблюжьим молоком, виноградом и сладостями.

Времени у нас очень мало, и я рад, что со мной в машине Марат Утесинов, заместитель директора Мангистауского государственного историко-культурного заповедника и знаток местных древностей. Пока мы едем, он готовит нас к встрече с новым степным чудом.

…Кремниевым ущельем мы идем к мечети Шакпак-аты (в переводе — «Старец-кремень»), внука Шопан-аты, вырубленной в меловой скале. Вход в пещеру представляет собой портальную арку, изрисованную древними граффити. Рядом — ниши для погребения почивших праведников. Зал, являющийся центром внутрискального помещения, крестовидного в плане, увенчан колоннами с разными капителями, поддерживающими его свод. В центре наверху — световой колодец. В правом крыле мечети оборудована михрабная ниша, обрамленная двумя крошечными кельями, в которых отшельники, по преданию, предавались *зикру* 40 дней и 40 ночей.

Интерьер мечети Шопан-аты.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Место возжигания травы адраспан у мавзолея Куйеутам, обязательного ритуала *зийары* к местам поклонения на Мангышлаке. Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

А. А. Андреев рассматривает граффити у *михраба* пещерной мечети Шакпак-аты. Справа и слева — две кельи для индивидуального *зикра*-медитации. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

На стенах — множество надписей и рисунков разных времен. Часто встречается изображение ладони, древнего оберега[44]. Пройдя от входа прямо вперед, можно подняться по лестнице, ведущей в стоящее на поверхности небольшое здание с окнами по сторонам света.

По-видимому, прежде здесь был храм огнепоклонников, превращенный в суфийскую обитель, возможно, еще в X в., т. е. до того, как тут появились последователи Йасави. Множество преданий, связанных с этим святым местом, так или иначе упоминают огонь. Утверждают, например, что Шакпак-ата просто прикасался одним ногтем к другому, чтобы получить искру. Сюда издавна приходили женщины, страдавшие бесплодием, мужчины исцелялись здесь от глухоты, слепоты и немоты. По преданию, важной частью лечебных ритуалов был лунный свет.

…Несмотря на цейтнот, успеваем заехать на раскопки гигантского городища Кызылкала[45], стоявшего в X–XII вв. на Великом шелковом пути, и даже коротко поговорить с археологом Муратом Калменовым, работающим здесь уже несколько лет и недавно защитившим в Казани диссертацию, основанную на материалах раскопок. Он приводит совершенно фантастические цифры: город занимал площадь в 70 гектаров, внутри городских стен обнаружено свыше ста строений… Фотографируем руническую надпись на стене древнего города и с сожалением прощаемся с коллегами.

Вход в пещерную мечеть Шакпак-аты (с X в. — суфийская обитель, прежде — храм огнепоклонников). Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

[44] Подробнее см.: А. К. Муминов, А. Ш. Нурманова. *Шакпак-ата: эпиграфика подземной мечети и некрополя* (Алматы, 2009).
[45] М. К. Калменов. *Археологические памятники Устюрта и Мангистау на средневековых караванных путях*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Казань, 2013).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Интерьер пещерной мечети Шакпак-аты.
Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

…Плато Устюрт. Остановились у обрыва, чтобы полюбоваться просто невероятным пейзажем. Удивительная, кажущаяся бесконечной горная страна уходит вниз. Здесь можно снимать и новые серии «Властелина колец», и вестерны с ковбоями и индейцами, и «Марсианина»… Я бесконечно фотографирую, смотрю, что получилось, и с сожалением понимаю, что обычной камере не схватить это чудо. Ровно те же чувства я испытывал много лет назад в древней Петре: несмотря на все мои старания, объектив не мог схватить фиолетово-розовую громаду античного города, зажатую в ущелье.

Руническая надпись на стене городища Кызылкала (X–XII вв.). Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Вид с плато Устюрт перед началом спуска к пещерной мечети Бекет-аты. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Коллеги из телерадиокомпании «Мир» воспользовались моментом, чтобы записать очередной комментарий Марата Утесинова. Он рассказывает о том, что в XIV–XV вв. значение проходившего здесь торгового пути резко возрастает: строятся крупные караван-сараи и укрепленные города — Ушкан, Сам, Вазир…

Устюрт лишь чужаками воспринимается как абсолютно необжитое пространство, страшное в своей пустоте. Много лет назад впечатления красного командира, сражавшегося в этих местах в послереволюционные годы с туркменскими отрядами Джунаид-хана, прекрасно передал писатель и публицист Михаил Лоскутов: «В могильной тишине поднялись мы на плато, ведя коней под уздцы. Ужасная страна открылась нашим глазам: это был ка-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

мень. Голый камень, или твердая глина, или что-то вроде этого, сухое и гладкое, как поверхность гигантского стола. Камню не было конца и края. Мы вступили на Устюрт. Со смешанным чувством мы отправились в страну, о которой никому ничего не было известно и вместе с тем рассказывалось столько плохого. Мы ехали по ней, точно по громадной заброшенной комнате, и даже старались, чтобы кони не слишком громко стучали “по полу”. Ничего не было: ни басмачей, ни кочевников, ни единой былинки. Если бы мне рассказали, то я не поверил бы, что есть такая страна. Проехав верст пятьдесят или больше, мы повернули коней. Солнце блестело на поверхности глины. Ветер мел песок по поверхности, шурша и сгребая его в кучки…»[46]

Люди знающие, однако, увидят здесь сотни и сотни архитектурных и археологических памятников, свидетельствующих о длительном и успешном освоении этой территории. Множество этих памятников, например караван-сарай Белеули (XIV в.) в центральном Устюрте[47], связано с древним караванным путем «из Хивы в Русы». Путь был обустроен стоянками и прекрасными колодцами и водопоями, один из которых описывает безымянный разведчик князя Черкасского: «Ключ большой водопойный прозванием Елгизы и от озерца и из Башни Каракумети 3 дни и поят из оного в караванное время верблюдов и лошадей со всякой довольностию на дорогу. От сего ключа емлют воду до иных колодезей, которые писаны на сем чертеже, а из тех колодезей с нуждою можно напоить лошадей и верблюдов 60 и по большой нужде 100 и взять с собою в дорогу и то стоя 2 дни, довольно 3, чтоб можно водою исполниться в путь, и от колодезя до колодезя ходу по 2 дни и с лишком»[48].

С. В. Викторов, многократно прошедший Устюрт «вдоль и поперек», отмечает: «По всему плато, а особенно около старых караванных дорог, рассеяны колодцы. Глубина их значительна. Нам приходилось видеть колодцы глубже 40 м (колодец Кызыл-Оик в северо-восточной части Устюрта), известны колодцы глубиной 70 м. Устройство их вызывает чувство глубокого восхищения трудолюбием и мастерством строителей. На значительную часть шахты колодцы креплены кольцами, выпиленными из известняка,

Тимур Сандыбаев и Даурен Медетбаев, сотрудники Национального филиала Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» в Республике Казахстан, записывают комментарий Марата Утесинова, заместителя директора Мангистауского государственного историко-культурного заповедника.
Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Одно из граффити с некрополя Уш-там (X–XV вв.). Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

[46] М. П. Лоскутов. *Тринадцатый караван* (М., 1959). С. 87. [Online]. Доступно на: http://e-libra.ru/read/344950-trinadtcatij-karavan.html (последнее посещение 17.11.2015 г.).
[47] Ажигали. *Памятники*. С. 36.
[48] Цит. по: Княжецкая. *Судьба одной карты*. С. 112.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Вход в пещерную мечеть Бекет-аты.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

уложенными одно на другое и соединенными очень прочным цементом. Диаметры колец постепенно уменьшаются снизу вверх, так что шахта в целом представляет из себя огромный усеченный конус <…>. Около колодца часто бывает установлено каменное корыто (*астау*), выпиленное из известняковой глыбы длиной до 2 м»[49].

«В Медине — Мухаммед, в Туркестане — Ходжа Ахмед, а в Мангистау — Пир Бекет», — говорит казахская поговорка. Бекет-ата Мырзагулуглы (ок. 1750 – ок. 1813), самый почитаемый на Мангышлаке святой, остался в людской памяти не только как духовный учитель, но и как воин, миротворец, целитель и строитель подземных мечетей[50]. Скальная мечеть, построенная наставником и являющаяся местом его последнего упокоения,

[49] С. В. Викторов. «Пустыня Устюрт и вопросы ее освоения». *Труды Московского Общества испытателей природы*. XLIV (М., 1971). С. 58. Цит. по: Ажигали. *Памятники*. С. 38.
[50] Подробнее см. *там же*. С. 157–158.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

расположена в местечке Огланды, в 300 км от Актау. Ежегодно сюда съезжаются десятки тысяч паломников. Бесконечной вереницей они спускаются к мечети-мавзолею по лестнице длиной в 1700 м.

На полпути мы присели передохнуть в специально оборудованной беседке. Жадно пьем воду. Марат Утесинов рассказывает, что искусство скального строительства известно здесь на протяжении многих веков, говорит о том, что в местечке Бутенттаукала, на юго-востоке плато Устюрт, зафиксировано несколько сот древних жилых пещер…[51] Отвечает на мой вопрос об архарах. По местным представлениям архар — особое создание Всевышнего. Если охотник вынужденно застрелит архара, он обязан отнести его рога к святому месту. Люди верят: сколько чешуек осыплется с рога, столько будет и детей у охотника. Встретить архара — это к счастью.

Остановились в очереди у входа в пещеру. Нас приветливо пропускают вперед. Краткий ритуал, чтение молитв и Корана, троекратный обход священного дерева.

Я выхожу из мечети, вновь любуюсь предзакатным пейзажем и морально готовлюсь к подъему по 1700-метровой лестнице.

…Забираю из багажника самую большую бутыль воды. Надо срочно возвращаться. Солнце практически село, а до Актау нам еще 300 км. Дмитрий Носырев, наш суперпрофессиональный водитель, за рулем с семи утра. Понимаю, что ему очень непросто. Что-то почувствовав, Дмитрий включает фары. Метрах в двухстах перед нами, пересекая шоссе наискосок, галопом мчится стадо архаров…

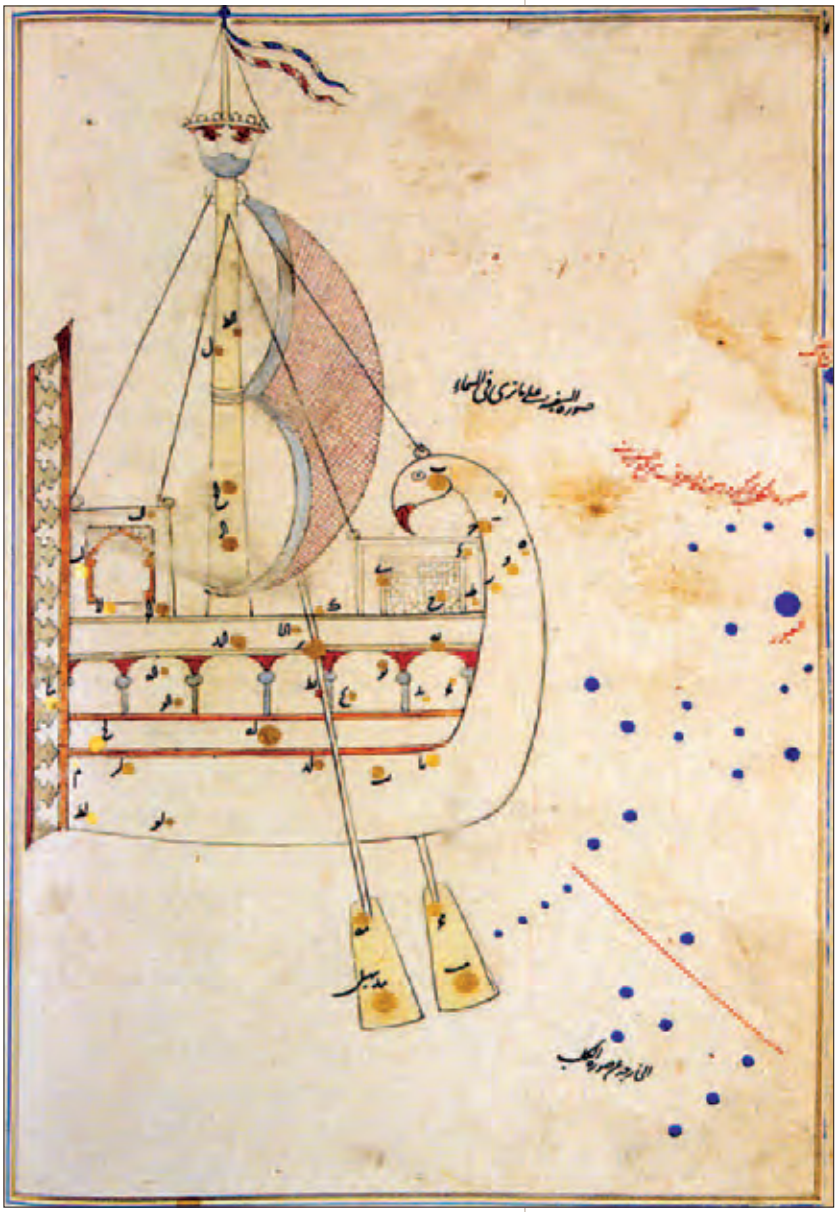
Лестница к пещерной мечети Бекет-аты. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

[51] См. *там же*. С. 157.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

***

В советское время, скажем на «Иван-Виллисе» ГАЗ-67, путь из Актау до Хивы или Бухары не был бы большой проблемой и уж точно был короче по времени, чем сегодня. Сейчас это кружные авиаперелеты через Алма-Ату и Ташкент, плюс машина или поезд. Первоначально мы хотели пройти на верблюдах часть маршрута экспедиции Черкасского — от Хивы в сторону Арала, рассчитывая, что уже на территории Казахстана нас бы встретили машины. Хотелось почувствовать «как это было», посмотреть маршрут глазами купцов-караванщиков и солдат отряда Черкасского. В современных условиях это по многим причинам оказалось решительно невозможным. Пришлось все переиначить, но от «верблюжьей части» экспедиции я отказываться никак не хотел.



‘Абд ар-Рахман ас-Суфи.
Книга неподвижных звезд. 24,2 × 14,5 см. 1616 г.
Российская национальная библиотека.
АНС 191. Л. 122 об.
С любезного разрешения библиотеки

В условиях изнуряющей жары лучшее время для путешествия — ночь. Арабское слово *тарик* («дорога») восходит к глагольной основе *тарака* — «приходить ночью», слово *тарик* — «ночной путник», «ночной гость» — часто встречается в доисламской поэзии. В пути часто ориентировались по звездам. В ночной тьме путник в верблюжьем седле видел лишь мириады звезд, свет которых, казалось, пробивался сквозь крошечные дырочки в плотной ткани небосвода: «Клянусь небом и идущим ночью (*ат-тарик*)! А что даст тебе знать, что такое “идущий ночью”? Звезда пронзительно сияющая»* (86: 1–3).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Солнце в южных широтах встает и садится быстро. Заря, в несколько мгновений расцвечивавшая небосвод фонтанами красок, казалась утомленному ночным переходом путнику радостным чудом: «Так нет! Клянусь месяцем! И ночью, когда она повертывается, и зарей, когда она показывается!» (74: 32–34).

Иван Бунин, внимательнейший читатель Корана, почувствовал это необычайно верно:

Звезды горят над безлюдной землею,
Царственно блещет святое созвездие Пса:
Вдруг потемнело — и огненно-красной змеею
Кто-то прорезал над темной землей небеса.

Путник, не бойся! В пустыне чудесного много,
Это не вихри, а джинны тревожат ее,
Это архангел, слуга милосердного Бога,
В демонов ночи метнул золотое копье[52].

И еще:

Разверни же, Вечный, над пустыней,
На вечерней тверди темно-синей
Книгу звезд небесных — наш Коран![53]

Не менее наблюдательным оказался и другой интереснейший русский поэт и мыслитель Даниил Андреев (1906–1959):

Над белоснежною Меккою
гибкий кометы хвост,
Дух песков накаленных
и острых, могучих звезд.
Звезды вонзают в душу
Тысячи острых жал…
Благоговейный трепет
сердце Пророка сжал[54].

Коран и радуга
(шелка Кунсткамеры).
Фото Т. М. Федоровой, 2007 г.

Караван в пустыне Такла-Макан.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2007 г.

[52] Иван Бунин. *Звезды горят над безлюдной землею...* (1903).
[53] Иван Бунин. *Пастухи* (1905).
[54] Даниил Андреев. *Серебряная ночь Пророка* (1933).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Аравийская пустыня.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2007 г.

В конце января 2013 г. мне довелось оказаться в оманской пустыне. Я отошел от костра и лег на еще теплый песок, пару часов назад казавшийся ярко-красным в лучах заходящего солнца. Вглядываясь в звездное небо, я наконец понял для себя, почему для обозначения созвездий в Коране используется слово *бурудж* (букв. «башни»). Чистейший и сухой воздух пустыни делает небо трехмерным, в отличие от плоского неба в наших широтах. Великое множество звезд — от ярчайших до еле видных — выстроилось этажами в глубину, подобно огням в окнах древних крепостных башен, множество которых я видел в ходе путешествия по Оману: «Клянусь небом — обладателем башен, и днем обещанным, и свидетелем, и тем, о ком он свидетельствует!» (85: 1–3).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Тогда я отчетливо понял, что, не побывав с караваном в пустыне, понять текст Корана и адекватно его перевести невозможно. Собственно, в результате я и оказался в пустыне Кызылкум. Официально основной задачей было изучение особенностей организации и функционирования верблюжьего каравана в условиях переходов, осуществляемых в разное время суток. Еще опыт йеменской экспедиции показал моим старшим коллегам, что путешествовать на машине по караванному пути бессмысленно. Разница в скорости убивает восприятие. Повторение пути пешком или «со скоростью верблюда» сразу дало интереснейшие результаты. Древние надписи находились сами собой: их на протяжении веков просто оставляли в удобном для отдыха месте, например на скале, козырек которой дает хорошую тень[55]. Повторение значительной части маршрута отряда Черкасского, шедшего по традиционному караванному маршруту от колодца к колодцу, было бы очень полезно. Совсем краткий отрезок здесь был куда менее информативен, но из-за Корана я все-таки решил попробовать.

В юртовом лагере. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Первая ночь в юрте, потом палатка, спальный мешок. От ночных переходов пришлось отказаться сразу же: оказалось, что это возможно лишь при полной луне. Пустыня изрыта норами, споткнувшийся верблюд может легко сбросить неумелого седока. Наши провожатые отказались от ночных маршрутов наотрез, зато мы договорились вставать как можно раньше, чтобы начинать путь еще до рассвета. Это не сразу, но получилось.

[55] Подробнее см.: Л. С. Грязневич. «По Хадрамауту пешком со скоростью верблюда». *Страна благовоний. Йемен: образы традиционной культуры* (СПб., 2008). С. 43–54.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Сабрия. Бухара.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.

…В палатке стало душно. Я выполз из нее и устроился в спальном мешке на старом деревянном помосте. Сон не шел, я вглядывался в громадное степное небо с мириадами ярких звезд. Справа чуть подмигивали Алиот и Дубхе — две самые яркие звезды Большой Медведицы. В Индии семь звезд, образующих созвездие, отождествляли с древними мудрецами. Греки сочинили истории о прекрасных нимфах, обращенных Зевсом в медведиц и перенесенных на небо ради их спасения. У казахов здесь своя история: «Семь воров похитили дочь царя на Полярной звезде; лошади царя (звезды Малой Медведицы) привязаны; поэтому царь не может пойти, чтобы освободить свою дочь»[56]. Греки издавна использовали Большую Медведицу для навигации. То же — в казахской степи и в аравийской пустыне: «По Млечному Пути птицы улетают в Мекку»[57], — говорили казахи.

«Но звезды близки… Они снижаются… Они лежат на Козьей горе… близко… близко… И слышно, как лают со звезд собаки… Гончие Псы… Звездные Охотники на медведей…

И шепчет Сабрия Саффсан, и нежно лакомое спелое тело, лестно ложится на гранатовую курпачу близ меня… дышит жарко близ меня тело ее…

Тронь — и покорится… откроется оно бездонное… как горный тюльпан ранним утром открывает лепестки свои…

И я гляжу на нее:

— Сабрия! открой алые лепестки лона твоего и губ твоих… Айиххх!..

Ах! Сабрия! открой отвори все лепестки твои — и я покрою ублажу их…

И при свете алмазных звезд и жемчужной луны я чую, вижу, что она высока и пряма, как тополь-туранга, и кудрявые короткие власы не отягощают камышовую жемчужную нагую ее шейку, а я люблю гладить шершавый шелк младого тугого камыша.

А ушки ее остры, малы, чутки, как у горной камышовой рыси, как у камышового кота, а губы мягки, текучи, обильны, как весенние сели, как вешние курчавые глиняные арыки, а я люблю купаться в целебных арыках этих.

[56] Р. Карутцъ. *Среди киргизовъ и туркменовъ на Мангышлакѣ: Съ 32 отдѣльными таблицами, 51 рисункомъ въ текстѣ и картой* (СПб., 1911). С. 94.
[57] *Там же.*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

А глаза бездонны, плакучи, как глаза младой матери-роженицы, глядящие на свежеалого новорожденного агнца, — так она глядит на меня… рабыня, готовая стать царицей плоти моей… Айххйа!

Сабрия, ты вся божественная, блаженная, святая, живолепечущая вешняя человечья глина, из которой Господь лепил свежих, горячих, как лепешки из танура-печи, человеков.

А я хочу лепить! терзать! мучить! мять! творить! любить тебя!»[58]

Я проснулся оттого, что на лицо мне упало несколько крупных капель: прямо над нами висела маленькая тучка. Звезды справа и слева чуть померкли. Я вылез из спального мешка, одел на лоб шахтерский фонарь и пошел искать чайник.

Начало дня всегда было бодрым. Мы, цепляя фонари на голову, быстро сворачивались, пили чай, согретый на огне в боевом, насквозь прокопченном чайнике, и отправлялись в путь. Первый час был самым лучшим: я гордо оглядывал с высоты верблюда просыпающуюся пустыню и, вполне довольный собой, тихонько запевал:

Амулет-маникюрница с «ладонью Фатимы» и магическим квадратом. Копия старинного предмета (Бухара, XIX в.). Общая длина 21,5 см.; длина подвесок 7,0–11,0 см. Белый металл, искусственная бирюза. МАЭ РАН, № 7304–54.
Приобретен экспедицией МАЭ РАН в 2005 г.

Раннее утро. Лагерь в пустыне Кызылкум.
Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

[58] Тимур Зульфикаров. *Я люблю тебя, Сабрия-звезда… (Откровенье о любви, смерти и бессмертии).* [Online]. Доступно: http://www.proza.ru/2014/04/06/2372 (последнее посещение 11.15.2015 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

В пустыне Кызылкум.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.

Мы выходим на рассвете,
Над Хмеймимом дует ветер,
Раздувая наши флаги до небес.
Только пыль стоит над нами
И клубится под ногами,
И родной АКМС — наперевес[59].

Положив левую руку на условную луку седла, а правую уперев в бок, я переходил к кавалерийским песням времен Гражданской:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с бою взять Приморье —
Белой армии оплот.

Дальше обычно шла «Конноармейская»:

Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили
На рысях на большие дела.

Потом я запевал итальянскую “Bandiera Rossa”, популярную в 1930-х:

Avanti o popolo, alla riscossa,
Bandiera rossa, Bandiera rossa
Avanti o popolo, alla riscossa
Bandiera rossa trionfera[60].

В конце последнего куплета — там, где про Ленина и свободу, — утренняя бодрость начинала отчетливо исчезать, особенно тогда, когда верблюд принимался спускаться с бархана. Приходилось отжиматься от «луки», чтобы окончательно не расплющить важную «область между лобковым симфизом спереди, верхушкой копчика сзади, седалищными буграми и крестцово-бугровыми связками с боков». Тут уже давали о себе знать и эти самые крестцово-бугровые связки. Верблюды начали наедать спину перед зимой, и сидеть приходилось как бы на полушпагате. Может быть, сказано излишне сильно, но ощущалось мной именно так. К этому моменту до привала обычно оставалось еще часа два, и я потихонечку начинал считать время, ловя себя на том, что смотрю на часы каждые пятнадцать минут.

[59] Афганские песни. Мы выходим на рассвете: http://www.youtube.com/watch?v=oyzmqozjaYc&spfreload=10.

[60] Вставайте, люди, на бой с врагами,
Победа с нами, победа с нами.
Вставайте, люди, на бой с врагами,
Красное знамя нас в бой ведет.
Carlo Tuzzi. Bandiera Rossa: http://www.agitclub.ru/singout/songbook/classics/avantipopolo.htm.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Вернувшись домой, я специально пошел посмотреть, как выглядит настоящее верблюжье седло, выставленное у нас на экспозиции. По сравнению с ним попона, служившая седлом нам, выглядит как двуколка перед «Ламборджини».

Получасовой привал — фантастическое, невероятное удовольствие! Верблюд плюхается сначала на передние колени, потом на задние. Я с трудом перебрасываю ногу через его спину и, охая, растягиваюсь на попоне, пряча голову в тень. Господи, какое же это бла-жен-ство-ооо! Просто вот так лежать и не думать ни о чем, и чувствовать, как отходят, расслабляются связки. После привала все повторялось вновь, только песни я уже не пел, а время начинал считать не через час, а уже минут через сорок.

Верблюд на ходу склоняет длинную — кажется, прямо как у жирафа, — шею и хватает мягкими губами ветку саксаула или верблюжью колючку. Я запускаю пальцы в горячую от солнца шерсть на холке — это очень приятно, будто подсасываешь энергию через подушечки пальцев.

Седло верблюжье, с упряжью. Высота с лукой 63,0 см; ширина 54,0 см; длина подхвостника 92,0 см. Дерево, кожа, медь, бронза, железо, белый металл, хлопковые ленты, шерстяные нити, сукно, холст, позумент, блестки, паста, стекло (зеркало), сено (набивка). Басра, XIX в. МАЭ РАН, № 5641–2. Фото С. Б. Шапиро, 2012 г.

Отдых во время дневного перехода. Пустыня Кызылкум. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Степная ящерица. Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.

Дневной переход. Пустыня Кызылкум.
Фото Сергея Шеховцева.
Экспедиция МАЭ РАН, 2015 г.

«Права на управление верблюдом».
Выданы Ефиму Резвану 25 сентября 2015 г.

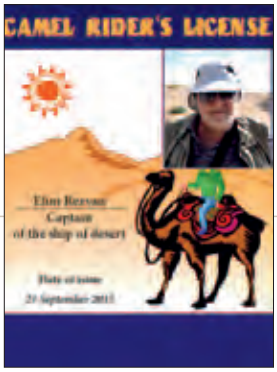
Смотрю по сторонам. Резко остановилась ящерица, появившаяся ниоткуда. За ней тянется длиннющий след от хвоста. Из норки выглядывает полосато-пятнистая перевязка. Метнулась тень от громадной птицы. Чуть левее от меня крачун (он же орел-змееяд) подхватил с земли небольшую змейку и взмыл вверх — всего пара взмахов полуметровых крыльев. Снова тень — и птица еще большего размера на лету вырывает добычу у первой прямо из клюва. Та теряет равновесие, проседает лишь на мгновение, но захватчица уже далеко.

Мы вышли на удобную тропинку. Можно расслабиться. Я задремал в седле, снилась Нева, стальная, набухшая водой от дождя и ветра, бесконечная. Вернувшись домой, я наткнулся на стихотворение Маяковского, очень похожее на тот сон:

Слезают слезы с крыши в трубы,
к руке реки чертя полоски;
а в неба свисшиеся губы
воткнули каменные соски.

И небу — стихши — ясно стало:
туда, где моря блещет блюдо,
сырой погонщик гнал устало
Невы двугорбого верблюда[61].

Потом стала сниться Арзи-биби. Верблюд оступился, я чуть не вылетел из седла. Вместо Арзи-биби меня за руку держал наш проводник. Привал.



Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

***

Ислам приходил вместе с людьми, обеспечивавшими транзит. Уже с VIII в. мощь молодого арабского государства смогла гарантировать безопасность торговых операций на гигантских территориях и высокую прибыльность для всех их участников. Это вызвало беспрецедентную активизацию торговых операций по всей Евразии от Скандинавии[62] до Китая, а также в Красном море, Персидском заливе, Аравийском море, Индийском океане, Бенгальском заливе и Южно-Китайском море. Мусульманские купцы смогли создать по существу глобальную торговую сеть: «Я спросил [у купца]: “Какое же это путешествие?” Он ответил: “Хочу я привезти персидскую серу в Китай: слышал я, что там на нее высокие цены. Оттуда я повезу китайский фарфор в Византию. Византийские ткани я повезу в Индию, индийское железо — в Алеппо, зеркала из Алеппо — в Йемен, а йеменские ткани — в Персию…”»[63].

Базар в Бухаре.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.

[61] Владимир Маяковский. *Кое-что про Петербург* (1913).
[62] А. В. Головнев. *Антропология движения* (Екатеринбург, 2009). С. 253–310.
[63] *The Gulistan of Sadi. The Rose garden of Shekh Muslihu'd-din Sadi of Shiraz*. Translated by B. Edward (L., 1996). P. 337.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Более того, на протяжении тысячелетий мир осознавал себя цивилизованным благодаря системе транспортных коммуникаций, известных под названием Великий шелковый путь и Великий индийский путь и пересекавших Евразию, выходя на Западе к Каспию, Волге, Черному и Средиземному морям.

Восточная политика Петра имела свою предысторию, во многом связанную с развитием северных ответвлений Великого шелкового пути, к концу XVII в. постепенно приходившего в упадок.

После установления европейцами контроля над морским путем в Индию и вокруг нее «партугало-испанская глобализация» пришла на смену «глобализации мусульмано-арабской». Неслыханное обогащение Европы, прямой доступ европейцев к восточным товарам, технологиям, знаниям постепенно привел мусульманский Восток, в свою очередь лишившийся львиной доли доходов и контроля над «потоком информации», к упадку. На севере Евразии 30-летняя борьба за Казань закончилась ее взятием войсками Ивана IV в 1552 г. Взятие Астрахани четырьмя годами позднее расчистило путь для русской торговли как на восток от Волги, так и на Кавказе[64].

Начиная с Астрахани, торговый путь по Волге являлся важной частью северного ответвления Великого шелкового пути[65], который после высыхания Узбоя аккумулировал также поток товаров из Индии. Новые возможности позволили русским напрямую торговать с Персией, а через нее — с Китаем и Индией. Еще с конца XV в. между Москвой и Астраханью ходили большие

Астрахань. Гравюра по рисунку К. Бруина 1692 г. из: *Voyages de Corneille le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Index orientales*. Tome I (Amsterdam, 1718)

[64] См.: А. Полиевктов. *Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе* (Тифлис, 1932).
[65] См.: Э. В. Ртвеладзе. *Великий шелковый путь: Энциклопедический справочник: Древность и раннее средневековье* (Ташкент, 1999). С. 9–10, 68, а также карты на с. 60 и 121.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

торговые караваны. Здесь активно торговали купцы не только из Персии, Средней Азии и Кавказа, но и венецианцы. Более того, острое соперничество Персии и Османской Турции привело к повышению роли северных маршрутов. За доступ к ним конкурировали голландцы и англичане[66]. Последние для торговли с Россией, Персией и северными странами даже организовали специальную компанию[67].

Не раз отмечалось, что в XVI в. высшее русское служилое дворянство по традиции продолжало черпать «на Востоке образцы предметов обихода: оружие, предметы роскоши, одежду и даже обычаи»[68]. После присоединения Поволжья тюркская элита пошла на службу русскому царю, принеся с собой не только знания восточных языков, обычаев и традиций, но и ключ к «задней двери» трансевразийской торговли, значительная часть которой продолжала находиться под мусульманским контролем.

Русский флот не мог конкурировать с британским или голландским, но в России отчетливо понимали, что Центральная Азия, Персия, Индия и Китай были гораздо ближе к русским землям, чем к Европе. Важно было лишь отыскать надежные внутриевразийские пути в Китай и Индию. Во многом именно ради этого Россия постепенно усиливала интенсивность международных контактов и расширяла их географию[69].

Морское путешествие из Европы в Китай занимало около двух лет и было сопряжено с многочисленными опасностями. Считалось, что по Оби можно попасть в Китай и Ост-Индию. При этом русские неизменно отклоняли просьбы европейцев «отыскать Обью рекою ходу в Индию и Китай»[70], однако сами активно продолжали поиски таких путей.

Важной вехой, хотя и потребовавшей от России значительных уступок, стало подписание в 1689 г. Нерчинского договора, который был не только первым торговым договором России и Китая,

Пряности и расписная посуда.
Базар в Бухаре. Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.

[66] В связи с ограничениями, введенными в Русском государстве для английских купцов, к концу XVII в. их торговля с Персией почти полностью прекратилась. См. предисловие Н. А. Кузнецовой к ее публикации *Хожение купца Федота Котова в Персию* (М., 1958). С. 9.

[67] П. Костомаров. *Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях* (СПб., 1862). С. 10–12; «Путешествие Иосафата Барбаро, венецианского дворянина». *Библиотека иностранных писателей о России*. I (СПб., 1836). С. 57 и далее.

[68] М. Раев. *Понять дореволюционную Россию* (Лондон, 1990). С. 32.

[69] *Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки* (СПб., 2008).

[70] С. А. Белокуров. «Описание чего ради невозможно от Архангельского города морем проходити в Китайское государство и оттоле к Восточной Индии (времени царя Алексея Михайловича)». *Чтения в Обществе истории и древностей российских*. IV (1893). С. 13–14; И. Х. Гамель. «Англичане в России в XVI и XVII столетиях». *Записки Академии наук*. VIII/1 (1865). С. 69 (приложение).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Механическая игрушка на колесах: корабль с надстройками, с двумя мачтами с парусами, с флагом, с балкончиками, фигурами матросов и чиновников; украшен по борту конями в волнах и драконами. Внутри корпуса судна находится заводной механизм, на дне три колесика, на одном из бортов сделана скважина для заводного ключа; на носу в палубе отверстие для грузика. 36,0 × 11,0 × 25,0 см. Слоновая кость, янтарь, жесть. Китай, начало XVIII в. Привезена из Пекина в 1721 г. послом Л. В. Измайловым. Передана в Кунсткамеру в 1725–1727 гг. МАЭ РАН, № 671–28. Фото С. Б. Шапиро

но и первым договором Китая с иностранным государством[71]. Постепенно устанавливалась новая дорога в Китай, по которой шли русские караваны и которую так долго искали: торговые выгоды от использования нового пути были очевидны. Уже иезуит Авриль с восторгом говорил в своей книге “Voyage en divers etats d’Europe et d’Asie…” (Париж, 1692) о легкости путей сообщения с Китаем, в особенности через Сибирь, хотя сам и бесплодно добивался возможности совершить такое путешествие[72].

Петровский период в русско-китайских отношениях, ознаменовавшийся серьезной дипломатической и научной активностью[73], завершился уже после смерти царя ратификацией Кяхтинского трактата (1728 г.), который в числе прочего нормализовал российско-китайские торговые отношения[74].

Книга путей и стран Ибн Хордабеха, автора IX в., сообщает о русских торговых экспедициях через Каспий в Багдад[75]. Древний

[71] См.: *Русско-китайские отношения в XVII веке. 1669–1691*. II (М., 1972). С. 9–11.
[72] М. П. Алексеев. *Сравнительное литературоведение* (Л., 1983). С. 78. Я благодарен Н. П. Копаневой за эту цитату. О ранних русских посольствах в Китай см.: П. Е. Скачков. *Очерк истории русского китаеведения* (М., 1977). С. 16–27.
[73] Подробнее см.: *там же*. С. 30–51.
[74] См. *Русско-китайские отношения*. С. 11–22.
[75] Ибн Хордадбех. *Книга путей и стран*. Пер. с арабского, коммент., исслед., указатели и карты Н. М. Велихановой (Баку, 1986). С. 86.
[76] Подробнее см. очень информативное предисловие А. Чулошникова к фундамен-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

балто-каспийский торговый путь «из Руси в Булгары и Хвалисы» исправно функционировал еще в X–XV вв. После побед на Волге и разгрома Кучума в Сибири русские купцы получили доступ на традиционные среднеазиатские караванные пути. Торговые отношения Московского государства со Средней Азией, завязавшиеся в середине XV в., имели два основных направления: через Каспийское море (от портов Мангышлака к Астрахани), с одной стороны, и ногайской степью на Яик и Самару или через Башкирию на Уфу и Казань, с другой. Позднее, в период между 1586 и 1594 г., был налажен торг через степи Казахстана на Тару, Тюмень и Тобольск. С 70-х гг. XVI в. торговые отношения со Средней Азией окрепли и более фактически не прерывались. Источники показывают важную роль Казахской степи в их установлении, стабилизации и развитии. С 1559 по 1600 г. Москву посетили пятнадцать бухарских, девять хивинских и два казахских посольства, главной целью которых было решение вопросов торгового характера[76]. А. Чулошников отмечает, что это была «прежде всего царская и ханская торговля, производившаяся обоими контрагентами через посредство особо уполномоченных доверенных лиц, гостей и купчин, затем свободный, так называемый повольный товарообмен частных купцов и, наконец, своеобразный, с внешней стороны прикрытый иной видимостью, обмен наиболее редкими вещами, доставлявшимися в обе стороны под видом поминков и ханских, и посольских даров»[77].

На восточном берегу Каспийского моря находились по меньшей мере три «пристанища», куда ежегодно не менее чем два раза туда и обратно в сопровождении конвойных «есаульных стругов» отправлялись из Астрахани «государевы бусы»,

Русский струг на гравюре “Stenka Razin Throws Persian Princess in Volga-River”. Источник: *Les voyages de Jean Struys, en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes, & en plusieurs Autres païs étrangers* (Amsterdam, 1681)

Бусы на Каспийском море. Гравюра. Источник: N. Witsen. *Noord en Oost Tartarye...* (Amsterdam, 1692)

тальной публикации: *Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР*. Часть I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVIII вв. Труды историко-археографического института и института востоковедения. Материалы по истории СССР. Вып. 3. (Л., 1932). [Online]. Доступно на: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVI/1580-1600/Mat_Uzb_Tadz_Turkm_I/index.htm (последнее посещение 17.11.2015 г.).

[77] Чулошников. Предисловие. *Там же*. С. 69.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

казенные торговые суда местной конструкции[78], с восточными и русскими купцами. Это Кабаклы, Караган, а также Седеевская и Назаровская пристани. Пристань Кабаклы, находившаяся неподалеку от Колпинных островов, была расположена значительно ближе к Астрахани, чем Караган, лежавший на Сартыше, но из-за мелей не всегда была доступна. Назаровская (Мангышлакская) пристань находилась южнее Караганской. Ее название связано с Назаровским ущельем, отмеченным на картах XIX в.[79] Для мусульманских купцов это были веками проторенные дороги, для их русских контрагентов порты на Каспии стали основными пунктами торговых операций со Средней Азией. Правда, торговля через Каспий была ограничена количеством ежегодных караванов, степные же дороги, при всех их опасностях, обладали важнейшим преимуществом: они нисколько не ограничивали ни числа людей, ни числа товаров.

Как бы то ни было, благодаря торговле через Астрахань десятки русских купцов имели возможность проникать в глубь Средней Азии и часто оставались в богатых торговых городах на два-три года, создавая иногда серьезную конкуренцию местным купцам. Как говорилось выше, развитие торговли, выгодной для обеих сторон, и торговые риски, связанные с приходом в зауральские степи калмыков, привели в 1670-х гг. к возбуждению хивинским ханом вопроса о постройке на Мангышлаке укрепленного города «для бережения» и «чтобы с обеих сторон было проезжим людям добро». Местом для такой постройки был выбран Караган. В грамоте хивинского хана Ануши (апрель 1675 г.) отмечалось: «А при предках великих государей ваших езживали послы и торговые люди водяным путем на пристанище Кабаклы, и та дорога от калмыков стала заперта, а ныне ездят на пристанище морское Мангишлак, и торговые люди с обеих сторон приезжаючи торгуют, и та дорога ныне чиста, и обид никаких ни от кого нет; и по сей стороне моря на берегу на Мангишлаке на пристанище, чтоб государь ваш изволил город поставить, и как тот город на том месте поставлен будет и наши торговые люди станут ожидать с товарами ваших торговых людей Караган, и станут съезжатца и торговать, и с обеих сторон добро будет»[80].

Среднеазиатские шелка из коллекции МАЭ РАН. Фото Т. М. Федоровой, 2006 г.

[78] Русский бус (буса) Каспийского моря — остроносое, круглодонное торговое судно с одним или двумя парусами и вооруженное одной или двумя пушками. Команда состояла из капитана, десятника, двадцати стрельцов и пушкарей, плотника, кормщика, носовщика, махони (сигнальщика) и опытного вожа (лоцмана). На бусе обязательно имелись обширные складские помещения для товаров. Известно, что англичанин Дженкинсон купил в Астрахани судно для плавания по Каспию и перевез на нем груз, для которого потребовался караван в 1000 верблюдов, т. е. более 200 тонн, в то время как из Англии в Архангельск он прибыл на судне грузоподъемностью 120 тонн. Подробнее см.: Ю. П. Тушин. *Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях* (М., 1978). С. 40; *Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.* (Л., 1938). С. 75.

[79] Местонахождение Седеевской пристани пока, насколько нам известно, не установлено.

[80] Цит. по: Чулошников. Предисловие. С. 76.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Строительство крепостей, предпринятое Черкасским, и было призвано обеспечить надежность и безопасность торговых операций. Таким образом, у Петра, который планировал, по существу, реанимировать древний торговый путь, были все основания полагать, что он действует в полном соответствии с интересами Хивы и Бухары.

В целом оценить значение среднеазиатской торговли для Московского государства позволяют две цифры: если общий оборот русской торговли с Западной Европой составлял полмиллиона рублей, то среднеазиатская торговля в своей совокупности оценивалась в сто тысяч. Столько же стоил и торговый оборот Москвы с Персией[81].

Дипломатические и торговые отношения между Русским государством и Персией стали быстро развиваться со второй половины XVI в. на фоне приближения России к персидским пределам и вовлеченности Персии в изнурительную войну с турками. При этом общая заинтересованность в борьбе с султанской Турцией была важным фактором развития отношений между обеими странами. Ситуация изменилась после блестящих побед Аббаса I. Владения Персии и Русского государства теперь непосредственно соприкасались, и Персия опасалась дальнейшего продвижения России на Кавказ. В этот период на первый план в отношениях двух стран все больше выходят вопросы, связанные с торговлей, одинаково важной как для Персии, отрезанной враждебной Турцией от европейского рынка, так и для России[82].

М. В. Ломоносов.
Мозаичный портрет Петра Великого.
60,0 × 50,0 см. Смальта, древесина липы, краска, медь. 1757 г.
МАЭ РАН № МЛ–2315

Гравюра А. Шхонебека «Осада турецкой крепости Азов русскими войсками в 1696 г.» (1699).
По: С. И. Гончаров. *Петр Великий* (Нижний Новгород, 1990)

В Москву с целью обсуждения торговых дел все чаще приезжали персидские посланники по торговым делам, все больше русских купцов участвовало в торговле с Персией: «ввозились главным образом шелк-сырец и предметы роскоши. В Москве

[81] *Там же*. С. 85.

[82] С. Белокуров. *Дело о присылке шахом Аббасом Ризы Господней царю Михаилу Феодоровичу в 1625 году* (СПб., 1891); П. П. Бушев. *История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам)* (М., 1987); Н. Г. Куканова. *Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII — первой половине XIX* века (Саранск, 1977).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

был особый персидский гостиный двор с лавками. Торговля шелком была монополией царской казны. Лучшие сорта других товаров, в частности так называемые «узорные товары» (драгоценные камни, золотые и серебряные украшения), в первую очередь покупала казна. В Персию вывозились собольи, беличьи и прочие дорогие меха, моржовые клыки, юфть, пенька, лен, хлеб. До захвата турками в 90-х гг. XVI в. западного побережья Каспия русско-персидская торговля шла вдоль его западных берегов. После торговый путь переместился к неудобным и опасным восточным берегам[83].

Активное развитие торговых отношений дало повод для начала Персидского похода Петра: «подданные шаха — лезгинский владелец Дауд-бек и казыкумский владелец Сурхай — восстали против своего государя, взяли приступом город Шемаху и совершили грабительское нападение на русских купцов. Ввиду отказа Дауд-бека дать удовлетворение принуждены мы… против предреченных бунтовщиков и всезлобных разбойников войско привести», — объявил Петр в своем «Манифесте к народам Кавказа и Персии»

Тугра Петра Великого
из «Манифеста к народам Кавказа
и Персии» от 15 (26) июля 1722 г.
По: Жуков. «Восточная титулатура». С. 142

На базаре в Бухаре.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.

[83] Н. И. Веселовский. *Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией.* I–II (СПб., 1890–1892); *Хожение купца Федота Котова.*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Чертеж корпуса 52-х пушечного корабля времен Петра Великого на воде со спусковыми флагами. Источник: *Флот Петра Великого*

от 15 (26) июля 1722 г.[84] И после гибели князя Черкасского и его экспедиции Петр продолжал последовательно двигаться к важнейшей цели — овладению Каспием как ключом к торговому пути из Центральной Азии и Индии в Европу.

«Манифест» был составлен и напечатан знатоком восточного протокола светлейшим князем Дмитрием Кантемиром (1673–1723). Текст «Манифеста» предваряла *тугра* с «восточным титулом» русского царя: «Петр Первый сын Алексея падишах русский»[85]. Основным адресатом «Манифеста» была Османская Турция, чьи интересы поход Петра задевал самым серьезным образом.

Укрепление Московского государства совпало по времени с падением Византии и возвышением Османской Турции. К тому времени русские купцы и православные паломники уже хорошо освоили пути, ведущие на Ближний Восток через турецкие пределы[86]. 1492 г. ознаменовался установлением официальных отношений между Московским государством и Османской империей: великий князь Иван III направил султану Баязиду II грамоту, посвященную в основном условиям ведения торговли. Пределы обоих государств сблизились, когда Османская империя, присоединившая в 1475 г. к своим владениям генуэзские территории в Крыму, ряд областей на Кавказском побережье Черного и Азовского морей, превратила Крымского хана в своего вассала. Это привело к росту взаимной заинтересованности, как торгово-экономической, так и политической. Обмен посольствами, начавшийся в конце XVI в. и ставший особенно интенсивным в первые десятилетия XVI в., отражал, в частности, стремление Стамбула обеспечить себе безопасный тыл во время военных кампаний против Сефевидов Ирана и египетских мамлюков.

Однако начавшиеся в 1507 г. набеги крымских татар на русские земли вскоре приобрели регулярный характер и серьезно осложнили отношения Москвы с Портой. В 1569 г. соединенные силы османцев и крымских татар попытались было занять Астрахань, но были отбиты. В 1571 г. в результате очередного набега крымских татар была сожжена Москва. Ответом послужили казацкие рейды в глубь османских территорий. Так, на протяжении

[84] Подробнее см.: *Первое тюрко-татарское печатное издание в России: манифест Петра I 1722 г.* Сост.: И. Г. Хадиев (Казань, 2010). И. В. Курукин. *Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735)* (М., 2010).

[85] См.: К. А. Жуков. «Восточная титулатура Петра I в Астраханском манифесте от 15 июля 1722 г.». *Тюркологический сборник 2011–2012 гг.* (М., 2013). С. 138–150.

[86] Здесь можно вспомнить еще Балто-Понтийский путь по Днепру и Черному морю. IX–XI вв. Подробнее см.: А. В. Головнев. *Феномен колонизации* (Екатеринбург, 2015). С. 167–328.

[87] См.: «Повесть об азовском осадном сидении донских казаков». *Воинские повести Древней Руси* (Л., 1985). С. 449–466.

[88] Подробнее см.: Н. А. Смирнов. *Россия и Турция в XVI–XVII вв.* I–II (М., 1946); С. М. Иванов. «Из истории русско-турецкой

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

пяти лет (1637–1642) донские казаки удерживали стратегически важный Азов и просили царя Михаила Федоровича принять их в русское подданство, но получили отказ и оставили город[87]. Первая половина XVII в. была отмечена многочисленными попытками урегулировать отношения: из Стамбула в Москву прибыло одиннадцать турецких посольств и три гонца, из Москвы было направлено шестнадцать посольств и пятнадцать гонцов. Однако после 1649 г. дипломатический обмен прекратился: все десять российских посольств, направленных в Стамбул, остались без ответа[88].

Политика Петра на Османском направлении была предопределена историей взаимных отношений. Взятие Азова и российский выход к Азовскому морю стали важным событием не только русско-османских отношений, но и европейской истории (сразу же после взятия Азова появились европейские карты с фиксацией этого важнейшего события)[89]. Для нас существенно, что в рукописном отделе Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге хранится серьезный политический документ — карта, на которой обозначены границы между Россией, Персией и Турцией согласно Константинопольскому договору от 1724 г. В ее основе — карта Средней Азии, составленная князем Черкасским[90].

Гравюра из: С. М. Мордвинов. *Книга полнаго собрания о навигации*. (Санкт-Петербург, [1748] –1753)

Е. Е. Лансере. Флот Петра Великого. По: С. А. Князьков. *Картины по русской истории*. XXX (Москва, 1912)

торговли в XVII – начале XX в». *Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией* (М., 2000); К. А. Жуков. «Отношения России и Османской Турции в конце XV – начале XX в.». *Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время* (СПб., 2011). С. 117–136; *Русский посол в Стамбуле (Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в.)* (М., 1985).

[89] «Константинопольский мир», подписанный в 1700 г., закрепил Азов за Россией, но после неудачного Прутского похода 1711 г. город вновь оказался под властью Турции. В 1736 г. Азов был опять занят русскими войсками, однако в 1747 г. крепостные укрепления были разрушены и лишь в 1769 г. вновь восстановлены.

[90] См.: Княжецкая. *Судьба одной карты*. С. 103.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

На базаре в городе Тируванантапурам (Керала, Индия). Фото Т. М. Федоровой, 2009 г.

Известно, что еще в 1533 г. в Москву прибыл индийский торговый караван, привезший Василию III грамоту от Бабура, основателя империи Великих Моголов. В «средоточии русской морской торговли» Астрахани «в 1625 году персияне, армяне и индийцы построили… гостиные дворы: армянские, персидские и индийские каменные по обряду азиатскому, неподалеку от Спасского монастыря»[91]. К этому времени индийские подворья были в Нижнем Новгороде и Москве, однако первые попытки установления между Россией и Индией дипломатических отношений оказались неудачными: два русских посольства ко двору Шах-Джахана, отправленные в 1646 и 1654 гг., были задержаны в Персии, посольство Мухаммед-Юсуфа Касимова, отправленное в 1675 г. ко двору Аурангзеба, смогло добраться лишь до Кабула[92].

В 1695 г., уже в петровское время, через Персию в Индию по Приказу Большой казны во главе торговой миссии был отправлен московский купец Семен Мартынович Маленькой. Падишах Аурангзеб выдал Маленькому грамоту, позволяющую беспошлинную торговлю в городах империи Великих Моголов[93]. Петр продолжал попытки установить торговый путь в Индию, избирая для этой цели различные направления[94]. По его указанию сведения о путях в Индию из Персии (о реке, которая течет из Индии и впадает в Каспийское море), об индийско-персидской торговле, об ассортименте русских товаров, потребных для индийского рынка, собирал русский посланник в Исфахане А. П. Волынский[95]. Отправляя в 1718 г. Флорио Беневени в Бухарское ханство, Петр опять специально обязал его собирать сведения о торговых связях между Бухарой и Индией. В дни Персидского похода, на-

[91] *Ключаревская летопись* (Астрахань, 1887). Цит. по: Н. Непомнящий. *Русская Индия* (М., 2010). С. 24.
[92] С. В. Жуковский. *Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие* (Пг., 1915). С. 34–36, 42–45, 47.
[93] *ЦГАДА*, ф. Посольский приказ, Сношения России с Индией, Грамоты, № 5, л. 1. Подлинник (л. 3) 1696 года. Копия с перевода.
[94] М. М. Белов. *Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в.* (М., 1956). С. 235–238; Д. М. Лебедев. *География в России петровского времени* (М.–Л., 1950). С. 93, 102–107, 117–118, 133–135, 218.
[95] С. М. Соловьев. *История России с древнейших времен*. IV/16–20 (СПб., 1896). С. 650–651, 661–663, 682, 684, 695, 701.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ходясь в Астрахани, Петр I имел встречу со старейшиной индийских купцов.

Перевод полной титулатуры Петра Великого, приведенный в упомянутом выше «Манифесте» 1722 г., звучал так: «Божию споспешествующею милостью Мы, Петр Первый, Император Всероссийский, Самодержец Восточных и Северных Царств и земель от Запада до Юга, Государь над землею, Царь над морями, и многих, и многих других Государств и Областей обладатель и по Нашему Императорскому достоинству Повелитель и прочая»[96]. Прочно ступив при Петре на великие морские и сухопутные торговые пути, Россия начала осознавать свою глобальность. Нет ничего удивительного, что вскоре Петр задумал морскую экспедицию к Великому Моголу.

В 1720 г. Даниэль Дефо выпустил книгу «Жизнь, приключения и пиратские деяния знаменитого капитана Синглтона», основанную на фактах биографии Генри Эйвери по прозвищу Архипират или Долговязый Бен[97]. Легенды связывали жизнь этого капитана-авантюриста, захватившего богатства Великого Могола Аурангзеба и якобы его дочь, которая направлялась в Мекку, с Либерталией, возможно вымышленным государством пиратов на Мадагаскаре[98]. Впрочем, в Европе времен Петра, в частности в Швеции, где в самый разгар Северной войны Карл XII вел переговоры с прибывшими с Мадагаскара посланцами пиратов, относились к рассказам об этом государстве вполне серьезно. Петру о государстве пиратов и о двух неудачных шведских экспедициях, отправленных на Мадагаскар, рассказал датчанин Даниэль Якоб Вильстер, получивший в 1721 г. чин

В храме Падманабхасвами.
(Тируванантапурам, Керала, Индия).
Фото Т. М. Федоровой, 2009 г.

[96] Цит. по: Жуков. «Восточная титулатура». С. 143.
[97] D. Defoe. *The Life, Adventures and Piracies of the Famous Captain Singleton* (1720). Ему же приписывается и другой роман на эту тему: *The King of Pirates* (1719). О нем см.: J. Rogoziński. *Honor Among Thieves: Captain Kidd, Henry Every, and the Pirate Democracy in the Indian Ocean* (Mechanicsburg, PA, 2000); E. T. Fox. *King of the Pirates: The Swashbuckling Life of Henry Every* (L., 2008).
[98] Подробно описано в другом романе, также приписываемом Д. Дефо: Captain Charles Johnson. *A General History of the Robberies and Murders of the Most Notorious Pirates* (1724). См.: Ч. Джонсон. *История знаменитых морских разбойников XVIII века* (М., 2009).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

А. Зубов. Панорама Санкт-Петербурга. 1716–1717. Фрагмент. Источник: *Флот Петра Великого*

Дальняя дорога. Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2007 г.

русского вице-адмирала. Вскоре по проекту Вильстера и под его руководством в Рогервике (ныне эстонский порт Палдиски) была снаряжена секретная Мадагаскарская экспедиция. После Мадагаскара кораблям Вильстера следовало плыть в Индию. Данная ему инструкция гласила: «…явитесь там Великомочному Моголу и всякими мерами старайтесь его склонить, чтоб с Россиею позволил производить коммерцию, и иметь с ним договор, которые товары потребны в Россию, также и какие в его областях товары из России надобны суть»[99]. В случае успеха предприятия пиратские базы на Мадагаскаре становились стоянками Русского флота на торговых путях в Индию.

С самого начала экспедиция сложилась крайне неудачно. Два русских фрегата, вышедшие в море 20 декабря 1723 г., уже через несколько часов попали в сильнейший шторм, были повреждены и вернулись в Ревель. Вскоре Петр получил от генерал-адъютанта командора Карла Густава Ульриха, возглавлявшего одну из шведских экспедиций на Мадагаскар, информацию, которая выявила полную бессмысленность новой мадагаскарской экспедиции[100]. Последняя была отменена, но ей на смену пришли другие не менее масштабные планы: Петр приказал готовить корабли к плаванию в Испанию и в декабре 1724 г. подписал инструкции для экспедиции Витуса Беринга, коему следовало ехать на Камчатку и искать путь из Азии в Америку.

Географию сложно отменить. К 2020 г. объем грузоперевозок между Китаем и Европой достигнет 170 млн тонн. Пока основная часть грузов идет морем кружным путем через Суэцкий канал. Сегодня и Казахстан, и Россия предпринимают меры для того, чтобы переключить часть этого транзита на сушу. На казахско-китайской границе в рамках рассчитанной на 2015–2019 гг. программы «Нурлы жол» («Светлый путь») создан транспортно-логистический хаб Хоргос. Казахстан строит два транзитных коридора: «северный» с выходом на Россию и «южный» (транскаспийский) через порт Актау с выходом на Азербайджан, далее в Грузию и Турцию. Завершается строительство железнодорожной линии Боржакты — Ерсай, которая станет основой паромного комплекса Курык на берегу Каспийского моря. Идет активная

[99] Цит. по: И. И. Филатова, А. Б. Давидсон. *Россия и Южная Африка: три века связей* (М., 2010). С. 32.

[100] Е. В. Тарле. *Русский флот и внешняя политика Петра I* (М., 1949). С. 115–119; *Россия и Запад: экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом* (Пг., 1923). С. 91–102; И. Зейдель. «Снаряжение первой дальней экспедиции

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

модернизация порта Актау. На севере продолжается строительство международного транзитного автомобильного коридора «Западная Европа — Западный Китай» (берет начало в Санкт-Петербурге, конечная точка — китайский Ляньюньган)[101]. В 2014 г. железнодорожными администрациями Белоруссии, России и Казахстана создана Объединенная транспортно-логистическая компания, призванная обеспечить взаимодействие государств ЕАЭС в этой области.

В России планируется модернизация БАМа и Транссиба, разрабатывается проект «из варяг в персы», гарантирующий судам класса река — море возможность выхода из арктических морей и региона Балтики по водно-транспортной системе России в Персидский залив и Индийский океан. Частью этой системы должен стать 600-километровый канал, строительство которого в Иране было приостановлено санкциями.

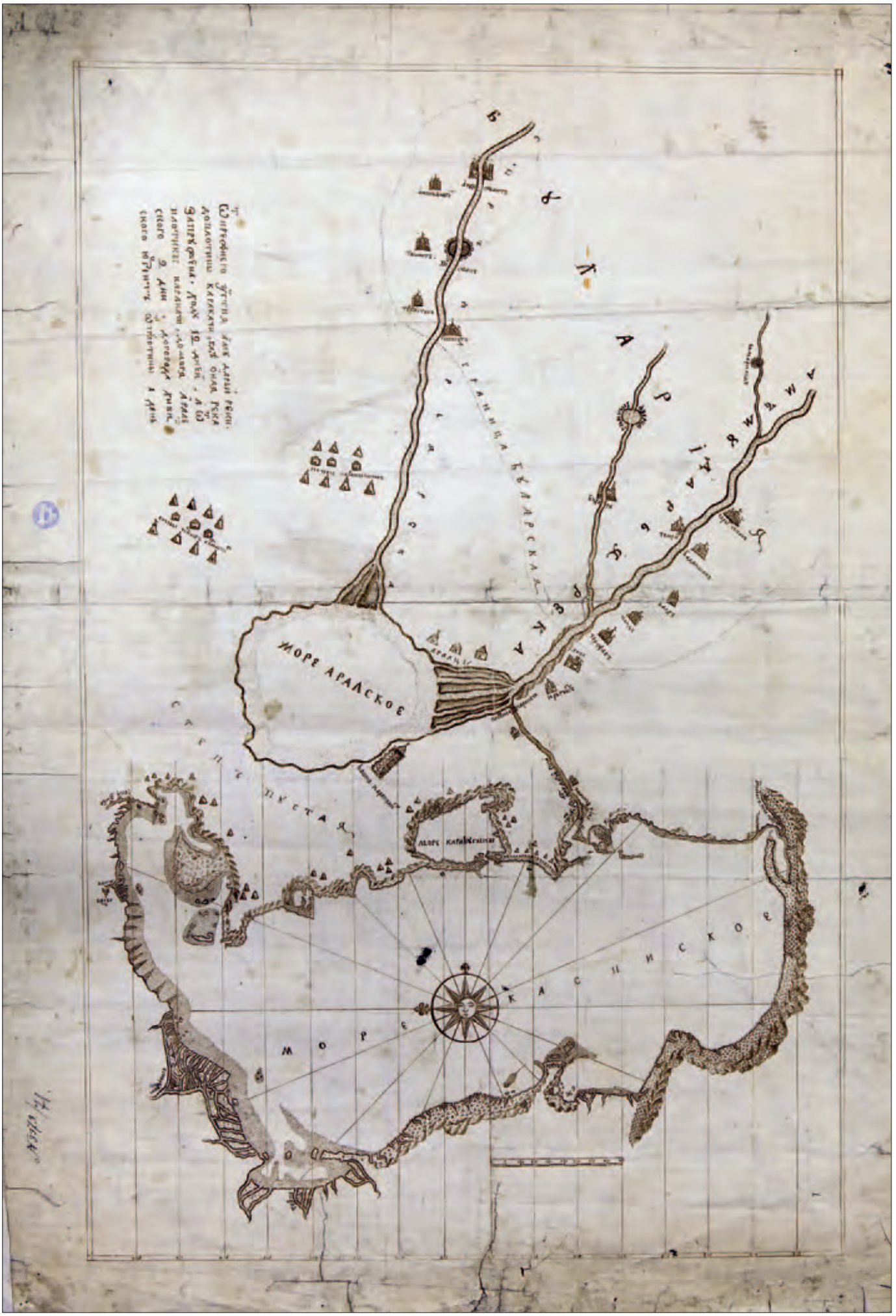
Проект канала, до половины протяженности которого будет проходить по руслам рек Кызылузен и Керхе, впадающих соответственно в Каспийское море и Персидский залив, был разработан еще в начале 60-х годов прошлого века. Проект планировалось реализовать с помощью СССР, но он был сорван под давлением США. Маршрут альтернативного пути через Босфор — Дарданеллы — Суэцкий канал и Красное море способен серьезно удешевить и индийский транзит в Европу. В результате все-таки будет реализован казавшийся совершенно фантастическим проект Петра о пути в Индию по водному маршруту через Каспий.

Шоссе в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

в царствование Петра Великого в 1723 году». *Морской сборник.* IX (1867). С. 65–83.

[101] Подробнее см. ниже, с. 258.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН



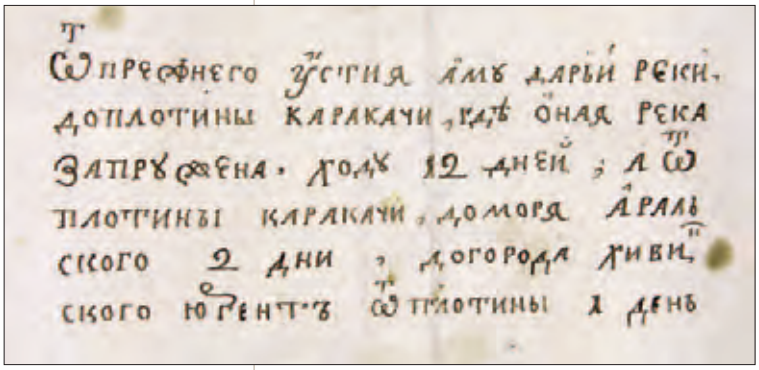
Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

***

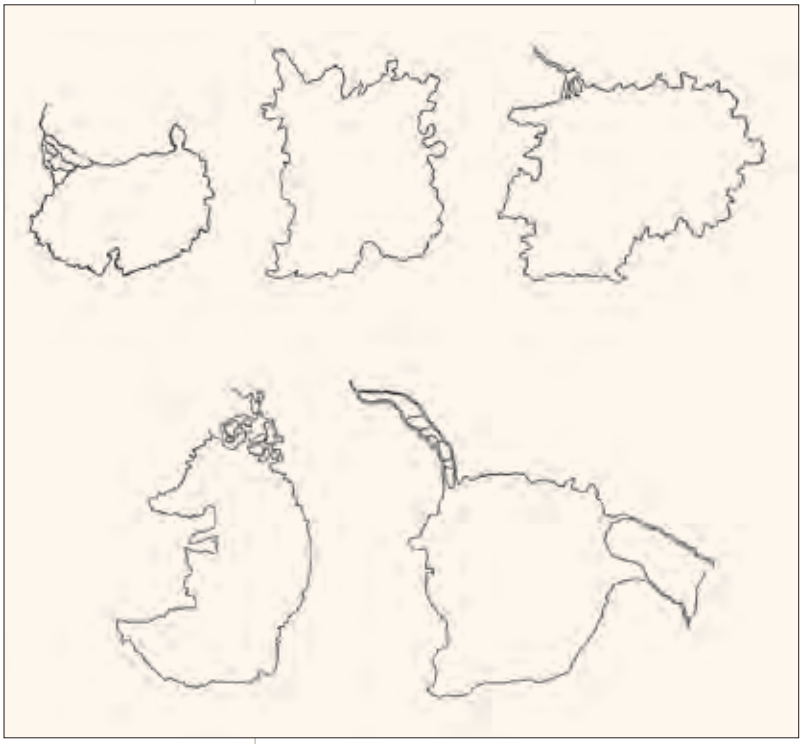
Один из основателей Русского географического общества академик Карл Максимович Бэр (Karl Ernst von Baer, 1792–1876) писал: «До Петра… Каспийское море на картах почти всегда означалось по сведениям, собранным в Африке за полторы тысячи лет, а именно — по Птолимею Александрийскому»[102].

19 июля 1717 г. Петр был гостем Французской академии наук. Перед русским царем осуществляли различные опыты, ему показывали модели новейших машин и механизмов. «На все сие государь Петр Великий смотрел, прилежно делал свои примечания и желал, чтобы члены сего славного собрания сели, дабы мог он видеть порядок академического заседания. Тогда-то подарил он Академии наук карту Каспийского моря совсем иного вида, нежели прежние карты географами об оном изданные. Она принята была с отменным удовольствием и с чрезвычайным почтением, и тот час признан он был почтеннейшим и знаменитейшим Парижской академии членом»[103]. Между Россией и Францией намечался научный обмен, и Петр обещал сообщать французским академикам о находках редкостей в своих обширных владениях[104].

Практически в тот день, когда Петр преподнес французской академии, не знавшей о существовании Аральского моря[105], две карты, составленные князем Черкасским, их автор, который, как показало время, успел за свою короткую жизнь совершить подлинный научный подвиг, выходил из Гурьева в свой последний поход.



Карта Средней Азии и Каспийского моря А. Бековича-Черкасского. 40,0 × 60,0 см. 1715 г. Библиотека Российской академии наук. Отдел рукописной книги. Собрание карт Географического департамента, № 641. Крупным планом: надпись в правом верхнем углу карты. Фото С. Б. Шапиро, 2015 г.



Каспийское море в европейской картографии XVII — начала XVIII в. Сверху по часовой стрелке: И. Масса, 1633 г.; А. Олеарий, 1647 г.; Н. Витсен, 1660 г., Я. Стрюйс, 1668 г., Г. Делиль, 1700 г. По: Княжецкая. *Судьба одной карты*. С. 65

[102] К. М. Бэр. «Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний о России и приграничных с нею землях Азии». *Записки РГО* IV/2 (1850). С. 260. Цит. по: Княжецкая. *Судьба одной карты*. С. 105.

[103] «Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича». *Русский вестник* II/5 (1841). С. 410.

[104] Об этом см. ниже, с. 89–95.

[105] См.: В. В. Бартольд. *Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века*. Сочинения III (М., 1965). С. 16.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

***

Рейс домой был неудачным: ночной вылет при предыдущей бессонной ночи и сбитом «внутреннем времени». Весь полет я находился в пограничном состоянии — обрывки сна сменялись расплывчатой и неустойчивой явью. Я сидел у прохода и болезненно просыпался каждый раз, когда проходящие мимо пассажиры ненароком задевали мой локоть. Почти в таком же состоянии я «на автомате» пересел на новый рейс. В новом самолете место оказалось у окна и мне удалось заснуть.

«…Сабрия, Звезда, дай я омою лепечущей ночной шелковой водой все тело, напоенное твое, все извивы изгибы, все врата ложбины, всхолмия, дивные тугие божии плоды древа твоего… и уже моего…

Ийх…

…Но она нагая обнимает меня как мать когда-то обнимала меня, и ласково уходит, забыв что она нагая…

И я уже томительно вспоминаю, как сладки соски ягоды малиновые ее.

И я любуюсь быстро уходящей, как луна в горах, лунной жемчужной наготой ее, и нет сил у меня чтобы позвать вернуть ее, потому что я люблю ее навсегда и любуюсь ею…

Айх!..

Да была ль она?..»[106]

Сосед любезно разбудил меня только тогда, когда пассажиры уже потянулись по проходу на выход. Еще стоя в очереди на паспортный контроль, я заказал такси, быстро получил сумку из багажа и с тяжелой головой вышел из аэропорта .

— Эй!

Я обернулся. На меня смотрела Арзи-биби и улыбалась своей фирменной улыбкой.

— А я заказал такси, — произнес я абсолютно идиотскую фразу.

— Какие проблемы? Позвони и откажись. Теперь тебе не нужно такси.

Прежде чем тронуться, она включила плейер. Зазвучала тема Эннио Морриконе к фильму «Профессионал»[107].

— А почему не Стинг?

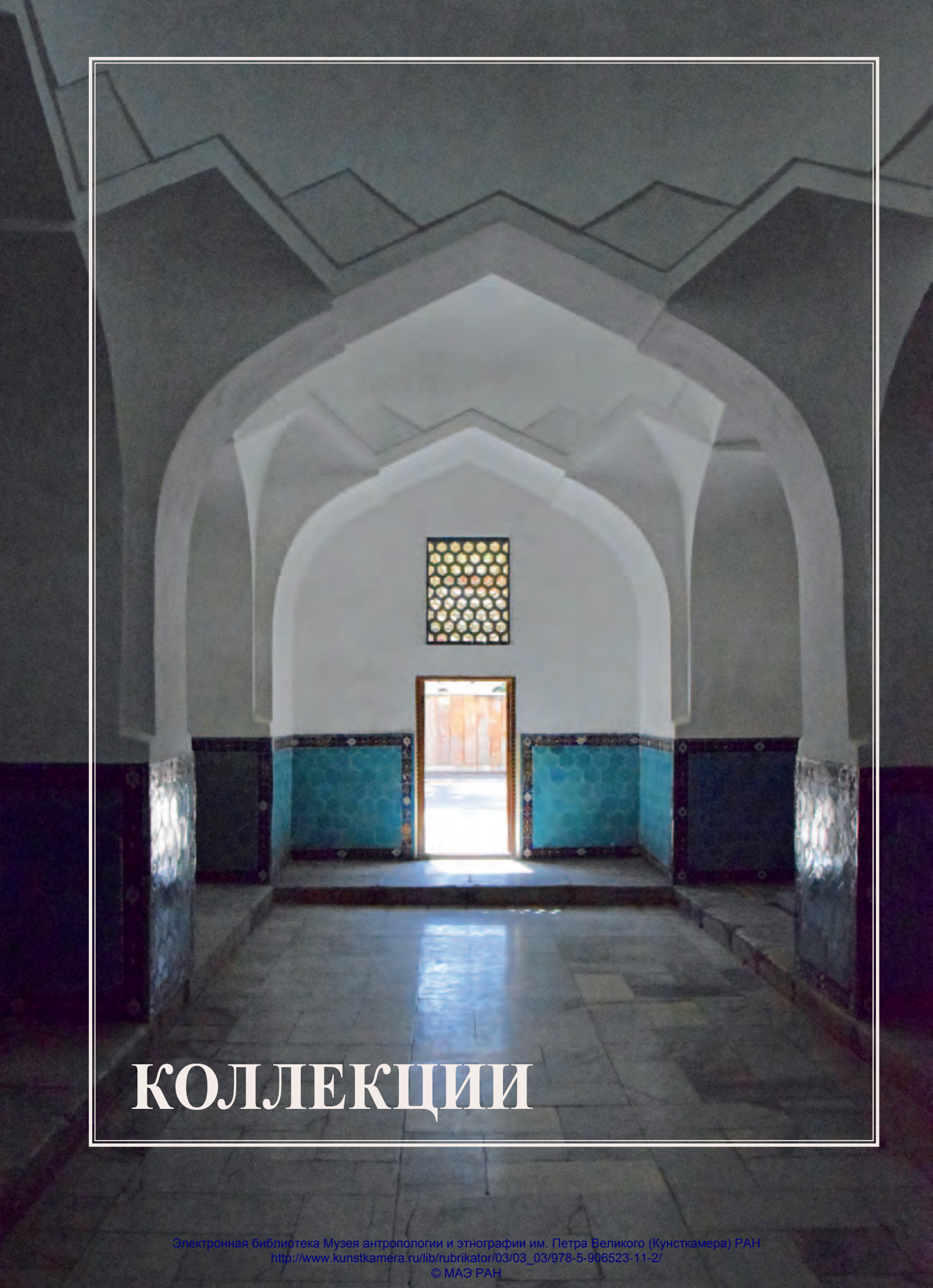
— Потому. Ты, похоже, не выспался совсем.

Пулково. Встреча.
Фото Т. М. Федоровой, 2015 г.

[106] Зульфикаров. *Я люблю тебя, Сабрия-звезда.*
[107] Ennio Morricone. “Il Vento, Il Grido” («Ветер, крик»).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН



КОЛЛЕКЦИИ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

«ПРЕЛЮБОПЫТНОЕ СОБРАНИЕ ИДОЛОВ»

Традиционно считается, что начало фондам Кунсткамеры по народам Прикаспия и Средней Азии было положено участниками Военно-топографической экспедиции Александра Черкасского, которые приобрели и доставили в столицу империи значительный коллекционный материал, обозначенный как «Собрание редкостей Каспийского моря». Здесь были «древности», обнаруженные «в языческих молельнях на восточном краю Каспийского моря в стране Самарканд», «прелюбопытное собрание идолов», жертвенная утварь, старинные рукописи на пергаменте и многое другое[1]. Такое утверждение сложно согласовать как с трагической судьбой экспедиции (даже принимая во внимание несколько этапов ее реализации), так и с очевидной невозможностью приобрести «собрание идолов» в мусульманской «стране Самарканд».

Между тем эти противоречия легко снимаются, если вспомнить о том, что параллельно с экспедицией Черкасского поиски пути к Эркету (Яркенду) и его песошного золота осуществлялись путем последовательной отправки вверх по Иртышу нескольких военных отрядов[2]. В 1715 г. один такой отряд под командованием подполковника И. Бухгольца смог продвинуться до озера Ямышева в Среднем Прииртышье. В 1717 г. тем же маршрутом был отправлен отряд подполковника П. Ступина, укрепивший только что основанную Семипалатинскую крепость, восстановивший разрушенную ойратами крепость на Ямышевом озере и выдвинувшийся далее к озеру Зайсан. Наконец, в 1719–1720 гг. в верховья Иртыша был послан отряд под командованием майора И. М. Лихарева. «…По прибытии в Тоболеск о песошном золоте и о пути к Эркету разных чинов людей сто семь человек я допрашивал, — сообщал в донесении Лихарев. — Да сверх помянутых допросов для подлинного свидетельства ис Тоболска ходил я до Заисана и за Заисан озеро»[3].

И. М. Лихареву, основавшему на Иртыше Усть-Каменогорскую крепость, как и его предшественникам, не удалось добыть каких-либо сведений о золоте[4]. Для нас важно то, что Лихарев, как и многие так или иначе связанные с Петром люди, прекрасно знал о его интересе к «куриозным вещам». При этом, не выполнив ни одного из царских поручений (крепость на озере Зайсан, путь в Эркет, информация о золоте) и получив от царя письмо с ясным выражением недовольства, он, очевидно,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

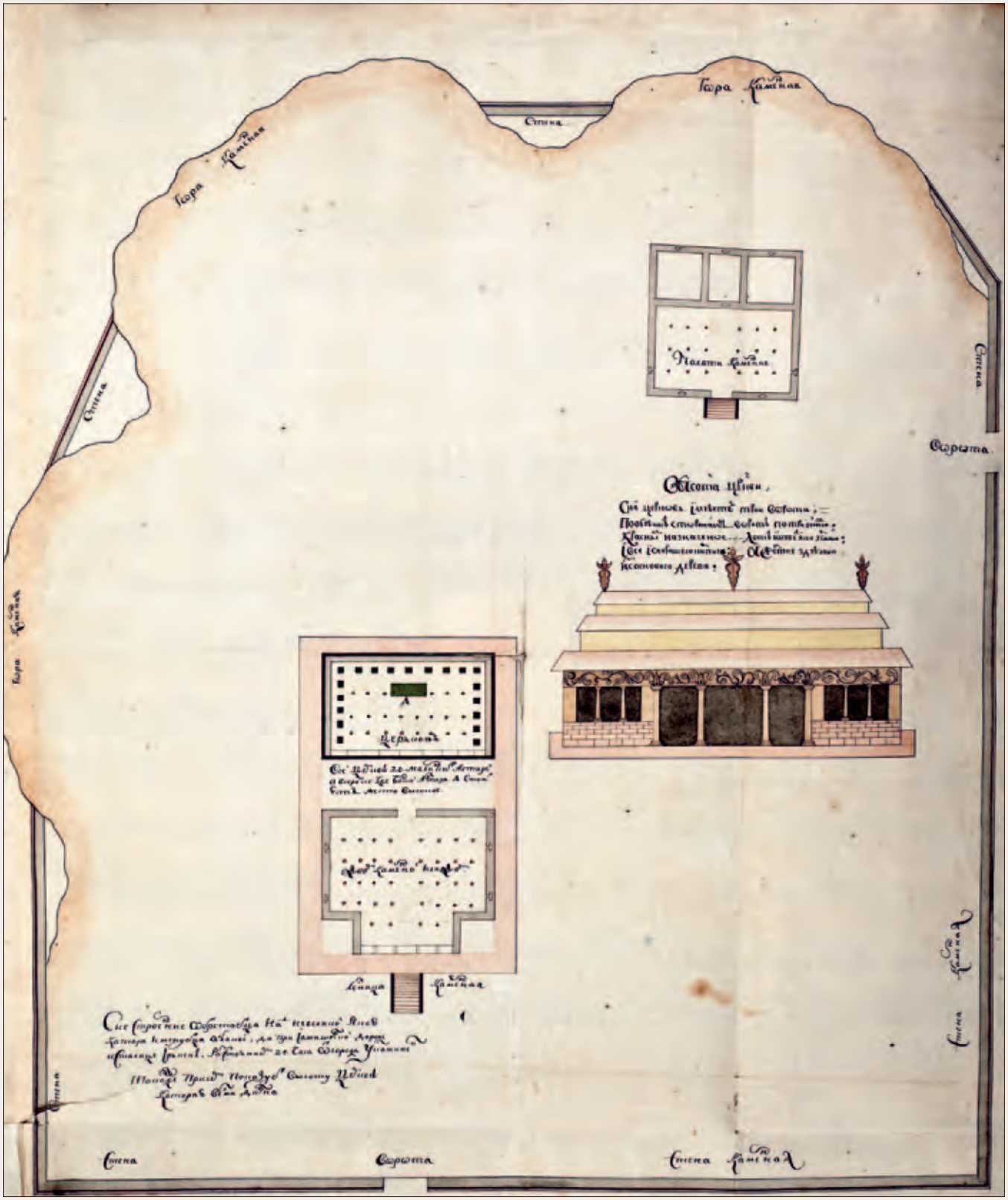


Рис. 1. «План Аблайкитских палат», отосланный в 1721 г. Петру I сибирским губернатором князем А. М. Черкасским. Библиотека Академии наук. Отдел рукописей и редкой книги. Собрание иностранных рукописей. F. № 266. Том 5. Л. 54.
С любезного разрешения библиотеки

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

попытался задобрить Петра посылкой ему древностей[5]. Так в 1720 г. в Санкт-Петербурге появилась коллекция бронзовых изделий, принесенных, согласно сообщению Лихарева, «местными крестьянами», которые нашли их при грабительских раскопках могил в окрестностях джунгарского укрепленного буддийского монастыря Аблай-кит, и рукописные листы, собранные в монастыре[6]. Монастырь Аблай-кит (*рис. 1*). был основан в 1654 г. тайши Аблаем (?–1674). В 1671 г. в ходе междоусобной борьбы взят джунгарским ханом Галданом-Бошогту (1644–1697) и обречен на запустение. Развалины монастыря находятся в Калбинских горах (ныне — на территории Уланского района Восточно-Казахстанской области).

Находки в прямом и переносном смысле пришлись ко двору: вплоть до смерти царя некоторые из них украшали его рабочий кабинет. В этот период было множество причин, по которым Петру было важно привлечь внимание европейцев к России, к научным и музейным проектам, осуществление которых находилось под его собственным неусыпным контролем. Во многом поэтому к коллекции, присланной Лихаревым, был проявлен исключительный интерес не только в России, но и в Европе. В 1721 г. сообщение о находках было опубликовано во французской газете. Рисунки, сделанные с присланных Лихаревым предметов, были в 1722 г. по распоряжению Петра направлены в парижскую Академию надписей и изящной словесности. Вскоре гравюры с рисунков были опубликованы вместе с описанием, составленным И. Д. Шумахером, библиотекарем Императорской библиотеки, и комментариями французского ученого Б. Монфокона[7]. Это была первая публикация русских археологических коллекций[8] (*рис. 2–10*).

После смерти Петра предметы из коллекции Лихарева, имеющие различное функциональное назначение, хронологию и культурную принадлежность, были переданы в Кунсткамеру[9]. В первой половине 1730-х гг. художники Рисовальной палаты зафиксировали их еще раз. Во время пожара Кунсткамеры в 1747 г. коллекция погибла, в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранились только сделанные с предметов акварели[10].

Современный анализ предметов из коллекции Лихарева, атрибуция которых с течением времени неоднократно менялась и не завершена по сей день, позволил установить, что в ней представлены предметы не только буддийской, даосской, но и западносибирской и западноевропейской пластики[11]. Последние никоим образом не могли происходить из древних могил из окрестностей Аблай-кита, а входили, по мнению исследователей,

Рис. 2. Изображение бронзовой статуэтки буддийского божества из коллекции И. М. Лихарева (по: Montfaucon. *Supplement*). Из развалин монастыря Аблай-кит, XVII в. (?)

«в состав коллекции, которая могла быть собрана одним из иностранных специалистов на разных территориях Западной Сибири»[12]. Как бы то ни было, сегодня совершенно ясно, что история этой коллекции еще не написана[13].

Что же касается листов буддистских рукописей из Аблай-кита, то они были показаны немецким ученым М. Лакрозу и И. Б. Менке. Последний опубликовал найденные в Аблай-ките тексты в журнале “Acta eruditorium” (*рис. 11*). В 1722 г. текст из Аблай-кита был послан во Французскую академию наук, где переводчики-иезуиты М. и Э. Фурмон подготовили условный «перевод» на латынь[14]. Не очень понятно, почему Петр предпочел

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 3. Изображение бронзовой статуэтки буддийской богини Зеленая Тара из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*). Из развалин монастыря Аблай-кит, XVII в. (?)

Рис. 4. Изображение бронзовой статуэтки человека в длиннополой одежде из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*). Западная Европа, развитое Средневековье (сер. XI – перв. пол. XV в.). Приобретено в начале XVIII в. на Рудном Алтае (ср.: Борисенко, Худяков. «Западноевропейский акваманил». С. 128)

Рис. 5. Изображение бронзового акваманила — сосуда для омовения рук в виде конного рыцаря — из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*). Западная Европа, XIV в. (?). Приобретено в начале XVIII в. на Рудном Алтае (Борисенко, Худяков. «Предметы торевтики». С. 33–34)

Рис. 6. Изображение бронзового светильника в виде всадника (римского императора) из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*). IV в. Приобретено, в начале XVIII в. на Рудном Алтае

Рис. 7. Изображение скульптурной группы из всадника, ребенка и священника, выполненной в греко-буддийском стиле, из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*). V–VI вв. (см.: Княжецкая. «Новые сведения». С. 30–32). Приобретено в начале XVIII в. на Рудном Алтае

Рис. 8. Изображение даосского святого из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*). Китай, VIII–IX вв. (см.: Княжецкая. «Новые сведения». С. 30–32). Приобретено в начале XVIII в. на Рудном Алтае

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 9. Изображение бронзовой бляхи из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*). Западносибирское культовое литье (ср. с орнито-зооморфными бляхами кулайской и релкинской культур (Л. А. Чиндина. *Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа* (Томск, 1986). С. 72–74; она же. *История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья* (Томск, 1991). С. 59–60). Приобретено в начале XVIII в. на Рудном Алтае

Рис. 10. Изображение бронзового акваманила в виде сидящей птицы со сложенными крыльями из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*) (ср: Аблай-китская статуэтка, изображающая птицу, своей позой, пропорциями и манерой изображения перьев, сложенных крыльев и хвоста имеет черты сходства с найденной в Суздале бронзовой дарохранительницей в виде голубя, изготовленной во Франции в XIII в. (В. П. Даркевич. «Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе X–XIV вв.». *Свод археологических источников* (М., 1966). С. 27; Борисенко, Худяков. «Коллекция находок». С. 130). Приобретено в начале XVIII в. на Рудном Алтае

обратиться к французским ученым, а не к куда более квалифицированным знатокам монгольского, ойратского или тибетского языков, жившим в России[15].

Основываясь на дошедшей до нас информации о рукописи, М. И. Воробьева-Десятовская, автор комментированного русского перевода одной из сторон документа, смогла в целом реконструировать облик и значение списка, хранившегося в Аблай-ките: «В руки ученых попал лист из так называемой “парадной рукописи”, т. е. рукописи, изготовленной для чтения в особо торжественных случаях и хранящейся в тибетских и монгольских монастырях в качестве реликвии. Об этом говорит, во-первых, размер листа (ок. 68,75 × 19,4 см) — это очень большая и, судя по всему, тяжелая рукопись — такой том не будешь носить для чтения каждый день; во-вторых, качество бумаги — плотная лощеная, напоминающая пергамент (такая бумага для рукописей применялась в Тибете и Монголии крайне редко), и наконец, использование чернил с серебряным порошком для написания текста. Аналогичные рукописи — на белой, синей или черной бумаге, которая иногда покрывалась лаком, — хранятся в фонде тибетских ксилографов Института востоковедения АН СССР в Ленинграде. Они такого же размера, как рукопись из Аблай-кита, написаны чернилами с бронзовым (“под золото”) или иным металлическим (“под серебро”) порошком. Иногда в Тибете в чернила добавляли настоящий золотой или серебряный порошок. Форма листа — потхи, это обычный для тибетских и монгольских рукописей стандарт — вытянутые листы, в которых длина намного превосходит ширину. Обычно на таких листах располагались пять-восемь строк текста с каждой стороны. В данной рукописи — по восемь строк. О том, что рукопись из Аблай-кита — парадная, свидетельствует и еще один факт: на листе нет отверстия для брошюровки,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

но это отверстие отмечено графически. Это значит, что листы складывались в пачку, один на другой, пачка помещалась между двумя досками, обтянутыми шелком или парчой, возможно разукрашенными драгоценностями; после этого том заворачивали в кусок шелковой материи и хранили вместе с другими такими же томами.

Время и место переписки рукописи без анализа бумаги установить не удается. По палеографии рукопись напоминает тибетскую (нужно при этом учитывать, что в нашем распоряжении имеется копия, изготовленная Менке в виде гравюры на меди). Скорее всего рукопись действительно была привезена из Тибета (священной для всех буддистов страны, где жил Далай-лама) и хранилась в монастыре Аблай-кит в качестве реликвии. Лист относится к середине сочинения, его порядковый номер не сохранился. Возможно, в том же томе были переписаны и другие сочинения. По содержанию текст представляет собой буддийское сочинение, озаглавленное “Сутра о следовании великой мантре”. В тексте приводится санскритский текст мантр, записанных тибетским письмом»[16].

Для нас важно, что некоторая часть буддийских рукописей из развалин того же монастыря[17] попала в руки нового сибирского губернатора *князя А. М. Черкасского*, который в 1721 г. отослал шесть листов в Санкт-Петербург[18]. Таким образом, коллекция, появившаяся в результате экспедиций с целью поиска песошного золота и пути в Эркет (напомним, что эта же цель ставилась Петром и перед князям Александром Черкасским, погибшим в Хиве, и перед майором И. М. Лихаревым), стала ассоциироваться с экспедицией Александра Черкасского.

Редкости, доставленные в Санкт-Петербург майором И. М. Лихаревым и по большей части связанные с территорией современного Казахстана, стали одним из первых собраний Кунсткамеры. Изучение этого собрания ознаменовалось первой публикацией русской археологической коллекции и стало одним из начал европейских буддологических штудий.

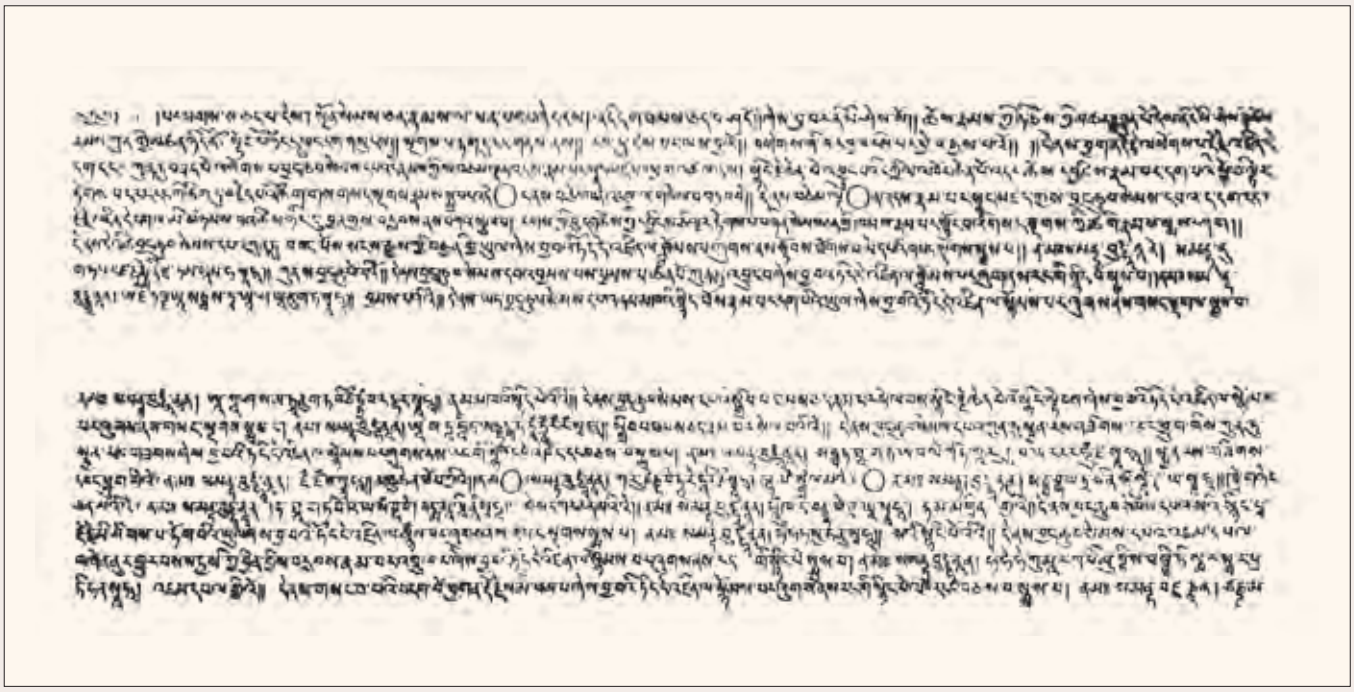


Рис. 11 а–б. Обе стороны листа тибетского ксилографа «Сутра о следовании великой мантре» из коллекции И. М. Лихарева (по гравюре на меди в J. B. Menke. “Nova literaria de ms-ptis codicibus in Tartaria repertis”. *Acta eruditorum* (Lipsiae, 1722). P. 374–376). Из развалин монастыря Аблай-кит

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Примечания

[1] Т. В. Станюкович. Этнографический музей Русского географического общества. *ТИЭ. Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии.* Вып. 7 (Л., 1977). С. 22–28; см. также В. А. Прищепова. *Коллекции заговорили: История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870–1940)* (СПб., 2000). С. 7.

[2] Подробнее см.: А. Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков. «Поиски древностей в Прииртышье в погоне за “песошным золотом” российскими и европейскими военными и учеными в первой половине XVIII в.». *Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сборник материалов международной научной конференции* (Новосибирск, 2011). С. 24–29.

[3] *РГАДА*, ф. 248 (Сенат), оп. 7, д. 373, л. 453об. Цит. по: В. Б. Бородаев. *Архивные документы 1719–1720 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости*. [Online]. Доступно на: http://earhiv.vko.gov.kz/ru/Page/Index/1481 (последнее посещение 14.11.2015). Здесь же опубликованы «Доношение лейб-гвардии майора И. М. Лихарева в Сенат с краткими итогами выполнения именного указа от 18 января 1719 г.», «Ведомость о пути экспедиции лейб-гвардии майора И. М. Лихарева на озеро Зайсан и Черный Иртыш в 1720 г.», «Репорт лейб-гвардии майора И. М. Лихарева в Сенат о войсках, оставленных в новопостроенных иртышских крепостях».

[4] Двумя годами позднее Петр I попытался достичь тех же целей, но уже дипломатическим путем. К правителю Джунгарии Цэвэн-Рабдану было отправлено посольство во главе с капитаном И. Унковским, который безуспешно попытался добиться разрешения на поиски руд на джунгарской территории. Подробнее см.: Э. П. Зиннер. *Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века* (Иркутск, 1968). С. 50.

[5] В. И. Молодин, Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко. «Одна из первых публикаций XVIII в. по археологии Сибири». *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума* (Новосибирск, 2002). С. 40.

[6] Е. А. Княжецкая. «Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720)». *Страны и народы Востока.* XXVI (М., 1989). С. 27.

[7] B. Montfaucon. *Supplement du livre de l' Antiquité expliquée et Representée en Figures. Tome cinquième. Le Funeralles. Par Dom Bernard Montfaucon*. (Paris, 1724). T. 5. См. также: Княжецкая. «Новые сведения». С. 20–29.

[8] А. А. Формозов. *Страницы истории русской археологии* (М., 1986). С. 29.

[9] Княжецкая. «Новые сведения». С. 29.

[10] Подробнее см.: *«Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760*. Составление и научная редакция Р. Е. Кистенмакер, Н. П. Копанева, Д. Й. Мейерс, Г. В. Вилинбахов. Том 1, (СПб., 2003). При этом «Семипалатинск» был указан в качестве места находок. См., например, *там же*. С. 208, № 676. См. также: Е. Ю. Басаргина, О. В. Иодко, М. В. Поникаровская, И. М. Щедрова. *Архив Кунсткамеры. Из истории первых археологических коллекций: собрание акваманилов*. [Online]. Доступно на: http://www.ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/458 (последнее посещение 15.11.2015 г.).

[11] Подробнее см.: А. Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков. «Предметы западноевропейской и ламаистской торевтики в составе аблайкитской коллекции: к истории изучения». *Вестник Новосибирского государственного университета.* Серия: История, филология. VIII/5 (2009). С. 28–35. Этим авторам принадлежит серия работ, посвященных темам, так или иначе связанным с происхождением коллекции Лихарева (значительная часть этих работ доступна в сети). См., например: они же. «Публикация об аблайкитской коллекции с территории Сибири». *Четвертые Макушинские чтения* (Новосибирск, 1997). С. 99–101; они же. «Коллекция находок XVIII в. с территории Рудного Алтая». *Известия Лаборатории археологии*. II (Горно-Алтайск, 1997). С. 129–134; они же. «Из истории одной из первых российских коллекций археологических находок с территории Рудного Алтая». *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы научно-практической конференции.* VIII (Барнаул, 1997). С. 24–27; они же. «Находки западноевропейских водолеев XII–XV вв. на территории Западной Сибири». *Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы VI Международного научного семинара.* I (СПб.; Омск, 1998). С. 22–24; они же. «Находки гильдесгеймских акваманилов XII–XIII вв. на территории Сибири». *Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока* (Улан-Удэ, 1989). С. 88–89; они же. «Торговые контакты Германии с Западной Сибирью в XII–XIII вв.». *Известия лаборатории археологии.* III (Горно-Алтайск, 1998). С. 197–203; они же и Д. Цэвээдорж. «Джунгарская печать из Прииртышской коллекции Г. В. Де Генина». *Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Тезисы докладов IV Международной научной конференции* (Томск, 1999). С. 154–155; они же. «Находки западноевропейских бронзовых водолеев XII–XV вв. на территории Западной Сибири». *Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований.* I (Новосибирск, 1999). С. 38–44; они же. «Г. В. Де Геннин — исследователь древностей Урала и Сибири XVIII в.». *Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. Материалы научной конференции* (Ижевск, 2000). С. 374–377; они же. «Немцы в Сибири в XV–XVII вв.». *Древности Алтая* V. (2000). С. 18–24; они же. «Западноевропейский акваманил, привезенный в XVIII веке Г. Ф. Миллером из Сибири». *Археология и этнография Алтая.* I (Горно-Алтайск, 2003). С. 123–129; они же. «Изучение памятников “древности татарской” в Западной и Южной Сибири немецкими учеными XVIII в.». *Aus Sibirien — 2006. Научно-информационный сборник* (Тюмень, 2006). С. 11–14; они же. «Изучение древностей Прииртышья европейскими учеными в XVIII в.». *Изучение памятников Павлодарского Прииртышья.* II (Павлодар, 2006). С. 275–285; они же. «Проникновение западноевропейцев в Сибирь в XII–XIII вв.». *Aus Sibirien — 2008* (Тюмень, 2008). С. 26–29.

[12] Они же. «Коллекция находок». С. 134.

[13] Н. П. Копанева (МАЭ РАН), посвятившая изучению ранних коллекций Кунсткамеры многие годы, допускает возможность того, что среди предметов, представленных на иллюстрациях, опубликованных в Париже, могли быть вещи, доставленные в Кунсткамеру Даниилом Готлибом Мессершмидтом. Его исследовательская работа в Сибири, проходившая с 1720 по 1726 г., дала необычайно богатые результаты. Как бы то ни было, в коллекциях Лихарева и Мессершмидта отмечены параллели (например, похожие акваманилы в виде конных рыцарей, см.: Борисенко, Худяков. «Предметы западноевропейской и ламаистской торевтики». С. 34, рис. 5).

[14] По мнению М. И. Воробьевой-Десятовской, адекватный перевод этого текста оказался возможным лишь благодаря достижениям буддологии начала XX в., значительная роль в которых принадлежит ученым Петербургской буддологической школы (в первую очередь Ф. И. Щербатскому и С. Ф. Ольденбургу). См.: М. И. Воробьева-Десятовская. «Лист тибетской рукописи из Аблай-кита». *Страны и народы Востока*. XXVI/3. Средняя и Центральная Азия. (География, этнография, история) (М., 1989). С. 39.

[15] Переводчики (драгоманы и толмачи, как русские, так и представители восточных народов), в силу естественных причин появились в России задолго до 1549 г., времени создания Посольской избы. Подробнее см.: С. А. Белокуров. *О Посольском приказе* (М., 1906). С. 34.

[16] Воробьева-Десятовская. «Лист тибетской рукописи из Аблай-кита». С. 37.

[17] А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худяков («Поиски древностей». С. 26) отмечают, что «в 1719 г. по Сибири проехал англичанин Д. Белл, включенный в состав российского посольства в Китай. Во время пребывания в Тобольске он узнал о развалинах ойратского монастыря “Семь палат” на Иртыше. Ему стало известно о находках свитков из лощеной бумаги, “красиво исписанных, на многих из них позолоченные письмена. Некоторые из свитков черные, а большинство — белые. Язык, на котором они написаны, является языком тунгусов или калмыков”. Вероятно, он имел в виду тангутский, т. е. тибетский, язык. Во время пребывания Д. Белла в Тобольске один солдат предложил ему купить “за умеренную цену” целую связку таких бумаг. Вернувшись в Англию, Д. Белл подарил эти рукописи знакомому “ученому антиквару” Г. Слоуну, поместившему их в своем музее».

[18] Формозов. *Страницы истории русской археологии*. С. 24–25.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ПЕСНЯ ИЗ 1905 ГОДА

Русский ориентализм — явление чрезвычайно многообразное и на удивление плохо изученное. Отдельным направлениям этого художественного течения (живописи, литературе, музыке, архитектуре, балету, фотографии, декоративно-прикладному искусству…) можно легко посвятить специальную монографию. Отсутствие таковых, очевидно, связано с тем, что в отличие от западноевропейских аналогов русский ориентализм ни творцами, ни широкой публикой не выделялся из общего течения культурной жизни. Во многом такой подход связан с тем, что практически изначально мусульманский Восток в России не воспринимался как нечто чужое и экзотическое. «Мною пройдено все, что мог дать Запад для настоящего времени… Теперь я отряхаю прах от ног своих и удаляюсь от Запада… Мой путь — к первоисточнику всех искусств, к Востоку», — писала в 1913 г. Наталья Гончарова. Тогда же Александр Шевченко в теоретической декларации неопримитивизма утверждал: «Дух Востока так вкоренился в нашу жизнь, что подчас трудно отличить, где кончается национальная черта и где начинается восточное влияние». Бенедикт Лившиц в «Полуторараглазом стрельце» (1933 г.) говорит о том, как несутся художники времен авангарда «навстречу Западу, подпираемые Востоком»[1]. Список примеров этого рода можно легко продолжить.

Между тем, без комплексного анализа русского ориентализма невозможно адекватно понять и описать сложную природу художественного взаимодействия культур на территории Российской империи, невозможно объективно оценить вклад русского искусства в мировую художественную сокровищницу в XIX–XX вв., выявить особенности взаимодействия русской культуры с культурами стран Западной Европы.

На протяжении многих лет я урывками собираю материал по этой теме, а в связи с одним из моих проектов стал специально интересоваться русской ориентальной музыкой. Материал и здесь невероятно интересен. Достаточно сказать, что еще в 1816 г. И. В. Добровольский (1780-90-е – 1851), прибывший в Астрахань за десять лет до того вместе с архиепископом Анастасием в качестве регента церковного хора, организовал издание «Азиатского музыкального журнала», посвященного исключительно музыкальной культуре Востока. Всего вышло восемь номеров этого журнала, где содержались ноты, тексты и переводы песен восточных народов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

В России на ориентальную тенденцию откликаются, в частности, А. И. Серов («Юдифь»), И. А. Римский-Корсаков, («Антар», «Восточный романс»), Л. Г. Рубинштейн («Демон»). Нельзя не вспомнить и о блестящих ориентальных балетных постановках («Баядерка», «Египетские ночи», «Половецкие пляски», «Клеопатра», «Шехерезада», «Ориентали», «Трагедия Саломеи», «Пери», «Синий Бог», «Соловей»…). Петербургская музыкальная школа осознанно тяготела к образам Востока, условного и реального, исторического и этнографического. Вообще, интерес к «восточному», как к «экзотическому», типичен для многих романтиков, однако в России музыкальный ориентализм обретает большую конкретность, и Восток оказывается представленным подлинными музыкальными темами, ритмами и тембрами. Достаточно вспомнить фортепианную фантазию «Исламей» М. А. Балакирева или симфоническую поэму «Шехерезада» Н. А. Римского-Корсакова.

В. И. Даль (1801–1872), выдающийся русский ученый-лексикограф и писатель, был в 1833 г. определен чиновником для особых поручений к оренбургскому военному губернатору. Известно, что по служебным делам Даль часто бывал в аулах, овладел казахским языком, записывал народные сказания и песни[2]. Результатом общения с казахской культурой стали не только такие сочинения, как, «Бикей и Мауляна»[3], «Майна», «Полуношник», «Уральский казак», «Домик на водяной улице», но и записи трех песен, которые были переданы Далем философу и музыковеду князю В. Ф. Одоевскому (1803 или 1804–1869). Одна из этих песен благодаря композитору А. А. Алябьеву (1787–1851), который в 1831–1835 гг. находился в ссылке в Оренбурге, стала русским романсом «Зачем я не горный орел молодой», вошедшим в сборник «Азиатские песни». Последний включал переложения туркменской, башкирской и казахской песен для голоса с фортепиано.

В этой связи другой важной, но, к сожалению, за недостатком времени не реализованной целью поездки на Мангышлак в 2015 г. был для меня поиск возможных соответствий старейшим и до сих пор не исследованным записям казахского фольклора, осуществленных немецким этнографом Рихардом Карутцом (1867–1945) во время его путешествий по Мангышлаку в 1903 и 1909 гг.[4]

В Санкт-Петербурге хранятся копии пяти фоноваликов, которые принадлежат Берлинскому фонограмархиву (Berliner Phonogramm-Archiv), созданному в 1906 г. и связанному с именем выдающегося австрийского музыковеда, этнографа и психолога Эрика М. Хорнбостеля, возглавлявшего фонограмархив до 1933 г., когда он был вынужден бежать из страны после прихода Гитлера к власти. Хорнбостель первым использовал методы и данные этнографии, психологии, акустики и инструментоведения в музыковедческих исследованиях.

Согласно сохранившимся в нашем музее архивным материалам фонограмархив оказался в зоне действия Красной Армии в конце 1944 – начале 1945 г., был эвакуирован в Москву (где хранился сначала в Музее народов СССР, а затем Московской части Института этнографии АН СССР). 2 февраля 1948 г. 49 ящиков с этим грузом прибыли в Ленинград, где специальная комиссия под руководством крупнейшего советского этномузыковеда проф. Е. В. Гиппиус вскрыла и разобрала прибывшие ящики. Согласно акту комиссии, в них оказались 2273 восковых фоновалика, 5006 пластмассовых фоноваликов, 7199 матриц[5].

Среди этих материалов оказалось и пять фоноваликов с записями, сделанными Рихардом Карутцом на Мангышлаке. Комиссия подробно и тщательно описала материалы и провела их предварительную очистку. В дальнейшем все поступившие материалы были скопированы[6], а сама коллекция в декабре 1958 года возвращена в ГДР (*рис. 1–2*)[7].

Рис. 1. Обложка «Рабочей ведомости внешнего осмотра фоноваликов и матриц Особого фонда МАЭ АН СССР». 24.06.1949–04.07.1949 (133 листа). *Архив МАЭ РАН*, ф. К–IV, оп. 15, д. 7

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 2. Приложение к Акту передачи коллекций Берлинского фонограмархива Министерству культуры ГДР от 19.11.1958.
Архив МАЭ РАН, ф. К–IV, оп. 15, д. 6, л. 82

Рихард Карутц, впоследствии ставший одним из основателей и пропагандистов нацистской расовой теории[8], несомненно, талантливо и с немецкой тщательностью описал свое путешествие на Мангышлак, и есть основание думать, что в книге сохранилось описание одного из моментов записи, о которой идет речь: «Иногда какой-нибудь певец снимает со стены двухструнную домбру (*рис. 3*), берет простые монотонные аккорды и поет о любви и жизни, о людях, повидавших свет, о домоседах и т. д. К тихим звукам примешивается многообещающий бас пискека, которым хозяйка усердно перебалтывает кумыс для вечера. В полутьме кибитки сверкают белые как снег зубы и веселые глаза, к хозяину жмется его любимый сынок, которому в честь редкого гостя разрешено дольше оставаться на ногах и послушать певца, от которого не отрывается его взор, пока, усталый, он не свалится на колени отца и тот не прикроет его осторожно теплым одеялом (*рис. 4–5*). Над открытым куполом кибитки сверкают уже звезды на вечернем небе, перед дверью вспыхивают еще красные языки догорающего очага, освещая мелькающие халаты, вдали раздается короткий резкий лай собаки. Один за другим встают и оставляют кибитку киргизы; темнота и тишина степной ночи окутывают кибитку и аул, пока с рассветом не встанут женщины и не раздуют снова тлеющего огня»[9].

Возвращаясь к русской музыкальной культуре, отметим, что яркой страницей интеллектуальной, идеологической и политико-психологической истории русской пореволюционной эмиграции стало «евразийское уклонение» в музыке 1920–1930-х гг., связанное с развитием идеологии евразийства. «Мысли бегут. А Чингизхан и Карокорум? Евразийский контраст Акрополя? Я не знаю с уверенностью, что меня больше волнует: известные пейзажи Парижа, связанные с историческими моментами чужой (или общечеловеческой?) истории, или хватает за душу воспоминание о каком-нибудь моменте или лице в азиатском нашем раздолье? От Азии я, во всяком случае, оторвать своего Я не могу и чувствую ложь, однобокость в рассудочной настроенности в отношении Запада. Корни мои не здесь! — Словом, юный скиф Анахарсис. Хотя и не юн и далеко не скиф. Если дано было бы продумать или, это крепче, прочувствовать ход развития культуры, не получился бы замкнутый круг? А этого инстинктивно боишься, хотя к этому стремишься, но надеешься всегда

Рис. 3. С. М. Дудин. Музыкальные инструменты кобыз и домбра.
Фотоотпечаток, 17,0 × 23,0 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–284

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

на срыв в параболу, на отлет», — писал в 1925 г. в Париже один из идеологов классического евразийства Василий Никитин[10].

В советское время традиции композиторов-ориенталистов были подхвачены, в частности, Е. Г. Брусиловским (1905–1981), автором первых казахских опер и оркестровых произведений, и такими его казахскими учениками и последователями, как народный артист СССР Сыдык Мухамеджанов (1924–1991).

Помимо копий материалов Берлинского фонограмм-архива в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранится коллекция валиков с записями казахского фольклора, осуществленных в 1920 и 1930-е гг., и богатое собрание грампластинок, выпущенных в советские годы. Все эти интереснейшие материалы, как и записи Рихарда Карутца, самые ранние из существующих записей казахского фольклора, еще ждут своего исследователя.

Рис. 5. Р. Карутц. Многочисленность киргизской семьи. 1903–1909. Там же. Таб. 20

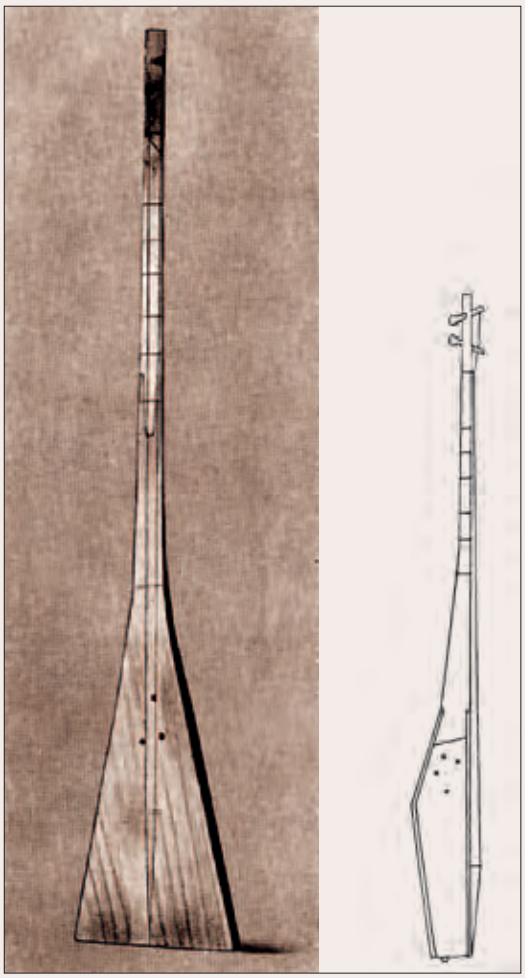


Рис. 4. Р. Карутц. Киргизский дутар или домбра. 1903–1909. Иллюстрация из: Карутцъ. *Среди киргизовъ и туркменовъ*. Таб. 30

Примечания

[1] А. Успенский. «В сторону Азии». *Грезы о Востоке. Русский авангард и шелка Бухары*. Под ред. Е. А. Резвана (СПб., 2006). С. 130–136.

[2] Подробнее см.: Б. Б. Грановский. «Русские (от И. Е. Молчанова), украинские, литовские, казахские, чеченские песни и напевы в собрании В. Ф. Одоевского». *Фольклор. Песенное наследие* (М., 1991). С. 239–243; Н. Е. Прянишников. *Писатели-классики в Оренбургском крае* (Челябинск, 1977). С. 39.

[3] Подробнее см.: И. К. Зубова. «Бикей и Мауляна» — «степные» Ромео и Джульетта. [Online]. Доступно на: http://orenlit.ru/tvorchestvo/literaturnaya-kritika/bikey-i-maulyana-%E2%80%93-stepnyie-romeo-i-dzhuletta.html (последнее посещение 13.11.2015 г.).

[4] R. Karutz. *Unter Kirgisen und Turkmenen. Verlag Klinkhardt & Biermann* (Leipzig, 1911). В том же 1911 году вышел в свет русский перевод этой книги, выполненный сотрудником нашего музея Е. Л. Петри: Р. Карутцъ. *Среди киргизовъ и туркменовъ на Мангышлакѣ: Съ 32 отдѣльными таблицами, 51 рисункомъ въ текстѣ и картой* (СПб., 1911).

[5] Комиссия отметила, что 47 восковых и 241 пластмассовый валик были разбиты из-за плохой упаковки. Черновая опись на 133 листах всего прибывшего в Ленинград материала хранится в настоящее время в Архиве МАЭ РАН.

[6] Сейчас они хранятся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

[7] Подробнее см.: A. Teriukov. “The Berliner Phonogramm-Archiv in Leningrad in 1948–1958”. *Manuscripta Orientalia*. XVI/1 (2010). P. 68–72.

[8] Его книга по «эзотерической антропологии», вышедшая в 1929 г. (R. Karutz. *Von Goethe zur Völkerkunde der Zukunft* (Stuttgart 1929)), — свидетельство того, что нацизм активно прорастал в немецком обществе задолго до прихода Гитлера к власти.

[9] Карутцъ. *Среди киргизовъ и туркменовъ*. С. 77.

[10] Цит. по: И. Г. Вишневецкий. *Евразийское уклонение в музыке 1920–1930-х годов*. [Online]. Доступно на: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1023763/Vishneveckiy_-_Evraziyskoe_uklonenie_v_muzyke_1920-1930-h_godov.html (последнее посещение 14.11.2015 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ГЛАВА II

ТАКСИС

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906528-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Таксис – относительное время

По степи ползут и излучаются травы, все пространство цветет и благоухает, от дуновения ветра массы ковыля перекатываются, как волны в море, но в море бесшумном, светлом, радостном и пестром, как восточный ковер. Из края в край, от одной юрты к другой, странствующие на конях и верблюдах поэты читают старые традиционные, из рода в род передаваемые поэзы или слагают экспромты, воспевающие человека, зверя, небо, птиц.

Павел Кузнецов[1]

В свете теории таксиса некоторые категории и понятия традиционной лингвистики, связанные с **выражением позиционного времени, в первую очередь** такие, как «относительное время», «относительные времена», «согласование времен», были подвергнуты переосмыслению и получили новую интерпретацию, обнаруживающую у различных исследователей подчас существенные расхождения.

С. М. Полянский

Востоковед-историк должен быть филологом в первую очередь. Этому учат с первых дней пребывания на восточном факультете Санкт-Петербургского университета. Петербургский востоковед часто видит и описывает мир в лингвистических терминах. «Математичность» лингвистики помогает увидеть структуру в хаосе и дает в руки исследователя нить, которая поможет выбраться из любого лабиринта. Правоту своих учителей я в который раз оценил на севере Казахстана, куда в конце мая 2010 г. отправилась совместная российско-казахстанская историко-этнографическая экспедиция. Как раз накануне отъезда я работал со статьей одного из крупнейших лингвистов XX в. Романа Якобсона, в которой он впервые ввел в оборот важный для современной лингвистики термин *таксис*[2]. Возможно, именно под влиянием этой статьи вся наша поездка предстала для меня в окололингвистических образах и понятиях.

Основной задачей экспедиции был сбор материалов для научного обеспечения публикации казахских коллекций Петербургской Кунсткамеры. Комплексный научный, экспедиционный, выставочный и издательский проект с предварительным названием «Традиционная казахская культура в предметных и фотоиллюстративных коллекциях МАЭ РАН» был задуман МАЭ и Центральным государственным музеем Республики

Разнотравье в казахской степи.
Фото Т. М. Федоровой,
экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Одинокий всадник.
Фото Т. М. Федоровой,
экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

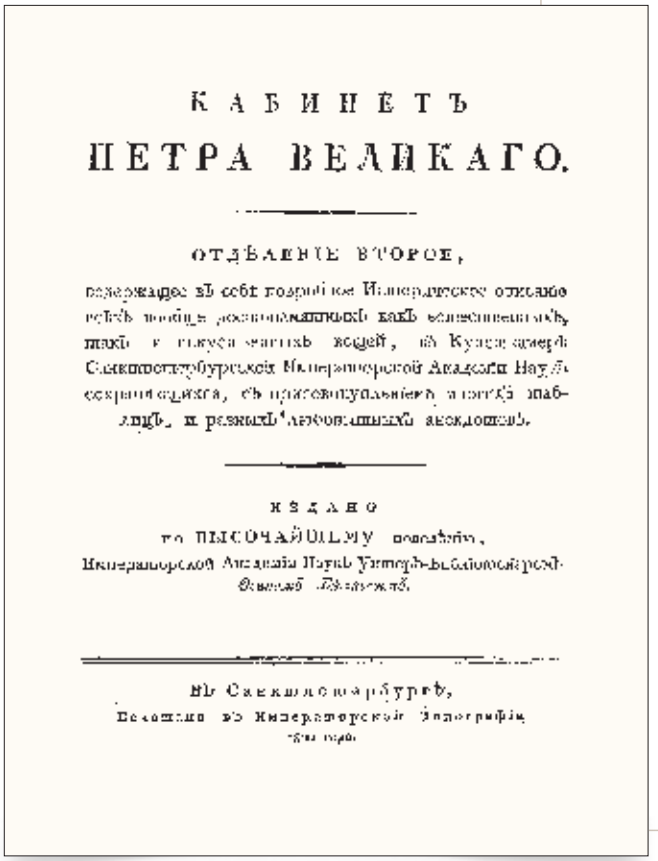
[1] П. В. Кузнецов. «От Саратова до Бухары». Предисловие автора к альбому литографий «Горная Бухара», 1923. Цит. по: *Павел Кузнецов*. 1878–1968. (М., 2007) с. [illegible]

[2] Р. О. Якобсон. «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол». *Принципы типологического анализа языков* [illegible] *лингвистический семинар*. II (Новосибирск, 2001). С. М. Полянский. «Таксис — относительное время — эвиденциальность (к проблеме кри[illegible]

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-41-2/
© МАЭ РАН

Казахстан с целью объединения усилий ведущих ученых двух стран в деле исследования и публикации казахского собрания МАЭ, одного из интереснейших и старейших в мире. История этой коллекции теснейшим образом связана и с историей России, и с историей Казахстана XIX – начала XX в. Среди ее собирателей Чингиз Валиханов, отец казахского ученого-просветителя Чокана Валиханова, выдающийся русский художник В. В. Верещагин, знаменитый путешественник и исследователь Центральной Азии Г. Е. Грум-Гржимайло, выдающийся востоковед-тюрколог Н. Ф. Катанов, первый российский генерал-губернатор Туркестана К. П. фон Кауфман, последний император России Николай II, директор МАЭ академик В. В. Радлов и многие другие.

Сведения о предметах по традиционной культуре казахов в собрании Кунсткамеры встречаются уже в каталоге–путеводителе по музею, принадлежавшем перу



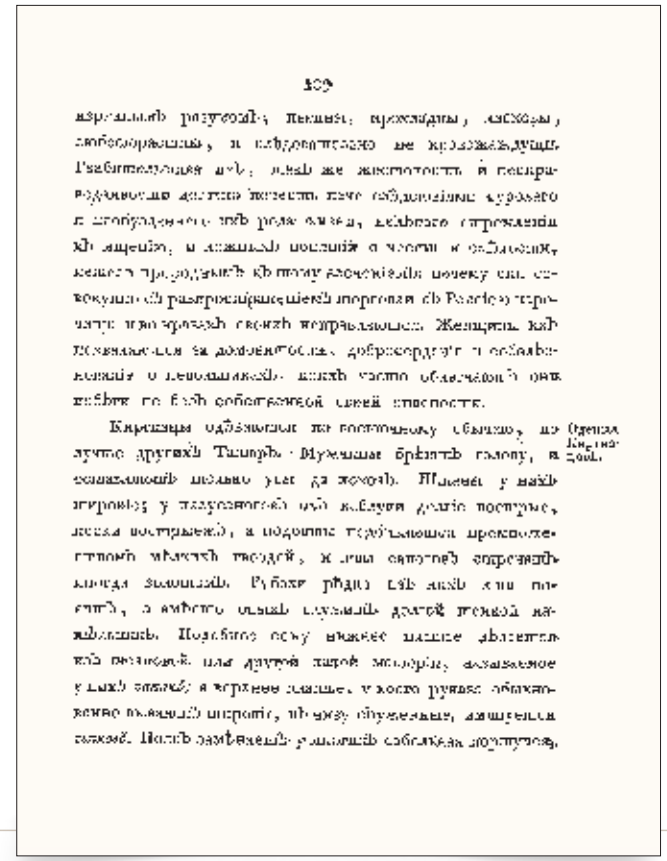
КАБИНЕТЪ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ,

содержащее въ себѣ подробное Императорское описаніе всѣхъ вообще достопамятностей какъ естественныхъ, такъ и плодъ искусствъ людей, въ Кунсткамерѣ Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ сохраняющагося, съ присовокупленіемъ многихъ изображеній и разныхъ любопытныхъ анекдотовъ.

ИЗДАНО
по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію,
Императорской Академіи Наукъ Университетскою Типографіею.

Въ Санктпетербургѣ,
Печатано въ Императорской Типографіи
1801 года.



109

изрѣзанныя разными рисунками, пояски, пряжки, кисеты, любопырыши, и кубаетскою не пренебрегающіе. Работающая жена, имѣя же жилистость и неправильность долгаго времени тѣмъ обнаружилась, кривого и необуреннаго въ роде сумки, кожаного отрѣзанія къ ящикамъ, и лежащихъ поясной и чаши и обѣдокъ, кожаго приходящихъ къ тому заключенію почему они сокрушаются разпространяющейся торговли въ Россіи; тѣмъ изо чрезъ своихъ непрѣлаются. Женщины къ показываются за домашностью, добросердечіе и обольщенія о невольникахъ, имѣя часто обнаружаются они имѣютъ по своей собственной своей спокойности.

Кирасцы одѣваются по восточному обычаю, но лучше другихъ Татаръ. Мужчины брѣютъ голову, и оставляютъ только усы да бороду. Шьютъ у нихъ игровъ; у плодоносной обѣ кольцы долго поступые, лежа вострыжей, а подошвы подѣлываются преколостеномъ мѣстѣ тѣлодей, и они сапогъ опрекнуть иногда зелоняютъ. Рубахи рядо съ нихъ хаи почти, а вмѣсто ольнъ слушаютъ другой тонкой навѣдываютъ. Подобно осу нижнее нижнее дѣлается къ постоянной или другой такой мелоріи, оказываемое у нихъ знакомъ; а верхнее нижнее у кого рукавъ обыкновенно пьяной непрогіи, и по ему обнаженныя, нашиваются такой. Послѣ замѣчаемъ рыжинъ собственно поступовъ.

Академик В. В. Радлов,
директор МАЭ на рубеже XIX–XX вв.

Титульный лист и «казахская страница» каталога-путеводителя О. Беляева «Кабинет Петра Великого...»

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

«Императорской Академии наук унтер-библиотекаря» Осипа Беляева и вышедшем в свет в 1800 г. Приводимый ниже текст позволяет в некоторой степени представить и интерьер Кунсткамеры, и организацию музейной экспозиции тех лет:

«*Статуя киргизца.* Шестая восковая статуя изображает киргизца в собственном его одеянии. Народ сей разделяется на три орды, то есть: на большую, среднюю и малую.

Описание киргизца. Киргизцы имеют вид приятный и свободный; глаза у них веселые. Они от природы одарены изрядным разумом; пышны, прохладны, ласковы, любострастны, и следовательно не кровожаждущи. Грабительства их, так же жестокость и несправедливости должно почесть паче следствиями сурового и необузданного их рода жизни, нелепого стремления к мщению и ложных понятий о чести и смелости, нежели природным к тому влечением: почему они совокупно с распространением торговли с Россиею нарочито и во нравах своих исправляются. Женщины их похваляются за домовитость, добросердечие и соболезнование о невольниках, коих часто облегчают они побеги не без собственной своей опасности.

Одежда киргизцев. Киргизцы одеваются по восточному обычаю, но лучше других татар. Мужчины бреют голову и оставляют только усы да хохол. Штаны у них широкие; у полусапог их каблуки долгие вострые, носки вострые ж, а подошвы подбиваются премножеством мелких гвоздей, и швы сапог строчат иногда золотом. Рубахи редко из них кто носит, а вместо оных служит долгий тонкий нательник. Подобное сему нижнее платье делается из шелковой или другой какой материи, называемое у них *чапак*, а верхнее платье, у коего рукава обыкновенно бывают широкие, к низу суженные, именуется *чепков.* Пояс заменяет у многих сабельная портупея, к которому у некоторых привешен табачный прибор, огниво и нож. Нижняя шапочка или скуфейка остроконечна и вышитая; верхняя же, подобная кеглю, делается с ушками, которые загибаются и придают ей вид корабля, а верх ее украшается кистью. Платье шьют они из китайки, сукна, а особливо красного, или из шелковых по большой части пестрых и дорогих материй, и опушают верхнее одеяние выдрами.

Женское киргизское одеяние. Одеяние киргизских женщин совсем сходно с одеянием китайских татарок. К волосам прикрепляют они обыкновенно широкое, корольками покрытое и кисточками распещренное

С. М. Дудин. Богатая женщина с детьми.
Фотоотпечаток, 17,0 × 24,0 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–78

Большая семья.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

украшение (*куйрук*), совершенно подобное тому, какое в употреблении у черемисянок. По будням покрывают они голову фатою, в праздничные же дни надевают чепцы, башкирским подобные, и покрытые монетами и прочим украшением. Многие, а особливо знатные, обвертывают голову разными материями, наподобие турецкой высокой чалмы. Девки заплетают волосы во многие маленькие косы. Дочери знатных людей и салтанши отличаются от прочих торчащими в волосах, наподобие рогов, пригожими цаплиными шеями. Богатые и знатные женщины носят платье шелковое, отчасти из дорогих материй и штофов, суконное, а иногда и бархатное; и сверх того окладывают они платье свое нередко снурками и золотыми позументами, или опушают выдрою»[3].

Пожилая женщина в национальной одежде.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

С. М. Дудин. Старуха
в традиционном головном уборе.
Фотоотпечаток, 17,2 × 11,3 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–61

Переданная в МАЭ в 1880 г. фотоколлекция известного зоолога И. С. Полякова, выполненная среди казахов Семипалатинской области, является старейшим музейным собранием, которое целиком посвящено изучению одного народа. Среди музейных экспонатов старинный и богато украшенный сердоликовыми вставками, серебром и золотом пояс, хранившийся, по преданию, в роду одного из самых знаменитых ханов Среднего жуза — Аблай хана (1711–1781)[4]. По мотивам именно его биографии снят первый казахстанский блокбастер «Кочевник» (режиссеры Иван Пассер / Сергей Бодров, 2005).

В собрании МАЭ хранится и уникальное собрание фотоматериалов Самуила Мартыновича Дудина (1863–1929), художника, ученого-этнографа, путешественника и коллекционера. Он был непосредственным участником эпохи «бури и натиска» в истории МАЭ, связанной с именами Василия Васильевича Радлова (1837–1918) и Льва Яковлевича Штерн-

[3] О. Беляев. Кабинет Петра Великого. Отделение второе, содержащее в себе подробное историческое описание всех вообще достопамятных как естественных, так и искусственных вещей, в Кунсткамере Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук сохраняющихся, с присовокуплением многих таблиц, и разных любопытных анекдотов (СПб., 1800). С. 188–191.

[4] Подробнее см. ниже, с. 285–287 (коллекции в конце книги).

[5] Благодаря Радлову в основу деятельности музея был положен принцип собирания путем систематических научных экспедиций. В период с 1897 по 1913 г. МАЭ смог организовать ряд

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

берга (1861–1927). Тогда была поставлена цель создать в Петербурге *научный музей общечеловеческой культуры*, который был бы достоин столицы великой страны[5]. «Сапожник — без сапог»: до нас практически не дошло фотографий самого Дудина. Он был и остался в истории науки «человеком команды».

После ареста за участие в революционном движении и ссылки в Сибирь С. М. Дудин, по ходатайству директора Музея антропологии и этнографии академика В. В. Радлова, получил возможность поселиться в Санкт-Петербурге и принять участие в научных проектах музея. В столице Радлов помог бывшему ссыльному поступить в Императорскую Академию художеств. Блестяще окончив курс Академии, где он был учеником И. Е. Репина, и получив в 1897 г. звание художника, С. М. Дудин участвует в художественных выставках, работает как книжный график. При этом уже тогда главным в его жизни, несомненно, было активное участие в серии экспедиций по изучению памятников Центральной Азии, организованных МАЭ. Он, в частности, работал в среднеазиатской экспедиции В. В. Бартольда (1893–1894) и в обеих экспедициях С. Ф. Ольденбурга в Китайский Туркестан (1909–1910; 1914–1915); активно занимался изучением художественных и этнографических памятников. Вскоре С. М. Дудин стал ученым хранителем и секретарем Музея антропологии и этнографии, возглавил в нем Отдел древностей Восточного Туркестана, стал бессменным секретарем основополагающих для русской этнографической науки Радловских чтений. С 1900 по 1908 г. он почти ежегодно выезжал в Туркестанский край. С. М. Дудин стал основоположником коллекции Этнографического отдела Русского музея (ныне — РЭМ) по этнографии народов Средней Азии[6].

И. С. Поляков.
Киргизцы Семипалатинской области.
Фотоотпечаток, 15,5 × 20,5 см. 1879 г.
МАЭ РАН, № 106–84

С. М. Дудин на коллективной фотографии сотрудников МАЭ (фрагмент). Негатив, 13,0 × 18,0 см. 1914 г. Фотограф неизвестен. МАЭ РАН, № И–1371–3

блестящих самостоятельных экспедиций в Монголию, Енисейскую губ., Степной край, на о. Эзель, о. Сахалин, о. Есо, в Маньчжурию, Туруханский край, Якутскую область, Нижегородскую и Костромскую губ., в Австралию, Северную и Южную Америку, в Абиссинию, в Индию и на Цейлон. МАЭ выступил организатором серии важнейших экспедиций в Китайский Туркестан. В целом же за период с 1889 по 1913 г., в первую очередь благодаря систематической экспедиционной работе, коллекции музея выросли с 19 до 130 тыс. предметов, т. е. увеличились в шесть раз.

[6] Подробнее см. ниже, с. 156–161.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Это была романтическая эпоха, которую сегодня можно назвать временем первой медийной революции, эпоха фотографов-путешественников и первооткрывателей[7]. Увлекшись фотографией, Дудин стал основателем и (с 1911 г.) бессменным руководителем специализированной

Коллектив научных сотрудников МАЭ.
Слева направо сидят: М. Филаретова, Е. М. Кубиш, С. А. Ратнер-Штернберг, Е. Романова, Л. Я. Штернберг, В. В. Радлов, Э. К. Пекарский, Е. Л. Петри, К. К. Гильзен, В. И. Иохельсон.
Стоят: С. М. Дудин, А. Иванов, А. Пиотровский, Б. Э. Петри, В. М. Лемешевский.
Фотоотпечаток, 13,0 × 18,0 см., Начало XX в.
Фотограф неизвестен.
Из личного архива Ю. М. Шмидта

фотолаборатории Музея антропологии и этнографии, одной из первых в мире, и фактически одним из основателей научного направления, которое принято сегодня называть *визуальной антропологией*.

В основу нашего маршрута экспедиции 2010 г. легли материалы поездки 1899 г. С. М. Дудина в Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области. Целью его экспедиции было, в частности, создание специальной экспозиции для Парижской всемирной выставки. Проект реализовывался знаменитым «Этнографическим бюро», созданным в 1897 г. русским фабрикантом и меценатом князем В. Н. Тенишевым (1843–1903). Основной целью этого громадного предприятия была организация и проведение массового сбора сведений о русском крестьянстве по «Программе этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленной князем В. Н. Тенишевым». Казахский проект Тенишева показывает, что на определенном этапе он был готов существенно расширить исследовательские рамки «Бюро».

Газета «Русский Туркестан» в двух номерах, от 14 июля и 11 августа 1899 г., в рубрике «Азиатское эхо» поместила один и тот же текст: «Этнографическое бюро князя Тенишева издаст к Парижской выставке

Мост Александра III и Гран Пале, возведенный для Всемирной выставки 1900 г.
Фото Т. М. Федоровой, 2011 г.

«Карта волостей Семипалатинской области» (фрагмент). *Волости и населенные места*. V (Центральный статистический комитет МВД, СПб., 1895)

[7] Подробнее см. ниже, с. 156–161.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

обширное исследование о киргизах, снабженное иллюстрациями, выполнение которых возложено на специально командированного для этой цели в Степной край художника Дудина».

Архив экспедиции Дудина не сохранился, но накануне нашего отъезда сотрудники отдела Центральной Азии МАЭ РАН Валерия Александровна Прищепова и Инга Владимировна Стасевич на основе анализа фотографий Дудина смогли реконструировать маршрут его путешествия 1899 года: Омск — Павлодар (скорее всего на пароходе, 400 верст), далее — по Павлодаро-Баянаульско-Каркаралинскому тракту: пикет Калкаманский (33 ½ версты) — пикет Джамантуз (40 ¾ версты) — пикет Кайдаул (30 ¼ версты) — пикет Чакчанский (Шакшак, 33 ¼ версты) — казачья станица Баянаул (24 версты).

С. М. Дудин. Переправа через Иртыш у Павлодара.
Фотоотпечаток, 16,9 × 23,9 см.
1899 г. МАЭ РАН, № 1199–271

Пристань на Иртыше. Павлодар.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Баянаульский уезд, состоявший из восьми волостей, стал для Дудина первым местом активных полевых работ (пещера Аулие, озеро Джасыбай и могила батыра). Дудин пересек Чакганскую, Казылтаускую, Акнаттаускую, Акмолинскую (озеро Саукасколь, горы Нияз, реки Ащы-су и Шидерты / Чыдерты), Аккелинскую волости (урочище Аккелин, кладбище Чорманових и их зимовка).

Оттуда Дудин возвратился в Баянаул и направился в Каркаралинск: пикет Сартовский (27 верст) — пикет Бельагачский (27 ½ версты) — пикет Джельтаский (Джельтау, 23 версты, уже в пределах Каркаралинского уезда Семипалатинской области) — пикет Куяндинский (28 ½ версты, долина реки Талды, озеро Кара-сор, место самой важной в Степном крае[8] Ботовско-Куяндинской ярмарки) — пикет Еперлинский (23 версты) — Каркаралинск (25 верст).

Дудин много снимал на ярмарке, посетил урочище Кент, где зафиксировал древние развалины, далее направился в горы Улькен-Беркуты

[8] Степное генерал-губернаторство (Степной край) со столицей в Омске включало в себя территории Акмолинской, Семипалатинской и (до 1898 г.) Семиреченской областей.
[9] Альбом С. М. Дудина, посвященный казахскому народному орнаменту и состоящий из 60 акварелей, хранится в Научно-исследовательском музее Российской академии художеств (Отдел архитектуры. А–21646–А–21705, аннотированные копии в МАЭ, колл. №№ 2450, 2530, 14 цветных копий — в ЦГМ РК). К коллекции примыкают рисунки, чертежи и планы, выполненные Дудиным в ходе экспедиции 1899 г. (14 единиц хранения, колл. № И–1446).
[10] «Из поездки 1899 г. С. М. Дудин привез резные деревянные шкафы, женские серебряные украшения, не сохранившиеся черпаки и кожаную посуду для кумыса, струнные музыкальные инструменты, предметы домашней утвари, кремневое ружье местной работы, а также старинную подпорку для верхнего круга юрты — адал-бакан, — которую собиратель приобрел в летовье у г. Якши Нияз. Часть предметов коллекции были из г. Павлодара — мужской пояс ксе с охотничьим набором и старинные пяльцы с образцом

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

и горы Ку, затем в долины рек Джарлы и Нуры, горный массив Сарыкулжа. Он много работал в самом Каркаралинске (тогда 3475 жителей), состоявшем из трех частей: казачьей станицы, городского поселения и казахско-татарской слободки. Среди объектов фотосъемки — мечеть, построенная в 1851 г. Кунанбаем Ускенбаевым, отцом Абая Кунанбаева, озеро Пашенное, озеро Шайтан-коль на вершине хребта Бугылог. Возвратиться в Омск С. М. Дудин мог той же дорогой через Баянаул.

В ходе поездки Дудину удалось сделать около 500 фотографий кочевого быта: бытовых сцен и пейзажей, портретов людей, их занятий, внутреннего убранства жилищ, зимовок, кочевий, одежды, музыкальных инструментов… Дудиным были также сделаны зарисовки казахского орнамента[9] и собрана коллекция этнографических предметов[10]. По разнообразию тематики и количеству снимков, коллекцию № 1199[11], переданную Дудиным в музей в 1907 г., вполне можно считать фотографической энциклопедией традиционного казахского быта.

По результатам экспедиции нам предстояло уточнить и исправить многие атрибуции фотографий Дудина и получить дополнительный материал, позволяющий взглянуть на зафиксированные Дудиным объекты с учетом исторической перспективы и информации, собранной специалистами за годы, прошедшие после его поездки.

Часть сундука (*кебеже* или *асадал*). 88,0 × 61,0 см. Дерево. Казахстан, конец XIX в. От С. М. Дудина, поступление 1899 г. МАЭ РАН, № 493–15а

Степь в Северном Казахстане.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

вышивки. На Куяндинской ярмарке он купил изделия ювелира — несколько колец и щипцы для выдергивания волос. Их прикалывали вместе с “гигиеническим набором” справа на груди к камзолу и носили женщины и мужчины среднего и пожилого возраста. От сына известного казахского исследователя Мусы Чорманова, Садвакаса, музей получил в дар веретено уршук для прядения тонких нитей, ложку ожау для кумыса, сделанную из единого куска дерева, и деревянную ложку, повторяющую форму русской, а из Баянаула, вотчины Чормановых, мужскую шапку тымак и табакерку для нюхательного табака (МАЭ. Колл. 493)» (В. А. Прищепова. К истории казахских коллекций С. М. Дудина в МАЭ РАН (в печати).

[11] К собранию в целом примыкает коллекция стереонегативов (№ 2181), переданная С. М. Дудиным в МАЭ в 1910 г. В ее состав входят виды, которые встречались членам экспедиции С. Ф. Ольденбурга на пути до Турфана, а также негативы путевых снимков из жизни казахов по дороге из Семипалатинска до Чугучака, сделанные в ходе экспедиции 1914–1915 (№ 2114, см. также колл. № 2491).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

***

Проселочная дорога бежала по степи, то и дело пересекая по отмелям мелкие речушки. Удерживая видеокамеру, норовившую вырваться из рук на каждом ухабе, я всматривался в пыльное окошко нашего «уазика». Чем дальше мы углублялись в степь, тем больше всепогодная и сверхпроходимая «буханка», которую я встречал на дорогах от Эфиопии до Вьетнама, напоминала мне машину времени. На этой фантастической земле запросто сосуществуют разные эпохи, и сегодня, когда я вспоминаю нашу поездку, для меня более важным оказывается не географически точная и последовательная фиксация перемещений в пространстве, а именно «путешествие во времени». Я раскладываю впечатления «по временам», и прежде всего оказываюсь в бесконечном традиционном времени (*traditus-continuous*) кочевой степи, в которой мало что изменилось со времен Чингизхана.

В тени у водопоя.
По дороге к урочищу Кент.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Наша «буханка».
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Мы ехали в урочище Кент, где сто лет назад Дудин снимал древние развалины, и картинка за окном все больше напоминала иллюстрации к «Сокровенному сказанию» монголов, уникальная рукопись которого хранится в библиотеке восточного факультета СПбГУ, или к знаменитому «Собранию летописей», составленному визирем-реформатором, врачом и историком Рашид ад-Дином (ок. 1247–1318), успевшим до своей казни сложить в книгу все доступные сведения по истории монголов. Мы остановились, чтобы снять табун лошадей, плотно сбившийся в тени небольшой группы деревьев. Великая степь, на запад уходившая к горизонту, одновременно пахла горькими и сладкими травами. Громадный купол неба накрывал этот мир, который, казалось, ничуть не изменился за сотни лет.

[12] См.: А. И. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей (Алматы, 1996). С. 106–107, 445–446. Специалисты по-разному датируют памятник (XIII–XV или XVII в). По мнению С. С. Черникова, постройка являлась храмом Учургу-тайши, старшего брата калмыцкого тайши Аблая, строителя Аблай-кита. См.: С. С. Черников. «Памятники архитектуры

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Ощущение иного времени резко усилилось в самом урочище — природной крепости, закрытой от острых степных ветров, идеальном месте стоянки и зимовки с чистейшим ручьем, смородиной и земляникой. Здесь мог разыграться любой из эпизодов ранней истории Чингизхана. Не хватало только десятка юрт с женщинами и детьми, вдруг отчаянно залаявших сторожевых собак, свиста стрелы и всадников, в мгновение ока похватавших чужих жен и тут же исчезнувших в безбрежной степи.

Развалины стояли там же, где их снял Дудин, только за сто лет из двух — стали одноэтажными. А. И. Левшин (1797–1979), «Геродот казахского народа», по меткому определению Чокана Валиханова, в своем обзорном труде, опубликованном в 1832 г., так описал развалины в Кенте: «В горах Кен-Козлан, на реке Кызылсу, впадающей в Талду, на прелестном местоположении стоит строение двухэтажное каменное, крестообразное, сложенное из дикого камня на извести; потолки в нем обрушились, но приметно, что они были покрыты красной краскою, а стены штукатурены. На верхнем этаже вокруг всего строения была галерея и фронтон, поддерживаемый четырьмя деревянными колоннами, выкрашенными мастикою, предохранявшею их от гнилости. Около сего здания были и другие, но развалились до основания, стены поросли деревьями шиповника и таволги нарочитой величины»[12].

Предположительно это буддистский храм, но сама аура урочища невольно заставляла фантазировать о принцессе, зазимовавшей здесь по дороге к далекому жениху. Официальная табличка, сохранившаяся с советских времен, гласит: «Дворец Кызыл-Кент. XVI–XVII вв. Памятник охраняется государством»[13].

Вечером того же дня мы попивали пенистый кумыс и наблюдали, как хозяин сбивал его ровно так же, как и сотни лет назад. Здесь помнят

С. М. Дудин. Развалины на урочище Кент. Фотоотпечаток, 11,0 × 16,7 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–151

Развалины на урочище Кент, современное состояние. Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

ойрат-калмыков (материалы)». *Записки Калмыцкого НИИЯЛИ*. Вып. I (Элиста, 1960). С. 115–134. Описание памятника в Кенте см.: В. Л. Никитин. «Памятники древности Каркаралинского уезда». *Записки русского археологического общества*. VIII/1–2 (СПб., 1896). С. 211–214; И. А. Чеканинский. «Развалины “Кзыл-Кент” в Каркаралинском округе Казакской АССР (Исследования и библиография)». *Записки Семипалатинского Отдела Общества изучения Казахстана*. I/XVIII (Семипалатинск, 1929). С. 92; Ж. Смаилов, А. Бейсенов. «Кызылкеніш сарайы». *Білім және еңбек*. VI (1987).

[13] Наиболее полный вариант романтической легенды, связанной с этими развалинами, записали в 1986 г. Ж. Смаилов и А. Бейсенов из уст 82-летнего Габдоллы Сарсенбайулы, коренного жителя этих мест. Изложение легенды см.: А. Сейдимбек. *В давние времена казахи и калмыки были хорошими соседями*. [Online]. Доступно на: http://el.kz/m/articles/view/В-давние-времена-казахи-и-калмыки-были-хорошими-соседями (последнее посещение 02.08.2015 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

имена минимум семи поколений предков и плачут, слушая песни о джунгарских войнах XVII–XVIII вв. так, будто оплакивают отца или старшего брата.

В 1992 г. в Алматы проходила выставка «Традиционная культура казахов в Петербурге», приуроченная к работе Всемирного курултая

С. М. Дудин. Семья богатого хозяина. Фотоотпечаток, 17,7 × 24,0 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–108

На родовом кладбище Чормановых. Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

казахов. Здесь впервые были представлены фотографии С. М. Дудина. К радости моих коллег, на некоторых снимках посетители выставки узнали своего деда в кругу родных. Члены семьи Чермановых рассказали сотрудникам музея историю своего рода, который ведут от Исы Чорманова, дядюшки Чокана Валиханова. «Они показывали тетрадь со своей родословной, перечисляли родных, которых узнали на фотографиях С. М. Дудина. Наиболее известен из этой семьи Муса Чорманов, полковник царской службы, который занимался изучением казахской этнографии[14]. Во время своей экспедиции 1899 г. С. М. Дудин посетил и сфотографировал семью брата Мусы Чорманова, Исы, который был богатым скотовладельцем[15]. На семейном кладбище Чормановых мы поклонились праху этих людей.

[14] См.: Муса Чорманов. *Казахские народные обычаи*. Сост. А. М. Канафина (Караганда, 2000).

[15] В. А. Прищепова. «К 150-летию со дня рождения С. М. Дудина — художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН)». *Антропологический форум*. XV [Online]. С. 631–634. Доступно на: (http://www.intelros.ru/pdf/Antropo_Forum_online/2011_15/prischepova2.pdf) (последнее посещение 03. 08. 2015 г.). См. также: В. А. Прищепова, М. Б. Черманова. «Встречи на курултае век спустя». *Кунсткамера: Этнографические тетради*. V–VI (1994). С. 314–329; Б. Билялов, М. Черманова. «Шормановы в свете переписи населения 1897 г. и их потомки в XXI в.». *Евразийское сообщество. Общество. Политика. Культура*. II (2002). С. 111–125.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ТАКСИС – ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Для коренного жителя Степи мерность традиционного времени, диктуемые им приоритеты сегодня те же, что и тысячу, пятьсот или двести лет назад. При этом традиционное время всегда существует в связке с традиционным пространством. Тот, кто занимался историей Аравии, читал древнюю арабскую поэзию или воспоминания путешественников, прошедших по аравийским пустыням, кто сам поездил по Аравии, знает, что для местного поэта или бедуина-проводника нет приметной скалы, валуна, группы кустов или пальм, которые не имели бы своего названия и связанной с ними истории. Ровно так же наш проводник Алтынбек, сотрудник баянаульского музея, рассказывал нам о степных достопримечательностях, безошибочно указывая на место стоявших когда-то зимовок, повествуя о битвах, важных событиях, рождениях великих соотечественников. Мы же не видели в стандартных россыпях камней ничего приметного.

Разнотравье в казахской степи.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

— Остановись здесь, — сказал Алтынбек водителю. — Это Аблайдын Сарыадыры, отсюда в каждую сторону видно на 45 километров. Здесь все священные для казахов места. Здесь на белых кошмах ханов поднимали. Всюду — история наша.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Ближе к вечеру мы стояли у овальной дыры в земле метров семи в диаметре. Дна не было видно.

— Английский золотоносный рудник, — пояснил нам Алтынбек. — А вон там, — он указал на едва видный ряд камней, выдававшихся из земли, — была обогатительная фабрика.

В поисках следов разработки золотоносного рудника. Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Чуть позже в кузнице, которая, по преданию, стоит на этом месте уже 300 лет, он показал нам сохранившийся лоток для промывки золота и рассказал одну из своих историй. Английский предприниматель, затеявший дело в начале XX в., не рассчитал объема инвестиций — работы на месте оказались дороже, чем он предполагал. Он уехал в Лондон за деньгами, но вернулся с двумя прекрасными английскими скакунами и предложил местному баю скачку на 50 километров на выигрыш. Если первым придет англичанин, то бай будет оплачивать местных рабочих и предоставит лошадей, необходимых для работы прииска. Если первым придет казах, то весь прииск достанется баю, так же как и лошади, привезенные из Лондона. Через каждые десять километров маршрута стояли судьи — казах, англичанин и русский казак. Англичанин скакал сам, казахи посадили на лошадь подростка, и казахская лошадь пришла первой. Англичанин честно выполнил условия сделки. Алтынбек назвал и его имя — Уркварт.

Антони Уинн, английский участник нашей экспедиции. Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Я немедленно перевел рассказ Алтынбека участнику нашей экспедиции английскому писателю-ориенталисту Антони Уинну, а вскоре по возвращении получил от него информацию о том, что действительно, в начале XX в. в этих местах работал выдающийся английский предприниматель, позднее миллионер Джон Лесли Уркварт (1874–1933)[16].

С. М. Дудин. Мальчик — пастух верблюдов.
Фотоотпечаток, 7,6 × 10,9 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–405

Юный наездник.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Результатом нашего разговора у заброшенного рудника, возможно, станет полнометражный англо-российско-казахский художественный фильм, а рассказанная Алтынбеком почти эпическая история попадет в справочник о ведении бизнеса в разных странах мира, который каждый год издает МИД Великобритании.

Стоя у рудника, я вспомнил, что неподалеку от Джельтау Дудин заметил медную копь и обогатительную фабрику. Место называлось Шоптыколь. Я вспомнил и о том, что когда в 1890 г. каркаралинцам представилась возможность принять участие в Казанской научно-промышленной выставке, они среди прочего направили туда геологическую коллекцию,

[16] О нем см.: K. H. H. Kennedy. *Mining Tsar: The Life and Times of Leslie Urquhart* (Sydney, 1986).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

которая включала в себя 19 образцов горных пород и минералов с рудников и копей А. И. Дерова и С. А. Попова: кристаллы самородной меди, россыпное и рудное золото, громадные куски каменного угля, образцы железной руды из урочища Кентобе-Тогай…

Ближе к вечеру мы направились в гостеприимный дом, в котором живет семья брата нашего проводника. Мы пили чай из разожженного на дворе самовара и ели свежеиспеченный хлеб с домашним маслом. Его вкус я помню до сих пор.

В традиционном времени-пространстве традиционна и роль поэта и поэзии. *Акын*, казахский поэт-импровизатор, во многом близок древнеарабскому *ша'иру*: устный характер творчества, особая социальная роль, часто связь с неземными силами, поэтические состязания.

…Экспедиционный автобус подходит к селу Торайгыр. Дудин много снимал неподалеку. Удивительной красоты горы, одноименное озеро, реликтовая ольховая роща. Святой ключ Аулие булак бьет неподалеку от мемориального музея поэта Султанмахмута Торайгырова, умершего в возрасте 27 лет. Традиционное время несет свои законы: музей был открыт в труднейшем 1993 г. к 100-летию со дня рождения поэта, когда на всем постсоветском пространстве часто думали прежде всего о том, чем накормить детей.

Казан и самовар. Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

С. М. Дудин. Казан и железный очаг. Фотоотпечаток, 17,9 × 13,3 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–103

Святой ключ Аулие булак.Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Другой пример — судьба Машхура Жусупа Копеева (Копейулы) (1858–1931), выдающегося *акына* и собирателя народного творчества. Мы посетили мемориальный музей поэта, почитаемого сегодня на территории Казахстана в качестве святого, встретились с его правнуком, направились в усыпальницу-мавзолей, ставшую местом паломничества казахов со всего мира (при нас поклониться святому поэту приехал молодой казах-банкир из Лондона), а в Павлодаре зашли в Центральную мечеть, носящую имя поэта, одну из самых больших на территории республики. Машхур Копеев был одним из информантов директора МАЭ, выдающегося тюрколога академика В. В. Радлова. Под влиянием последнего он с 1872 г. приступил к сбору устной литературы Северного и Центрального Казахстана, что во многом и сформировало его личность[17]. Так же еще в 1891 г. в Сибири Радлов, по существу, предопределил судьбу Дудина, взяв талантливого молодого ссыльного с собой в Орхонскую экспедицию в качестве рисовальщика.

Могилы у мавзолея Машхура Жусупа Копеева. Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Центральная мечеть имени Машхура Жусупа Копеева (г. Павлодар), одна из крупнейших в стране. Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

[17] См., например: З. А. Ремпель. «Роль В. В. Радлова в изучении культуры и этнографии Казахстана». *Материалы международной научно-практической конференции «Г. Н. Потанин — ученый, путешественник, общественный деятель: российская интеллигенция XIX века и проблемы истории и этнографии казахов».* (Павлодар, 2005). С. 248–251.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

***

Гигантская империя некогда строилась совместными усилиями и, как правило, — в общих интересах. Купцы из российских мусульман стали посредниками между Россией и ее мусульманскими соседями, серьезно помогая ее продвижению вглубь Азии. Далеко не случайно исламизация Степи была победно завершена именно после ее присоединения к России.

В 1787 г. в Петербурге по распоряжению Екатерины II специально для бесплатной раздачи «киргизцам» впервые в России был напечатан полный арабский текст Корана. Одновременно с этим было отдано распоряжение о строительстве мечетей за государственный счет. Это издание отличалось от европейских прежде всего тем, что носило мусульманский характер: текст к печати был подготовлен и снабжен подробным комментарием на арабском языке (напечатан на полях) *муллой* ‘Усманом Исма‘илом. С 1789 по 1798 г. вышло пять подобных изданий Корана. В 1801–1802 гг. после снятия ограничения на публикацию в России исламской религиозной литературы арабский шрифт типографии Академии наук был передан в Казань, где открылась первая мусульманская типография. С 1802 по 1859 г. в Казани этот текст, получивший высокую оценку европейских ориенталистов, выдержал множество публикаций (было опубликовано до ста пятидесяти тысяч экземпляров полного текста) и, по существу, вытеснил в Европе предшествовавшие издания Корана[18]. Так называемые «Казанские Кораны», воспринятые как первое мусульманское издание, получили широкое хождение и неоднократно воспроизводились на Востоке (зафиксированы и рукописные подражания). По мнению выдающегося французского исламоведа Р. Бляшера (1900–1973) именно эти издания, увидевшие свет по воле практичной императрицы ради гармоничного взаимодействия России и Степи, сыграли решающую роль в многовековом процессе закрепления единообразия текста Корана[19].

До нас дошла прекрасная серия Дудина, посвященная молитве в степи. Молитвенный коврик (*намазлык* по-турецки, *джай-намаз* по-персидски и *саджжада* по-арабски — от того же корня со значением «кланяться», что и *масджид* — «мечеть») является для мусульманина практически самостоятельным местом отправления культа. Раскладывая *намазлык*, он строит свой храм[20].

С. М. Дудин. Омовение перед намазом.
Фотоотпечаток, 10,4 × 16,7 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–219

С. М. Дудин. Намаз в степи.
Фотоотпечаток, 14,2 × 22,1 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–217

Молитва. Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Третья страница «Корана Екатерины»,
опубликованного в 1787 г.
в частной «Азиатской типографии»
в Санкт-Петербурге

[18] Подробнее см.: Е. А. Резван. *Коран и его мир* (СПб., 2001). С. 397–404.
[19] R. Blachère. *Introduction au Coran* (Paris, 1947). С. 133.
[20] Подробнее см.: Е. А. Резван. «Саджжада». В книге: Г. В. Милославский, Ю. А. Петросян, М. Б. Пиотровский, С. М. Прозоров. *Ислам: Энциклопедический словарь* (М., 1991). С. 202–203.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Гробницы.
Фотоотпечаток, 11,8 × 17,4 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–298

Погребения четырех султанов — волостных управителей. Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

С. М. Дудин. Игра на домбре.
Фотоотпечаток, 11,7 × 17,6 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–97

***

…Мы 30 км от Каркаралинска, неподалеку блестит на закате река Талды. Шоссе сворачивает прямо на солнце. Я прикрываю глаза рукой и из-под пальцев вижу четыре мазара, снятые в 1899 г. Дудиным. Две фотографии подписаны просто: «Гробницы». Мы на месте погребения четырех султанов — волостных управителей. Это могилы султана Тауке (1769–?), его сыновей — Кусбека (1797–?), султанов Тубека (1801–?) и Ысмайылхана (1828–?). Поблизости напротив находится могила слепого акына Шоже Каржаубайулы (более известен как Шоже акын) (1808–1895), попросившего похоронить себя рядом с могилой Кусбека, который также был выдающимся *акыном*. Шоже прославился как участник и победитель многочисленных поэтических соревнований (*айтысов*).

Не славы и не коровы,
не тяжкой короны земной —
пошли мне, Господь, второго, —
что вытянул петь со мной!

Прошу не любви ворованной,
не милостей на денек —
пошли мне, Господь, второго, —
чтоб не был так одинок…

Вотивные тряпицы, повязанные всюду, свидетельствовали, что это — место паломничества.

Чтоб было с кем пасоваться,
аукаться через степь,
для сердца, не для оваций,
на два голоса спеть!

Автобус увозил нас прочь, а мои пальцы выстукивали гитарный ритм «Песни акына» Андрея Вознесенского (1971), спетой Владимиром Высоцким. Она сделала слово «акын» навсегда небезразличным для русского уха.

…Солнце заваливается за реку. Быстро темнеет. Мы задержались у гробниц дольше, чем планировали, и в результате лишились возможности посетить место знаменитого Степного торга — ярмарки, основанной некогда предприимчивым русским купцом Ботовым. Мы медленно (уже темно, а дорога оставляет желать лучшего) проезжаем мимо этих мест, и я не знаю, смогу я когда-либо вернуться сюда или нет.

Небо в куполе.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Вот как описывает ярмарку Юрий Попов, ныне живущий в Петербурге обладатель сразу двух редких званий — Почетного корреспондента Кунсткамеры и Почетного гражданина Каркаралинского района Республики Казахстан:

«С 1848 по 1930 год в долине небольшой речки Талды, впадающей в горько-соленое каркаралинское озеро Карасор, кипела огромными табунами лошадей, верблюдов и баранов самая важная для Степи Кояндинская (или Ботовская) ярмарка. На нее съезжались жители и купцы Казахстана, Сибири, Урала, Средней Азии и Китая.

Кругом шум, гвалт, непрерывное движение тысячеголосой толпы, несмотря на изнуряющий зной и духоту июньских дней. Степной торг

С. М. Дудин. Кочевка небогатых казахов на лошадях (фрагмент). Фотоотпечаток, 17,0 × 24,0 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–7

Не хуже взрослых. Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

длился весь июнь. Именно на этот срок хватало травостоя огромным гуртам скота на площади в 55 квадратных верст. Ежегодно на продажу выставлялось свыше 200 тысяч голов лошадей, крупного рогатого скота, овец, коз.

Торговля европейскими и азиатскими товарами расположилась в 4-х отдельных рядах. Здесь услужливые сарты (узбеки) предлагали ковры,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

бязь, шелковые материи, сушеные фрукты. Сибиряки торговали зерном, мукой, медом и кедровыми орехами, туляки — самоварами. Торговые агенты немецкой фирмы “Зингер” продавали швейные машинки. Российские купцы привозили изделия из железа, меди, чугуна, мануфактуру, чай.

Обороты ярмарки достигали в разные годы двух–семи миллионов рублей. Почти трехсоттысячное население Степи закупало на ярмарке товары на год вперед. В короткий срок в Куянды провели телеграф и открыли временное отделение Государственного банка, работал суд. В пределах ярмарки магометане возвели мечеть, православные — деревянную часовню.

И конечно, ярмарка была праздником для всех ее участников. Здесь проходили соревнования борцов, цирковые представления, песенные состязания акынов»[21]. Сюда съезжались уважаемые в Степи люди. В ответ на появившийся спрос на ярмарке стали появляться и «древности», отрытые по случаю в степи или обнаруженные в дедовых сундуках. В 1890 г. на Кояндинской ярмарке появилась юрта-музей. Ясно, что Дудин работал на ярмарке и в поисках экспонатов для Кунсткамеры.

Самые уважаемые гости.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

С. М. Дудин. Сбор старшин.
Фотоотпечаток, 17,0 × 24,0 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–66

[21] Ю. Попов. *Торг на берегах Талды.* [Online].
Доступно на: http://tv.ekaraganda.kz/news/15506
(последнее посещение 02.08.2015 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Всадник с охотничьим ястребом. Фотоотпечаток, 16,1 × 23,0 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–37

«Степной байкер». Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

В ходе подготовки к нашей экспедиции я впервые открыл для себя творчество Павла Васильева (1909–1937), родившегося в казахском Зайсане, выходца из среды семиреченских казаков:

Над степями плывут орлы
От Тобола на Каркаралы,

И баранов пышны отары
Поворачивают к Атбасару.

Горький ветер трясет полынь,
И в полоне Долонь у дынь —

Их оранжевые тела
Накаляются добела,

И до самого дна нагруз
Сладким соком своим арбуз.

В этот день поет тяжелей
Лошадиный горячий пах, —
Полстраны, заседлав лошадей,
Скачет ярмаркой в Куяндах.

Сто тяжелых степных коней
Диким глазом в упор косят,
И бушует для них звончей
Золотая пурга овса.

Сто коней разметало дых —
Белой масти густой мороз,
И на скрученных лбах у них
Сто широких буланых звезд.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ТАКСИС – ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Над раздольем трав и пшениц
Поднимается долгий рев —
Казаки из своих станиц
Гонят в степь табуны коров.
Горький ветер, жги и тумань,
У алтайских предгорий стынь!
Для казацких душистых бань
Шелестят березы листы.

В этот день поет тяжелей
Вороной лошадиный пах, —
Полстраны, заседлав лошадей,
Скачет ярмаркой в Куяндах!..

Пьет джигит из касэ, — вина!
Азиатскую супит бровь,
На бедре его скакуна
Вырезное его тавро.
Пьет казак из Лебяжья, — вина! —
Сапоги блестят — до колен,
В пышной гриве его скакуна
Кумачовая вьюга лент.
А на седлах чекан-нарез,
И станишники смотрят — во!
И киргизы смеются — во!
И широкий крутой заезд
Низко стелется над травой.

Кто отстал на одном вершке,
Потерял — жалей не жалей —
Двадцать пять в холстяном мешке,
Серебром двадцать пять рублей…

Горький ветер трясет полынь,
И в полоне Долонь у дынь,
И баранов пышны отары
Поворачивают к Атбасару.

Над степями плывут орлы
От Тобола на Каркаралы[22].

Стихотворение было написано в 1930 году — последнем году работы ярмарки. А через семь лет его автор, бывший, по определению С. А. Клычкова, родоначальником в русской литературе «эпохи побеждающего в человеческой душе коммунизма», поэт, мечтавший о человеке будущего — художнике и творце, который сочетает в себе «идеалы Христа с практическими делами Ленина», был расстрелян по обвинению в принадлежности к «террористической группе», якобы готовившей покушение на Сталина[23].

Чтоб кто-нибудь меня понял, —
Не часто, но хоть разок, —
И с раненых губ моих поднял
Царапнутый пулей рожок[24].

Скот — главное богатство.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

[22] Павел Васильев. *Ярмарка в Куяндах* (1930).
[23] Подробнее см. *Библиотека поэзии.* [Online]. Доступно на: http://ouc.ru/vasiliev/biografiya.html (последнее посещение 02.08.2015 г.).
[24] Андрей Вознесенский. *Песня акына* (1971).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Вхождение Степи в состав Империи, с одной стороны, дало мощнейший импульс для развития, но с другой — заставило разделить общую судьбу страны, в том числе экономические и социальные эксперименты XX в. По дороге в Караганду мы остановились в небольшом аккуратном поселке, вытянувшемся вдоль шоссе. В ходе Столыпинских реформ он был основан переселенцами из Эстонии и получил название Лифляндское. С началом Первой мировой войны чересчур «германское» название было изменено на Покорное. Современное название поселка — Баймырза — отражает резкое изменение этнического состава его жителей. После развала СССР эстонцы и депортированные сюда с началом Второй мировой войны поволжские немцы выехали на историческую родину. Их место заняли казахи из Монголии. Историю поселка хранит местное христианское кладбище, где эстонские и немецкие имена соседствуют с русскими, а кириллица с латиницей.

Второе время, которое невозможно не заметить в Казахстане, — это время «большого террора», бесконечное время ружейного залпа (*infernus-continuous*). Рядом с Астаной расположен АЛЖИР — Акмолинский лагерь жен изменников Родины, 17-е женское лагерное специальное отделение Карагандинского ИТЛ (1938–1953). Это крупнейший советский женский лагерь, один из трех островов архипелага ГУЛАГ. Лагерь был обнесен несколькими рядами колючей проволоки, были установлены вышки охраны. В 1942 г. здесь было казнено 50 женщин, двенадцать из которых решением Архиерейского собора РПЦ (август 2000 г.) прославлены в сонме новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания. В списке узниц АЛЖИРа можно встретить

Великая степь. Встреча с железным конем.
Журнальная иллюстрация конца XIX в.

На кладбище поселка Баймырза.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

имя Рахили Михайловны Мессерер-Плисецкой, актрисы кино и матери Майи Плисецкой (находилась в лагере с грудным ребенком); имя автора «Крутого маршрута» и матери Василия Аксенова Евгении Семеновны Гинзбург; имя Анны Васильевны Книпер (в первом замужестве Тимиревой), русской поэтессы, возлюбленной адмирала Колчака и матери художника Владимира Тимирева.

Шел мелкий дождь. Капли стекали по стене черного полированного гранита, на которой выбиты имена всех узниц АЛЖИРа — двадцать тысяч женских имен и судеб. Казахские мальчишки и девчонки в белых рубашках стойко мокли в почетном карауле. Работали фоторепортеры и тележурналисты. Множество сытых, нарядно одетых и ухоженных людей, стоя под зонтиками, слушали заупокойные молитвы, которые по очереди читали представители четырех конфессий. Неподалеку поблескивали под дождем громадные белоснежные туристские автобусы, на которых они приехали сюда, и невозможно было представить себе, что прямо здесь, в степи, на берегу поросшего камышом озера в течение 15 лет исправно функционировал филиал ада на земле.

Карлаг, оказавшийся местом заключения множества деятелей науки и искусства СССР и зарубежья, стал важным культурным очагом: заключенные проводили концерты и ставили спектакли (в том числе балетные!), художники занимались оформительскими работами. Именно здесь были заложены важные предпосылки развития нового этапа искусства Казахстана в целом. Обо всем этом нам еще раз напомнили хранящиеся в карагандинском Художественном музее картины замечательных художников, оказавшихся в лагерях, созданных в казахских степях. Через Карлаг прошли миллионы советских людей разных национальностей. Сегодня в Казахстане осуществляется государственная программа памяти жертв политических репрессий. Подобной нет нигде на постсоветском пространстве.

На траурной церемонии в мемориальном комплексе «АЛЖИР» (Акмолинский лагерь жен изменников Родины, с. Акмол Целиноградского района Акмолинской области). Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

За воротами лагеря время переключается, будто бы простым поворотом тумблера: мимо нас бежит стайка школьников с яркими ранцами, и я вспоминаю серию фотографий Дудина о «школе в степи». Им предшествовала и похожая фотография Полякова.

С. М. Дудин. Школьник.
Фотоотпечаток, 7,9 × 8,3 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–413

Павлодарская школьница.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

…«Уазик» неторопливо и уверенно пробирался сквозь скопления гранитных валунов. Скалы причудливых форм, исхлестанные ветром сосны — все это часто напоминало родной Карельский перешеек. Мы ехали к святой пещере, одному из древнейших сакральных мест на территории Казахстана.

«По легенде название “Коныр аулие” идет со времен пророка Ноя (Нух), спасителя мира, зверей и птиц. При Всемирном потопе трое аулие опаздывали. Когда они прибыли, на корабле Ноя уже не было мест. Тогда, связав три бревна, они сели на них и привязались к кораблю. Их бревна наткнулись на камень и оторвались. Трое предсказателей разъехались. После спада воды, когда начали появляться горы и сопки, бревно святого Коныра

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

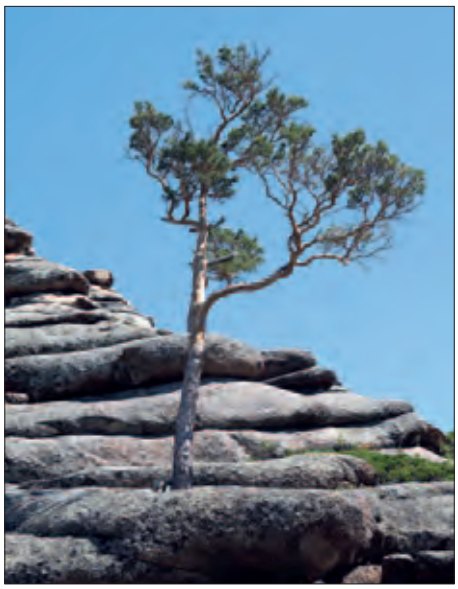
приплыло к пещере, где он и обосновался. Пещеру назвали “Коныр аулие”. Люди здесь соблюдали строгий закон: во-первых, соблюдали естественную чистоту; во-вторых, приходили трезвыми; третьим условием было — каждый должен прикоснуться к созданию чистоты на территории пещеры — это святой долг каждого человека» — такая надпись встретила нас в начале подъема к пещере. Я прочитал надпись с удивлением, так как во всех известных мне источниках эта пещера называлась Аулие-Тас. Еще в 1903 г. в чрезвычайно популярном в те годы «Полном географическом описании нашего отечества» отмечалось, что «Аулие-Тас представляет из себя длинную, сажен в десять, пещеру, у западной стены которой лежит большой, с углублением в середине камень. В нем постоянно скапливается стекающая со стен и потолка пещеры холодная, прозрачная вода, отличающаяся, по мнению киргизов, очень целебными свойствами. Посещающие пещеру киргизы пьют эту воду, обмывают ею больные части своего тела и употребляют для установленных у магометан омовений. В пещере, по преданию киргизов, жил когда-то святой человек. Народа съезжается к Аулие-Тас временами очень много; особенно много бывает женщин, так как святая вода пещеры уничтожает, по мнению тех же киргизов, бесплодие женщин»[25].

Хранитель пещеры Аулие-Тас.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Я знал также, что другая пещера с названием «Коныр аулие» расположена приблизительно в 200 км от Семипалатинска, на склоне горы Актас, омываемом рекой Чаган. Эту громадную пещеру с глубоким озером мы собирались посетить в конце нашего пути. 15 января 1965 г. приблизительно в ста километрах от нее ниже по течению реки Чаган был произведен первый советский ядерный взрыв в интересах народного хозяйства. Воронка должна была стать прекрасным водохранилищем…[26]

К моему громадному сожалению, тогда добраться до этой пещеры нам не удалось: жесткие временные рамки экспедиции в конце концов не позволили сделать почти пятисоткилометровый крюк в сторону Семипалатинска.

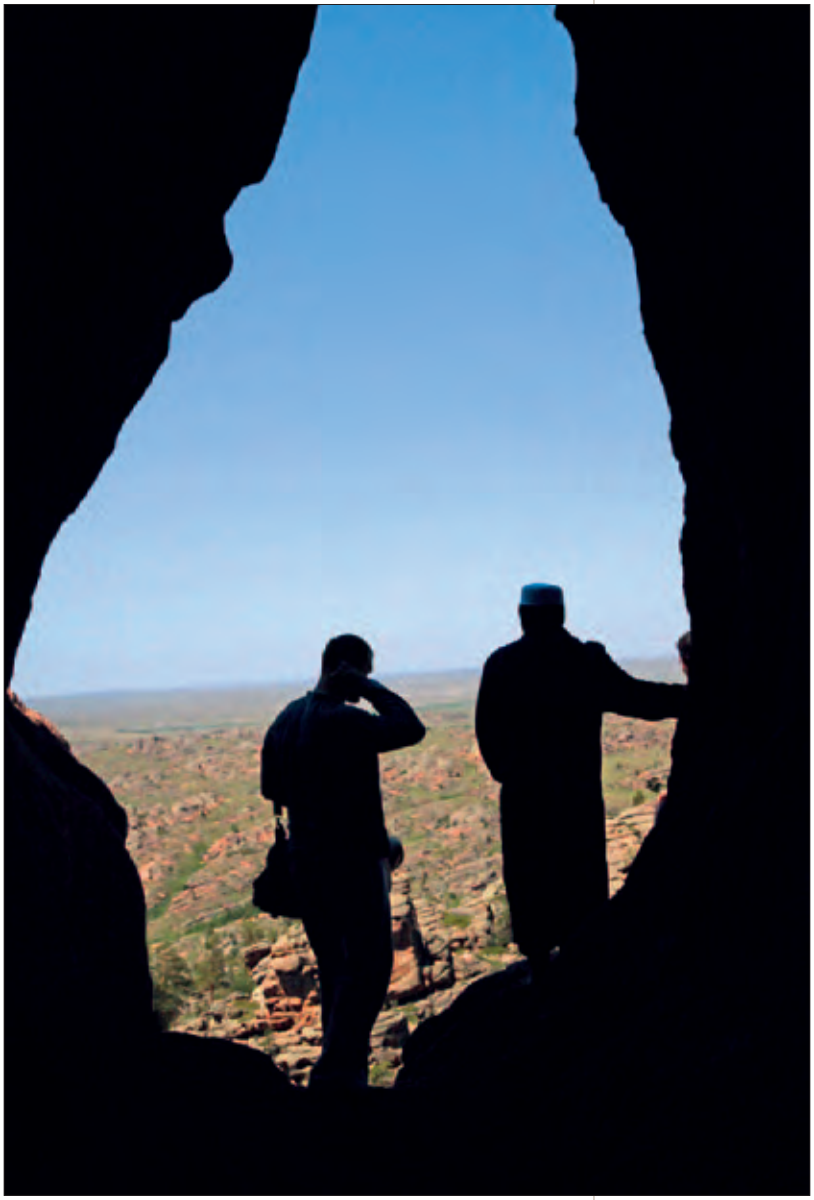
В каркаралинских горах. Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.



[25] *Киргизский край (Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская обл.).* Сост. А. Н. Седельников, Л. П. Осипова, А. Н. Букейхапов [и др.]. Серия «Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей». Под ред. В. П. Семенова и под общ. руководством П. П. Семенова. Т. 18 (СПб, 1903). С. 134.

[26] Подробнее см. ниже, глава III и прим. 4, с. 229.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН



У выхода из пещеры Аулие-Тас (Коныр аулие).
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Что же до легенды о Коныре, то она, безусловно, заслуживает самого серьезного изучения. Легенда имеет множество параллелей, но первое, что естественным образом сразу приходит в голову, это история о первенце Адама — Каине, удалившемся в пещеры от лица Бога[27]. По библейскому преданию, после потопа уцелел Ной, не связанный с родом Каина. Прародитель «послепотопного человечества» был потомком Сифа, сына, дарованного Еве вместо убитого Авеля. Вместе с тем, по ряду апокрифов, после потопа выжили и некоторые потомки Каина, сохранившие древние магические знания, или даже он сам. Одним из литературных отражений этих легенд стала, например, ранняя новелла Николая Гумилева «Дочери Каина»:

«Тропинка вилась между каменных стен, то поднималась, то опускалась и внезапно привела его на небольшую поляну, освещенную полной луной. Тихо качались бледно-серебряные злаки, на них ложилась тень гигантских неведомых деревьев, и неглубокий грот чернел в глубине. Словно сталактиты поднимались в нем семь одетых в белое неподвижных фигур. Но это были не сталактиты. Семь высоких девушек, странно прекрасных и странно бледных, со строго опущенными глазами и сомкнутыми алыми устами, окружали открытую мраморную гробницу. В ней лежал старец с серебряной бородой, в роскошной одежде и с золотыми запястьями на мускулистых руках. Был он не живой и не мертвый»[28].

На этом фоне «атомная» пещера с тайной гробницей и покрытым известковой коркой «окаменелым трупом, подвергавшимся много лет действию известковой воды»[29], несомненно, — сюжет, достойный Борхеса, с моралью о пагубности творческой изобретательности и разрушительных экспериментов каинитов-богоборцев.

[27] Именно так согласно некоторым интерпретаторам следует понимать библейский стих «Вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь» (Быт. 4:14).

[28] Н. С. Гумилев. «Дочери Каина», *Собрание сочинений*. VI (М., 2005). С. 34. Ср. также масонскую легенду о жизнелюбивой и творческой, «верховной» расе каинитов (Жерар де Нерваль. *История о Царице Утра и о Сулаймане, повелителе духов* (М, 1996)) и богоборческого байроновского «Каина».

[29] См. ниже, с. 221–223.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ТАКСИС – ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Так что Казахстан — это и особое прошедше-будущее (*perfectum consequor*) время. Это и Атом-коль и Сары-Шаган — полигон для разработки и испытаний противоракетного оружия, расположенный к северо-западу от озера Балхаш, в Голодной Степи. Звездные войны: здесь испытаны все отечественные противоракетные системы, здесь работал комплекс для испытания боевых лазеров с ядерной накачкой и электролазерного оружия. Именно отсюда 10 октября 1984 г. лазерный локатор осуществил зондирование американского космического корабля «Челленджер», вызвавшее сбои в работе бортовых систем и жалобы экипажа на неприятные ощущения.

Traditus-continuous, *infernus-continuous*, *perfectum consequor*… В психологии термин *taxis* имеет свое, специальное значение. Здесь это инстинктивная форма пространственной ориентации живых существ, в соответствии с которой они начинают двигаться либо по направлению к благоприятным, жизненно необходимым элементам окружающей среды, либо от неблагоприятных. Участник нашей экспедиции искусствовед Антон Успенский точно отметил, что современная Астана брошена в степь сказочным дастарханом. В комплексе современнейших зданий министерств и ведомств Казахстана, дугой охватывающих одну из центральных площадей города, легко прочитывается и идея традиционной туркестанской крепости (*кала*, *арк*), и образ петровских Двенадцати коллегий, вот уже двести лет являющихся главным зданием Петербургского университета. Астана — это самое новое время Казахстана, время, объединившее многовековой опыт страны и ставшее символом избранного пути развития.

Астана.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

***

После щедрого степного ужина (казахская кухня — отдельная и совершенно замечательная история) я сидел с чашкой чая на завалинке у казахского дома и смотрел, как двое мальчишек играют в бабки точно так же, как во времена Дудина, и мечтал о выставке[30]. Лихой всадник подхватил мальчишку, и они помчались в степь. Абаю принадлежат замечательные слова: «Знания оборачиваются горечью, приносящей преждевременную старость, когда нет рядом человека, с кем можно поделиться радостью и печалью»[31]. Мы искренне надеемся, что в этом проекте молодые российские и казахские исследователи смогут найти себя и друг друга. Я мечтаю о том, что итогом совместной работы российских и казахских ученых однажды станет выставка и альбом-каталог, представляющий уникальные фотографические материалы С. М. Дудина вместе с комплексом исследовательских материалов. По существу, речь идет о завершении работы, задуманной в 1899 г. в «Этнографическом бюро».

С. М. Дудин. Игра в бабки.
Фотоотпечаток, 7,0 × 11,4 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–425

Игра в бабки.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Мужское воспитание.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

Выставочный проект должен представить образы и символы традиционной культуры жителей Казахстана, запечатленных как в фотоработах С. М. Дудина и предметах из собранных им коллекций, так и в фото- и видеоматериалах экспедиции 2010 г. Особенностью выставочного проекта является комплексность, когда одновременно экспонируются предметы традиционной культуры и демонстрируются фотографии и видеосюжеты, наглядно иллюстрирующие использование этих предметов в реальной жизни. Выставочное простанство, таким образом, приобретает объемность, у зрителя возникает эффект присутствия, возрастает ощущение документальности в подаче культурной и научной информации.

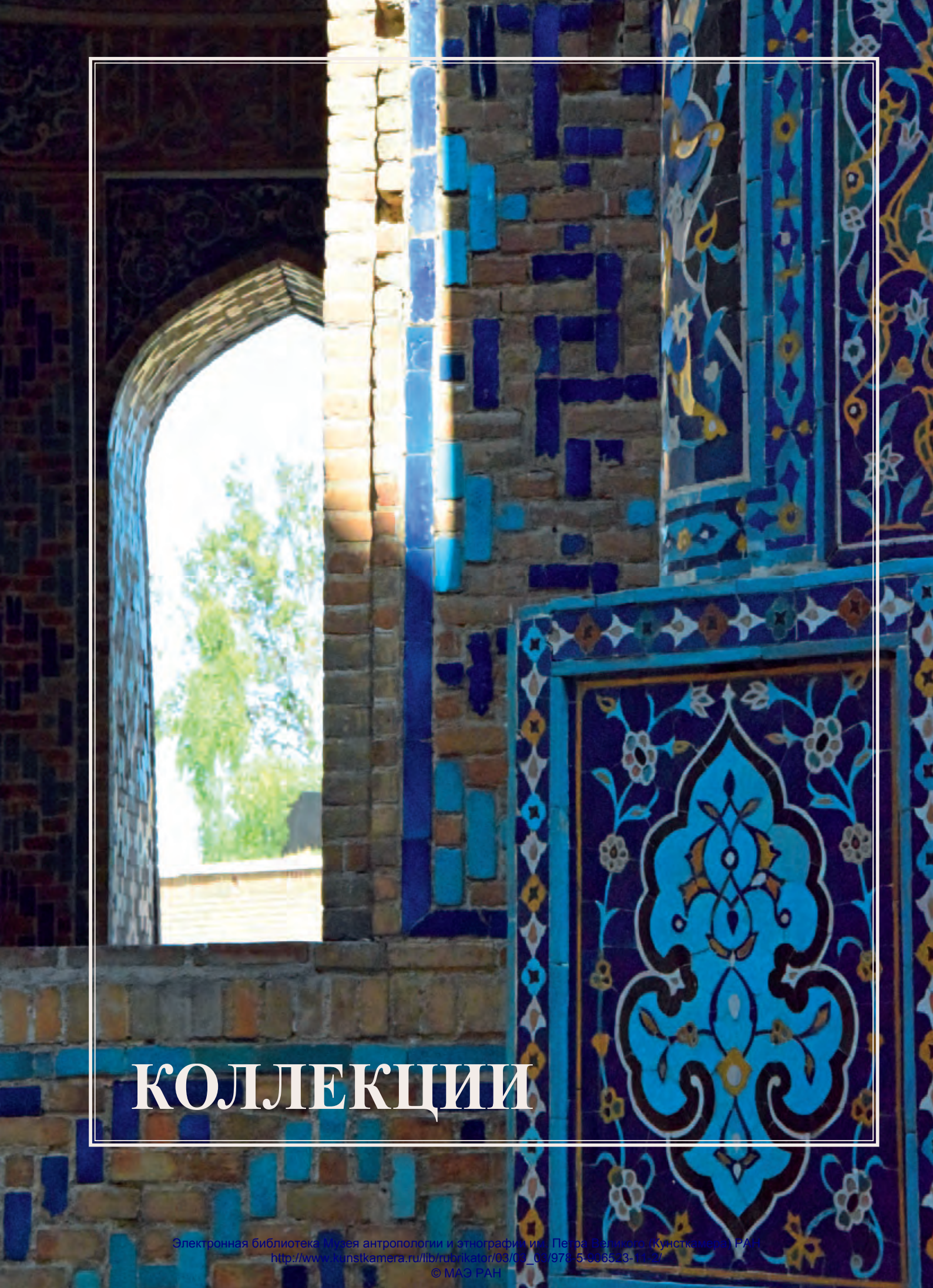
Важной частью выставки станут ранние технические средства создания и воспроизведения изображений — фотоаппараты, средства печати фотоснимков и их демонстрации (стереоскопы, «викторианское телевидение») и т. п.

[30] Презентацию проекта см.: Е. А. Резван. «Самуил Дудин — фотограф, художник, этнограф (материалы экспедиции в Казахстан 1899 г. и 2010 г.)». *Каталог фотовыставки «Диалог цивилизаций» (Родос, Греция, 7–11 октября 2010 г.)* (СПб., 2010). Доступно на: (http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-185-5eng) (последнее посещение 03. 08. 2015 г.).

[31] Абай (Ибрагим) Кунанбаев. *Книга Слов (Слова Назидания). Слово первое*. Перевод Р. Сейсенбаева и К. Серикбаевой. [Online]. Доступно на http://abai.norbekov.kz (последнее посещение 02.08.2015 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН



КОЛЛЕКЦИИ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_09/978-5-866523-11-2/
© МАЭ РАН

ЦВЕТ

В серии казахских работ Дудина 1899 г. выделяется группа фотографий, выбранная им для представления в цвете предметов традиционной одежды и быта казахов. Отобранные фотографии были специально откадрированы и тонированы художником с помощью красок на водной основе. Первое впечатление невольно связывает эти работы с известными среднеазиатскими сериями Василия Верещагина (1842–1904). Вместе с тем, аннотации к фото, составленные автором, подчеркивают безусловно этнографический характер работы. Для нас важно, что, используя «все преимущества документальности, беспристрастного и точного протокола», которые дает фотография, Дудин остается в первую очередь художником.

С. М. Дудин. Костюм девочки. Акварель по фотоотпечатку, 8,0 × 23,0 см. Казахстан, 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–34–Р2 (исходный фотоотпечаток № 1199–34–Р1, 12,3 × 17,6 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. *Тойтеры*.
Акварель по фотоотпечатку,
10,1 × 17,3 см. Казахстан, 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–76–Р2
(исходный фотоотпечаток
№ 1199–76–Р1, 12,0× 17,6 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Костюм бедной невесты. Акварель по фотоотпечатку, 11,9 × 23,3 см. Казахстан, 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–58–Р2 (исходный фотоотпечаток № 1199–58–Р1, 17,4 × 23,7 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Пожилая бедная женщина в традиционном костюме. Акварель по фотоотпечатку, 8,5 × 22,7 см. Казахстан, 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–10–Р2 (исходный фотоотпечаток № 1199–10–Р1,16,8 × 23,7 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Мужской костюм — рубаха, штаны, сапоги. Акварель по фотоотпечатку, 10,8 × 17,2 см. Казахстан, 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–27–Р2 (исходный фотоотпечаток № 1199–27–Р1, 12,0 × 17,1 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Девушка в традиционном костюме. Акварель по фотоотпечатку, 6,8 × 17,8 см. Казахстан, 1899 г. МАЭ РАН, № 1200–501 (исходный фотоотпечаток № 1199–211, 12,0 × 18,0 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Мужской костюм. Акварель по фотоотпечатку, 9,2 × 23,2 см. Казахстан, 1899 г. МАЭ РАН, № 1200–498 (исходный фотоотпечаток № 1199–189, 17,2 × 23,8 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Мужской костюм. Акварель по фотоотпечатку, 9,1 × 23,2 см. Казахстан, 1899 г. МАЭ РАН, № 1200–500 (исходный фотоотпечаток № 1199–195, 17,0 × 24,2 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Мужской костюм. Акварель по фотоотпечатку, 8,2 × 22,7 см. Казахстан, 1899 г. МАЭ РАН, № 10–1200–499 (исходный фотоотпечаток № 1199–190, 17,4 × 23,8 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Костюм богатой казашки — камзол, ситцевая рубаха, на голове *кимишек*.
Акварель по фотоотпечатку, 8,1 × 21,9 см.
Казахстан, 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–194–Р3
(исходный фотоотпечаток
№ 1199–194–Р1, 17,2 × 23,8 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Костюм богатой казашки — шелковый *койлек*, на голове *кимишек*. Акварель по фотоотпечатку, 9,0 × 23,0 см. Казахстан, 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–193–Р2 (исходный фотоотпечаток № 1199–193–Р1, 17,2 × 23,8 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Костюм замужней женщины — рубаха, *кимишек* и пояс. Акварель по фотоотпечатку, 9,4 × 23,3 см. Казахстан, 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–256–Р2 (исходный фотоотпечаток № 1199–256–Р1, 16,7 × 23,2 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Женский костюм — цветной *койлек*.
Акварель по фотоотпечатку, 9,3 × 23,2 см. Казахстан, 1899 г.
МАЭ РАН, № 1200–496
(исходный фотоотпечаток № 1199–186, 173 × 23,5 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Мужской костюм — камзол с короткими рукавами и *тельпак* на голове. Акварель по фотоотпечатку, 9,3 × 22,9 см. Казахстан, 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–193–Р3 (исходный фотоотпечаток № 1199–193–Р1, 17,2 × 24,3 см)

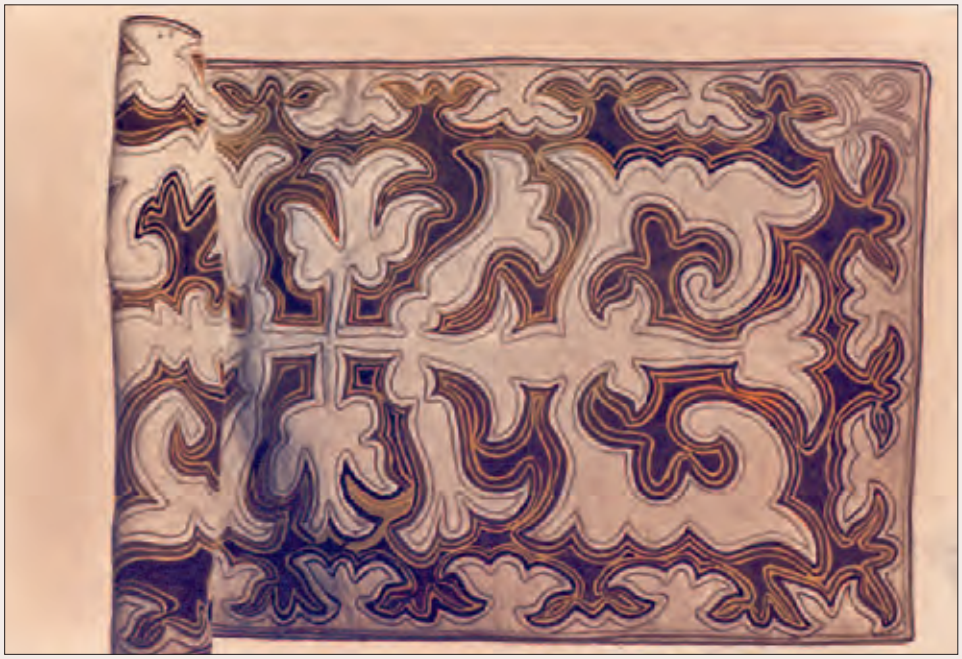
Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

С. М. Дудин. Мужской костюм — *койлек* и штаны русского покроя. Акварель по фотоотпечатку, 10,4 × 22,7 см. Казахстан, 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–193–Р2 (исходный фотоотпечаток № 1199–193–Р1, 17,2 × 24,3 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

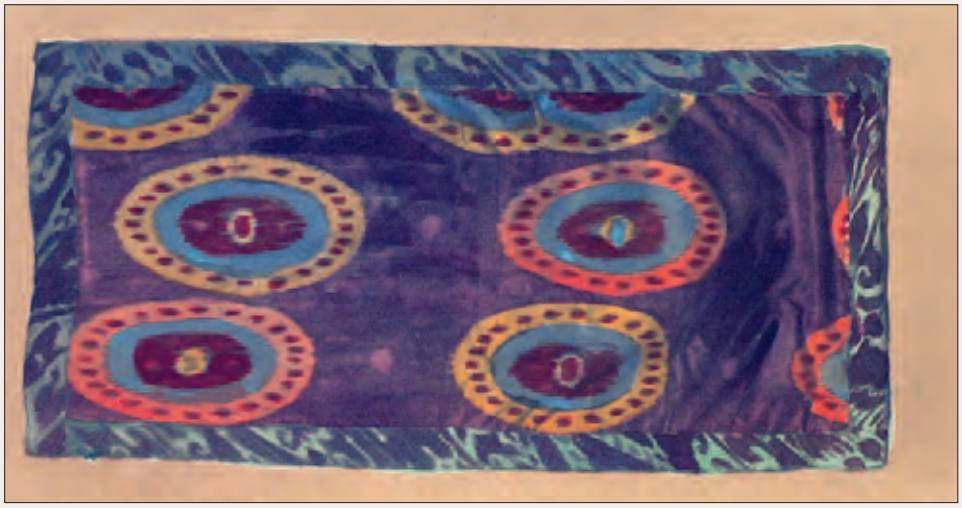
С. М. Дудин. Богатая казашка в дорожном костюме. Акварель по фотоотпечатку, 8,3 × 22,7 см. Казахстан, 1899 г. МАЭ РАН, № 1200–497 (исходный фотоотпечаток № 1199–188, 16,8 × 24,1 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН



С. М. Дудин. Сырмак.
Акварель по фотоотпечатку,
11,8 × 17,5 см. Казахстан, 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–223–Р2
(исходный фотоотпечаток
№ 1199–223–Р1, 12,4 × 17,3 см)

С. М. Дудин. Войлочный коврик
для сидения.
Акварель по фотоотпечатку,
10,6, × 17,7 см. Казахстан, 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–91–Р3
(исходный фотоотпечаток
№ 1199–91–Р1, 17,8 × 24,1 см)



С. М. Дудин. Джойнамаз.
Акварель по фотоотпечатку,
9,0 × 17,6 см. Казахстан, 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–91–Р2
(исходный фотоотпечаток
№ 1199–91–Р1, 17,8 × 24,1 см)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

КОЛЛЕГИ О С. М. ДУДИНЕ

Жизнь и деятельность Самуила Мартыновича Дудина, выдающегося собирателя и знатока материальной культуры Центральной Азии, замечательного фотохудожника и интересного ученого, несомненно, заслуживает монографического исследования. Такая богато иллюстрированная коллективная монография — каталог задуманной, но нереализованной выставки[1] — была составлена в 2012 г. усилиями российских и казахских специалистов, но, к сожалению, по разным причинам так и не увидела свет. Она была основана не только на собраниях МАЭ РАН (с 1894 по 1929 г. сюда от С. М. Дудина поступило 39 предметных и иллюстративных коллекций[2]), но и на собраниях Российского этнографического музея (РЭМ), Эрмитажа, Научно-исследовательского музея Академии художеств, Центрального Государственного музея Республики Казахстан (Алматы). Ниже я хочу привести лишь несколько цитат из работ как современников Дудина, так и моих коллег, кратко характеризующих этого безусловно незаурядного человека и его научную и собирательскую деятельность.

Академик Э. К. Пекарский (1858–1934),

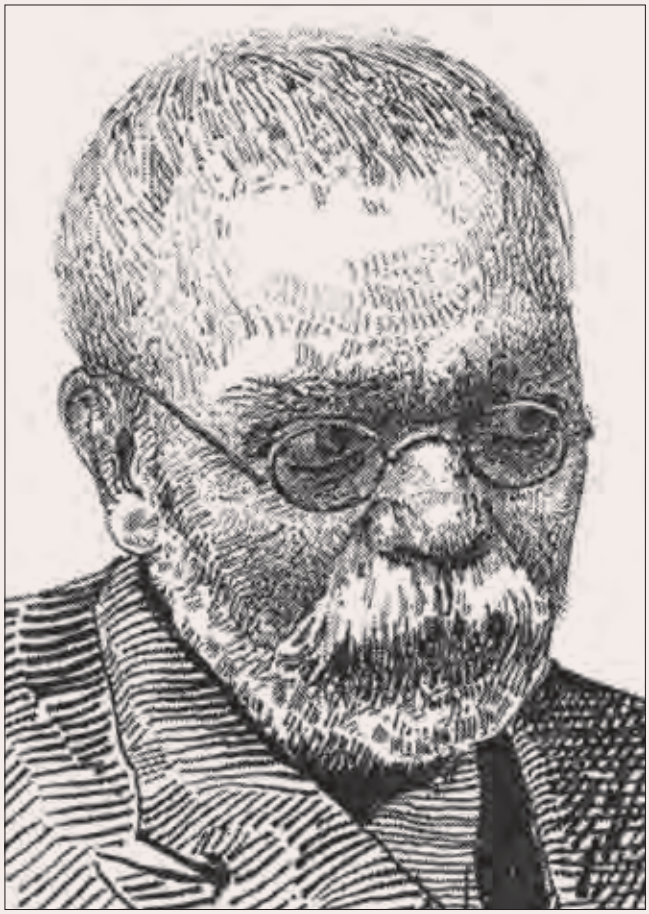
выдающийся отечественный лингвист, этнограф и фольклорист

С. М. Дудин родился 19 августа 1863 г. в местечке Ровном Елисаветградского уезда Херсонской губернии в семье сельского учителя Мартына Тихоновича Дудина, который раньше служил на военной службе, а выйдя в отставку, поселился в местечке Селенастом того же уезда и стал учителем тамошней сельской школы. С. М. с детства уже рисовал мелом на спинке деревянного дивана, на сундуке, на скамьях, на глиняном полу, на грифельной доске и на чем попало. Под впечатлением рассказов отца, он много рисовал из военной жизни и вообще все, что видел вокруг себя. <…>

С. М. обладал несомненными организаторскими способностями и исполнял хорошо и точно всякое дело, за которое брался. Это была натура с несколько скептическим настроением. Народовольчество его не удовлетворяло, и он стал серьезно изучать Маркса, делал из него длиннейшие выписки и выработал теорию, по которой настоящий социализм должен прийти мирным путем и постепенно. Целых три года тянулось дело, и в конце концов С. М. в 1887 г. в административном порядке был выслан в г. Селенгинск без суда, Забайкальской обл. за участие в революционном кружке.

В Селенгинске, продолжая работы, которыми интересовался еще в училище, С. М. при содействии Главной Физической обсерватории устроил метеорологическую станцию и вел наблюдения, собирал фольклорные материалы среди русского населения, геологические коллекции и делал этнографические зарисовки у бурят. Весь этот материал передан им в Музей Восточносибирского отдела Географического общества. В Селенгинске же С. М. познакомился с Потаниными и для них рисовал сцены из бурятской жизни.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН



Автопортрет С. М. Дудина. Фотография с рисунка. 1920-е гг. РЭМ, № ИМ 9–22. С любезного разрешения музея

В 1890 г. переехал в г. Троицкосавск и поступил на службу в фотографию Н. А. Чарушина, где и пробыл до 1892 г.[3]

Академик В. В. Бартольд (1869–1930),

выдающийся российский исламовед, директор МАЭ в 1918–1921 гг.

Резкого революционного настроения у Дудина в то время (1893 г. — *Е. Р.*) уже не было. Он продолжал сочувствовать революционной работе, даже террористической, но для него самого период активной революционной деятельности уже миновал. Как след, оставленный ссылкой, и в особенности этапным путешествием к месту ссылки, он тогда сохранял ненависть к солдатам. Не знаю, когда и в какой степени это чувство у него исчезло; знаю только, что он, в противоположность многим другим бывшим революционерам, не радовался поражениям царской армии в войне с Японией и видел в событиях этой войны позор для всех русских. Помню, как он после падения Порт-Артура спорил об этом с некоторыми товарищами по музею и сказал им: «Я чувствую себя так, как будто мне дали по роже»[4].

Академик Е. Ф. Карский (1861–1931),

основатель белорусского языкознания и литературоведения, директор МАЭ в 1921–1930 гг.

Еще будучи учеником старшего класса Еливетградского реального училища, в 1887 г. С. М. был арестован по политическому обвинению и сослан в Восточную Сибирь — сначала в Верхнеудинск, а потом в Кяхту; пробыл в политической ссылке пять лет. Руководитель Орхонсной экспедиции Академии наук, академик и директор Музея антропологии и этнографии В. В. Радлов, будучи в Кяхте, обратил внимание на прекрасные зарисовки С. М. и привлек его к работе в указанной экспедиции в качестве художника-фотографа. Благодаря ходатайству В. В. Радлова С. М. получил возможность вернуться из политической ссылки в столицу, причем *вернулся сначала нелегально* (курсив мой. — *Е. Р.*) <…>

Научные труды С. М. относятся главным образом к вопросам техники буддийского и исламского искусства Средней и Центральной Азии. Он был одним из крупнейших специалистов в области коврового дела, керамики и других отраслей художественной промышленности. «Экспертная комиссия» привлекала его в 1920–21 гг. в качестве эксперта по учету государственных ценностей; после того Внешторг и Госторг пригласили его консультантом при отборке и расценке больших партий ковров для экспорта. Государственный Эрмитаж, Русский музей и другие учреждения всегда приглашали С. М. в качестве консультанта по вопросам керамики и прикладного искусства. Гос. академия истории материальной культуры имела его в числе штатных ученых сотрудников. <…>

В Музее антропологии и этнографии С. М. в течение 20 лет безвозмездно исполнял обязанности секретаря совета, заведовал одновременно отделами среднеазиатских древностей, изображений, фотографической мастерской и муляжномодельной мастерской.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Одновременно С. М. был бессменным секретарем Радловского кружка при Музее антропологии и этнографии, по избранию, с момента основания кружка в 1918 г.; работал в Географическом институте, потом в Ленинградском государственном университете, в Гос. академии истории материальной культуры и в Обществе художников им. Куинджи, в котором он был одним из членов-учредителей и заведующим библиотекой. В Ленинградском государственном университете С. М. преподавал фотографирование на географическом факультете. Он и скончался на почетном посту своей университетской работы: командированный университетом в университетскую станцию в Саблино для руководства летними практическими работами студентов[5].

Академик С. Ф. Ольденбург (1863–1934),

выдающийся отечественный востоковед, один из основателей русской индологической школы

Самуилу Мартыновичу Дудину принадлежит совершенно особое место в истории изучения прошлого Центральной Азии. Художник и тонкий, внимательный наблюдатель, этнограф и археолог, он отдался собиранию памятников материальной культуры Центральной Азии, и большие коллекции его сборов вошли в экспозицию соответствующих отделов музеев. Наряду с этим он создал пером, карандашом, кистью, фотографическим аппаратом ценнейшие и богатейшие собрания воспроизведений, необыкновенно точных, целой серии памятников археологических и этнографических. Не будет поэтому преувеличением сказать, что по многим областям и вопросам материальной культуры Центральной Азии без материалов С. М. нельзя сделать в настоящее время решающих исследований. Это относится в широкой мере и к орнаменту Средней Азии, первостепенным знатоком которого был С. М. Во всей этой работе С. М. необходимо отметить еще одну характерную особенность, пока еще редко встречающуюся у наших исследователей материальной культуры: С. М. был прекрасно знаком с техникой целого ряда производств, благодаря чему его исследование материалов отличалось необыкновенной многосторонностью и основательностью. <…>

Хочу остановиться еще на одной стороне работы С. М., которая вполне ясна сейчас, думаю, только тем, кто непосредственно участвовал с ним в экспедициях или работал над этим экспедиционным материалом. Я имею в виду его работу как научного фотографа-археолога, которую непосредственно и длительно, почти в течение двух лет, день за днем, наблюдал в наших западно-китайских экспедициях 1909–1910 и 1914–1915 гг. Очень часто, даже и теперь, не учитывается в достаточной мере громадное значение, какое имеет фотография в экспедиционном деле, и еще меньше учитываются ее громадные трудности и те совершенно особенные свойства, какие должны быть у экспедиционного фотографа, который должен быть не только хорошим, самостоятельным техником, но и понимающим хорошо условия научной съемки специалистом. Отбор объектов снимания и выяснение наилучших условий съемки определенных предметов может лишь отчасти делаться руководителем экспедиции, специалистом, у которого свои, очень разносторонние, экспедиционные задачи; фотограф экспедиции зачастую не имеет возможности ни с кем посоветоваться, что именно надо выбрать для съемки и в каких условиях произвести съемку.

Как товарищ С. М. в двух длительных и сложных экспедициях я могу, будучи полевым работником, занимавшимся в экспедициях фотографией, удостоверить, что им проделана важнейшая и нужнейшая работа, притом зачастую в таких исключительно трудных для фотографа условиях, что с ней не справился бы менее опытный и вдумчивый, чем С. М., работник. С. М. всегда тщательно обдумывал план съемки, как только он получал достаточные предварительные данные для плана. Перед экспедицией он собирал все доступные ему сведения об условиях фотографирования в данной местности и знакомился со всем доступным фотографическим материалом, если только таковой имелся для данных памятников. Затем в беседах со специалистами он выяснял, на какие главным образом вопросы должны ответить фотографии и чего вообще можно достичь фотографией для выяснения исследуемого материала. На месте он прежде всего знакомился с условиями съемки, имея особенно в виду световые условия. Он хорошо сознавал то, как часто вследствие несоблюдения достаточного внимания к условиям света при съемке получается, при неблагоприятном расположении теней, недостаточно ясное и отчетливое изображение предмета, единственной памятью о котором может со временем оказаться только фотография. <…>

С. М. справедливо может быть назван фотографом-ученым, потому что очень часто его фотографии требо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

вали перед съемкой определенной исследовательской работы специалиста. Я убежден, что все, кому приходилось работать по фотографиям С. М., согласятся с этой высокою оценкою его труда, имеющего большое чисто научное, а не техническое только значение[6].

Е. С. Соболева,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник МАЭ РАН

С МАЭ начал сотрудничать молодой художник и фотограф С. М. Дудин. Он получил богатый опыт работы в поле, выполнял самые разные виды съемки и другие задания. Он имел возможность непосредственно знакомиться с состоянием музейного дела за рубежом. С. М. Дудина приглашали для выполнения заказов и в других музеях ИАН. Закономерно он стал руководителем первой фотолаборатории МАЭ, поощрялся государственными наградами, а после 1917 г. много лет был секретарем Совета МАЭ. <…>

1.01.1914 С. М. Дудин был удостоен Высочайшего благоволения за труды, понесенные во время Турфанской экспедиции (в изъятие из правил), участие в Орхонской экспедиции 1891 г., сбор коллекции для Музея Александра III, участие в ряде ученых командировок от Музея Александра III, Академии наук, Российского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, в последнее время в Восточном Туркестане[7]. Годовой оклад ему был установлен в 1560 руб. ИАН ходатайствовал о назначении личной пенсии не имеющему чина фотографу МАЭ Самуилу Дудину, вероисповедания православного, за особо полезную деятельность. Он получил благодарность и медаль в память 300-летия царствования дома Романовых[8]. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 28.06.1914 №53 утвержден в чине коллежского секретаря по званию художника, со старшинством с 12.09.1912 г., выслужил установленные сроки на производство в следующие чины и был представлен к чину титулярного секретаря, со старшинством с 12.09.1915[9]. В «Правительственном Вестнике» 1.01.1917 г. за №1 сообщалось[10], что министром народного просвещения приказом по Гражданскому ведомству от 1.01.1917 коллежский секретарь фотограф Музея антропологии и этнографии при Академии наук Самуил Дудин производится за отличие к ордену Св. Станислава III степени[11].

В. А. Прищепова,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник МАЭ РАН

С. М. Дудин стал одним из первых собирателей материалов по мусульманским народам России. Его коллекции вошли в состав научных фондов Эрмитажа, МАЭ, Российского этнографического музея (РЭМ), Научно-исследовательского музея Академии художеств, Музея истории Узбекистана и ряда историко-краеведческих музеев.

Жизнь и деятельность С. М. Дудина привлекали внимание многих исследователей, в том числе В. В. Бартольда[12]. Ценный материал можно найти в капитальных работах Б. В. Лунина[13]. Один из номеров Сборника Музея антропологии и этнографии (МАЭ) был посвящен памяти С. М. Дудина[14]. В ряде трудов других исследователей (Д. К. Зеленин, Т. В. Станюкович, А. Аргынбаев и другие)[15] также содержатся данные о жизненном и научном пути Самуила Мартыновича. Перу А. С. Морозовой, О. Апухтина, С. В. Дмитриева принадлежат специальные работы о творчестве С. М. Дудина[16]. <…>

«Закончено фотографирование ряда памятников: Аксарай, Рухабад, Намазга, Чупон-Ата, медресе Тиля-Кари, медресе Мирза-Улугбек, Шир-дор, — писал С. М. Дудин из Самарканда. — Исполнение последних снимков для Шир-дор и Мирза-Улугбек связано с уборкой лавок и лавочек, которыми застроен в настоящее время Регистон. После этого я тотчас же перевожу леса за город и приступлю к съемке загородных мечетей. Время, которое таким образом осталось у меня и моего товарища, время до конца сентября, будет употреблено на приготовление акварелей»[17].

К сожалению, акварели С. М. Дудина этого периода не обнаружены. Но об одной его живописной работе тех лет осталось свидетельство корреспондента газеты «Русский Туркестан»: «Показывая нам свои этюды, С. М. Дудин обратил наше внимание на один из них, изображающий портик Шах-Зинда, с его свежими, чудными, будто сейчас сделанными майоликами»[18].

В качестве дипломной работы С. М. Дудин представил картину «В храме Таниты», состоявшую долгое время в коллекции музея Академии художеств. Среди описаний композиций картин, принадлежавших этому музею, содержатся и сведения о дипломной работе С. М. Дудина[19]. Полотно хранилось в отделе живописи, а затем было выдано без указания даты и места. Установить его дальнейшую судьбу не удалось.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

В числе картин, находившихся в музее Академии художеств и переданных в другие музеи, была еще одна работа С. М. Дудина «Перед купанием». Согласно документам, сохранившимся в музее Академии художеств, она была передана в Елисаветградский художественный музей при Обществе распространения грамотности и ремесел в 1914 г. Дальнейшую ее судьбу возможно лишь предположить. В том случае, если картина уцелела во время Гражданской войны, она могла попасть в созданный позже Дворец науки и искусства, а после образования в 1929 г. Краеведческого музея с картинной галереей — в ее коллекцию. Но в период оккупации во время Великой Отечественной войны картинная галерея была полностью разграблена. Возможно, в это время была утрачена и картина С. М. Дудина «Перед купанием». <…>

Возможно, именно во время пребывания художника в Париже у него складывался замысел картины «Из жизни старого Востока», которая прежде хранилась в музее Академии художеств, а в 1918 г. ее передали в Нижегородский художественный музей. Этот музей был создан в 1896 г. и к 1909 г. состоял из трех отделов: исторического, в котором хранилось, главным образом, оружие; нумизматического и церковного, являвшегося главным. Центральными экспонатами этого отдела были картины на библейские темы. Можно предположить, что работа, мыслями о создании которой проникнуто письмо С. М. Дудина В. В. Радлову, «Из жизни старого Востока» была написана на библейский сюжет или близкий ему и потому тематически соответствовала требованиям Нижегородского музея. Из письма, полученного в ответ на наш запрос о судьбе этого полотна С. М. Дудина, следует, что в настоящее время картина «Из жизни старого Востока» в Нижегородском государственном художественном музее отсутствует.

Другие живописные работы С. М. Дудина существовали, например, в виде панно, которые оживляли экспозицию МАЭ в 1920-е гг., в том числе, например, была его картина «Перекочевка киргиз». К сожалению, эти работы С. М. Дудина также бесследно исчезли. <…>

В начале XX в. С. М. Дудин предложил музею Академии художеств купить у него альбом акварельных рисунков казахского орнамента, образцы которого он собирал многие годы в экспедициях по Семипалатинской, Сырдарьинской областям и Алайской долине. В марте 1906 г. на заседании Совета Академии художеств С. М. Дудин представил альбом орнамента из 57 таблиц для решения вопроса о его приобретении. Совет проголосовал за выдачу художнику аванса в размере 600 рублей для окончания работ по составлению альбома. В апреле 1907 г. Советом было решено купить для библиотеки Академии художеств альбом из 60 таблиц и выдать С. М. Дудину 800 рублей.

Работу С. М. Дудина по составлению альбома казахского орнамента высоко оценили современники. Красочные рисунки, сделанные им, приобретают со временем все большую научную ценность, служат одним из главных документальных источников по изучению и сохранению прикладного искусства Казахстана. <…>

Все годы С. М. Дудин сохранял тесный контакт с Академией художеств и ее выпускниками. Его избирали в состав жюри Весенней выставки Академии, он являлся председателем[20].

Л. Ф. Попова,
кандидат исторических наук, заведующая отделом этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана Российского этнографического музея

Коллекции Самуила Мартыновича Дудина — художника, фотографа, музейного деятеля, — собранные им для Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (ныне Российский этнографический музей), являются фундаментальным источником по этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Эти коллекции отличает исключительная тематическая широта, — пожалуй, ни одна сторона бытовой культуры народов региона не осталась без внимания выдающегося собирателя и с большой полнотой получила отражение в его сборах. География этих коллекций также весьма широка, хотя и ограничена маршрутами поездок 1900 и 1902 гг. Путь собирателя пролег от аулов и кочевий туркмен в Ашхабадском и Мервском оазисах до Кашгара, охватив в промежутке Самаркандский, Бухарский, Ташкентский, Ферганский оазисы, районы Нагорной Бухары, долину р. Майдантал в Семиреченской области и Алайскую долину в Ферганской области. В итоге собиратель скомплектовал 35 этнографических коллекций численностью около 4,5 тыс. экспонатов, характеризующих бытовую культуру оседлых узбеков-сартов, полукочевых узбеков, равнинных таджиков, горных таджиков, казахов, киргизов, туркмен, а также небольших групп переселенцев — афганцев и белуджей. Ценность этих сборов повышает хорошая сохранность экспонатов, высокие художественные достоинства большинства из них, а также фотографическое сопровождение, которое мастерски было исполнено самим собирателем[21]. <…>

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Систематический комплексный подход к приобретению предметов позволил собирателю охарактеризовать многие стороны среднеазиатских культур с энциклопедической точностью и полнотой. Значительная часть приобретенных им экспонатов осталась в разряде редких и уникальных памятников не только для собрания РЭМ, но и этнографических музеев мира. Потенциал этого историко-этнографического источника еще далеко не исчерпан и не вызывает сомнений, что, опираясь на него, исследователи в дальнейшем смогут значительно обогатить наши знания о традиционной культуре народов Средней Азии и Казахстана[22].

Примечания

[1] Состоялась лишь небольшая фотовыставка. См.: Е. А. Резван. Самуил Дудин — фотограф, художник, этнограф (материалы экспедиции в Казахстан 1899 г. и 2010 г.). *Каталог фотовыставки «Диалог цивилизаций»* (Родос, Греция, 7–11 октября 2010 г.) (СПб., 2010).

[2] № И 125, 270, 296, 493, 1697, 757, 778, 779, 945, 1082, 1199, 1332, 1358, 1396, 1402, 1966, 1967, 1968, 2062, 2123, 2124, 2148, 2149, 2150, 2181, 2498, 2696, 2731, 2781, 2800, 2821, 2832, 2855, 2882, 2914, 3084, 3204, 3541, 5684.

[3] Э. К. Пекарский. «С. М. Дудин». *Сборник Музея антропологии и этнографии.* Т. IX. Ред. Е. Ф. Карский (Л., 1930). С. 344–346.

[4] В. В. Бартольд. «Воспоминания о С. М. Дудине». Там же. С. 349.

[5] Е. Ф. Карский. «Памяти С. М. Дудина». Там же. С. 341–343. Доложено в заседании Президиума АН 13 мая 1930 г.

[6] С. Ф. Ольденбург. «Памяти Самуила Мартыновича Дудина». *Сборник Музея антропологии и этнографии*. Т. IX. С. 353–357.

[7] *СПбФ АРАН*, ф. 4, оп. 2–1915, ед. хр. 62, л. 11.

[8] Там же, ф. 4, оп. 2–1914, ед. хр. 74, л. 21–22, 32.

[9] Там же, ф. 4, оп. 2–1915, ед. хр. 63, л. 38, 40.

[10] Там же, ф. 4, оп. 2–1917, ед. хр. 41, л. 1.

[11] Е. С. Соболева. «Основные направления работы МАЭ с фотоматериалами в конце XIX – начале XX века». *Иллюстративные коллекции Кунсткамеры.* Отв. ред. В. А. Прищепова (СПб., 2014). С. 257–258, 270.

[12] В. В. Бартольд. *Сочинения.* Т. IV (М., 1966). С. 21–22.

[13] Б. В. Лунин. *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917)* (Ташкент, 1958); он же. *Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX – начало XX в.* (Ташкент, 1962); он же. *Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении* (Ташкент, 1965); М. А. Ахунова, Б. В. Лунин. *История исторической науки в Узбекистане: Краткий очерк* (Ташкент, 1970).

[14] *Сборник Музея антропологии и этнографии.*

[15] Д. К. Зеленин. «С. М. Дудин (1863–1929). К годовщине смерти». *Советская Азия*. V–VI (М., 1930). Т. В. Станюкович. *Этнографическая наука и музеи* (Л. 1978); Х. Аргынбаев. «Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX в. (По материалам Восточного Казахстана)». *Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Этнография* (Алма-Ата, 1959). Т. VI и др.

[16] А. С. Морозова. «Туркмения в фотоколлекциях С. М. Дудина». *Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен* (Ашхабад, 1973); О. Апухтин. «Влюбленный в Туркестан». *Звезда Востока*. I (1974): он же. «Фотографы-путешественники». *Вечерний Ташкент*. 23 сентября 1977 г.; С. В. Дмитриев. «Штрихи к собирательской деятельности С. М. Дудина». *«Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа». Сборник Музея антропологии и этнографии*. Т. LII (СПб., 2006).

[17] *А РАН*, ф. 148, оп. 1, ед. хр. 51. л. 101.

[18] *Русский Туркестан*. 1900, 11 сентября.

[19] *Императорская Академия Художеств. Музей. Русская живопись* (Петроград, 1915). С. 79.

[20] В. А. Прищепова. «Коллекции С. М. Дудина по народам Средней Азии и Казахстана в собраниях Кунсткамеры (МАЭ, Петербург)» (в печати).

[21] Это коллекции РЭМ № 12–16, 18–22, 24–26, 31–39, 58–61, 238–245, 362. Подробнее см.: С. М. Дудин. «Отчет о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 годах». *Архив РЭМ*, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 247. См. также: С. В. Дмитриев, Л. Ф. Попова. «Кашгарская коллекция С. М. Дудина в Российском этнографическом музее». *Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века*. Под ред. И. Ф. Поповой (СПб., 2008). С. 88–111.

[22] Л. Ф. Попова. «Коллекции С. М. Дудина в Российском этнографическом музее» (в печати).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

А. М. Успенский

САМУИЛ ДУДИН. ВОСПИТАНИЕ ГЛАЗА

…Область, подлежащая фотографической фиксации, почти так же широка и неограниченна, как и область художника. При этом у фотографа будет еще преимущество скорой работы и фиксации тем, последнему совершенно недоступных, <…> материал, доставленный фотографом, будет иметь все преимущества документальности, беспристрастного и точного протокола…

С. М. Дудин

Экспедицию в Казахстан, в которой мне довелось принять участие, посвященную наиболее интересной части маршрута С. М. Дудина 1899 г., по Баянаульскому району сопровождал проводник Алтынбек. Улыбчивый, легкий и в движениях, и в разговоре, помнящий все достопримечательности поименно и поколенно — в каком году что произошло, кто здесь жил, каким родственником приходится ему. Мы ехали по одинаковому и неизменному (как мне казалось) степному пейзажу, Алтынбек показывал в сторону от дороги: «Здесь родился наш знаменитый академик Сатпаев, здесь у его семьи была зимовка». Там, куда надо смотреть, никаких особых, на наш глаз, примет или знаков нет. Показывал другое, тоже ничем вроде бы не отмеченное место: «Здесь стояла фабрика, англичане золото мыли». Тогда я впервые получил живое доказательство: у казахов сформировалась совершенно иная оптика, с тончайшей подстройкой под топологические нюансы одинакового, на наш европейский глаз, пространства. Один из наших водителей говорил: «Сейчас ездят с навигаторами и ошибаются, не могут быстро доехать, а я ориентируюсь по сопкам и еду самым коротким путем». Специфический оптический опыт коренных жителей Великой степи иллюстрируется рассказанной нам тогда же документальной историей: век назад русский офицер с местными сопровождающими ехал степью и обнаружил, что дорогой обронил свою перчатку, только когда приехали на стоянку. Послали казаха найти, он привез эту перчатку, хотя та не просто лежала неизвестно где, но и, как оказалось, была затоптана лошадьми в сырую землю. Однако необычный (для местного глаза) отпечаток копыта говорил о том, что лошадь на что-то наступила. Увидеть такое можно только благодаря этнически унаследованной и затем воспитанной, натренированной оптике.

Мои личные наблюдения в какой-то мере соотносятся с тем опытом, который получал век тому назад в этих степных краях С. М. Дудин — человек, для которого оптические системы и зрительные практики были столь важны и значимы. Вот именно в плане, как говорят сегодня, философии визуального восприятия мне представляется интересным творческий и жизненный опыт Дудина — художника, ученого, фотографа, путешественника, да и просто творческого человека, жившего в период решительных перемен. Перемен в области оптических практик и теорий: получения изображения, его воспроизведения, репродуцирования и репрезентации. Сфера визуального в то время не просто влияла на все области культуры и науки, она интенсивно (чтобы не говорить «революционно») обновляла самое себя, постоянно накапливая разноплановую зрительную эмпирику,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

через теоретические и практические эксперименты приходя к воспитанию глаза.

С. М. Дудин был птенцом большого, устойчивого и консервативного гнезда — Российской Академии художеств, где учился в мастерской живого классика Репина, что подталкивало ученика на самую традиционалистскую позицию из возможных. Одновременно с учебой в Академии (которую окончил в 1897 г.) Дудин охотно привлекался к работе в этнографических экспедициях в качестве рисовальщика, и это дополнительно дисциплинировало его работу в качестве художника — внимательного свидетеля и фиксатора объективного. Уже в 1891 году он в составе экспедиции В. В. Радлова посещает Орхон в Монголии, где делает рисунки и фотографии[1]. Почувствовал ли Дудин тогда особенность фотографии и специфические ее возможности, помимо технических? Полагаю, что еще нет. В то время русские живописцы нисколько не обольщались эстетическими ресурсами фотографии и, напротив, уже отвели ей весьма конкретное и ограниченное место в ряду прочих подручных инструментов художника.

Первым русским дипломированным художником, избравшим работу фотографом и преуспевшим в этом деле, был А. И. Деньер (1820–1892), окончивший Академию художеств как живописец в 1849 г., а двумя годами позже открывший в петербургском пассаже «Дагерротипное заведение художника Деньера». Он примирил с фотографией сторонников академической живописи (виднейший академик Ф. А. Бруни, например, отказывался даже фотографироваться), в его мастерской среди других ретушеров работал будущий знаменитый живописец-портретист И. Н. Крамской, прослывший «богом ретуши». Благодаря таким молодым художникам-ретушерам в фотографию привносились задачи художественного толка: нюансы в работе со светом, мягкость рисунка, композиционные вариации.

Самые типичные и продолжительные взаимоотношения с фотографией были у И. И. Шишкина. Художник впервые совместно работал с фотографом в 1870 году в Нижнем Новгороде, где выпускник петербургской Академии художеств А. О. Карелин (1837–1906) открыл ателье «Фотография и живопись». Летом того года Шишкин иллюминировал акварельными красками фотографические виды города по заказу Карелина, которому нижегородское дворянство доверило подготовить альбом для подарка Александру II. Впоследствии Шишкин постоянно использовал фотографию как средство (заменяющее этюды и наброски) для подготовительной работы над картиной и как материал для изучения отсутствующей на данный момент натуры. Третья, репродукционная сторона фотодела развивалась известными учеными, например, в рамках Русского технического общества (РТО): «В конце 70-х годов Д. И. Менделеев с некоторыми художниками (среди них был И. Шишкин) и любителями фотографии организовал кружок, который должен был заниматься “применением фотографии к распространению произведений русского искусства”»[2].

Собственно, эти три способа применения фотографии — в качестве эскиза, в качестве документального депозитария, в качестве способа воспроизведения — определяли отношение к ней почти всех русских художников конца XIX – начала XX в. Она применялась как универсальный улучшитель традиционных методов и не мыслилась как самостоятельное искусство, ей доверяли важные, но лишь подсобно-технические работы.

Фотография признается Шишкиным «единственной посредницей», которая не может исказить объективного видения художника: «Я хочу Вам дать совет капитальный, на котором зиждется вся премудрость изучения природы, или натуры, как говорят, а также и тайны искусства и особенно техники живописи, — это фотография. Она единственная посредница между натурой и художником и самый строгий учитель, и если Вы разумно поймете это и займетесь с энергией изучением того, в чем вы себя чувствуете слабым, то я Вам ручаюсь за скорый успех… В одну зиму работы разумной с фотографии можно научиться писать и воздух, т. е. облака, и деревья на разных планах, и даль, и воду, словом, все, что Вам нужно. Тут можно незаметно изучить перспективу (воздушную и линейную) и законы солнечного освещения и проч. и проч. Если Вы это поймете и последуете моему совету, то Вы быстро научитесь и писать и рисовать, а главное, разовьете и облагородите Ваш глаз и прочее… А практически делается вот так: берется по вашему вкусу хорошая фотография или только часть из нее, Вам нужная, и, дабы хорошо видеть и понять, нужно взять лупу или стекло увеличительное. С фотографии, кроме рисования каранд[ашом], нужно писать краской, одним тоном, в тон примерно фотографии. На палитре составляют шпателем тона, сначала положить самый темный; потом полутона и так далее до самого светлого, и все эти тона кучками должны быть заранее на палитре готовы (контур обязательно обводят чернилами или тушью)» (из письма И. И. Шишкина И. А. Уткину, 1896)[3].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

В мае 1890 года Шишкин вместе с фотографом Е. П. Вишняковым (1841–1916) участвовал в экспедиции к истокам Волги. Вишняков, действительный член Русского географического общества и член фотографического отдела РТО, снимал в жанре фотографического пейзажа и стал автором книги «Применение фотографии к путешествиям». Шишкин, которого он сопровождал в путешествиях, помогал выбирать точки съемки, давал указания при просмотре отпечатков, таким образом формируя фотопейзажи по канонам пейзажного жанра живописцев передвижнического толка. Именно этого и ждала критика — В. В. Стасов как важное качество отмечал художественность фотографий, поступавших в то время в собрание Санкт-Петербургской Публичной библиотеки.

Документирующую функцию видит и ценит И. Е. Репин: «Относительно фотографии я с Вами вполне согласен: в последние лет 20 ею пользуются взапуски второстепенные художники, и она дала свои результаты: материалы, протоколы натуры, конечно, незаменимые, но создания художественные по-прежнему идут своим путем и выходят больше из глубины души автора. А борьбы с этим никакой не нужно; эта работа в общем способствует высоте и развитию внешней формы искусства — в пластике изображений всякого рода великое подспорье» (письмо А. В. Жиркевичу, 1895)[4].

Другое поколение русских живописцев, работающее в принципиально иной стилистике, ни в чем, по сути, не изменило свое отношение к фотографии. В. Э. Борисов-Мусатов приобрел фотоаппарат в 1898 году и стал активно использовать его в творческой работе. К «Автопортрету с сестрой» того же года сохранился подготовительный фотоотпечаток, и с этого момента фотография становится постоянной стадией подготовки живописных идей художника, чьи произведения в абсолютном большинстве имеют авторские фотоснимки-прототипы. Объемный фотоархив Мусатова подтверждает, что фотография заменяла собой в его творчестве композиционный эскиз и не старалась стремиться к большему.

В России второй половины XIX в. главной тенденцией было встраивание новшества — фотографии (еще не признанной за искусство современниками, видевшими в ней научно-техническую новацию, ценную прежде всего как инструмент сохранения и передачи документально-объективного) в существующую иерархию искусств, и неудивительно, что она сразу была отправлена «служить на посылках» у живописи и графики, заняв назначенное ей место на творческой кухне, хотя и в звании главного повара («строгого учителя»).

Сервильные возможности фотографии эксплуатировались и в Европе. Достаточно упомянуть известный проект Дэвида Октавиуса Хилла (1802–1870). Он, «пользуясь технологией Тальбота, произвел съемку 155 делегатов состоявшегося в мае 1843 г. первого генерального съезда Свободной церкви Шотландии[5]. Основываясь на проекциях фотографий, Хилл создал групповой живописный портрет, получивший широкий политический резонанс в связи с тем, что названный съезд представлял собой кульминацию длительной борьбы шотландцев против религиозного деспотизма британской короны. В историю искусства данная работа вошла не благодаря художественным достоинствам, а, в первую очередь, в связи с обстоятельствами своего возникновения. В начале следующего века аналогичную технологию применил русский художник Илья Репин, изображая заседание Государственного Совета»[6].

В Европе и Америке фотография сразу была разделена на два направления — собственно фотография (впоследствии названная художественной) и фоторепродукция. Последней предписывалась объективность и описательность, а вот в фотографии стали изыскивать признаки самостоятельного вида искусства, и занимались этим преимущественно люди с художественным образованием.

Первоначально процесс «эстетизации» шел путем стилизации и заимствования готовых художественных форм[7]. Так, Робер Демаши имитировал в своих фотографиях технику живописи и гравюры, а Генри Пич Робинсон вдохновлялся творчеством прерафаэлитов (другие фотографы приближали свои работы к стилю импрессионистов, символистов и пр.). Робинсон издал в 1869 г. канонический труд «Пикториальный эффект в фотографии: советы фотографам по композиции и распределению светотени»[8], где, в частности, призывал: «Необходимо приглушить в снимке обыденное и уродливое и, следуя примеру живописи, искать гармоничную композицию и изящную форму». Представители художественной фотографии — Art photography — Джулия Маргарет Камерон и Дэвид Уилки Винфилд занимались преимущественно портретом и, сделав своей концепцией идеализированное изображение, оставались уверенными в ценности мягкого фокуса, позволявшего достичь этого. Акцент на эстетической ценности фотографии в 1890-е годы сформировал направление, которое назвали «Культ неотчетливого» (“The Cult of Indistinctness”).

Альфред Стиглиц[9] добивался признания фотографии как искусства и усиливал в своих снимках созерцательные

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

качества. Зачастую он отказывался от какой-либо ретуши, сохраняя элемент случайности, возникавший при съемке. Он был первым фотографом-галеристом, у которого в нью-йоркской галерее начиная с 1905 г. в течение многих лет пикториальные фотографии экспонировались рядом с картинами и рисунками Матисса, Ренуара, Сезанна, Мане, Пикассо, скульптурами Родена и Бранкузи, японскими эстампами и африканской деревянной скульптурой.

Эстетическую ценность фотографии в конце XIX в. самим своим приходом в нее утверждали художники, люди с традиционным художественным образованием. Причем и в России, и на Западе, и в Америке было немало художников, которые использовали фотографию как подготовительную стадию в работе, многие делали снимки натуры одновременно с процессом письма картины (либо заранее), снимали пейзажи и сценки, заменяя отпечатками наброски и эскизы. Кроме перечисленных выше русских, среди западных «художников с фотокамерой» можно упомянуть Мариано Фортуни-и-Мадрасо, Дега, Боннара, Мунка, Пикассо. Но на рубеже веков появился новый художник — «художник-фотограф» — профессионально образованный живописец, занявшийся фотографией как искусством и тем самым утвердивший на притязания фотографии пикториальной. А сам термин «художник-фотограф» появился благодаря Фрэнку Юджину. Юджин около десяти лет занимался одновременно фотографией и живописью. Про его фотоснимки в прессе писали: «По сути он живописец, фотография для него — лишь новое средство выражения его художественной индивидуальности… В его работах есть все, что отличает профессионального художника: размах и отточенность метода, непостижимая способность делать вещи выразительными, декоративность, скульптурное величие наряду с изысканной естественностью поз и живописной небрежностью». Традиционное художественное образование получила и Гертруда Кэзебир, ставшая в 1890-х гг. корифеем в области портретной фотографии. Артур Уизли Доу, профессор искусств в художественном институте Пратта, писал: «Фотопортреты госпожи Кэзебир свидетельствуют о том, что она подходит к ним как художник, который не ограничивается копированием вещей. Будучи живописцем с опытом, образованием и знанием законов искусства, она предпочитает писать портреты с помощью фотореактивов. Берет науку и подчиняет ее воле художника». Эдвард Штайхен также занимался и живописью и фотографией. В 1901 г. Штайхен сказал: «Если фотографы будут больше думать о живописи и меньше о фотографии, это улучшит снимки», хотя позднее он признался, что скорее фотография повлияла на его живопись, нежели наоборот.

В самых общих чертах сравнивая процессы, происходящие в фотографии России и на Западе в конце XIX – начале XX в., надо признать, что если наши соотечественники обращали к фотографии свои надежды в научно-технической области, то европейцы и американцы ждали от нее субъективно-эстетических откровений. Условно говоря, когда русские художники с помощью ретуши проявляли скрытое в тени, западные с помощью расфокуса размывали видимое на свету.

В период учебы и становления Дудина как фотографа и художника и вплоть до Первой мировой войны пикториальная фотография оставалась главным направлением художественной фотографии того времени. Фотографы-пикториалисты не просто акцентировали живописные эффекты и приемы, они решительно ставили искусство фотографии рядом и наравне с другими видами визуальных искусств, и сегодня этот этап, синхронизировавший историю искусства и историю фотографии, мы включаем в общую историю модернизма. Глядя из сегодняшнего дня, мы видим, что фотография подчинялась общим законам визуальных дисциплин: «Процесс построения произведения искусства как репрезентации пространства, в котором это искусство выставляется»[10]. Живописное полотно или фотографический снимок с момента своего создания подготавливается к тому, что будет принадлежать экспозиционной плоскости, стене, на которой его разместят в экспозиции. И с этим связываются особенности визуального контакта произведения со зрителем, находящимся в пространстве экспонирования, т. е. на выставке. Действительно, в истории фотографии второй половины XIX в. центральное место занимает фотография топографическая, сделанная в ходе экспедиций и исследований. «Под стеклом, в рамах и с этикетками, эти фотоснимки входят сегодня в пространство исторической реконструкции — через музей», — пишет Розалинда Краусс, и далее она справедливо остерегает нас от опасности трактовать репрезентацию и существование фотоснимков исключительно в дискурсивном пространстве искусства. Рассматривая феномен стереографии, чрезвычайно популярной в 1850–1880-е годы, Краусс ставит вопрос о принципиальной разнице терминологических понятий «вид» и «пейзаж». Первый сохранил в себе специфику стереографического опыта, ставшего протоисторией кинематографа, второй же наследует изобразительной традиции живописи. Работы, показы-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 1. С. М. Дудин. Верблюд, запряженный в арбу.
Фотоотпечаток, 8,0 × 12,0 см. 1899 г. МАЭ РАН, №1199–426

Рис. 2. С. М. Дудин. Река Нура.
Фотоотпечаток, 15,0 × 23,0 см. 1899 г. МАЭ РАН, №1199–226

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 3. С. М. Дудин. Река Амударья.
Фотоотпечаток, 15,0 × 23,0 см. 1899 г. РЭМ, №42–5. С любезного разрешения музея

вавшиеся на фотосалонах начиная с 1860-х гг., фотографы предпочитали называть видами, а не пейзажами, несмотря на их существование в пространстве выставки, а не стереоскопа. Понятие «вид» подразумевает исчезновение автора, посредство художника как бы устраняется, и даже авторство уже принадлежит издательской компании. Для вида характерна центрированная композиция с неким уникальным объектом — явлением природы, чью уникальность подчеркивают фокусировкой и преувеличенной глубиной. «Наконец, *вид* фиксирует эту уникальность, эту точку сборки как одну из частиц в комплексной репрезентации мира, некоего всеобъемлющего топографического атласа <…> Вид и путешествие взаимосвязаны и взаимообусловлены»[11].

Соглашаясь с такой трактовкой, следует признать, что в работах Дудина можно обнаружить как *виды*, так и *пейзажи*, и выбор автора (конечно, не отрефлексированный, но прочувствованный эмпирически и интуитивно в процессе огромной практической съемочной работы) в пользу одного либо другого визуального принципа довольно отчетлив и поддается анализу. Дудину-художнику, естественно, близки вопросы мастерства, которые для Дудина-фотографа вступают в конфликт с описательной функцией фотографии, главной и необходимой в экспедиционной работе. Причем Дудину-автору — художнику, ученому, фотографу, иллюстратору, этнографу — органически присуще желание объективации, он рассматривает свою миссию как служение культуре с фиксацией и сохранением ее в визуальном формате.

В пейзажных снимках Дудина зачастую появляется свободное (визуально и фактически) пространство внизу кадра — ярко выраженный горизонтальный мотив иначе не вписывается в пластинку прямоугольного формата. Позднее он найдет решение: будет обрезать отпечатки, под панорамы и под формат «два квадрата» — это излюбленный репинский картинный формат (здесь поклон учителю да и многим пейзажам передвижничества). Так компонуется тема движения (*рис. 1*), мотив реки (*рис. 2–3*), поля с отчетливыми бороздами или дорогой (*рис. 4–6*), пристань с низкой точкой зрения от воды, сетка рисовых чеков с горизонтальными тягами — здесь явно виден композиционный опыт живописца. Можно припомнить декоративные панно К. А. Коровина, предназначенные для показа и непосредственно для оформления торговых павильонов всероссийских и международных выставок, — здесь действительно была отдана дань репрезентации экспозиционного пространства. Дудин практически сразу, после первых экспедиций,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 4. С. М. Дудин. Зимовка (кыстау) под общей кровлей. Баян-аул. Фотоотпечаток, 17,0 × 23,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, №1199–2

Рис. 5. С. М. Дудин. Кладбище в урочище Аккелин. Фотоотпечаток, 17,0 × 23,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, №1199–39

Рис. 6. С. М. Дудин. Джайляу — летнее пастбище в субальпийских и альпийских поясах гор Центральной Азии. Фотоотпечаток, 16,5 × 23,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, №1199–137

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

представлял, для чего послужат его фотоработы и где они будут экспонироваться — в пространстве музея, и стиль фотографа-художника был производным от этого строго организованного выставочного пространства (создание экспозиции для Парижской всемирной выставки было конкретной целью экспедиции 1899 г.). В другой части пейзажных снимков, где задачей ставится выявление объективного, научно значимого, а предметов много и их порядок лишен визуальной структурности, например стойбище в предгорье в процессе своей начальной организации, еще нет «уникального объекта» — юрты, которую можно сделать центрирующей снимок, Дудин срезает при кадрировке верхушки гор ради укрупнения переднего плана и его детализации — каноны живописного пейзажа грубо и сознательно нарушаются *(рис. 7)*. Другой пример: в пейзаже большой глубины (присутствуют передний, средний, задний планы) фокус ставится на среднем плане, и часто (из-за небольшой фокусной глубины) из резкости уходит сюжетно и объективно важный передний план всадник или пастух, держащий лошадь *(рис. 7–8)*.

В целом дудинские фотографические работы отличают плотная композиция, выстроенность композиционного баланса кадра, внимательная работа с деталями и стаффажем. Максимальное отдаление от эстетики пикториализма органично как для темперамента, так и для художнической позиции Дудина, склонного к объективации, к транслированию визуальной информации с наименее возможным посредничеством авторского эго художника. Такой тип можно назвать фотографом-медиатором.

Желание служить объективному знанию Дудин реализовывал как художническую позицию и в других видах искусства, которыми занимался одновременно с фотографией. Показателен пример иллюстраций к «Вечерам на хуторе близ Диканьки», созданных совместно с Н. И. Ткаченко для знаменитого петербургского издателя Альфреда Федоровича Девриена. В этом презентабельном, солидном издании предисловие было написано самими иллюстраторами, что определяло их работу как главную и, в известной степени, корректирующую литературную составляющую. Основанием для своего труда они видели «многолетнюю совместную работу и знание быта Малороссии»[12] (для Дудина — еще и детские впечатления уроженца Херсонской губернии). «Мы хотели только дать читателям подходящий, не противоречащий духу гоголевского текста, изобразительный материал, правдивый, не сдобренный ни карикатурой, ни шаржировкой и не прикрашенный по-театрально-праздничному, а такой, каким сохранила его наша память от тех лет, когда мы сами жили и росли среди мест и типов, описываемых Гоголем. И если наши рисунки помогут читателю несколько живее перенестись мыслью в ту же среду и обстановку, если те бытовые мелочи и подробности, о которых Гоголь упоминает вскользь и которые мы намечаем определенно, дополнят это — мы будем считать нашу задачу выполненной»[13]. Иллюстрации эти следовало бы назвать этнографическим дискурсом, настолько гоголевский текст стал поводом разложить по полочкам детали и предметы малоросского быта, — постраничные иллюстрации во множестве представляют собой документальные зарисовки с подписями: коржи, мазница, ларь с припасами, рожок и сопилка, скрыня и т. д. Здесь же вместо литературных мест и героев появились типажи, костюмы, хаты — энциклопедия, да и только!

Рис. 7. С. М. Дудин. Сборы перед кочевкой. Аул на р. Така. Фотоотпечаток, 15,0 × 23,0 см. 1899 г. РЭМ, № 43–69. С любезного разрешения музея

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 8. С. М. Дудин. Поимка лошади в Алайской долине.
Фотоотпечаток, 15,0 × 23,0 см. 1899 г.
РЭМ, № 43–87. С любезного разрешения музея

В предисловии художники сетуют на прочих иллюстраторов Гоголя за отсутствие плана, случайности, утрирование смешного, в чем никак нельзя упрекнуть их, загнавших (из лучших побуждений) фантастический и темпераментный мир Диканьки в этнографический каталожный ящик. Такой подход, еще как-то работающий в мире старосветских помещиков, совершенно неприемлем для полета Вакулы, иллюстрация к которому производит унылое и чрезвычайно слабое впечатление: невозможно полет на чёрте изображать в стиле археологической фиксации. Но благодаря этому изданию мы можем услышать прямую речь Дудина, узнать о его желании перенести читателя-зрителя «в ту же среду и обстановку» и «наметить определенно» бытовые мелочи и подробности — это ясно обрисованная художническая позиция.

Живопись, на мой взгляд, в меньшей степени повлияла на Дудина-фотографа, чем его графика. Он был на хорошем счету среди других учеников Репина, и тот еще в 1895 г. хвалит его за живописность, за «прекрасно и верно» написанные этюды, наравне с таким крупным живописцем, как Малявин[14]. Многие картины Дудина пропали, и о них трудно судить, а этюды в большинстве своем не проявляют яркого авторства, они относятся к крепкой русской академической школе, реализму, чуть подкорректированному актуальным влиянием модерна. В письме Репину из Парижа[15] пенсионерствующий там Дудин подробно описывает свою неудачу с жанровой картиной, причиной чему является его «невыдержка и неумение справиться с большой отсебятинной работой». Позже, я полагаю, им был сделан осознанный личный выбор в пользу объективизирующих художественных практик, чему значительно помогло постоянное продолжительное и успешное участие в научных экспедициях с выдающимися учеными — В. В. Радловым, В. В. Бартольдом и С. Ф. Ольденбургом. Причем и живописные[16], и рисовальные его работы, сделанные в экспедициях, устраивали Дудина одной своей направленностью, своим, как он писал, «преимуществом документальности».

Стремление к точности и документальности не противоречило художническому типу Дудина и, вероятно, было его призванием. Он желал утвердиться на надежном плато объективности, видел свое назначение в бес-

Рис. 9. С. М. Дудин. Табун лошадей у водопоя.
Фотоотпечаток, 16,5 × 23,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–206

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 10. С. М. Дудин. Сцена на съезде старшин Павлодарского уезда. Фотоотпечаток, 8,0 × 11,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–464

Рис. 11. С. М. Дудин. Кочевка на верблюдах. Фотоотпечаток, 16,5 × 23,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–168

пристрастном служении культуре, за счет освобождения столь желанных многим субъективно-индивидуалистических позиций самовластного художника-творца.

Рассматривая в целом фотографическое наследие Дудина, невозможно не заметить в нем отчетливых влияний предшествующей ему фотопрактики и опосредованного влияния стереографии, которая эксплуатировала эффекты центрированного пространства и статической перспективы. Структурно организованные пространства (интерьеры, улицы, городские участки с плотной регулярной застройкой) Дудин компонует в горизонтальный формат с перспективой центральной точки схода, обездвиживая (порой довольно динамичные за счет присутствующих в кадре людей) композиции, «успокаивая» их для неторопливого рассматривания, т. е. здесь он пользуется опытом создания *видов*. В том случае, когда непредсказуемость поведения его «натурщиков» — людей и животных (всадники, караван) — меняет задуманную компоновку, снимок приобретает не свойственную Дудину репортажность *(рис. 9–13)*.

Полагаю, что такой вдумчивый и анализирующий автор, как Дудин, делал при проявке и каталогизации этих «не вполне удавшихся» снимков выводы и использовал этот привнесенный случайностью опыт. Наиболее очевидно это в портретной групповой съемке. Дудин пишет, что успешно применяет такой ход: подготовив группу для съемки, он имитирует съемочные действия, показывает, что съемка закончена, и в момент, когда позирующие расслабляются и «оживают» после напряженного замирания, он действительно делает снимок и получает более естественные позы и выражения лиц. Другой вариант ухода от позирования Дудин получает при съемке про-

Рис. 12. С. М. Дудин. Бату. Молитва перед резанием барана. Фотоотпечаток, 17,0 × 24,0 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–215

Рис. 13. С. М. Дудин. Омовение перед намазом. Фотоотпечаток, 10,4 × 16,7 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–219

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 16. С. М. Дудин. Плетение матов.
Фотоотпечаток, 17,0 × 23,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–213

Рис. 17. С. М. Дудин. Плетение матов.
Фотоотпечаток, 16,0 × 21,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–214

Рис. 15. С. М. Дудин. Сбивание шерсти.
Фотоотпечаток, 12,0 × 17,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–174

цессов, поглощающих участвующих в них (например, ставят *шанырак* для юрты — дело ответственное). Интересно, что фотограф «ловит момент», и видно, что кто-то из людей успевает отвлечься и поглазеть, а кто-то нет. Вероятно, что Дудин при печати производил отбор таких дублирующих снимков, выискивая и сохраняя пропорции между репортажностью и этнографичностью *(рис. 14–17)*[17], двигаясь к собственному смысловому балансу и к тому, что позднее стали называть визуальной антропологией.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 14. С. М. Дудин. Сбивание кумыса. Джейляу на реке Чидерта.
Фотоотпечаток, 17,0 × 23,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–300

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 21. С. М. Дудин. Муж и жена среднего достатка.
Фотоотпечаток, 12,5 × 17,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–297

Рис. 20. С. М. Дудин. Вытирание рук. Намаз.
Фотоотпечаток, 12,0 × 17,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–221

Рис. 23. С. М. Дудин. Стирка белья.
Фотоотпечаток, 12,0 × 17,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–448

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

В дудинской портретной съемке нет «предстояния» перед камерой, он избегает визуального пафоса показа «типичного представителя», как и социального пафоса (к примеру, в снимках бедных и богатых казахов не акцентированы в первую очередь бедность или богатство), за счет чего появляется высокая визуальная и эмоциональная контактность с изображенным, вовлеченность в чужую экзотическую среду, чувство причастности к чужой жизни в пространстве фотоотпечатка. Отчасти это достигается и тем, что портреты в рост делаются Дудиным с учетом пространства на заднем плане, которое от банального фона решительно сдвигается по значимости в сторону кормящего ландшафта, а динамика лица и (или) фигуры усиливается ее ракурсом в три четверти и упомянутым выше приемом оживления *(рис. 18–23)*.

Рис. 18. С. М. Дудин. Охотничий ястреб.
Фотоотпечаток, 12,5 × 17,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–45

Рис. 19. С. М. Дудин. Табунщик с уйруком.
Фотоотпечаток, 11,5 × 16,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–67

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 22. С. М. Дудин. Казах-нянька.
Фотоотпечаток, 8,0 × 12,0 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–403

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Лучшие фотографии Дудина *(*например, *рис. 24–27)* структурны в целом, но как бы слегка «сбиты» случайно возникшим движением и внезапным ракурсом ничего не подозревающего «натурщика». Тщательно выстроенный и чуть «подпорченный» нечаянной репортажностью снимок дает чувство вовлеченности в пространство бытовой, ординарной ситуации: сценки торговли на городском рынке, детские игры в степи, цирюльник бреет голову клиента… Такая погруженность дает дорогое ощущение, которое я бы назвал чувством «местного времени», когда пространство фотографии позволяет репрезентировать и четвертое измерение, т. е. передать живую, движущуюся историю. Полагаю, что это найденное Дудиным (практическим и аналитическим путем) равновесие между объективным и случайным, между константным и темпоральным, между характерным и уникальным, есть одно из важных его личных достижений в фотографии, то, что легло в методику съемок (помимо огромного количества технических изобретений и технологических разработок) и было именно личным авторским вкладом, появившимся на стыке научного и художественного визуального опыта.

Годы жизни С. М. Дудина совпадают с периодом наиболее значительных изменений в визуальной теории и практике, преобразовавших сами принципы восприятия, воспитавших глаз художника и зрителя. За первую треть XX века, которую он прожил, появились многочисленные авторские теории визуального восприятия — от лучизма Ларионова до «Зорведа» Матюшина, шли поиски «нового зрения» как в ГИНХУКе, так и в Баухаузе, вышел на экраны легендарный «Киноглаз» Дзиги Вертова… Но в это время Дудин занимался уже не аккумулированием, а транслированием накопленного знания и опыта. Так, в 1924 г. он читает лекции «Народное искусство Сибири», «О коврах», «Китайское искусство», «О технике живописи (китайской)»[18]; в том же году к печати приготовлены книги: Монро-Вотье. «Живопись» (пер. с фр. худ. Дудина); Лори. «Руководство по технике живописи» (под ред. Дудина). На 1927 г. сухим языком протокола он определяется как «ученый хранитель музея, антрополог и этнограф Академии наук». К тому времени Дудин уже фактически стал одним из создателей направления, которое сегодня приобрело название «визуальная антропология».

Сложность анализа визуального наследия С. М. Дудина обусловлена тем, что оно лишено формальной эстетической целостности, определяющей творчество любого художника. Уходя от возможностей субъективной воли творца, он поступился своими художническими способностями, перенеся точки опоры на объективное знание, научные методы и исследовательский энтузиазм. Целостность Дудина иного рода это этическая цельность позиции служителя культуры и науки, создателя, исследователя и хранителя визуального наследия, ученого, художника и гуманиста.

Рис. 26. С. М. Дудин. Игра в бабки. Фотоотпечаток, 7,0 × 11,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–425

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 27. С. М. Дудин. Покупка купола юрты.
Фотоотпечаток, 8,0 × 11,0 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–444

Рис. 25. С. М. Дудин.
Перед резанием барана.
Фотоотпечаток, 8,0 × 11,4 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–399

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 24. С. М. Дудин. Толчение проса на реке Нуре.
Фотоотпечаток, 12,0 × 17,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–231

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Приложение

Письмо С. М. Дудина И. Е. Репину, январь 1899 г.[19]

Многоуважаемый Илья Ефимович.

Я давно хотел написать Вам, но откладывал на тот случай, когда я напишу что-нибудь и тем как бы приобрету право на Ваше внимание. Однако, со времени моего отъезда из Петербурга прошло около 10 месяцев, а у меня все еще ничего не сделано, как и перед отъездом. И вот я пишу, имея в виду, что это письмо будет отчетом для Вас о моем пребывании за границей. Конечно, картина или хороший этюд были бы самым лучшим отчетом, но у меня их нет, поэтому поневоле приходится заменить их письмом. Не подумайте, однако, что я стану оправдываться, нет, я заранее заявляю, что я кругом виноват, что я все еще не отделался от своей всегдашней нерешительности и того нытья, которое всегда портило мне дело, что я работал и уничтожал, не доведя до конца работы, раз у меня не выходило то, что мне нужно. Не будь этого, я, может быть, и написал бы что-нибудь. Тем не менее, поездка за границу и жизнь в Париже не пропали для меня совсем задаром. Я приобрел здесь кой-какие сведения и несколько уравновесился. Правда я заплатил за это слишком дорого, ухлопав почти всю академическую пенсию, но может быть другим не придется платить за то же так дорого, если они захотят взять у меня часть моего опыта.

При отъезде за границу меня, конечно, интересовали музеи переполненные картинами старых мастеров, но больше занимали меня новые художники. К старым мастерам, за исключением очень немногих, которым я посвятил много внимания, я всегда относился холодно и никогда не мог восторгаться всем, чем восторгаются их присяжные знатоки. Другое дело новейшая живопись. Я так много слыхал о ней от людей бывавших за границей, так насмотрелся на репродукции с произведений ее корифеев, что для меня вся «заграница» заключалась в них. Если прибавить к этому таинственные, мало понятные и часто противоречивые толки о наиновейших направлениях да ряд магических словечек вроде «[нрзб]», «валеров» и т[ому] под[обных], привезенных в Питер из Мюнхена и Парижа в связи с общими нападками на русскую живопись и академическую учебу, то Вы представите себе то настроение, с каким я переезжал «границу» и тот трепет и жажду откровений, с какими я входил в залы “Secession’ов” и “Salon’a”. Нечего и говорить, что они меня разочаровали. Были здесь и хорошие вещи, но они были также редки, как редки такие вещи и на наших выставках. Но на мои недоумения мне заявили, что надо присмотреться, привыкнуть, что, наконец, в этом году “Salon” действительно слабоват, но зато будут частные выставки и т. д. И вот я остался в Париже смотреть эти частные выставки и присматриваться. Не без влияния на такое решение оказалась и возможность поработать в хорошей мастерской с хороших моделей. И вот, когда прошла первая горячка осмотра Парижских музеев, я принялся за поиски мастерской.

Мне говорили, что в Париже масса мастерских, и это совершенно верно, но в Париже масса и художников и это одна из причин того обстоятельства, что здесь найти мастерскую нисколько не легче чем хорошую комнату в Петербурге. Я искал мастерскую в счастливое сравнительно время, т. е. когда даны отказы по случаю наступившего лета (июнь–май) и свободных ателье видел много, но все они чрезвычайно малы (5–8 шагов), другие же, если и хороши, то или сдаются с квартирой и следовательно неудобны и дороги или сдаются при условии найма на год, что в связи с здешними условиями сдачи уже совершенно неудобно. Кроме того, состояние большинства мастерских ужасно в чисто гигиеническом отношении. Во всех почти ателье холодно и сквозит благодаря большой величине, тонкости стен и большим дурно вставленным стеклам, вода зачастую во дворе, тоже и относительно других необходимостей. Все эти неудобства, конечно, объясняются тем обстоятельством, что большинство здешних художников не живут в ателье, а лишь работают. Ателье хоть чуть-чуть поудобнее уже стоят от 700, 800 fr. в год и дороже. Все капризы наших художников относительно рефлексий здесь не могут

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

быть удовлетворены в громадном большинстве случаев. Мастерских с хорошим светом не много и расположены они главным образом на Монмартре в глухих частях этого квартала и почти всегда, кроме самых холодных, заняты. Исканье мастерской это адская по своей утомительности работа. С планом в руках я исходил все кварталы, где есть мастерские по ту и по эту сторону Сены, осмотрел не менее сотни ателье и, наконец, потеряв чуть не месяц, нанял подходящую по условиям и по цене, причем и то и другое при ближайшем рассмотрении оказались далеко не хорошими. Переехав в нее с половины июля, я занялся ее устройством. Мастерскую сдают без ничего, даже с грязью к[ото]рую оставил ее предыдущий владелец. Купить приходиться все, от стакана для чая и мольберта с занавесками до молотка и лестницы включительно с печкой. Полное незнакомство с городом (где купить, кому заказать и что купить?) опять было причиной бесполезной ходьбы и нелепой работы и неразлучных с ними мелких раздражений и злости. Усталый измученный в конец я уехал в Бретань, чтобы отдохнуть и пописать море. Но незнакомство с географией Франции (а [нрзб] этим вопросом не занимался) привело меня не туда, куда мне хотелось. Тем не менее, я прожил здесь около месяца, отдыхая и пиша этюды, в которых, собственно говоря, не имел необходимости. По возвращении в Париж, я принялся за картину. Эскиз этого неудавшегося холста был у меня готов еще в Петербурге. Но дело у меня не пошло и, проработав месяца три, я бросил. Виною здесь понятно была моя невыдержка и неумение справиться с большой отсебятинной работой, которой требовал сюжет. Погоревав недельку другую я принялся за другую работу менее сложную и столкнулся с тем же препятствием, но все-таки довел почти до конца. Я ей недоволен и полное окончание ее отложу до Петербурга, куда думаю приехать в конце марта. Из Парижа же я рассчитываю выехать в конце января или начале февраля, т. к. мне хочется подробнее ознакомится с Лувром и хоть мельком побывать в Италии, что, кажется, позволят мои средства оставшиеся от пенсии.

Параллельно с писанием я посещал здешние галереи и те немногие частные выставки, которые имели место до сих пор. Насмотрелся я на всяких импрессионистов, пуантелистов, символистов и т. д. Всю эту новшествующую братию я видел в магазинах на Rue Laffitte[20] у Жорж Пти[21] и т. д. Видел я синежелтые пейзажи, писанные как бы в манере овечьей шкуры, видел письмо запятыми, точками и лопатами, разные красочные задачи с названиями из музыки и символистику, в которой даже при желании понять что-нибудь ничего не поймешь. Все это я смотрел очень усердно, но откровение получилось несколько неожиданное. Я понял, что все недомолвки приезжавших из заграницы только запугивание гимназистами 3-го класса — первоклассников, а под магическими словами никакой магии не заключается. Понял я, что на свете всегда были и всегда будут только талантливые и бездарные художники и потому интересные и неинтересные; ярлычки же, привешенные к их произведениям и указующие принадлежность авторов к тому или иному направлению не умалят ни их ничтожества, ни их гениальности. Даже «ненависть» Дягилева[22] бессильна талантливую вещь сделать бездарной, а тупые потуги пошляка — интересными. В живописи много задач, никто никогда не решал их все и сразу, а лишь по кусочкам, — по одной да по две и было это во все времена и для всех в отдельности. И все талантливые решения их были ли они сделаны 300 лет тому назад или вчера, навеки останутся привлекать наше внимание и вызывать наши восторги. Потому все направления правы и истинны и интересны, но лишь для своих оригинальных и талантливых представителей, в руках же тупиц все направления, даже самоновейшие, одинаково плохи. Присматриваясь к отношениям публики и художников к художеств. произведениям, насколько это было для меня возможным, я нашел, что и те и другие менее педантичны что ли, чем у нас. Здесь больше уважается личная свобода художника и на направления обращается меньше внимания, [нрзб] и то обстоятельство, что художник существо тоже не совершенное, а поэтому, за два три хороших места в картине ему простят многое, и картиной любуются, а не брюзжат как у нас.

Я, конечно, не мог не сравнивать здешней живописи и нашей, к этому, кстати, – у меня был случай в Мюнхене. Но как ни слаба была выставка, отправленная сюда Дягилевым[23], она право не заставляла меня краснеть как мне то обещали. И здесь я опять успокоился на середине. Средний уровень знаний здесь выше, но хороших работ, интересных, здесь также мало, как и у нас, и русская живопись, право же, не такая уж дрянь, чтобы можно было ее хаять всю огулом глядя на немецкие упражнения в имитации различных французских мэтров. Может быть у французов больше вкуса, даже, наверное, больше чем у нас, но у них есть [нрзб] развить этот вкус. Здесь художник с детства видит хорошие вещи всех времен и народов, массу форм, а у нас? Не в Эрмитаже ли развивать его среди бирюзовых столбов и ваз барнаульского завода, да в[?] тысяче никому не нужных камешков.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Большое впечатление на меня произвели вещи так называемого прикладного искусства. На эти вещи в Salon'е я обращал не меньше внимания, чем на картины и статую. Здесь на этом поле все работают уже потому лучше нас, что у нас нет и намека на такие работы. Здесь всюду нужна работа художника, искусство вышло из узких рамок галерей и зал, проникает в жизнь. Много здесь понятно еще краж[?], нелепостей, но самое движение мне показалось, безусловно, симпатичным. Вот те немногие выводы, которые я сделал, прожив здесь около десяти месяцев. Конечно это немного и для этого, пожалуй, не стоило жить здесь столько времени и затратить почти все деньги данные академией.

Но меня утешает то обстоятельство, что я здесь виноват мало, меня сбили преувеличенные ожидания от заграницы, навеянные тем смутным бредом, который носился и будет долго еще носиться в академии, вместо здравых представлений, и — полное незнакомство с практикой заграничного житья-бытья. Будь это иначе, я не остался бы так долго здесь уже потому, что работать здесь нисколько не лучше чем в России. Правда здесь есть мастерские, здесь есть хорошие модели всех сортов, но та масса затрат, которые приходится делать обставляя ателье, дороговизна жизни (раза в 3 сравнительно с Петербургской) и та масса недоразумений и раздражений, которая неминуемо придут и при найме и при устройстве и при поисках моделей сведут к нулю оба указанные преимущества. Работать спокойно, не злясь и не проживаясь, можно только разве на следующий год, когда явится некоторый опыт и знакомство с условиями и работы и житья, а сделанные затраты дадут некоторую экономию, но и при такой постановке дела выгоды пожалуй все-таки сомнительны. Для ознакомлений с Парижем (понятно в смысле его художественных богатств) достаточно 2-х месяцев.

Знай я все это, т. е. имей я мой теперешний опыт (а он мог бы быть, если бы люди, бывавшие за границей, не привозили оттуда белых слонов и полное забвение чисто житейских сведений и справок) я никогда не остался бы в Париже так долго и не стал бы здесь работать, а, осмотрев здешние музеи, изучив, что показалось бы необходимым, посетил бы другие центры, и затем проехал бы на восток, куда меня всегда тянуло, писал бы там этюды и — почем знать, может быть овладел бы настроением восточного пейзажа и типов и тогда мои упражнения из исчезнувшей жизни востока[24] не были бы натюрмортами по Перро и Шенье. Но прошлого не воротишь.

Простите Илья Ефимович, что я отнял у Вас так много времени моим «отчетом», не сказав Вам, может быть, ничего интересного. Но для меня то, что я узнал и о чем в общих чертах написал Вам, это все очень дорого и важно.

С истинным почтением
С. Дудин.
Paris Rue Lamarck[25] 33.
31/20 Янв[26].

Примечания

[1] Н. А. Каталова. «Художники и фотографы в Сибирском отделе Русского географического общества». [Online]. Доступно на: http://www.museum.irkutsk.ru/en/page/articles4.html. (последнее посещение 02.08.2015 г.).

[2] С. Гаранина. «РТО и отечественная фотография». *Советское фото*. V (1979). [Online]. Доступно на: http://www.photohistory.ru/RTO.html (последнее посещение 02.08.2015 г.).

[3] Цит. по: Н. Толстая, Е. Герасимова. «Художник Шишкин. Творческая лаборатория». *Наука и жизнь*. I (2008). [Online]. Доступно на: http://www.nkj.ru/archive/articles/12678 (последнее посещение 02.08.2015 г.).

[4] Е. В. Кириллина. «О работе И. Е. Репина с натурой. По материалам фотоархива художника». *И. Е. Репин. К 150-летию со дня рождения*. (СПб., 1995). С. 15.

[5] Подробнее см.: M. W. Marien. *Photography and Its Critics. A Cultural History. 1839–1900* (Cambridge, 1997). P. 24–25.

[6] В. В. Нуркова. *Зеркало с памятью* (М., 2006). С. 33.

[7] «Популярной была так называемая живописная фотография, когда в условиях студии воспроизводилась композиция какого-нибудь известного полотна, и эта реконструкция в свою очередь фиксировалась на фотоснимке» — цит. по: В. В. Нуркова. *Зеркало с памятью*. С. 29.

[8] Пикториализм (от англ. pictorial — живописный) — течение в европейском и американском фотографическом искусстве конца XIX – начала XX в., подчеркивавшее в фотографии те черты, которые сближали ее с живописью и графикой эпохи, период влиятельности пикториализма обычно ограничивают 1885–1914 гг.

[9] Стиглиц стал первым художником-фотографом, чьи фотографии были приобретены в музейные собрания.

[10] Р. Краусс. *Подлинность авангарда и другие модернистские мифы*. Пер. А. Матвеевой (М., 2003). С. 137.

[11] Там же. С. 144.

[12] В 1894 г. Дудин предпринял по заданию В. В. Радлова экспедицию для сбора этнографических материалов на Украине: «Мной закуплены уже на ярмарках и по селам костюмы и вещи домашнего обихода. В настоящее время я только пополняю их недостающими образцами, исполняю кой-какие рисунки по наброскам… да печатаю снятые фотографии. Вещи начну высылать на днях. Пока мной (не вполне, конечно) представлены часть Полтавской и Херсонской губерний. Весь сентябрь я посвящаю Киевской и Херсонской губерниям. Харьковскую же оставлю, т. к. на нее у меня не хватит ни времени, ни денег» — цит. по: В. А. Прищепова. «К 150-летию со дня рождения С. М. Дудина — художника, этнографа (по материалам МАЭ РАН)». *Антропологический форум*. XV (2011). С. 615. [Online]. Доступно на: http://www.intelros.ru/pdf/Antropo_Forum_online/2011_15/prischepova2.pdf (последнее посещение 02.08.2015 г.).

[13] Н. В. Гоголь. *Вечера на хуторе близ Диканьки* (СПб., 1911). С. VI.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

[14] Письмо И. Е. Репина М. К. Тенишевой от 15 ноября 1895 г.

[15] См. приложение в конце статьи.

[16] «В настоящее время в научно-исследовательском музее Академии художеств хранится другой этюд С. М. Дудина, выполненный маслом, “Шах-Зинде. Группа мавзолеев” (МАХ. Ж-2249). В этот же период С. М. Дудин принес в дар Самаркандскому музею один из роскошных своих, писанных масляной краской этюдов — “Дервиш”. Последний написан во весь рост на полотне размером 3 × 1,5 аршина и представляет живое олицетворение одного из многих в Самарканде печальных рыцарей духовного ордена накшбанди”, — сообщала местная газета, с интересом наблюдая за работой известного исследователя» (*Русский Туркестан*. 1900. 11 сентября) — цит. по: В. А. Прищепова. «К 150-летию со дня рождения С. М. Дудина».

[17] Каждая из этих фотографий имеет один или несколько вариантов, близких к исходному (ср. рис. 16 и 17).

[18] В отчете АХ за 1924 г. есть приписка: «Лекции и доклады велись более или менее систематично, несмотря на большую трудность получать бесплатных лекторов».

[19] *РГИА*, ф. 789, оп. 11–1891, ед. хр. 164, л. 26–33 об. Расшифровка, примечания и публикация А. Успенского. Текст приведен в соответствие с нормами современного правописания, с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Публикуется впервые.

[20] Улица в фешенебельном квартале с модными и дорогими магазинами.

[21] Жорж Пти (ум. в 1920 г.) — известный парижский маршан, потомственный продавец французской живописи. К 1898 г. он уже работал с такими мастерами, как Монэ, Роден, Сислей. Его магазин находился в престижном квартале на улице Сэз.

[22] Сергей Павлович Дягилев (1872–1929) — русский театральный и художественный деятель, антрепренер, один из основоположников группы «Мир искусства», организатор «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева».

[23] Отделение Сецессиона (Secession) — союз независимых художников, отвергавших доктрину академизма — было создано в Мюнхене в 1892 году. Дягилев организовал участие в мюнхенской выставке 1898 г. русских художников: Левитана, Бакста, Грабаря, Серова, Васнецова и др. Сам Дягилев писал в газетной статье, что русские не оправдали в Мюнхене ни его надежд, ни надежд своих немецких коллег, и впечатление от их работ оказалось более скромным, чем могло бы быть.

[24] Из письма того же времени к В. В. Радлову: «Начал небольшую картину из трех женских фигур. Она должна будет представлять уголок комнаты на женской половине финикийского дома. Две женщины слушают песню невольницы». Этот замысел картины заставил Дудина обратиться с просьбой к Радлову порекомендовать ему специалистов по Древнему Востоку в Париже, а также литературу по истории культуры Ассирии и Финикии: «Тех ничтожных знаний, какими владею я, слишком мало, а коллекции Лувра во многом для меня все-таки немы, для того, чтобы писать что-нибудь солидное» (*А РАН*, ф. 177, оп. 2, ед. хр. 102, л. 5об.–6 об.) — цит. по: В. А. Прищепова. «К 150-летию со дня рождения С. М. Дудина».

[25] Улица на холме Монмартр, район парижского 18-го арондисмана — одного из самых дешевых в то время в городе.

[26] 1899 г., январь, число неясно.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ФОТОАРСЕНАЛ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ[1]

Вся последующая технологическая индустриализация только продолжала держать обещание, данное фотографией в самом начале: а именно: демократизировать все формы человеческого опыта, переведя их на язык образов.

Сьюзан Зонтаг[2]

Я убежден, что вы не можете утверждать, что увидели нечто достаточно глубоко, до тех пор, пока не сделали фотографию, обладающую способностью обнаружить множество деталей объекта, которые в противном случае оказались бы невоспринятыми.

Эмиль Золя

Петербургская Академия наук, а вслед за ней и Россия познакомились с фотографией в год ее изобретения. В 1839 г. Академия послала в Лондон и Париж Иосифа Христиановича Гамеля (1788–1861), ординарного академика и одного из самых знаменитых уроженцев Сарепты, колонии немцев-гернгуттеров на Волге. В Лондоне он от Фокса Тальбота узнал о его изобретении и приобрел некоторые принадлежности для калотипии. Из Парижа Гамель сообщил о способе Луи Жака Дагерра, приложив подробное описание дагеротипии.

Довольно быстро фотография в России получила широкое распространение, здесь появились свои энтузиасты, изобретатели и выдающиеся фотохудожники. Достаточно вспомнить такие проекты, как «Типы и костюмы разных обитателей Воронежской губернии» (Николай Второв, 1857), «Фотографические снимки типов Оренбургского края» (Михаил Букарь, 1872), работы Василия Каррика (1827–1878), Андрея Карелина (1837–1906) и многих других[3].

Красоты, люди, древние архитектурные памятники Средней Азии и Кавказа не могли не привлечь внимания русских фотографов. Неоспоримые свидетельства тому – портреты джигитов А. И. Деньера, образы Прикаспийских земель и Закавказья фотографов Петрова и Новикова. Ярким общественным и художественным событием стала этнографическая выставка, открывшаяся в Москве в 1867 г. Ее важной частью были фотопортреты представителей народов Российской империи[4].

Важную роль в процессе изучения южных областей государства сыграли военные фотографы. В 1856 г. при Военно-топографическом департаменте Генерального штаба Военного министерства было создано фотографическое отделение. И уже через два года подпоручик А. С. Муренко, сопровождавший миссию полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару, получил за альбом «От Оренбурга через Хиву до Бухары. Светопись артиллерии подпоручика Муренко» малую серебряную медаль Императорского русского географического общества[5]. В 1879 г. серебряной медали Русского географического общества за «Алтайский альбом» и альбом «Типы и виды Западной Сибири», содержащий 50 фотографий, сделанных в Семипалатинской области[6], была удосто-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 1. Дорожные камеры различных форматов. Конец XIX – начало XX в. Музей истории фотографии (Санкт-Петербург). Фото Д. С. Шнеерсона. С любезного разрешения музея

ена и Л. К. Полторацкая, супруга генерал-губернатора Семипалатинской области и видного гляцеолога генерала В. А. Полторацкого. Она постоянно сопровождала мужа в экспедициях, принимала участие в сложных восхождениях на горные вершины Алтая и Тянь-Шаня. Такая деятельность носила системный характер: русские офицеры, участники хивинского похода (1873 г.), получили инструкцию с рекомендациями по розыску, описанию и сохранению археологических, нумизматических, эпиграфических и этнографических памятников. Автором инструкции был известный востоковед, один из первых археологов, изучавших древности Средней Азии, П. И. Лерх, подаривший МАЭ в 1867 г. коллекцию предметов из Бухары и Хивы. Первые раскопки на городище Афрасиаба, древней согдийской столицы и предшественницы Самарканда[7], были организованы в 1874 г. майором Борзенковым по приказу начальника Зеравшанского округа генерал-майора А. К. Абрамова.

В последней трети XIX в. один из главных культурных трендов в России был задан работами творческой группы художников-передвижников с их трагическим взглядом на действительность, обостренным психологизмом, социальной направленностью, стремлением к типизации, реализмом, граничавшим с натурализмом. Можно увидеть прямую связь между основами творческого подхода передвижников, которые, вдохновляясь идеями народничества, вели активную просветительскую деятельность, и направлением работы ведущих русских фотографов последней трети XIX – начала XX в. В значительной степени эта связь была основана на личных взаимоотношениях, круге общения фотографов (передвижник И. И. Шишкин и выпускник петербургской Академии художеств А. О. Карелин; передвижник И. Е. Репин и выпускник петербургской Академии художеств С. М. Дудин). Эта связь определила демократичность отношения русских фотографов к своему материалу как раз в то время, когда в этнографической фотографии Западной Европы безусловно господствовали колониальные модели. Тогда же появился первый теоретический труд по проблеме — «Фотография и гравюра», — принадлежавший выдающемуся художественному критику и историку искусств В. В. Стасову[8].

Это отнюдь не значит, что в российской фотографии этого периода имперская направленность не проявляла себя, но не она здесь задавала тон. К имперским проектам можно отнести, например, «Туркестанский альбом», созданный под руководством востоковеда А. Л. Куна по прямому указанию туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана[9]. Четырехтомный труд, включавший более 1200 снимков («целая народная галерея», по оценке В. В. Стасова), в 1875 г. получил высшую награду Парижской международной географической выставки[10].

Для ведущих российских фотографов искусство и фотография всегда были синонимами, и это диктовало их особую требовательность в отношении съемочного оборудования *(рис. 1)*.

«Язык, на котором говорили о фотографии в середине XIX в., был смешением научности, техники, искусства и магии»[11]. Новая, во многом романтическая эпоха фотографов–путешественников наступила с появлением нового поколения фототехники — значительно более легкой

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

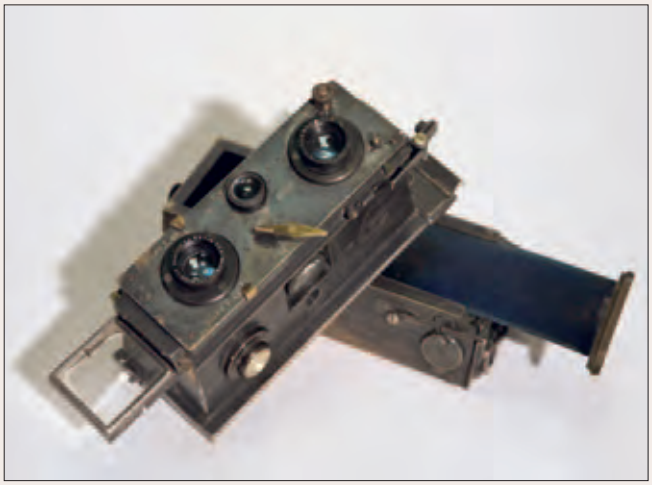


Рис. 2. Ручной стереоскопический фотоаппарат «Вераскоп» фирмы «Ришар» (Париж) для пластинок формата 4,5 × 10,7 см. Объективы с большим относительным отверстием F: 4,5 и затвором Хрономос. Модель 1908 г. Музей истории фотографии (Санкт-Петербург). Фото Д. С. Шнеерсона. С любезного разрешения музея

и обеспечивающей высокое качество снимков в полевых условиях. Понятно, что для этнографов, работавших в поле, появление новых технических средств и фотоматериалов, возможность проявки и обработки полученных фотографий в полевых условиях означали настоящую революцию в методике полевой работы. Мы сегодня с легкостью рассуждаем о визуальной этнографии и медийной революции рубежа XX и XXI вв., забывая о том, что появление «дорожных фотокамер» (*рис. 2*), равно как и фонографа Эдисона *(рис. 3),* означало не менее радикальные изменения.

К началу XX века в распоряжении фотографа имелись объективы, позволявшие работать с разными планами и в разных, в том числе полевых, условиях. Фотометры давали возможность быстро выбрать нужную экспозицию. Фотографические пластинки, созданные для разных условий, обеспечивали улучшенную передачу полутонов. Появились магниевые лампы и электролампы «Юпитер». Разнообразные сорта фотобумаги, различные способы получения изображений (цианотипия, платинотипия, аргенотипия); пигментный, гуммиарабиковый, масляный и бромомасляный способы печати позволяли получать изображения самого высокого качества[12]. Появилась репортажная фотография: «старейший фотограф-иллюстратор Карл Булла занимается фотографированием для иллюстрированных журналов на злобу дня. Снимает все, в чем только встретится потребность, везде и всюду, не стесняясь ни местностью, ни помещением — как днем, так и во всякое вечернее время, при искусственном освещении», — оповещал в 1912 г. своих потенциальных клиентов известный русский фотограф[13].

К этому времени крупнейшие производители фотооборудования обладали развитой сетью распространителей. Практически одновременно фотоновинки становились доступны в магазинах Берлина, Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Петербурга, Дели, Стамбула… Это, равно как и происходившая унификация процедур обработки фотоматериалов, серьезно облегчало работу в поле. Русский зоолог Н. В. Богоявленский, совершивший в 1902 г. экспедиционную поездку по арабским княжествам Персидского залива, отмечал в своих путевых заметках: «Я был очень дружелюбно принят султаном Маската Фессулем-бен-Турки, полуарабом-полунегром. Он производит весьма приятное впечатление своим любезным и живым характером. Несмотря на то что в жизни Маската проникло мало европейской культуры, султан Маската и его брат — страстные фотографы-любители. Брат султана просил меня написать ему все рецепты для проявления и фиксации пластинок и был очень обрадован, узнав, что в России употребляются те же средства, что и в Маска-

Рис. 3. Научный сотрудник А. Г. Данилин записывает фонографом пение мальчиков. Алтай. Стеклянный негатив, 30,0 × 24,0 см. 1928 г. МАЭ РАН, № 4124–82

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 4. С. Ф. Ольденбург и С. М. Дудин (справа) в экспедиционном лагере. Стереоскопический стеклянный позитив, 4,5 × 10,0 см. 1909 г. Материалы Первой русской туркестанской экспедиции. МАЭ РАН, № 2114–123 (фрагмент)

те. В приемной султана висят многочисленные фотографические портреты его родственников»[14].

Дудин *(рис. 4)*, смотревший на мир глазами профессионального художника, был особо требователен к фототехнике. Известно, что, отправляясь в Центральную Азию в 1902 г., он выбрал две камеры с широкоугольными объективами Дережи и Зутера *(рис. 5)*, снабженные затвором Торнтон-Пикара. Сложность жанровой съемки и репортажа в условиях высокого контраста естественного освещения в Центральной Азии привела его к необходимости приобретения еще двух объективов: широкоугольного цейсовского объектива («серии № 4 или 5»)[15] *(рис. 6)*. Второй задачей было обеспечение быстродействия аппаратуры, столь важного для репортажной съемки[16]. Это была техника высокого класса, позволявшая получать качественные изображения с минимумом искажений.

Рис. 5. Объектив Далмеера «Ректилинеар Рапид», снабженный затвором Торнтон-Пикара 12,0 × 10,0 см. Музей истории фотографии (Санкт-Петербург). Фото Д. С. Шнеерсона. С любезного разрешения музея

Рис. 6. Объективы различных производителей, использовавшиеся при съемке дорожными камерами различных форматов. Музей истории фотографии (Санкт-Петербург). Фото Д. С. Шнеерсона. С любезного разрешения музея

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 7. С. М. Дудин. Туйок-Мазар. Дети.
Стереоскопический стеклянный позитив, 4,5 × 10,0 см. 1909 г.
Материалы Первой русской туркестанской экспедиции.
МАЭ РАН, № 2114–314

Дудин отдал дань увлечению стереофотографией. Так, и в ходе Первой русской туркестанской экспедиции, и в дальнейшем с помощью стереокамеры им были сняты прекрасные серии этнографических фотографий *(рис. 7)*. В этой связи не вполне можно согласиться с распространенным мнением, согласно которому «к концу XIX в. интерес к стереоскопии был окончательно утрачен. Из увлечения взрослых она перешла в разряд детских игрушек»[17].

О том, какое значение придавалось в то время фотоматериалам *(рис. 8)*, свидетельствует архив Второй русской туркестанской экспедиции (1914–1915). Значительная часть средств, направленных на закупку снаряжения (это где-то четверть всех экспедиционных расходов), пошла на приобретение фотографических пластинок. Всего из расчета на год их было закуплено 60 пудов (т. е. почти тонна)[18], а это поклажа как минимум трех верблюдов *(рис. 9)*. Дудин-ученый обычно составлял для себя подробную и тщательно подготовленную программу работы. Полевые условия диктовали необходимость предварительного учета возможных объектов фотосъемок: нельзя будет «отделаться 4–5 сотнями негативов, их нужно исполнить гораздо более 1000», отмечал Дудин в своих записях[19]. Известно, что для работы в Центральной Азии Дудиным были приобретены 100 дюжин стеклянных негативов форматом 18 × 24 и 35 дюжин — 9 × 12 Ильфорд Импресс[20].

Серьезным достижением стала возможность обработки фотоматериалов в полевых условиях. Походная фотолаборатория могла включать дорожный фонарь для темной комнаты фирмы «Бревете» *(рис. 10),* набор химикатов и многое другое. Нужна была, кроме того, складная па-

Рис. 8. Композиция из упаковок стереопластинок: упаковка броможелатиновых пластинок особо тонкого стекла фирмы «А. Люмьер и сыновья» для стереоскопических фотоаппаратов типа «Вераскоп», аналогичная упаковка фирмы «Агфа» 1906 г. выпуска. Музей истории фотографии (Санкт-Петербург).
Фото Д. С. Шнеерсона.
С любезного разрешения музея

Рис. 10. Дорожный фонарь для темной комнаты фирмы «Бревете» (Париж); имеет 4 стенки из красного неактиничного материала, освещается изнутри свечой или керосиновой лампой.
Музей истории фотографии (Санкт-Петербург).
Фото Д. С. Шнеерсона.
С любезного разрешения музея

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 9. С. М. Дудин. Караван верблюдов у пикета Синь-цзян-цза. Стереоскопический стеклянный позитив, 4,5 × 10,0 см. 1909 г. Материалы Первой русской туркестанской экспедиции. МАЭ РАН, № 2114–292

латка для лабораторных работ. В целом принадлежности для съемки все-таки оставались тяжелыми и громоздкими.

Лучше всего о необычайно ответственном отношении С. М. Дудина к своим обязанностям говорят его письма. Летом 1895 г. он был командирован в Самарканд[21]. Важным аспектом деятельности экспедиции, которую возглавлял профессор Н. И. Веселовский, возможно лучший знаток памятников архитектуры Самарканда в то время, было изучение, научная фиксация, охрана и создание научного проекта реставрации историко-архитектурных сооружений Средней Азии. Задачей С. М. Дудина была научная фотофиксация архитектурных памятников: «Перед съемкой я промываю те площади, которые плохо могут выйти из-за пыли и грязи, накопившейся на изразцах и мозаиках. Делаю я это всюду, куда только хватает моей лестницы», — писал С. М. Дудин В. В. Радлову[22].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

В 1905–1908 гг. С. М. Дудин вновь работал в Самарканде. О своей работе он подробно пишет В. В. Радлову: «Фотографирование мечетей идет полным ходом. Самая важная Мирза-Улугбек окончена. На нее ушло 170 снимков… После Ширдара и Тиля Кари я примусь за другие загородные мечети… После фотографирования с моим товарищем примусь за акварели… я успею выполнить все, что мною обещано Комитету»[23].

«В ожидании постройки лестниц и других плотницких работ занят съемкой общих видов фасадов, осмотров мечетей, подлежащих фотосъемке», — писал С. М. Дудин Л. Я. Штернбергу в 1908 г.[24]

По возвращении из экспедиционных поездок домой, когда начиналась кропотливая работа по регистрации, фиксации и первичному описанию вновь поступавших коллекций, Дудин пользовался одной из популярных в то время Павильонных камер *(рис. 11)*. Они были стационарны, требовали мощных штативов, снабжались массивными основаниями, были рассчитаны на большие форматы фотопластинок (от 24 см по короткой стороне) и традиционно отличались высоким качеством исполнения. В коллекции МАЭ сохранились серии фотофиксаций *(рис. 12)*, выполненные Дудиным в стенах созданной им музейной фотолаборатории[25].

Опыт полевой работы, полученный С. М. Дудиным, стал основой инструкции по фотографированию памятников старины Средней Азии, подготовленной в 1910 г. хранителем Этнографического отдела А. А. Миллером для С. М. Прокудина-Горского. В ней отмечалась необходимость фотографирования архитектурных памятников с разных сторон, при ровном освещении, «избегая густых теней», подчеркивалась важность внимания к деталям внутреннего вида, тщательного этикетажа, указывалось на неправильность нахождения на одном снимке разнородных предметов[26].

С. М. Дудин считал, что фотофиксацию экспедиционных материалов необходимо выполнять «по строго обдуманной и подробно составленной программе», чтобы работа не носила случайного характера[27]. Он писал о том, что съемка постановочных сцен требует тщательного изучения модели, необходимости не только понять ее характер, но и предложить ей принять правдивую позу. В другом случае он отмечал, что, чтобы добиться от действующих лиц сцены правды движений, не нужно торопиться со съемкой и спустить затвор только тогда, когда участники сцены будут вести свою работу, уже не обращая внимания на аппарат. Для этого выгодно бывает их обмануть, сказав, что съемка уже сделана[28]. Предметы домашней обстановки и орудия труда необходимо снимать на их привычных местах хранения и во время использования их в быту. В то время технически сложнее всего было фотографировать потолки и пол. Согласно Дудину, пейзажные снимки должны быть основаны не на картинности вида, а передавать его типичность с характер-

Рис. 12. С. М. Дудин: а) глиняные матрицы для изготовления цветов и фигурок Будды (IV–VI вв); б) китайская бронзовая скульптура сидящего Будды со следами позолоты (V–VI вв.). Стеклянный фотонегатив, 13,0 × 18,0 см. 1913 г. Предметы хранятся в Государственном Эрмитаже. МАЭ РАН, № 2129–3

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 11. Павильонная камера «Сенчури» фирмы «Кодак», одна из классических камер того времени. Музей истории фотографии (Санкт-Петербург). Фото Д. С. Шнеерсона. С любезного разрешения музея

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 13. Каталоги фотографических принадлежностей торгового дома «Ѳ. Иохим и К°». Музей истории фотографии (Санкт-Петербург). Фото Д. С. Шнеерсона. С любезного разрешения музея

ной растительностью и состоянием почвы[29]. Основным условием удачной фотосъемки антропологических типов являлась правильная постановка головы модели: важно, чтобы на обоих снимках фаса и профиля «корень носа модели и отверстия ушей располагались на одной горизонтальной плоскости»[30].

В деле обеспечения фототехникой и материалами Музей антропологии и этнографии на протяжении 20 лет, с 1899 и вплоть до 1919 г., активно сотрудничал с Товариществом на паях «Ѳ. Иохим и К°», поставщиком двора Его Императорского Величества. Фирма была основана в 1860 г., являлась одним из крупнейших специализированных предприятий на рынке, продавала аппараты «Живой фотографии» и «Настоящих Синематографов Люмьера», фонографы Эдисона, граммофоны и фонограммы[31]. Фирма издавала популярный «Фотографический листок» (1906–1917), пособия для фотолюбителей[32]. Ее шестисот–семисотстраничные иллюстрированные прейскуранты фотографических принадлежностей *(рис. 13)* включали богатейшую номенклатуру оборудования, в том числе и всю линейку объективов фирмы «Карл Цейсс» (объективы для общей фотографии (“Tessar”, “Protar”, “Planar”, многочисленные телеобъективы с насадками). Фирма была единственным в России представителем британской компании «Ильфорд», прекрасного качества фотопластинки и фотобумагу которой предпочитал С. М. Дудин. И любитель, и привередливый профессионал могли здесь достаточно легко подобрать аппаратуру для решения своих конкретных задач. В Петербурге представительство и фотосалон «Ѳ. Иохим и К°» располагались по адресу: Невский пр., д. 3, совсем недалеко от музея. Именно эта фирма обеспечила организацию фотографического отделения МАЭ, за что 6 марта 1902 г. ей было уплачено 310 руб. 75 коп.[33] Она на постоянной основе поставляла музею фотографические материалы и принадлежности, что отражено в многочисленных счетах, сохранившихся в архиве МАЭ[34], хотя следует отметить, что основные суммы, связанные с этим направлением деятельности, в первую очередь расходы по фотообеспечению экспедиций, покрывались за счет экспедиционных бюджетов, финансировавшихся, в частности, за счет Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

К 1900 г. фототехника, эта чудо-новинка XIX столетия, стала важнейшим и уже обычным атрибутом различных исследовательских проектов. Лучшее подтверждение тому — архивные фотоколлекции крупнейших этнографических музеев, взрывообразный рост которых совпадает с рубежом XIX–XX вв. *(рис. 14)*.

Рис. 14. С. М. Дудин. Фотограф за работой (в руках у С. М. Дудина ручной стереоскопический фотоаппарат). Стереоскопический стеклянный позитив, 4,5 × 10,0 см. 1909 г. Материалы Первой русской туркестанской экспедиции. МАЭ РАН, № 2114–123

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Примечания

[1] Эта статья никогда не была бы написана без любезного содействия директора Санкт-Петербургского музея фотографии Дмитрия Шнеерсона.

[2] A. Trachtenberg. “A likeness as Identity: Reflections on the Daguerrean Mistique”. *The Portrait in Photography.* Ed by G. Clarke (L., 1992). P. 126.

[3] Подробнее см.: *Photography in Russia 1840–1940*. Ed. by D. Eliot (Oxford, 1992); Е. В. Бархатова. *Русская светопись. Первый век фотоискусства 1839–1914* (СПб., 2009); Г. В. Длужневская. *Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX – первой половины XX в. (по фондам научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук).* Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (СПб., 2008).

[4] Демонстрировавшиеся на выставке манекены в костюмах были сфотографированы Т. А. Митрейтером, датчанином, много лет работавшим в России. Фотографии, сделанные на соленых бумагах, были раскрашены акварелью и помещены в паспарту. Подробнее см.: К. Ю. Соловьева. «Образы народов Российской империи 1860-х гг. (по материалам Этнографической выставки 1867 г.)». *Славяне Европы и народы России. К 140-летию Первой этнографической выставки 1867 года* (СПб., 2008). С. 58–83).

[5] Подробнее см.: С. А. Морозов. *Русские путешественники-фотографы* (М., 1953). С. 7–13, 43–49. Альбом доступен в собрании фотоархива Института материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге.

[6] См.: Л. К. Полторацкая. *Альбом типов и видов Западной Сибири*. Репринтное издание 1879 г. (СПб., 2010).

[7] С. М. Дудин доставил в МАЭ обширную (более тысячи предметов) коллекцию из Афрасиаба (МАЭ РАН, №1054), которая в 1930-е гг. была почти полностью передана в Эрмитаж.

[8] В. В. Стасов. *Фотография и гравюра* (СПб., 1856). См. также: он же. *Фотографические и фототипические коллекции Императорской Публичной библиотеки* (СПб., 1885).

[9] Ср. шеститомный проект “The People of India. The Races and Tribes of Hindustan”, подготовленный Джоном Ф. Ватсоном и Джоном У. Кайе по заказу официальных властей Британской Индии и увидевший свет в 1868–1875 гг.

[10] Большинство снимков было сделано владельцем фотоателье в Ташкенте Н. Нехорошевым и военным фотографом подпоручиком Г. Кривцовым. По разным источникам, было выпущено всего три, четыре, шесть или семь экземпляров альбома, известны также краткие версии. Подробнее см.: H. S. Sonntag. “Photography & Mapping Russian Conquest in Central Asia: Early Albums, Encounters, & Exhibitions 1866–1876”. *Journée d’Etude Centrasiatique*. Atelier 3: Histoire du Turkestan russe et du Xinjiang. Oct. 26, 2007. [Online]. Доступно на: http://www.loc.gov/rr/print/coll/287_turkestan.html (последнее посещение 02.08.2015 г.).

[11] H. S. Sontag. *On Photography* (NY, 1977). P. 10.

[12] Коллекции МАЭ РАН показывают, что С. М. Дудин печатал отдельные снимки на разных носителях, сравнивал их, выявляя преимущества и недостатки.

[13] Подробнее см.: Г. Абрамов. «Развитие фотоаппаратостроения в России до 1917 года». [Online]. Доступно на: http://www.photohistory.ru/1207248166951435.html (последнее посещение 02.08.2015 г.).

[14] Г. В. Горячкин, М. А. Кислова. *Поездка Н. В. Богоявленского в арабские княжества Персидского залива в 1902 г.* (М., 1999). С. 72–73.

[15] *Архив РЭМ*, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 246, д. 46. Я благодарен К. Ю. Соловьевой за эту информацию.

[16] Там же.

[17] В. В. Нуркова. *Зеркало с памятью* (М., 2006). С. 35.

[18] Протоколы заседания Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. 1914 г. Протокол № 2 (Заседание от 29 марта 1914 г.), § 27. С. 19–20.

[19] С. В. Дмитриев. «Штрихи к собирательской деятельности С. М. Дудина». *«Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа». Сборник музея антропологии и этнографии*. LII (СПб., 2006). С. 102. Иногда фотопластинок для завершения работ не хватало. Их приходилось досылать, что самым серьезным образом срывало график работ. См., например: *Архив РЭМ*, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 245.

[20] *Там же*, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 246, л. 46.

[21] О результатах этой работы см.: С. М. Дудин. «Орнамент и современное состояние самаркандских мечетей». *Известия Императорской Археологической Комиссии.* Т. VII. (СПб., 1903).

[22] *А РАН*, ф. 148, оп. 1, ед. хр. 50, л. 41 об.

[23] *Там же*, л. 38 об.

[24] *Там же*, ф. 148, оп. 1, ед. хр. 50, л. 33.

[25] Подробнее о фотолаборатории МАЭ тех лет см.: П. А. Матвеева. *«Все человечество едино»: В. В. Радлов и МАЭ* (СПб., 2014). С. 175–178.

[26] *Архив РЭМ*, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 491, л. 7. Подробнее см.: K. Solovyova. “Russian Ethnographic Photography of the 19th century and Orientalism”. *Manuscripta Orientalia*. XVII/ 2 (2011), P. 33–42. Я искренне признателен Карине Соловьевой (РЭМ) за содействие в написании этой главы.

[27] Дмитриев. «Штрихи к собирательской деятельности С. М. Дудина». С. 102.

[28] Дудин. «Фотография в этнографических поездках». *Казанский музейный вестник*. I (1921). С. 51.

[29] Там же. С. 49.

[30] Там же. С. 50.

[31] См.: *Добавление к Прейскуранту складов фотографических принадлежностей* (С. Петербург, Торговый дом Ф. Иохим и Ко, 1906); *Склад фонографов Эдисона и Грамофонов* (Ф. Иохимъ и Ко. Москва, Мясницкая, д. Варваринского акционерного общества, 1901); *Репертуар фонограмм* (Ф. Иохим и Ко, Москва. Мясницкая, д. Варваринскаго акционерного общества, 1901).

[32] *Руководство фотографии* (СПб. – М., 1906).

[33] *СПбФА РАН*, ф. 142, оп. 1 (до 1918), ед. хр. 51, л. 157об.

[34] 3.12.1899 — 21 руб. 59 коп.; 26.01.1900 — 70 руб. 93 коп. (оплата из сумм, ассигнованных для МАЭ), 29.09.1900 — 48 руб. 78 коп., 15.02.1903 — 371 руб. 59 коп., 17.03.1904 — 80 руб. 74 коп., 4.06.1905 — 174 руб. 89 коп., 19.10.1905 — 214 руб. 10 коп., 4.06.1907 — 218 руб. 50 коп., 15.03.1908 — 121 руб. 70 коп., 24.02.1910 — 475 руб. 97 коп., 21.01.1912 — 248 руб. 45 коп., 16.01.1913 — 402 руб. 40 коп., 8.05.1913 — 124 руб. 55 коп., 11.05.1913 — 134 руб. 55 коп., 22.01.1914 — 436 руб. 94 коп., 5.02.1914 — 113 руб. 01 коп., 3.12.1914 — 1038 руб. 43 коп., 21.01.1915 — 1226 руб. 07 коп., 27.01.1916 — 392 руб. 82 коп. и 200 руб., 24.09.1916 — 54 руб. 90 коп., 18.01.1917 — 562 руб. 54 коп., 14.05.1917 — 218 руб. 63 коп., 2.03.1918 — 264 руб. 77 коп., 17.04.1918 — 71 руб. 10 коп., 12.06.1918 — 350 руб. 15 коп., 27.11.1918 — 1225 руб., 27.10.1918 — 1298 руб., 19.02.1919 — 165 руб. 75 коп., 26.03.1919 — 389 руб. 75 коп. 26 мая 1911 г. из 6 тыс. руб., пожертвованных музею д-ром Германом Мейером, были оплачены счета за фотопринадлежности — 518 руб. 60 коп. См.: *СПбФА РАН*, ф. 1, оп. 1а–1913, ед. хр. 160, л. 369. Подробнее см.: Е. С. Соболева. «Основные направления работы МАЭ с фотоматериалами в конце XIX – начале XX века». *Иллюстративные коллекции Кунсткамеры.* Отв. ред. В. А. Прищепова (СПб., 2014). С. 265–269, 274–277.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ГЛАВА III

ДВА ОЗЕРА

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906529-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Два озера

Озеро Вечности (лат. *Lacus Temporis*) — лунное море,
расположенное в северо-восточном
квадранте видимой стороны Луны,
состоит из *двух* округлых участков,
приблизительно равных по размеру,
и включает в себя *два* небольших кратера,
находящихся на пересечении этих двух участков.

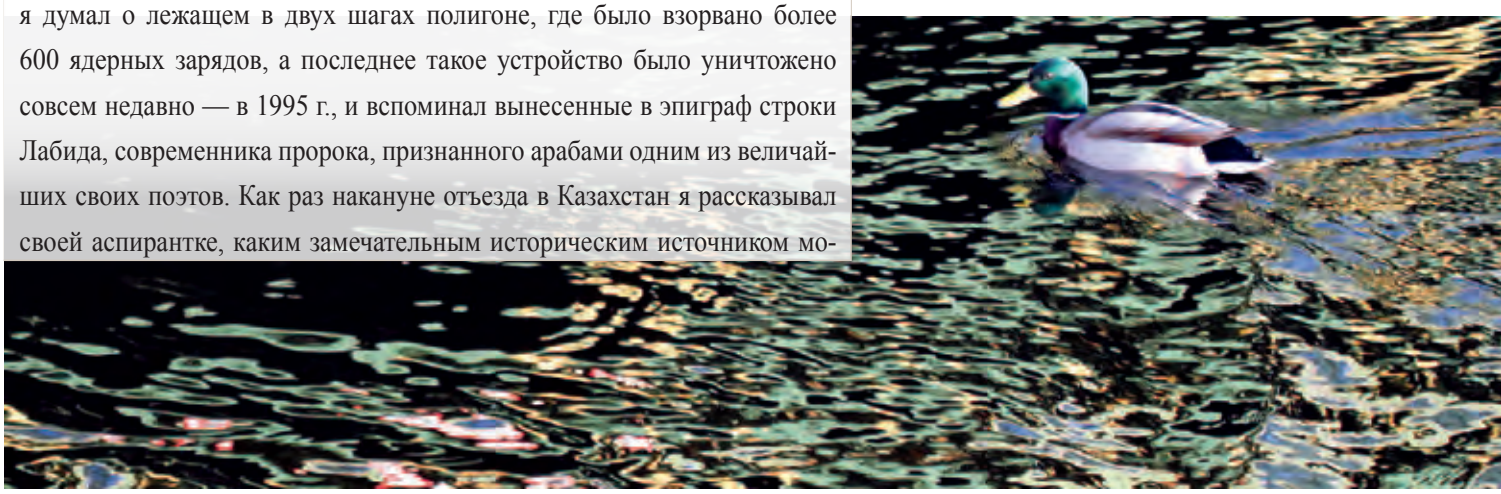
Где становье? Увы! Ни следа не осталось в *Мина*,
Склоны гор обезлюдели, стала пустынна страна,
А в долине глухой Ар-Райян стерлись русла потоков,
Словно буквы на плитах, в которых жила старина.
Над покинутым стойбищем в будни и в праздник священный
Только ветры кружились, безмолвные шли времена.
Антилопы глазастые бродят беспечно по травам,
Их детенышам резвым дарована воля сполна.
……
Но, омытые водами, четче следы человека,
Время стерло строку, но прочерчены вновь письмена, —
Так незримый рисунок, иглой нанесенный на кожу,
Натирают сурьмою — и татуировка видна.

Лабид б. Раби'а (пер. А. Ревича)

Полуразбитое шоссе бежало от Семипалатинска на юго-запад, практически вдоль кромки бывшего советского ядерного полигона. Дорога предстояла долгая, мы выехали затемно в пять утра, и, то просыпаясь, то вновь впадая в дрему, я следил за солнцем, нехотя встававшим над степью. Я арабист, много путешествовал по Аравии, всю жизнь занимаюсь историей раннего ислама, поэтому каждый раз, оказавшись в казахской степи, ловлю себя на мысли о сходстве того, что вижу, с аравийскими просторами времен Мухаммада. Пески тогда еще не успели пожрать степные пространства. Протирая запотевшие окна машины, я думал о лежащем в двух шагах полигоне, где было взорвано более 600 ядерных зарядов, а последнее такое устройство было уничтожено совсем недавно — в 1995 г., и вспоминал вынесенные в эпиграф строки Лабида, современника пророка, признанного арабами одним из величайших своих поэтов. Как раз накануне отъезда в Казахстан я рассказывал своей аспирантке, каким замечательным историческим источником мо-

Черная вода.
Фото Т. М. Федоровой, 2011 г.

Живая вода.
Фото Т. М. Федоровой, 2013 г.



Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

У входа в пещеру Коныр аулие.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

Принадлежности для предмолитвенного омовения у входа в пещеру Коныр аулие. Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

Скот у старицы на месте высыхающего летом русла реки Чаган.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

жет служить доисламская поэзия. Например, о том, какие книги видели жители Аравии тех лет, можно судить сегодня лишь по традиционному зачину арабской *касыды*: проезжая по степи, поэт видит следы покинутой бедуинами стоянки, где в одной из палаток жила любимая. Далее часто следует традиционное сравнение следов, сохранившихся на земле, с исписанными листами: это и «письмо в йеменской книге из пальмовых листьев», и «книги, чьи страницы заново исписаны тростниковыми палочками», и «буквы на пергаменте», «буквы, будто написанные йеменским рабом», и «строки, спешно наносимые иудеем из Таймы', который пишет по-еврейски правой рукой»…[1]

Поплачем над прежней любовью,
над старым жилищем,
Хотя и обломков его мы уже не отыщем.
Далекие дни, погребенные в этих руинах, —
Как стертые буквы молитвы на свитках
старинных.
Мне вспомнилось племя, и в сердце
опять зазвучали
Тяжелые стоны моей бесконечной печали[2].

В сентябре 2011 г. я выехал в Семипалатинск, ныне Семей, чтобы добраться до древней святой пещеры Коныр аулие, куда нам не удалось попасть годом ранее[3]. Она расположена приблизительно в 200 км от города на склоне горы Актас[4], омываемом рекой Чаган, высыхающей летом под жарким степным солнцем. Эта громадная пещера с глубоким озером и то ли с изваянием, покрытым известковой коркой, то ли «окаменелым трупом, подвергавшимся много лет действию известковой воды»[5], издревле пользовалась доброй славой среди женщин, мечтавших о материнстве, но лишенных такой возможности. Среди связанных с ней легенд — потайная дверь на дне озера, ведущая в некую гробницу, и проток, будто бы связанный с самой Меккой подземными путями.

[1] Большой список подобных примеров см.: J. Pedersen. The Arabic Book (Princeton, 1984). P. 7–9.
[2] Имру' ал-Кайс (пер. А. Стефановича).
[3] См. выше, глава 2.
[4] N 49⁰06′00″ E 78⁰ 32′00″
[5] В. А. Брюханов. «Конур-Аулиэ». *Записки Семипалатинского подотдела императорского Русского географического общества*. VI (1912). С. 2–3. См. ниже, с. 221–223.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Эта пещера входит в десятку наиболее почитаемых святых мест Казахстана. Сегодня туда приезжают тысячи паломников не только из Казахстана, но и из других государств Центральной Азии и России. К их услугам небольшая инфраструктура: дом, где можно заночевать, очаг, столбы для туши принесенного в жертву барана, помост и кувшины для ритуального омовения, которое надо совершать в полной тишине. Благодарные паломники установили несколько плит с текстами на казахском языке. Говорят о десятках излечившихся тяжелобольных, о наркоманах, порвавших с зависимостью, о 19 женщинах, испытавших радость материнства… Тут же гадают на бараньих лопатках. На плитах и камнях — ленты белой ткани. Это традиционный символ надежды.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

В пещере Коныр аулие.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

Подземное озеро в пещере Коныр аулие.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

Участник экспедиции Валерий Колбин выходит из пещеры Коныр аулие.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

Входом в пещеру служит узкая высокая расщелина. Хранитель пещеры (*шыракши*) любезно подключил для нас небольшой дизель-генератор, внизу загорелось несколько тусклых лампочек, обозначавших спуск к озеру. Дно пещеры покрыто черными острыми и скользкими камнями, по которым надо пройти-проползти до воды чуть больше ста метров. Каменная стынь, темнота, пронизывающий холод. Вот и озеро. Прозрачная и очень холодная вода. Паломник должен окунуться в нее нечетное число раз. Женщины входят в воду в платьях и с покрытой головой.

Пещера живет, то и дело меняя свою конфигурацию. К моему большому разочарованию, мне не удалось увидеть каменную скульптуру, которую местные жители называли «Калмак»: стена слева от входа, под которой она лежала, обвалилась, открыв новый выход к воде. В середине

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

прошлого века, на пике деятельности Семипалатинского полигона, в пещеру Коныр аулие отправилась группа студентов медучилища, членов историко-патриотического клуба «Поиск». Местный старожил по имени Данияр «радушно встретив путешественников, предупредил: “Вы должны войти в пещеру с чистым сердцем и добрыми намерениями. Она — наша святыня. К ней и сегодня идут те, кто нуждается в помощи. Мой дед рассказывал, что на дне озера есть вход в следующую пещеру. Она огромных размеров и удивительной красоты. Попасть в эту пещеру трудно, нужно преодолеть двадцатиметровую толщу ледяной воды, а это не удается даже самому сильному батыру. И будьте внимательны при входе в пещеру, ее охраняет Страж”.

Страж появился, как только краеведы вошли в пещеру, — мимо них, ухая, пролетел огромный филин. Первые восторги неожиданно сменились паникой — вдруг земля в прямом смысле этого слова ушла из-под ног, раздался треск, посыпались камни. Но и их удары показались пустяками, когда выяснилось, что огромная скала закрыла выход. Начавшуюся было панику прекратил руководитель отряда В. Гущин, убедивший ребят в том, что аксакал обязательно организует помощь. Но спасение пришло откуда не ждали: “неожиданно из темных глубин пещеры вылетел филин. Он медленно и плавно летел вдоль стен пещеры, как будто приглашая нас. Мы бросились за ним по узкому коридору, который постепенно расширялся. И вдруг увидели свет”. Свет проникал через небольшое круглое отверстие искусственного происхождения. Слаженными действиями поисковики расширили лаз и вышли на свет, а их, заново родившихся, природа символично встретила раскатами грома и всполохами молнии. Спасшиеся плакали и смеялись, танцуя под теплым дождем. Но когда из пещеры вылез замыкавший цепочку В. Гущин, смех смолк. “Виктор Иванович, вы стали седым”, — ответили ребята на его вопросительный взгляд, а ему в ту пору не было и тридцати…»[6].

Аксакал мог иметь в виду и другого стража. Члены краеведческой экспедиции 1996 г., сделавшие топографическую съемку пещеры, отметили наличие при входе множества гадюк.

В 2008 г. оператор «Пятого канала» Александр Кирьянов снял о пещере фильм, который был представлен на XII фестивале «Спасти и сохранить» в Ханты-Мансийске: «Это была очень сложная съемка. Нужен свет, без него никак не снимешь. У нас снаружи работал генера-

[6] А. Биданова. «Хранит свои тайны Конур-Аулие» Казахстанская правда. №350 (26741) (03.11.2011). [Online]. Доступно на: http://www.kazpravda.kz/c/1178220127 (последнее посещение 03.02.2015 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

тор, который четыре киловатта выдавал 220 вольт напряжения. Чтобы для работы было достаточно освещения внутри, приходилось по воде на лодках тащить на себе все кабели — 200 метров. Мы хотели найти подводные ходы. Местные жители нас пугали, что еще в советское время два водолаза нырнули туда, и больше их никто не видел. Наши аквалангисты на восемь метров опустились под воду, а потом испугались. Фонарь дальше не пробивал. Вода уходила под скалу. А там был провал. И мы, кто стоял на берегу, уже не видели, чтобы на поверхность поднимались пузыри воздуха. Значит, они ушли в другое место, то есть где-то есть другой грот и воздушная подушка — еще один подземный зал. Мы сделали вывод, что там есть место для исследования. Но надо очень серьезно этим заниматься»[7].

«Белые облакоподобные сущности» в пещере Коныр аулие — скорее всего, сбой фототехники при фокусировке в темноте. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

По словам паломников, купание в пещерном озере влияет на здоровье самым благотворным образом. Одна из причин такого влияния, возможно, связана с тем, что воды озера слаборадиоактивны. Озеро, как и река Чаган, подпитывается подземными стоками, которые идут с расположенной неподалеку испытательной площадки «Балапан» и содержат радиоактивный тритий[8]. «Все есть яд, и ничто не лишено ядовитости; и только доза решает, что есть яд», — утверждал Парацельс. Вероятно, механизм возникновения лечебного эффекта вод пещерного озера можно сравнить с радонотерапией, но здесь, несомненно, нужно специальное исследование.

Все фотографировавшие в пещере, и я вместе с ними, отмечают отвратительную работу самой современной фототехники. Затвор срабатывает через два раза на третий. Складывается впечатление, что полностью сели только что заряженные батареи, хотя, возможно, это связано с трудностями, которые автоматика камеры испытывает при начальной фокусировке в темноте. На многих снимках разных авторов ста-

[7] Н. Фомина. «“Дороже, чем я сам”. Карагандинец показал зарубежным мэтрам киноискусства свои фильмы». *Новый вестник. Еженедельная газета.* №25 (422) (Караганда, 25 июня 2008).

[8] «Согласно материалам экологического обследования в районе площадки “Балапан”, “концентрация трития в подземных водах изменяется в широком диапазоне значений от минимальной активности (7 Бк/л) до максимальных значений, достигающих 5 миллионов Бк/л”. На территории размером всего 36 квадратных километров было проведено 23 ядерных взрыва мощностью от 15 до 165 килотонн. Здесь проходит стык нескольких региональных геологических разломов, где скорость движения подземных вод более интенсивна по сравнению с окружающими породами. В итоге подземные воды могут заражаться радионуклидами».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

новятся видны странного вида белесые облакоподобные образования. Их, наверное, можно объяснить десятком естественно научных причин, но паломники трактуют их как проявления «духов озера», как «энергетические сущности»: «От некоторых я слышал рассказ о святом, который жил в пещере, — на высоком потолке ее и теперь витает будто бы его душа…» — писал в начале века о баян-аульской пещере с тем же названием политический ссыльный Николай Коншин, ставший в силу обстоятельств, как и многие его друзья по несчастью, этнографом и краеведом[9].

Стены пещеры покрыты множеством граффити, оставленных паломниками. Среди них есть и рука выдающегося казахского просветителя Абая Кунанбаева. Даты свидетельствуют о том, что паломники приходили сюда и тогда, когда этот район оказался, по существу, в границах полигона.

Один из андроновских могильников времен бронзового века неподалеку от входа в пещеру Коныр аулие. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

См.: В. Петров. «Зараженные реки, радиоактивные берега». *Капитал. Деловой еженедельник* (23.10.2011). [Online]. Доступно на: http://www.kapital.kz/archive/1598-2011-05-11-16-36-24.html) (последнее посещение 03.02.2015 г.).

[9] Н. Я. Коншин. *От Павлодара до Каркаралинска. Труды по казахской этнографии* (Астана, 2007). С. 31. Этой ссылкой я обязан Х.-М. Илиуфу.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Пещера использовалась людьми с древнейших времен. Неподалеку множество древних петроглифов, андроновские могильники времен бронзового века, сакский курган, по-видимому, конца I тыс. до н. э., древнетюркские курганы, которые казахи называли «могилами калмаков» или «домами мугов» (огнепоклонников), каменные надгробные изваяния. У входа в пещеру — разграбленные тюркские могилы. Из их камней сложено простое надмогильное сооружение, посвященное батыру Сарсенбеку Козыбагар-улы (1706–1755).

Надмогильное сооружение, посвященное батыру Сарсенбеку Козыбагар-улы (1706–1755), неподалеку от входа в пещеру Коныр аулие. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

Стоя у входа в пещеру, я, как никогда, понял молодого Фридриха Радлова, работавшего здесь неподалеку в 1860-х гг. Филолог и текстолог в первую очередь, однажды увидел все это богатство, и археология затянула его на нескольких лет[10]. Став в 1894 г. директором нашего музея, он много способствовал развитию в его стенах археологических исследований.

Сегодня очевидно, что когда-то пещера была объектом буддийского культа, по всей вероятности буддийское происхождение имел и «Калмак», изваяние, заваленное ныне обломками[11]. Я убежден, что археологическое обследование пещеры даст интереснейшие результаты и выявит в том числе и следы буддийского культа.

Имя Коныра, который, по одной из легенд, во время потопа спасся независимо от Нуха (Ноя), издревле связано и с баян-аульской пещерой, которую мы посетили в 2010 г., и с пещерой на склоне горы Актас. Об этом, в частности, свидетельствует текст призывания казахского ша-

[10] Подробнее см. ниже, «Альбом Радлова», с. 230–240.
[11] Подробнее см. ниже, «Будда в пещере», с. 224–229.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

мана (*баксы*), записанный в первой четверти XX в.: «…С великих Чингизовых гор святой, // С вершины Красных гор // Дева святая, // С вершины Баянаула // Коныр святой…»[12]

Святые места переходили от одного народа к другому, но религии, сменяя друг друга, частью сохраняли и прежние названия, и ритуалы: казахские суфии верят в перерождение, как в Тибете с лампой обходят мавзолеи своих шейхов, медитация сопровождается дыхательной практикой, визуализацией духовных наставников. Здесь можно вспомнить и обычай печь семь поминальных лепешек («Жеті шелпек» или «Иіс шығару»), восходящий к древнейшей тюркской культовой практике и ставший в Казахстане частью традиции исламского благочестия.

Петроглифы, граффити, могильники и изваяния… Великая степь бережно сохраняет записи о своем прошлом.

Еще днем накануне я озаботился закупкой провизии в дорогу. Спутники удивлялись: «В степь едем, голодными не останемся». И действительно, на обратном пути мы как бы случайно заскочили в дом сестры нашего шофера, где нас уже ждал щедро накрытый стол. Но я все-таки не пожалел, что захвалил кое-что в дорогу. Валерий Колбин, бывалый путешественник, взял с собой закопченный чайник с подставкой для костра. Мы разместились на траве неподалеку от крошечной старицы и заварили крепчайший степной чай, пахнущий огнем. Бесконечное небо, бесконечная степь…

15 января 1965 г. в двух часах езды от пещеры ниже по течению реки Чаган на так называемой «площадке Балапан» был произведен первый советский ядерный взрыв в интересах народного хозяйства. 94 % энергии взрыва, равного девяти Хиросимам, обеспечивалось реакциями термоядерного синтеза, не дающими радиоактивных продуктов. Воронка должна была стать водохранилищем с небольшой площадью испарения и стекловидным дном, обеспечивавшим сохранность воды. Советские газеты писали: «В результате было создано прекрасное озеро Чаган с чистой прозрачной водой. Местность преобразилась. …Произошло событие, которое так долго ждали. Стояла обычная для этих мест жара. Люди изнывали. Правда, на берегу было чуть прохладнее, но как манила эта безмятежная водная гладь! Поистине, близок локоть, да не укусишь… Пока, наконец, медики не дали “добро”, и все обитатели поселка побежали на пляж. Купались долго, от души…»[13]

Ф. Ордэ. Кобыз — излюбленный инструмент *баксы*. Фотоотпечаток, 10,8 × 18,7 см. Семиречье, конец XIX в. МАЭ РАН, № 255–67

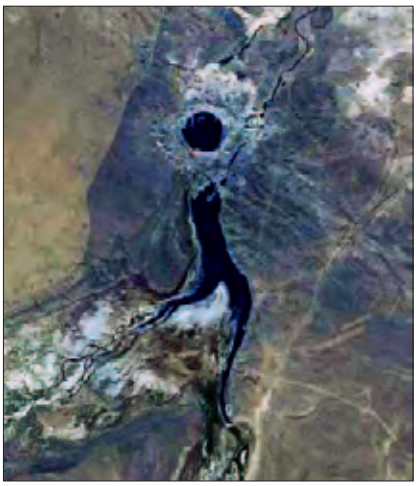
Закопченный от времени экспедиционный чайник. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

[12] Е. Д. Турсунов. *Древнетюркский фольклор: истоки и становление* (Алматы, 2001). С. 13. Цит. по: И. В. Стасевич. «Почитание природных объектов в религиозной практике казахов». *Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г.* (СПб., 2011). С. 56.

[13] Известия (1966). [Online]. Доступно на: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/674303 (последнее посещение 03.02.2015 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Документальный фильм о взрыве сегодня легко найти в сети[14]. За кадром осталось то, что, несмотря на уникальный характер взрыва, радиоактивному заражению подверглась значительная территория, включавшая 11 населенных пунктов, в которых проживало около двух тысяч человек. Чтобы паводковые воды не унесли в Иртыш радиоактивную пыль, рассеянную на большой территории, было принято решение перекрыть дамбой русло реки Чаган. В результате возникли внешний резервуар (площадь зеркала 3,5 км², объем 10 млн м³), который представляет собой часть прежнего русла реки, и внутренний резервуар (площадь зеркала 0,14 км², объем 7 млн м³) — собственно воронка, соединенная с внешним резервуаром небольшим каналом.



Первый советский ядерный взрыв в интересах народного хозяйства. Домашний архив А. О. Семешина

Два озера. Взгляд из космоса. Домашний архив А. О. Семешина

«Дощатый жилой городок расположился километрах в пяти от эпицентра. В будках — железная печка-буржуйка, но сорокаградусные морозы брали свое. Место взрыва — чудовищно, это страх божий. Шел туда — кровь носом хлынула, а глотку как наждаком скребло. “Лепесток” с лица сдернул, одежда в крови, задыхаюсь, а идти надо. Работали честно, себя не щадили. Один бульдозерист, спасая машину, нырял с тросом в атомную воду. Бульдозер спас, а сам через короткое время умер. Я же вышел из пепелища с хроническими наградами — носовым кровотечением, болезнью поджелудочной железы, бронхитом, холециститом, гепатитом… Из трехсот ликвидаторов в живых осталось меньше тридцати человек», — вспоминает В. В. Жиров, один из участников работ по созданию плотины[15].

Даже в настоящее время уровень гамма-излучения на краях воронки превышает естественный радиоактивный фон в семь-десять раз[16]. На озере, получившем у местных жителей название Атом-коль, была создана опытная биологическая станция с целью исследования воздействия остаточной радиации на живые организмы. В воду было выпущено 36 видов рыб, в том числе и амазонские пираньи. Сегодня озеро и близлежащие территории официально внесены в список местностей, особо сильно пострадавших от ядерных испытаний.

Атомное озеро мы нашли не сразу. Съезд с шоссе привел в никуда — дорога просто оборвалась в степи, разбежавшись в конце десятком тропинок. Верховой пастух, к которому мы обратились за помощью, отказался отвечать вопросы: «Ездит вот непонятно кто и зачем, места здесь особые и секретные, сами ищите». Резко развернув лошадь, он ускакал прочь.

[14] “Soviet nuclear test. Chagan. Atomic Lake”. [Online]. Доступно на: http://www.youtube.com/watch?v=ZAoSUIASET0 (последнее посещение 03.02.2015 г.).

[15] «Японский апокалипсис». Два патрона. III/20 (Москва, 21.04.2011). [Online]. Доступно на: http://magz.elibraries.eu/ul/5415/2-patrona-20.pdf (последнее посещение 03.02.2015 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

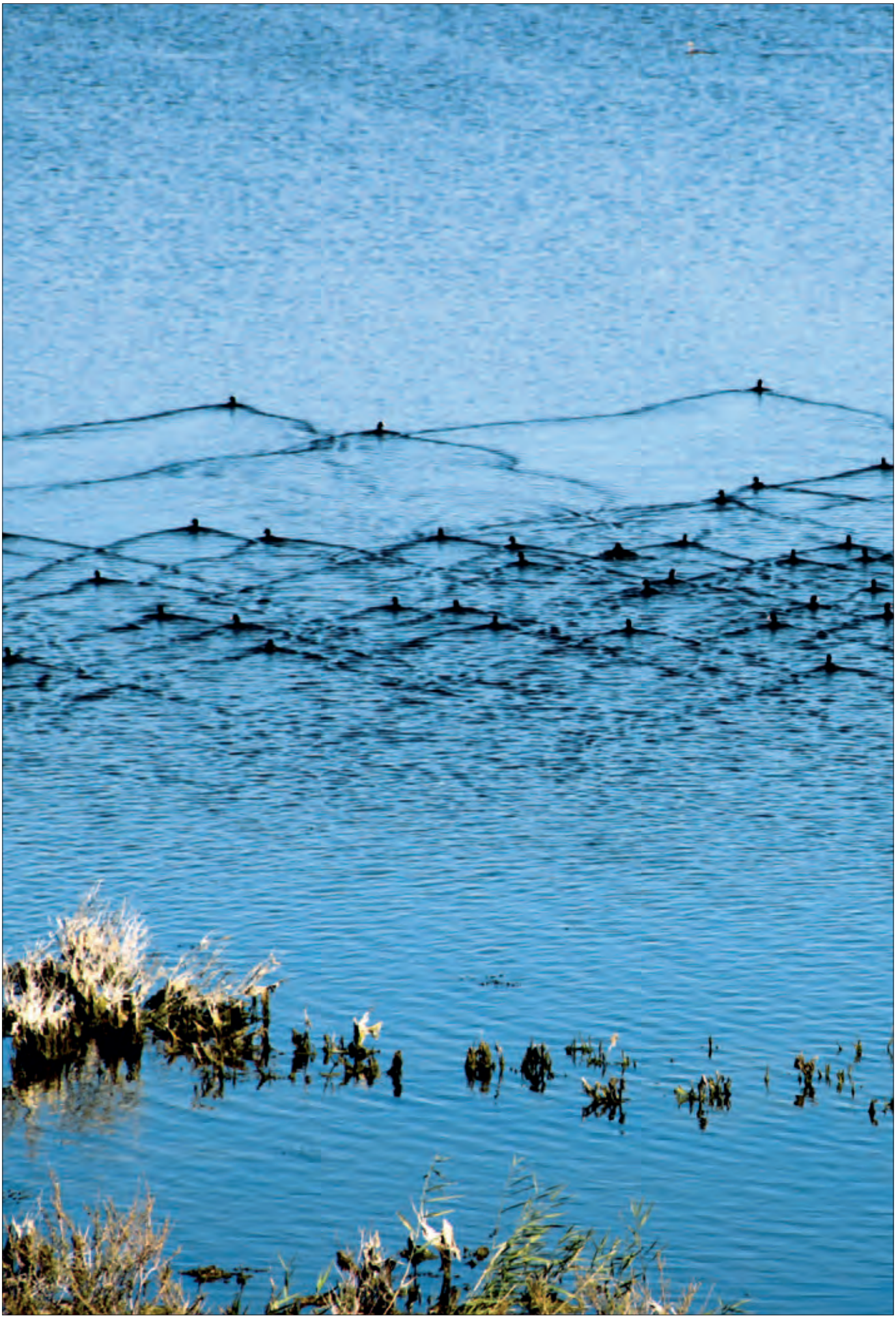
Мы двинулись в сторону узкой полоски воды, которую я разглядел в бинокль, и вскоре наткнулись на уходящую за горизонт цепь бетонных столбов, частью сохранивших обрывки колючей проволоки. Стояли и полностью проржавевшие таблички, предупреждавшие о приближении к запретной зоне. С небольшого холма открылся вид на озеро с островками, берегами, заросшими камышом, и множеством уток, которые, услышав наше приближение, перелетели подальше от берега, расчертив гладь воды ребристыми треугольниками. Из-за холма в нашу сторону двинулся небольшой джип. Высокий седой человек, одетый в камуфляж, легко взбежал на возвышение, с которого я фотографировал озеро. Отставной офицер, который прежде обеспечивал здесь режим безопасности, приехал из Курчатова на охоту и рыбалку и пригласил нас на уху вечером. «Это и есть Атом-коль», — пояснил он.

Я шел вдоль кромки берега, удивляясь обилию жизни: прозрачная вода, рыба, плещущаяся в затонах. Камера выдавала картинки одну идилличнее другой. С небольшого мыса открывался прекрасный вид на озерный простор. Подошел к простой металлической конструкции, напоминавшей столб линии электропередач, и неожиданно понял, что это могила. Надпись на простом бетонном основании:

Разрушенные заграждения запретной зоны у площадки Балапан. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

[16] [Online]. Доступно на: http://www.radiation.ru/research/Semsk.htm (последнее посещение 03.02.2015 г.). В последнем научном отчете опытной станции (1973 г.) отмечаются главные тенденции изменения видов, подвергшихся воздействию радиации: увеличение размеров, резкий рост внутривидового разнообразия, тенденция к хищничеству.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН



Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Надпись на могиле советского офицера, погибшего на площадке Балапан.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

Пономаренко В. С.

1937–1972

Чуть позже последнюю дату и несколько имен я разглядел на бетонных ступенях, которые вели на кромку плотины. Что-то происходило здесь не только в 1966-м, но и шестью годами позднее.

Сплющенный жилой вагончик, столб без проводов, выбеленные солнцем кости… По пути все чаще встречались конусы и небольшие островки запекшегося шлака. Я поднялся на довольно высокий холм и ахнул: передо мной лежало громадное и абсолютно мертвое синее зеркало в раме круглой сорокаметровой насыпи. Обернулся назад: там по-прежнему кипела жизнь, еще более яркая на контрасте.

Чувствовалось, что воронка необычайно глубока, что она — неживая, чужая здесь, как марсианский кратер. Впечатление усиливали странно оранжевые пропалины на кромке насыпи. Воронка была страшна и невероятно красива, притягивала к себе. За противоположным берегом простиралась степь, две лошади смотрели на воду вниз. Я уходил и вновь возвращался, опять брался за фотоаппарат. Озеро не отпускало.

Все, сигналит машина, нужно возвращаться, впереди несколько часов дороги. Оборачиваюсь последний раз и сбегаю с насыпи.

Живая вода.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Кратер взрыва сегодня.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

Столб без проводов.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

Опять перед глазами разбитая лента шоссе. Шофер рассказывает, что в 90-х годах озером заинтересовались московские аквалангисты. Они пробыли на Чагане около недели и уехали после неожиданной гибели одного из участников экспедиции. Шофер включает приемник. Местная радиостанция передает “Imagine” Джона Леннона:

Imagine no possessions
I wonder if you can
No need for greed or hunger
A brotherhood of man
Imagine all the people
Sharing all the world…
You may say I’m a dreamer
But I’m not the only one
I hope someday you’ll join us
And the world will live as one[17].

[17] Представь себе, что все — общее, // Вряд ли у тебя это получится, // Не нужно грабить или голодать, // Все люди — братья, // Представь себе, что мир, // Принадлежит всем людям. // Да, возможно, я и мечтатель, // Но я такой не один, // Надеюсь, когда-нибудь и ты станешь одним из нас, // И тогда весь мир объединится.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Я впервые в жизни вслушиваюсь в текст и поражаюсь, до какой степени он транслирует леворадикальную волну, ключевую для эпохи: нет ни Бога, ни границ, ни собственности… Вера в торжество *земной* справедливости и *человеческого* разума. Молодые советские физики читали Стругацких, слушали Окуджаву, с утра занимали очередь на стадионы, чтобы послушать любимых поэтов, создавали рукотворные озера…

Кости в степи.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

Конус из спекшегося пепла.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ДВА ОЗЕРА

Страна,
Ты прошла испытания Казахстаном —
есть сегодня земля,
на которой крестам не расти.
Испытали Тараса.
И Федора испытали.
Петроград, прости.
Ленинград, мою землю прости.
Казахстан — это проводы,
проволока колючая,
это было —
Саратов и Киев, и снова
Саранск.
Это ссылки на Маркса,
кочевья, театры и лучшие копи,
кони и домны,
Турксиб, просто Сиб. И жара.
Я хотел бы родиться в горах
и не зваться казахом,
или жить в белой хатке,
коров по оврагам пасти.
Все равно —
привезли бы меня в Джезказган
вагонзаком.
Украина, прости,
о ингуш, мою землю прости!
Казахстан, ты огромен —
пять Франций —
без Лувров, Монмартров —
уместились в тебе все Бастилии
грешных столиц.
Ты огромной каторгой
плавал на маленькой карте.
Мы, казахи, на этой каторге родились.
Мы прошли испытание
дымом костров и копытами,
в переулках ночных —
испытания горла ножом,
навсегда испытали вербованными чернозем,
радость радия и тяготенье земное испытано.
Вся земля в проводах, космодромах,
гектарах и станциях,
если дождь — это ливень,
а ветер — так суховей,
своих все испытавших,
страна, назови казахстанцами,
своих самых испытанных,
преданных сыновей.
Мы — твои однолюбы,
мы бережем, не глотая,
право —
зубы не стиснуть,
но выдержать,
право кричать
широтою степи, высотою хребтов
Алатау,
глубиною морей!..
Глубиною могил
не молчать.
И смеются у нас,
и земля, и трава мягка,
вольный Киев на станциях,
ай, балалайки Калуг,
ах, песчаный, песчаный суглинок
качает скалу,
ему тоже, песчаному, хочется под лемеха…
Поле Дикое — в Хлебное поле!
Время настало.
Если мир не тоскует — и ты, Казахстан, не грусти.
Мир испытан тобой.
Казахстан, если можешь, прости.
И
да здравствует
запрещение испытаний![18]

Мертвая вода.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

[18] Олжас Сулейменов. *Дикое поле* (1973).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Часто съезжаем в степь — проще проехать здесь в пыли, чем гробить машину в глубоких ямах на шоссе. Налево степная колея ведет к одинокой летовке. Еще поворот — на этот раз к громадному современному руднику. Как кости игроком, брошены в степь разбитые бетонные коробки советских времен — может быть, одна из бесчисленных застав, охранявших периметр полигона.

Закрываю окно машины, чтобы не глотать пыль, и вспоминаю одну из рукописей, хранящихся ныне в Петербурге. Я писал о ней всю неделю накануне отъезда в Казахстан, продолжал работать в аэропорту и в самолете. Рукопись принадлежит Усаме ибн Мункызу (1095–1188) — образованнейшему арабскому писателю, великому рыцарю и охотнику[19]. Усама прожил громадную жизнь — 93 года. По преданию, его последний сын появился на свет, когда отцу было уже за восемьдесят. Усама родился в семье эмиров Шейзара, небольшого сирийского княжества, но после смерти отца из-за семейного конфликта был вынужден навсегда оставить родной дом. Странствующий эмир-литератор сражался с крестоносцами, дружил и пировал с ними. В августе 1157 г. сильнейшее землетрясение разрушило Северную Сирию, под развалинами родового замка погибла вся родня Усамы, съехавшаяся на семейный праздник. Узнав о случив-

В аравийской пустыне.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2007 г.

[19] О нем лучше всего расскажут его фантастически интересные мемуары: Усама ибн Мункыз. *Книга назидания.* Вступ. ст. И. Ю. Крачковского и Е. А. Беляева, 2-е изд. (М., 1958).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

шемся, он приехал туда, где родился и куда не мог вернуться прежде. Потрясенный, стоя над развалинами замка, Усама решил собрать в одну книгу те зачины арабских стихотворений, где описаны покинутые жилища. В доисламской поэзии это были кочевые стоянки. Блестящая городская цивилизация мусульманского Средневековья оставляла в поэтических строках картины других жилищ и другого быта. Рукопись этого сочинения, переписанная еще при жизни автора, хранится сегодня в Санкт-Петербурге[20]. В ней, сам того не ведая, Усама сохранил представление арабов о своей родине, взятое в развитии:

«…Вызвало меня собрать эту книгу разрушение, которое постигло мою страну и родину. Ведь время протянуло над ней свой подол и устремилось стереть ее всей своей мощью и силой… Изгладились все поселки и погибли обитатели; жилье стало следом, а радости превратились в печали и горести. Я остановился там после сокрушивших ее землетрясений… и не узнал я ни своего дома, ни дома моего родителя и братьев, ни домов моих дядей, ни сыновей дяди, ни моего рода. В смятении стал я взывать к Аллаху о великом его испытании, о том, что он отнял милости, которые раньше даровал. Потом я удалился… дрожа на ходу и качаясь, как склоненный под тяжестью. Так велика была утрата, что иссякли торопливо текущие слезы, а вздохи следовали один за другим и выпрямляли кривизну ребер. И не остановились превратности времени на разрушении домов и гибели жителей, но гибель их всех случилась во мгновенье ока и еще быстрее, а затем пошли бедствия одни за другими с этого времени и дальше. И стал я искать успокоения, составляя эту книгу, и сделал ее оплакиванием жилья и любимых. Это не принесет пользы и не поможет, но это верх моих усилий. И Аллаху — славному и великому — жалуюсь я на то, что встретил от своего времени, на свое одиночество, без семьи и братьев, на свое скитание по чужбине, без своей страны и родины...»[21]

Из Семипалатинска в Алма-Ату я возвращался поездом. За окном тянулась бесконечная предосенняя степь. Было жарко, сосед опустил вниз стекло, и в тесное пространство потного купе хлынул свежий и немедленно узнаваемый запах полыни. На закатном солнце саблей блеснул изгиб реки. Верховой пастух неспешно гнал туда свой табун.

Заброшенный дом в Хадрамауте (Йемен).
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2007 г.

[20] Усама ибн Мункыз. *Китаб ал-маназил ва-д-дийар (Книга стоянок и жилищ)*. Издание текста, предисловие и указатели А. Б. Халидова (М.,1961).

[21] Цит. по: И. Ю. Крачковский. *Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях* (М.–Л., 1946). С. 72.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Быстро стемнело, в поезде погасили весь свет. Позвякивала ложечка, оставленная в стакане. Сквозь оконное стекло я смотрел на степь, залитую ярким лунным светом. Проскочили разбитый полустанок, брошенный в 1990-е. Пустые основы домов отбрасывали холодные узкие тени:

В песчаной долине следы пепелищ уцелели
И кажутся издали татуировкой на теле[22].

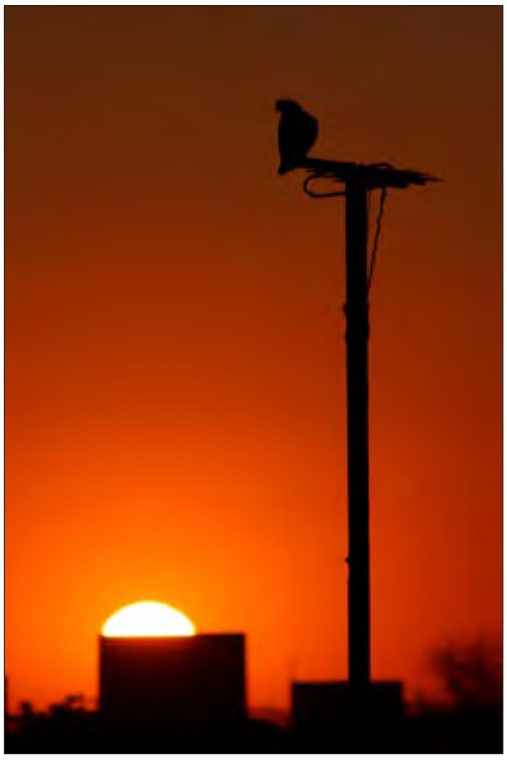
Я долго не мог уснуть и с помощью экспедиционного фонаря продолжал читать книгу, взятую в дорогу: «Человеческие гены особой трансформации не претерпели. А мы для них — разовые носители. Они просто используют нас, поколение за поколением, как очередных лошадей. Для генов не существует ни зла, ни добра, они вообще об этом не думают. Будем мы счастливы или несчастливы — им наплевать. Мы для них всего лишь средство. Их заботит лишь то, насколько мы эффективны»[23].

Я погасил фонарь, купе залил лунный свет. Громадный холодный диск парит над степью, он серебрит поверхность мертвого озера, создавая себе двойника. Луна — многозначный символ: она одновременно предстает связанной с жизнью и смертью, она умирает и воскресает. Луну считали землей мертвых, миром душ, ожидающих перерождения. Иногда лунные пятна трактовали как образ пряхи: жизнь как бы определялась Луной в соответствии с бесконечной символикой прядения. Я засыпал, и перед глазами к двум лунным озерам двигались бесконечные тени уставшего табуна.

Специалисты считают, что многие из тех, кто сможет прожить еще лет двадцать-тридцать, будут в состоянии гарантировать себе бессмертие: новые технологии, управление геномом позволят бесконечно продлевать жизнь. Но и сейчас, в эпоху торжества Цифры, очень значительная часть нашей жизни уже сохранена навечно. Где-то тщательно заархивированы истории наших романов в эсэмэсках, ход научной полемики в письмах электронной почты, наши личные новости в блогах и социальных сетях. Поисковые системы коллекционируют наши «клики», а платежные — собираются торговать историей наших покупок. В наш век экспериментов с радиацией, выращиванием людей в пробирках, разрушения семьи и дружеских связей человечество все более походит на гипертекст, который вечно будет храниться в памяти машин: можно «кликнуть» на *человечество*, потом — на *народ*, потом — на *себя самого*.

На водопой к мертвому озеру.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2011 г.

Сторожка в казахской степи. Закат.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.



[22] «Тарафа» (пер. А. Ревича). *Арабская поэзия Средних веков* (М., 1975). [Online]. Доступно: http://booksbest.org/knigi/4699-arabskaya-poeziya-srednikh-vekov (последнее посещение 12.11.2015 г.).
[23] Х. Мураками. *1Q84. Тысяча невестьсот восемьдесят четыре. Книга 1. Апрель–июнь* (М., 2011). С. 368.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

На самом деле навсегда остаются и добрые дела: в голодные 1920-е выдающийся российский этнограф профессор В. Г. Богораз часто одалживал студентам деньги, «доставая их из своего ровдужного вышитого мешочка, который носил на шее под рубашкой, не прося их возврата. “Вырастете — отдадите не мне, так кому-нибудь другому”, — говорил он при этом»[24]. Так что, если сегодня кто-то поступает с вами так же, он, может быть, просто отдает долг тому, кто задолжал когда-то Владимиру Германовичу, пусть даже сам не знает об этом.

Казахи говорят: «Елу жылда ел жаңа» («Народ обновляется в 50 лет»), но, уходя, мы остаемся, как остались навсегда в степи символы, знаки, тексты, «татуировки» предыдущих эпох — от праистории до конца XX в.

P. S.

Я дал почитать этот текст лучшему другу и любимой девушке. Оба, не сговариваясь, обратили внимание на рассказ о Владимире Германовиче Богоразе. Первый сказал, что я обязательно должен посмотреть фильм «Заплати другому»[25], а вторая вечером прислала ссылку на интервью Тонино Гуэрры «Эху Москвы»: «…Когда я писал для Де Сики сценарий “Брак по-итальянски”, я приехал в Неаполь, и Де Сика мне тоже сказал: “Я знаю, вы, северные итальянцы, не любите наш юг”, это неправда, конечно, мы немножко опасаемся, но это неправда. Тогда он меня пригласил в кафе, кафе обычно с открытыми дверями, лето, жарко, и мы входим в одно из кафе рядом с вокзалом, входят два человека и говорят: “Пять кофе, два мы выпьем сейчас, а три подвешены в воздухе”. Идут платить, платят за пять кофе и выпивают свои два кофе, я спрашиваю Де Сику, что это за подвешенный кофе? Он говорит: “Подожди”. Потом входят люди, девушки, пьют свой кофе и платят нормально, входят три адвоката, заказывают семь кофе: “Три мы выпьем, а четыре подвешенных”, платят за семь, пьют и уходят, и молодой человек заказывает два кофе, один кофе пьет, платит за два и уходит. Так мы с Де Сикой досидели, разговаривая, до полдня, двери были открыты, я смотрел на эту залитую солнцем площадь, и вдруг вижу какую-то темную тень, приближающуюся к двери, когда уже у самой двери бара вижу, что это бедный человек, он заглядывает в кафе и спрашивает: “Есть подвешенный кофе?”»[26].

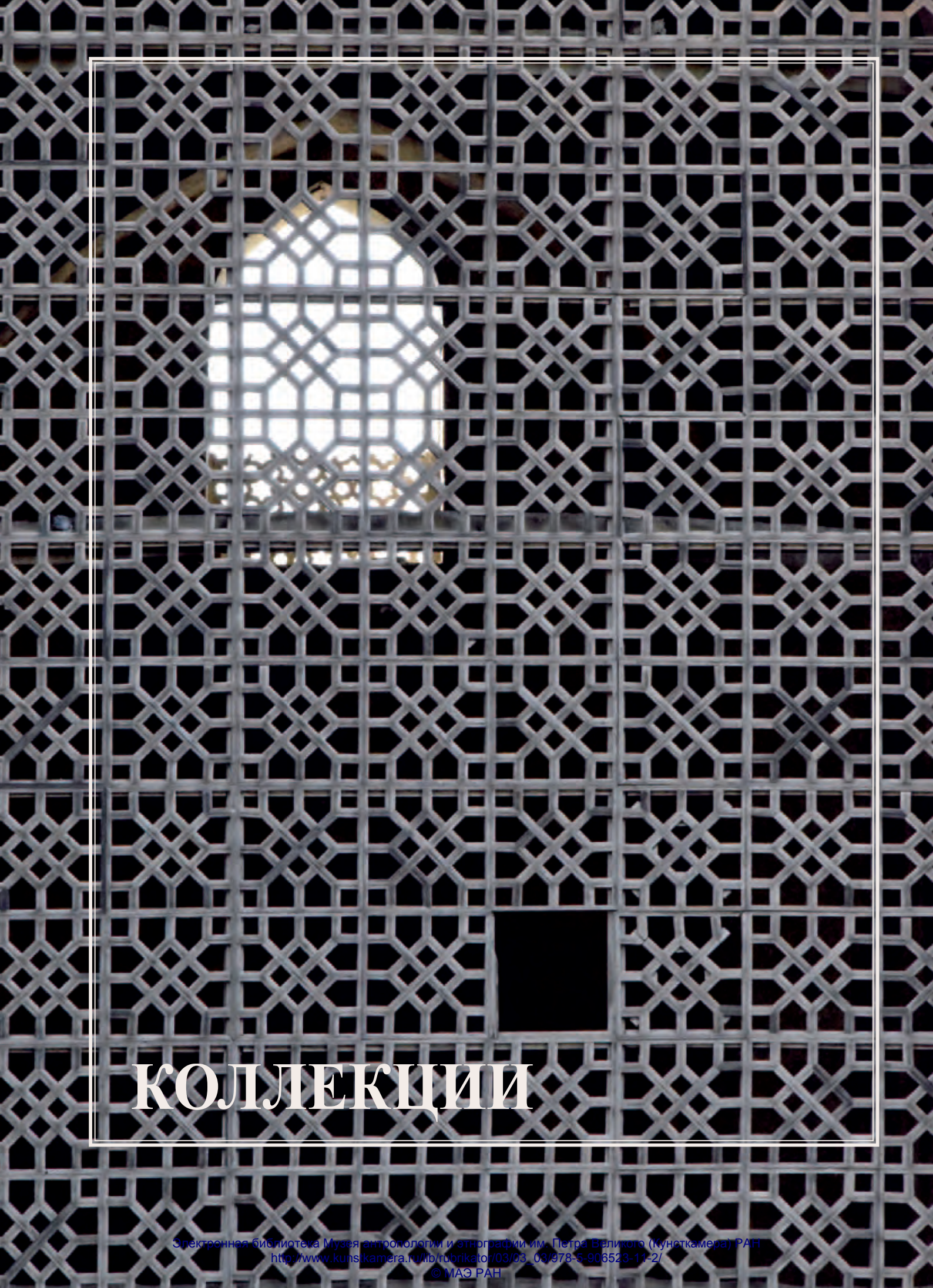
В доме, где я живу, на днях открылось после ремонта кафе. Я было постарался договориться с ними, но не получилось.

Вечерний кофе. Кордова.
Фото Т. М. Федоровой, 2015.

[24] Н. И. Ганен-Торн. *Лев Яковлевич Штернберг* (М., 1975). С. 181–182.
[25] «Заплати другому». *Кинопоиск*. [Online]. Доступно на: http://www.kinopoisk.ru/film/782 (последнее посещение 03.02.2015 г.).
[26] «Книжное казино». *Эхо Москвы* (04.09.05). [Online]. Доступно на: http://www.echo.msk.ru/programs/kazino/38506/#element-text (последнее посещение 03.02.2015 г.)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН



КОЛЛЕКЦИИ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

В. А. Брюханов

КОНУР-АУЛИЭ

В одну из многочисленных своих поездок по Тобуктинским (Тобуклинским) волостям Семипалатинского уезда и области мне с крестьянским начальником г. Даниловым посчастливилось побывать летом в известной среди населения этих волостей пещере, называемой «Конур-Аулиэ». Пещера находится не менее как в 200 верстах от гор. Семипалатинска, и прямой путь к ней ведет через Бугулинскую волость, в пределах которой она и находится. Местность от Семипалатинска до Семитавских гор и далее носит часто степной характер — повсюду ровная степь, в мае месяце покрытая зеленью и поэтому представляющая из себя нечто живописное. Далее Семитавских гор по пути расположены массивные, лишенные растительности Коконские горы, Арчалы, покрытые сплошь вереском (арча), от которого они получили свое название, Кой-тас, с остающимся далеко влево Доголаном, и затем дорога свертывает мимо Чуная, к подножью гор, называемых Кан-Чингиз. Путь через последние на всем их протяжении возможен только в 3–4 местах, в других же они непроходимы. В Бугулинской волости, кстати, имеется перевал через хребет, называемый Мугал-асу, которым мы воспользовались и перебрались на противоположную сторону Чингиза.

С высоты Кан-Чингиза открываются чудные виды — всюду большие и малые горные хребты, густо покрытые ярко-зеленой травой, которая там никогда не высыхает, так как вся эта местность изобилует атмосферными осадками.

За Чингизским хребтом дорога почти сразу сворачивает правей и идет к подножью гор Ак-тас, находящихся в расстоянии 8–10 верст и затем, огибая северо-западный склон последних, выходит на речку Чаган.

Хребет Ак-тас представляет собой собственно один из отрогов Кан-Чингиза, и только киргизы почему-то считают его отдельным хребтом, несмотря на то, что на многих картах он даже не показан. Западная сторона его омывается речкой Чаганкой, которая идет в сравнительно высоких каменных берегах.

Хребет Ак-тас — в переводе на русский язык «Белый камень» — состоит из известковой породы и вполне оправдывает свое название: еще издалека он заметен на общем зеленом фоне благодаря белизне своих вершин. В нем-то и находится пещера Конур-Аулиэ.

Вход в пещеру расположен с южной стороны Ак-таса, немного повыше того места, где Чаганка ударяет в подножье гор. Близ входа находится большое старинное калмыцкое кладбище с обычными каменными бабами и другими надгробными памятниками той эпохи, в виде выложенных плитняков могил и пр., несомненно очень интересными для археолога. Вход представляет из себя

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ЗАПИСКИ

Семипалатинскаго Подъотдѣла

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

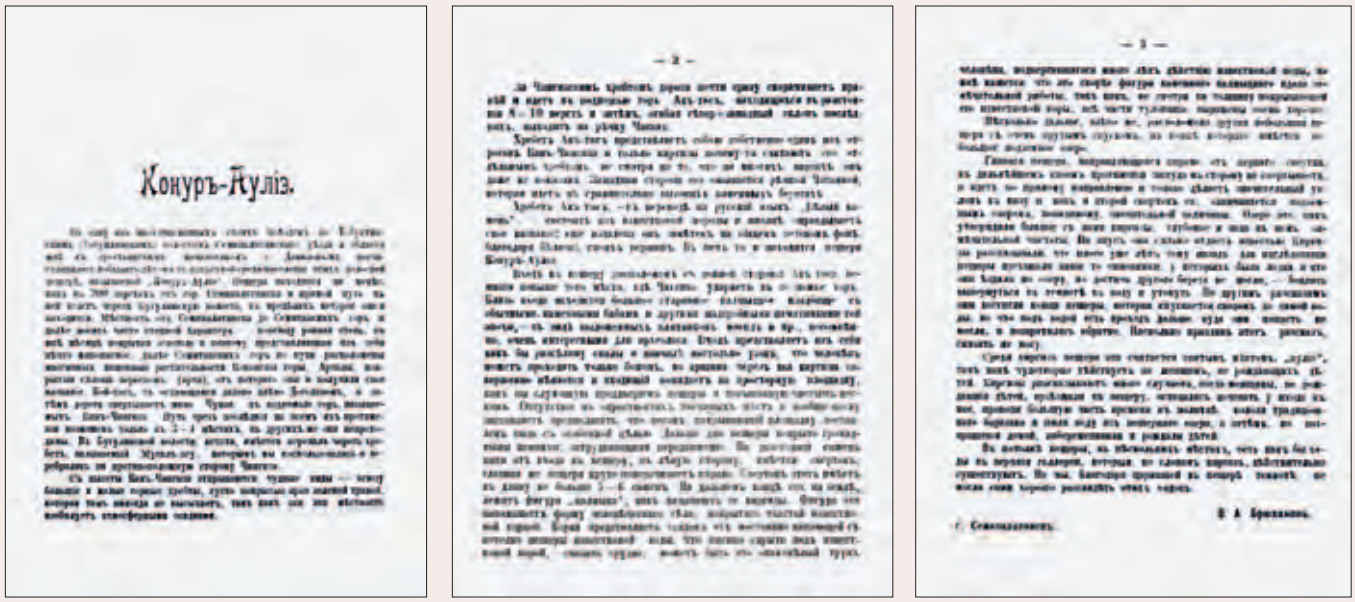
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ВЫПУСКЪ VI

«Карта волостей Семипалатинской области» (фрагмент). *Волости и населенные места.* V (Центральный статистический комитет МВД, СПб., 1895)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН


Конуръ-Ауліз.

В. А. Брюханов. «Конур–Аулиэ».
Записки Семипалатинского подотдела императорского Русского географического общества. VI (1912). С. 1–3.

как бы расселину скалы и вначале настолько узок, что человек может проходить только боком, но аршина через два картина совершенно меняется, и входящий попадает на просторную площадку, как бы служащую преддверием пещеры и посыпанную чистым песком. Отсутствие в окрестностях песчаных мест и вообще песку заставляет предполагать, что песок, покрывающий площадку, доставлен сюда с особенной целью. Дальше дно пещеры покрыто громадными камнями, затрудняющими передвижение. На расстоянии сажен пяти от входа в пещеру, в левую сторону, имеется сверток; главная же пещера круто поворачивает вправо. Сверток этот имеет в длину не больше 5–6 сажен. На дальнем конце его, на земле, лежит фигура «калмыка», как называют ее киргизы. Фигура эта напоминает форму человеческого тела, покрытого толстой известковой коркой. Корка представляет осадок от постоянно капающей с потолка пещеры известковой воды. Что именно скрыто под известковой корой, сказать трудно, может быть, это окаменелый труп человека, подвергавшийся много лет действию известковой воды, но мне кажется, что это скорее фигура каменного калмыцкого идола замечательной работы, так как, несмотря на толщину покрывающей его известковой коры, все части туловища выражены очень хорошо.

Несколько дальше, влево же, расположена другая небольшая пещера с очень крутым спуском, в конце которого имеется небольшое подземное озеро.

Главная пещера, направляющаяся вправо от первого свертка, в дальнейшем своем протяжении никуда в сторону не свертывает, а идет по прямому направлению и только делает значительный уклон к низу и, как и второй сверток ее, оканчивается подземным озером, по-видимому значительной величины. Озеро это, как утверждали бывшие с нами киргизы, глубокое и вода в нем замечательной чистоты. На вкус она сильно отдает известью. Киргизы рассказывали, что много уже лет тому назад для исследования пещеры приезжали какие-то чиновники, у которых была лодка, и что они ездили по озеру, но достичь другого берега не могли — боялись вывернуться в темноте в воду и утонуть. По другим рассказам, они достигли конца пещеры, которая спускается сводом до самой воды, но что под водой есть проход дальше, куда они попасть не могли, и возвратились обратно. Насколько правдив этот рассказ, сказать не могу.

Среди киргизов пещера эта считается святым местом, «аулиэ», так как чудотворно действует на женщин, не рожающих детей. Киргизы рассказывают много случаев, когда женщины, не рожавшие детей, приезжали в пещеру, оставались ночевать у входа в нее, проводя большую часть времени в молитве, кололи традиционного барашка и пили воду из пещерного озера, а затем, по возвращении домой, забеременивали и рожали детей.

В потолке пещеры, в нескольких местах, есть как бы ходы в верхние галереи, которые, по словам киргиз, действительно существуют. Но мы, благодаря царившей в пещере темноте, не могли сами хорошо разглядеть этих ходов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

БУДДА В ПЕЩЕРЕ

Многочисленные археологические памятники, так же как и древние рукописи, свидетельствуют о том, что начиная с середины I в. до н. э. проникновение буддизма из Индии в Китай шло с Запада на Восток через Фергану и Семиречье[1]. В I–III вв. н. э. на территории современной Северной Индии, Пакистана, Афганистана и Средней Азии существовала великая Кушанская империя, покровительствовавшая буддизму. Империя испытала большое влияние эллинистической культуры, поддерживала связи с Римом, Персией, Китаем. Именно в годы ее расцвета по древним торговым маршрутам буддизм пришел сначала в Туркестан, а затем и в Китай. Можно говорить и об обратном движении, когда в Семиречье появились уже восточно-туркестанские и китайские миссионеры[2]. Важно, что буддизм имел распространение в Семиречье и после X–XI вв., когда здесь при Караханидах утвердился ислам[3]. Распространение буддизма в этот период связано с вторжением сюда найманов во главе с Кучлуком. Наконец, последняя буддийская волна прокатилась по этим территориям в контексте джунгаро-казахских войн. Буддизм здесь, как позднее и ислам, выработал гибкий механизм взаимодействия с тенгрианством, с локальными верованиями и культами, легко наделяя их ритуалы и святые места своими функциями и инкорпорируя их в свою культовую систему.

Древние торговые пути шли не только от оазиса к оазису, от базара к базару, от острова к острову — они связывали между собой святые для человечества места и были подобны нервной системе в человеческом организме (*рис. 1–2*). Центральноазиатские транспортные коридоры, имевшие глобальное значение, естественным образом объединяли торговлю и информационный обмен, паломничество и тысячекилометровые миграции. Торговля с паломничеством всегда шли рука об руку. Религии сменяли одна другую, но святые места — примечательные пещеры, отдельные скалы, камни и деревья, целительные источники, могилы пророков и праведников — часто оставались на прежнем месте, меняя лишь имена и названия. Не обращая внимания на границы государств, к ним шли со своими нуждами, с мольбами о здоровье, успехе, богатстве и чадородии тысячи и тысячи паломников.

Считается, что появление святых пещер, разбросанных по всему буддийскому миру, связано с древнеиндийской традицией. Святыни там высекались в скалах и заглублялись в землю. Так в основном неподалеку от караванных путей появились пещерные монастыри, украшенные скульптурой и стенной живописью.

Две святые пещеры, объединенные общим названием Коныр аулие и расположенные неподалеку от древних караванных маршрутов, связаны так или иначе с этой древней традицией. На рубеже XIX–XX вв. Российская империя превратила эти маршруты в обустроенные торговые тракты. Как говорилось выше, первая пещера

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 1. Перевал Таш-Рабат по пути из Нарына
к озеру Чатыр-куль. Фотоотпечаток, 13,0 × 18,0 см. Поступление 1899 г.
Собиратель Н. Ф. Петровский. МАЭ РАН, № 511–8

Рис. 2. Караван в пустыне Такла-Макан.
Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 3. Вход в пещеру Аулие-Тас (Коныр аулие).
Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

лежит около Баян-аула, близ Павлодаро-Баянаульско-Каркаралинского тракта. Вторая — на Сергиопольском тракте, в той его части, которая ведет от Семипалатинска до Чугучака (через Аягуз).

Оба пещерных образования были некогда объектами буддийского культа, где особо почитались пещеры, вход в которые напоминал женское лоно[4] (*рис. 3*). В двух километрах от Каркаралинска, в котором мы были в 2010 г., расположены «Каменные палаты» — глубокий естественный грот длиной около 10 метров. Сегодня под его сводом в беспорядке лежат большие валуны. Старожилы вспоминают, что здесь некогда стоял буддийский памятник, который был якобы вывезен в Омск. Относительно пещеры Коныр аулие, расположенной неподалеку от современного Семея, имеются указания на то, что здесь прежде находили буддийскую бронзу[5].

Процесс буддийско-исламского взаимодействия во многом аналогично происходил и на территории Китайского Туркестана. Исламизация населения региона, завершенная в основном к XV–XVI вв., не привела к полному исчезновению центров буддийской культуры, сосредоточенной в монастырях. Об этом также свидетельствуют коллекции МАЭ. Так, в 1899 г. бронзовую статуэтку Манджушри передал в МАЭ Сергей Николаевич Алфераки (1850–1918) — известный русский орнитолог и энтомолог. В 1879 г. он организовал экспе-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

дицию в Среднюю Азию, Казахские степи и Китайский Туркестан[6]. Позднее в качестве хранителя Зоологического музея Академии наук он обрабатывал богатые сборы Пржевальского, Потанина, Березовского, Певцова, Роборовского, Козлова, Грум-Гржимайло и др. В ходе своей экспедиции в июле 1879 г., вблизи тракта, идущего из Карашара в Кульджу, на речке Малый Юлдуз, возле ключа Заланту, в маленьком естественном гроте, он и обнаружил статуэтку, которую передал в МАЭ 20 лет спустя (*рис. 4–5*).

Как и повсюду на географических окраинах мусульманского мира, ислам в Степи связан с почитанием прибывших сюда извне первоучителей. Возможно, что именно как восстановление порядка после хаоса, который ассоциировался с потопом, воспринималась здесь проповедь таких людей, как Коныр.

В Центральной Азии есть по крайней мере еще два места, связываемых народным преданием с легендой о Всемирном потопе и Нухе. Одно из них — «Туркестанский Арарат», описанный еще В. И. Массальским (1859–1932)[7]. Это вершина в горном массиве Казыгурт, лежащем между Чимкентом и Ташкентом. Не так давно здесь был воздвигнут памятник «Нұх пайғамбар кемесі» (Ковчег Ноя). Второе место расположено в горах Нур-ата (Самаркандская область Республики Узбекистан). Согласно А. П. Федченко (1844–1873), «далее за Дарьей возвышалась отдельная гора Афтоб; хотя последняя и не отличались особой высотой (не более 3500 метров), но туземцы сочли долгом обратить на нее наше внимание, так как на ней остановился Ноев ковчег. Про претензии ташкентцев, что ковчег остановился на Казыгурте, они, конечно, знали и объяснили это невежеством. О том же, что их гора не более как один из многих претендентов на то же значение, они, очевидно, и не подозревают»[8].

Среди возможных объяснений расположения всех этих объектов на достаточно ограниченной территории — необычные природные явления и катастрофы[9], связанные с потерей / восстановлением культурной традиции и сменой религиозных / цивилизационных ориентиров.

Ислам имеет собственную традицию почитания пещер, восходящую в первую очередь к пещере Хира. Она расположена на вершине одноименной горы (другое название горы — Нур), что к северо-востоку от главной мекканской мечети, связана с многодневными бдениями и духовными упражнениями (*таханнус*) пророка Мухаммада в доисламский период и явилась местом получения им своего первого откровения (см. Коран, *сура* 96). Можно вспомнить и широко распространенный в мусульманском мире рассказ о пещере Саур, укрывшей пророка и его спутника, будущего первого праведного халифа Абу Бакра, от преследователей-мекканцев во время переселения в Йасриб — *хиджры* (см. Коран, 9:40). В этой связи включение обеих пещер Коныр аулие в круг исламских мест поклонения[10] было столь же естественным, как некогда и наделение буддизмом местных ритуалов и святых мест своими функциями.

Для нас важно то, что святые места, которые оставались на прежнем месте, меняя лишь имена и названия, знаменовали собой и постоянное сохранение и развертывание единого, по существу, мифа. По утверждению А. Ф. Лосева, миф позволяет взглянуть на фрагментарную действительность, забыв о рефлексии и анализе: «…мы взглянули на картину как на нечто целое, восприняли ее в единой концепции, увидели светотени, краски, фигуры, забывши о химии и физике»[11]. При этом выдающийся русский философ утверждает, что «миф есть… наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но — наиболее яркая и самая подлин-

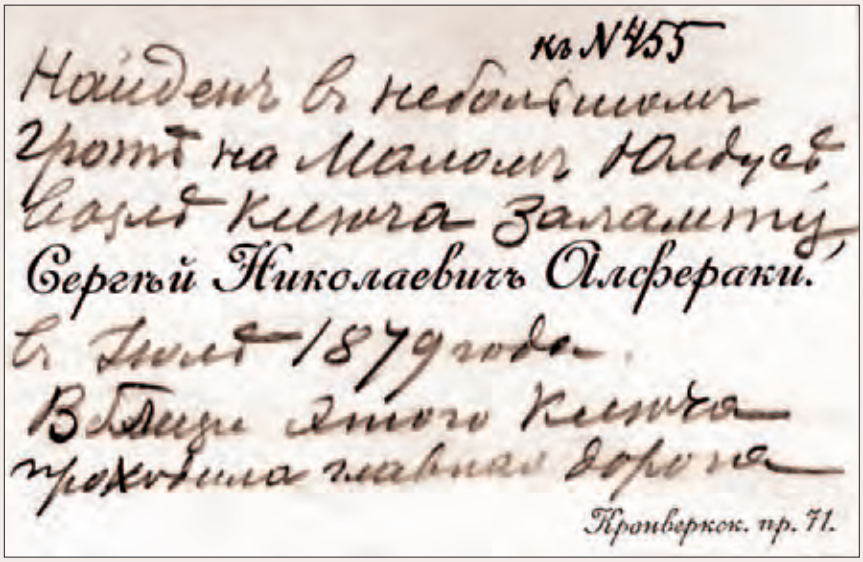

къ № 455
Найденъ въ небольшомъ
гротѣ на Маломъ Юлдузѣ
возлѣ ключа Заланту,
Сергѣй Николаевичъ Алфераки.
въ Іюлѣ 1879 года.
Вблизи этого ключа
проходила главная дорога
Кронверкск. пр. 71.

Рис. 4. Визитная карточка С. Н. Алфераки с изложением обстоятельств находки статуэтки. 1899 г. МАЭ РАН, приложена к коллекционной описи № 455

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 5. Статуэтка Манджушри. Высота 17,0 см. Бронза.
Дар С. Н. Алфераки, 1899 г. МАЭ РАН, № 455–1. Фото С. Б. Шапиро

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ная действительность. Это — совершенно необходимая категория мысли и жизни…»[12]. Миф по своей сущности «абсолютно непосредственен и наивен и не требует никакой специальной работы мысли, тем более — научной или научно-метафизической», миф «текуч, подвижен; он именно трактует не об идеях, но о событиях, и притом чистых событиях, т. е. таких, которые именно нарождаются, развиваются и умирают, без перехода в вечность»[13]. В этом отношении святые пещеры, связанные, как мы видели выше, с перерывом и возобновлением культурной традиции, передают нам сквозь века и на языках разных религий одну и ту же историю.

Примечания

[1] Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. *Аджина-тепе* (М., 1971). С. 110–115.

[2] А. Н. Бернштам. *Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана*. Т. I. (Бишкек, 1997). С. 151–152; Б. Л. Ставиский. «Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии (Из итогов раскопок Кара-тепе — буддийского пещерного монастыря в старом Термезе)». *Доклады по этнографии. Географическое общество СССР.* I/14 (М., 1965). С. 28–29.

[3] См., например: *Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гийом де Рубрука* (Алматы, 1996). С. 110.

[4] В тибетском буддизме прославились такие пещеры на горе Утайшань в китайской провинции Шаньси. Почитаемые пещеры этого типа зафиксированы и в Забайкалье. См.: Л. Л. Абаева. *Культ гор и буддизм в Бурятии*. (М., 1992). С. 78.

[5] «…Отдаленное указание на находки предметов буддийского культа (бронзовые статуэтки) имеется из района Чингизтавского в пещере Конур-аулие по р. Чаган в горах Актас на урочище Догалак» (И. А. Чеканинский. «Развалины “Кзыл-Кент” в Каркаралинском округе Казакской АССР (Исследования и библиография»), *Записки Семипалатинского Отдела Общества изучения Казакстана*. I/XVIII (Семипалатинск, 1929). С. 92. Я благодарен Х.-М. Илиуфу за информацию об этой работе.

[6] См.: С. Н. Алфераки. «Кульджа и Тянь-Шань. Путевые заметки». *Записки по общей географии ИРГО.* XIII/2 (1881).; S. N. Alphéraky. “Lepidoptères du district de Koulcha etc.”. *Horae Soc. Ent. Ross*. XVI–XVIII (1881–1883).

[7] *Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей.* Т. XIX. *Туркестанский край* (СПб., 1913). С. 415.

[8] А. П. Федченко. *Путешествие в Туркестан* (М., 1950). С. 112.

[9] Подробнее см.: Ю. С. Худяков. «Сравнительный анализ сведений из арабских, персидских и китайских источников о необычных природных явлениях и катастрофах, происходивших на Ближнем, Среднем Востоке и Центральной Азии в раннем Средневековье». *Вестник НГУ*. Серия: История, филология. X/5 (2011). С. 247–254; он же. «Воздействие природных аномалий и катастроф на этнокультурное развитие кочевников Центральной Азии в конце I-го тысячелетия до н. э. — первой половине I-го тысячелетия н. э.». *Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН* (М., 2010). С. 138–140; А. Ю. Борисенко, Ю. А. Ведерников, Г. С. Лбов, Ю. С. Худяков. «Перспективы анализа сведений и поиска закономерностей в истории природных катастроф в Центральной и Восточной Азии в древности и средневековье». *Труды Международной научной конференции «Вычислительные и информационные технологии в науке, технике и образовании».* Т. I. (Павлодар, 2006). С. 262–269; Ю. С. Худяков, Ю. А. Ведерников, Г. С. Лбов, В. А. Понько. «Опыт разработки базы данных о земных катастрофах космического происхождения». *Большая Медведица*. I (2000). С. 24–31; он же. «Перспективы разработки методики ретроспективного анализа данных о земных катастрофах космического происхождения». *Космическая защита земли* (Снежинск, 1996). С. 41–43.

[10] О взаимодействии ислама и буддизма в Центральной Азии подробнее см., например: Е. А. Резван. *Между Туркестаном и Тибетом: салары* (СПб., 2010). С. 53–46; 254–273; 296–301.

[11] А. Ф Лосев. *Диалектика мифа*. Сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого (М., 2001). С. 167.

[12] *Там же.* С. 36.

[13] *Там же.* С. 59.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

«АЛЬБОМ РАДЛОВА»

5 (17) января 2012 г. исполнилось 175 лет со дня рождения Фридриха Вильгельма (в России — Василия Васильевича) Радлова — выдающегося российского востоковеда, одного из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков, этнографа, археолога, организатора науки и музейного дела, академика Петербургской Академии наук. Неоспорима его роль в создании петербургского Музея антропологии и этнографии, в истории Азиатского музея, ряда других научных учреждений России. Без его имени невозможно представить историю изучения Алтая, Сибири и Центральной Азии. Наследие Радлова многообразно — это книги и статьи, экспедиции, музейные коллекции, международные научные школы, учениками его учеников считают себя множество ученых и в России, и за ее пределами. Встреча с Радловым самым радикальным образом повлияла на судьбы множества людей, каждый из которых внес значительный вклад в сокровищницу российской науки и культуры.

В год юбилея выдающегося ученого музей при участии Российского комитета тюркологов реализовал на страницах «Живого журнала» большой интернет-проект, призванный объединить всех тех, кто так или иначе связан с изучением наследия В. В. Радлова[1]. Результаты проекта легли в основу двух монографий и сборника статей[2], но главное познакомили и сблизили многих из тех, кто интересуется творчеством замечательного ученого. Не менее важным стало и то, что подготовка к юбилею заставила вновь обратить внимание на материалы, связанные с В. В. Радловым, но по разным причинам так и не введенные в научный оборот.

Именно таким образом у меня на рабочем столе оказался громадный (46 × 33 см) альбом, содержащий разрозненные клееные и акварельные листы и озаглавленный “Original Skitzen einiger Gegenden in Hoch-Asien. Aufgenommen von Dr. W. Radloff auf seine Reise durch den Altai. 1861” (*рис. 1*). Просмотр материалов показал, что альбом (75 листов) представляет собой собрание зарисовок археологических находок и планов раскопок, которые автор заботливо дополнял вплоть до своей смерти в голодном и холодном Петрограде в 1918 г. Предметы в альбоме представлены на основе их функциональной принадлежности: оружие, элементы сбруи, украшения, орудия труда, посуда и т. п. Оказалось, что лишь три листа из альбома были в 1935 г. описаны Давидом Натановичем Левом (1905–1969), известным специалистом по изучению памятников каменного и бронзового веков на территории Средней Азии[3].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 1. Обложка альбома зарисовок археологических находок и планов раскопок («Альбома Радлова»), озаглавленного “Original Skitzen einiger Gegenden in Hoch-Asien. Aufgenommen von Dr. W. Radloff auf seiner Reise durch den Altai. 1861”. 1861–1918 гг., МАЭ РАН, № 5041 (фрагмент)

Начало альбому, содержащему по большей части рисунки Павла Ивачева, ученика Барнаульского окружного училища, было положено в 1861 г. Значительная часть листов, несомненно, связана с результатами археологических работ 1865 г.

Вскоре С. В. Бельский, сотрудник Отдела археологии МАЭ РАН, заинтересовавшийся альбомом, выяснил, что Архив Института истории материальной культуры РАН содержит множество интересных для нас документов, в том числе акварели с подписями и указаниями на коллекции и собирателей, которые соответствуют тем, что имеются в альбоме, хранящемся в МАЭ[4]. Важную информацию (включая рисунки), несомненно, содержат и отчеты Радлова, посланные в Императорскую археологическую комиссию.

Первый опыт археологических работ В. В. Радлов[5] получил в 1861 г., приняв участие в исследованиях на Туриной горе, которые проводились французскими археологами. Следующий, 1862 г. ознаменовал начало его первых самостоятельных работ в области археологии (погребальные сооружения в Мамонтовском, Романовском и Волчихинском районах современного Алтайского края, район нынешней границы с Республикой Казахстана[6], курганы неподалеку от Семипалатинска (ныне Семей), на р. Каркаре, курганы около укрепления Верного (ныне Алматы), в долине между Копальском (ныне Капал, село в Аксуском районе Алматинской области РК) и Аягусом (ныне Аягоз, город Восточно-Казахстанской области РК). Тогда практически впервые на территории Северного и Центрального Казахстана были раскопаны памятники эпохи бронзы[7].

В 1863 г., работая на Восточном Алтае (долины рек Томь и Таштып) и Минусинской котловине, В. В. Радлов раскопал до 100 курганов[8]. На р. Кия были обнаружены палеоэтнографические памятники XVII–XVIII вв. н. э. Кроме того, были осмотрены наскальные рисунки, скопированы рунические надписи и описаны каменные изваяния, позднее отнесенные к окуневской и таштыкской культурам[9].

В 1865 г. раскопки были продолжены в Горном Алтае. Тогда были обследованы курганы афанасьевской культуры и обнаружен первый памятник пазырыкского типа[10]. В следующем году Радлов работал в Барабинской и Восточной Киргизской степи[11], где были раскопаны курганы у оз. Чаны, на р. Иртыш, у оз. Сары-Озек, у станицы Кокпектинской, ныне Кокпекты (село в Кокпектинском районе Восточно-Казахстанской области РК). Неподалеку от нынешнего Семея Радлов работал и в урочище «Семь палат», где исследовал буддийские памятники XVII в.

В целом в результате масштабных археологических работ В. В. Радлова были исследованы памятники афанасьевской, андроновской, карасукской, татарской, сросткинской и ряда других культур, погребения скифской эпохи, а музейные коллекции пополнились предметными сериями с этих территорий. Во многом под влиянием этого опыта В. В. Радлов, ставший в 1894 г. директором МАЭ, приложил много энергии для создания и развития в музее собственной археологической школы (*рис. 2*).

Мы решили обсудить идею ввода альбома в научный оборот с коллегами из профильных научных центров. Московская исследовательница Г. Г. Король (Институт археологии РАН), опубликовавшая в своем исследовании восемь листов из нашего альбома[12], так откликнулась на это предложение: «На опубликованных мною таблицах средневековые предметы, которые меня интересовали, расположены рядом с таштыкскими и “этнографическими”. “Мои” предметы все из случайных находок, к каковым относили в основном найденные при грабительских раскопках и купленные любителями древностей. Насколько помню, в альбоме много листов с тагарскими ножами. Почти все известные ножи этого типа опубликованы в книге Н. Л. Членовой[13]. Они тоже в основном из “случайных находок”, и как идентифицировать, непонятно. По таштыкским материалам лучше всего обратиться к Э. Б. Вадецкой[14]. “Этнографические” предметы из альбома мне в музейных собраниях не встречались.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

6

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССІЯ.

25 Апрѣля 1914 г.
№ 933
С.-Петербургъ.

Открытый листъ.

На 1914 /четырнадцатый/ годъ.

Выданъ этотъ листъ Музею Антропологіи и Этнографіи имени ИМПЕРАТОРА ПЕТРА Великаго при ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ

Императорскою Археологическою Коммиссіею на право производства археологическихъ раскопокъ въ теченіе 1914 года на земляхъ казенныхъ, общественныхъ и принадлежащихъ разнымъ установленіямъ въ предѣлахъ Ачинскаго, Красноярскаго и Минусинскаго уѣздовъ, Енисейской губерніи

съ обязательствомъ доставить въ Коммиссію отчетъ или дневникъ по произведеннымъ раскопкамъ, а также, при особой описи всѣхъ находокъ, наиболѣе цѣнные и интересные изъ найденныхъ предметовъ для представленія ихъ на Высочайшее Государя Императора воззрѣніе.

Выдалъ этотъ листъ Минусинскому Совѣтнику Иванъ Тимофеевичъ Савельевъ.

Директоръ Музея В. Радловъ

На тысяча девятьсотъ четырнадцатый годъ.

За Предсѣдателя Императорской Археологической Коммиссіи,
Товарищъ Предсѣдателя, Академикъ В. Радловъ

Дѣлопроизводитель М. Бутурлинъ

листъ этотъ дѣйствителенъ на одинъ годъ и, по истеченіи надобности, долженъ быть представленъ обратно въ Коммиссію.

на оборотѣ.

Рис. 2. Один из первых Открытых листов (№ 933, от 25 апреля 1914 г.), выданных Музею антропологии и этнографии

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Идея с публикацией альбома — отличная! Хоть большинство предметов и будет трудно привязать к конкретным памятникам и даже микрорегионам, но знать археологам такой источник просто необходимо!»[15]

Ей вторит Е. А. Миклашевич (Кемеровский государственный университет): «Это великолепный альбом, там очень много интересного. Если МАЭ его опубликует, это будет огромная радость и даже сенсация для многих сибирских археологов. Интересно то, что о нем практически мало кто знает. В нашей литературе по археологии Минусинской котловины — никаких упоминаний»[16].

Рис. 3. Один из листов «Альбома Радлова». 46,0 × 33,0 см. Карандаш, акварель, аппликация. 1861–1918 гг. МАЭ РАН, № 5041–22

«Альбом Радлова» безусловно заслуживает самого серьезного изучения и публикации. Атрибуция изображений, содержащихся в альбоме, может быть проведена лишь силами большого коллектива исследователей, работающих ныне в разных научных центрах России и Казахстана. Разумным выходом в существующей ситуации является публикация альбома как самостоятельного исторического источника, ввод его в научный оборот. Такого рода издание, снабженное развернутым предисловием, даст возможность коллегам использовать материалы Радлова в своей работе и приведет к постепенной атрибуции изображений, лишь небольшую часть из которых мы приводим в настоящей публикации (*рис. 3*–9).

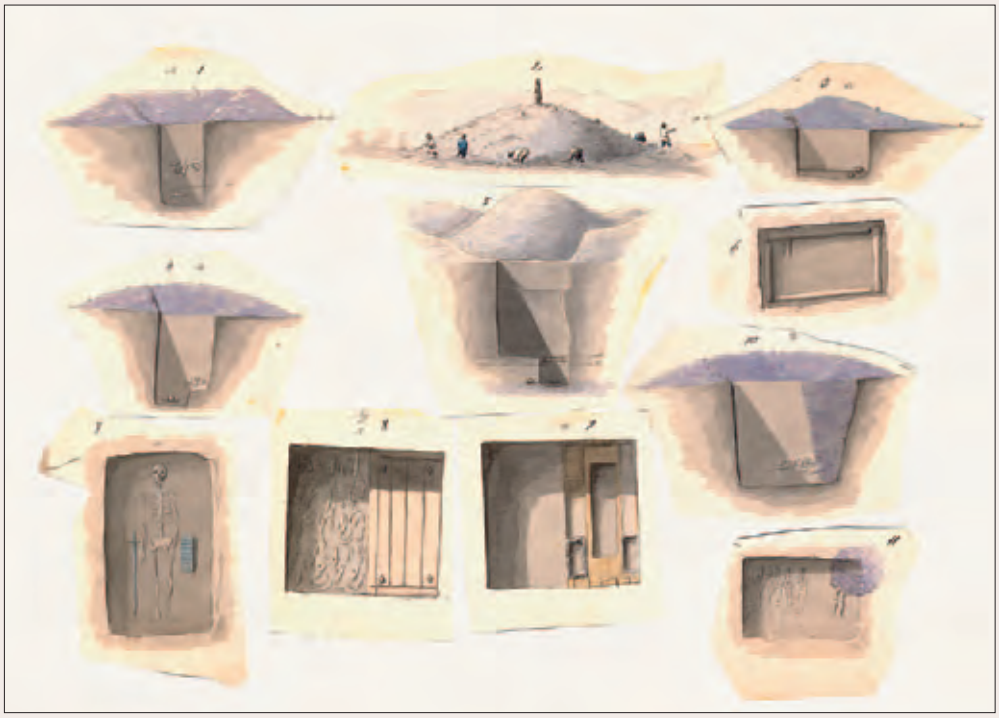


Рис. 4. Один из листов «Альбома Радлова». 46,0 × 33,0 см. Карандаш, акварель, аппликация. 1861–1918 гг. МАЭ РАН, № 5041–37

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 5. Один из листов «Альбома Радлова». 46,0 × 33,0 см. Карандаш, акварель, аппликация. 1861–1918 гг. МАЭ РАН, № 5041–39

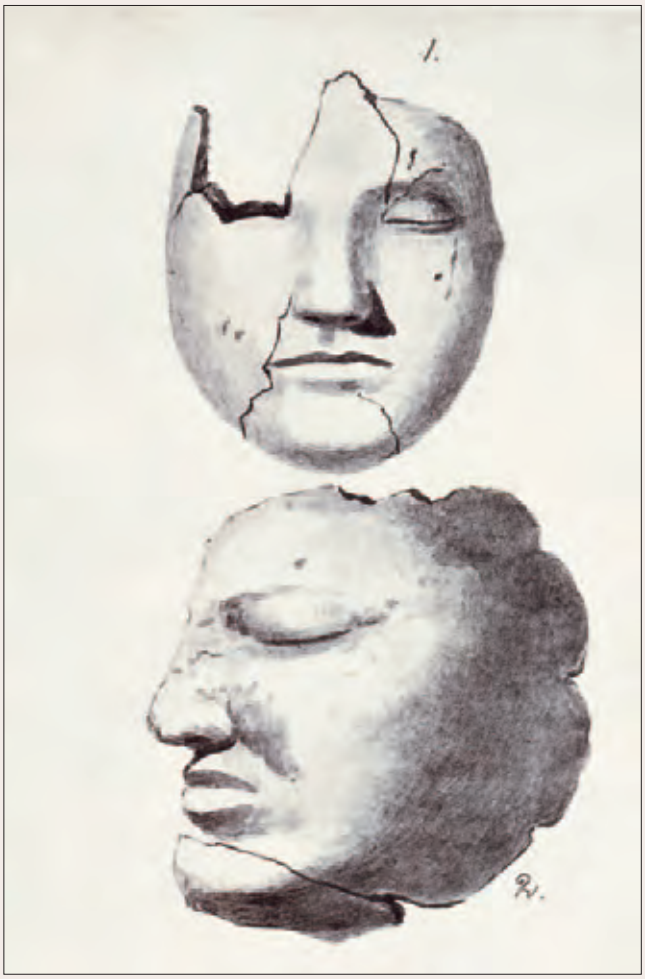


Рис. 6. Один из листов «Альбома Радлова». 46,0 × 33,0 см. Карандаш, акварель. 1861–1918 гг. МАЭ РАН, № 5041–64

Рис. 7. Один из листов «Альбома Радлова». 46,0 × 33,0 см. Карандаш, акварель. 1861–1918 гг. МАЭ РАН, № 5041–66

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

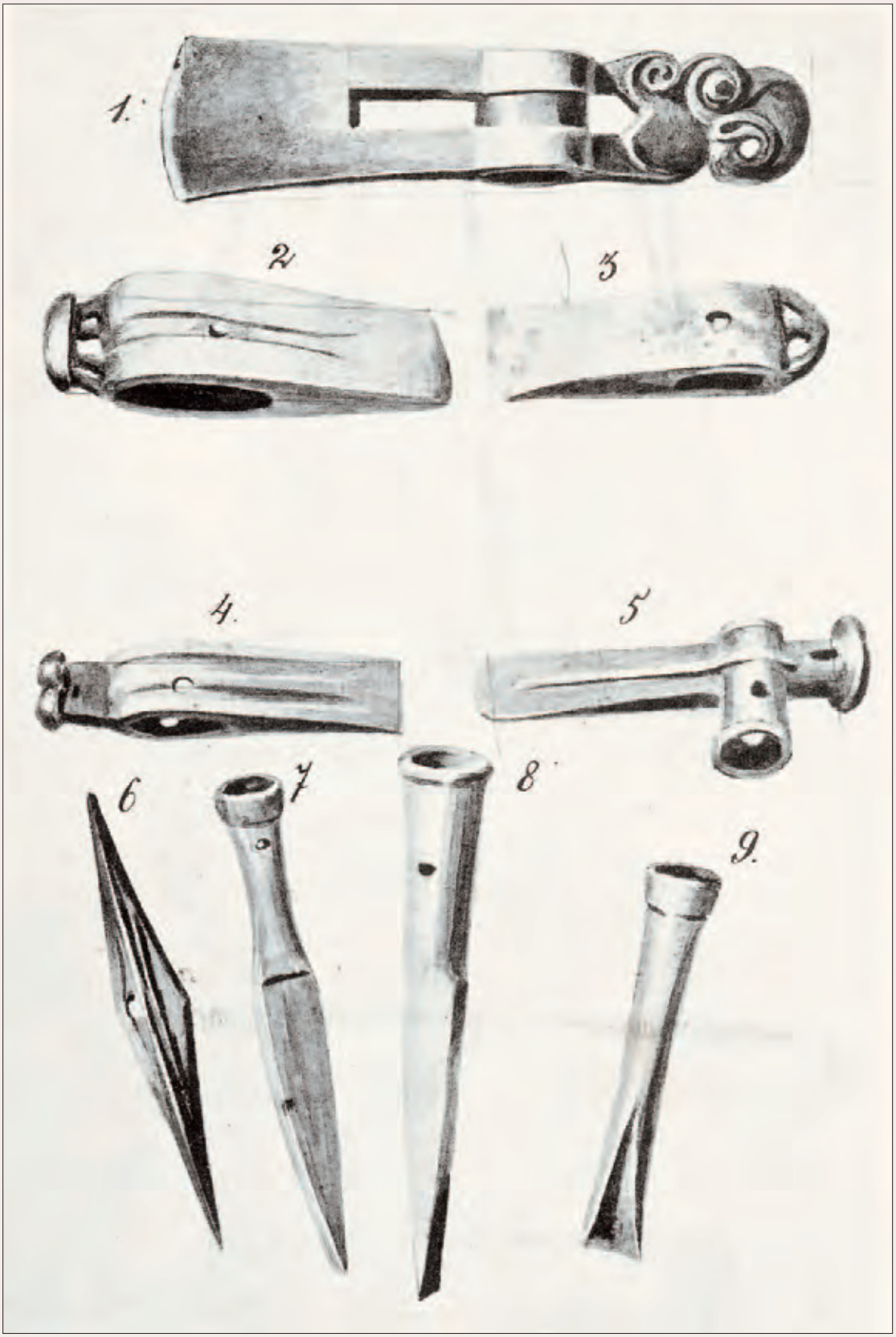


Рис. 8. Один из листов «Альбома Радлова».
46,0 × 33,0 см. Карандаш, акварель. 1861–1918 гг.
МАЭ РАН, № 5041–67

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 9. Один из листов «Альбома Радлова».
46,0 × 33,0 см. Карандаш, акварель. 1861–1918 гг.
МАЭ РАН, № 5041–70

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Примечания

[1] Речь идет о блог-конференции “Radloff-2012”, для которой в ЖЖ был создан аккаунт http://radloff.livejournal.com, и на адрес Василия Васильевича (radloff@kunstkamera.ru) коллеги могли выслать свой текст, который выкладывался для обсуждения.

[2] П. А. Матвеева. «*Все человечество едино»: В. В. Радлов и МАЭ* (СПб., 2014). Книга доступна онлайн в электронной библиотеке МАЭ, см.: http://kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-253-1; G. Ziethen *Scientia Vinces. Biographic studies on German-Russian academic exchange and history of Kunstkamera: Essays on occasion of Peter the Great Kunstkamera tercentenary* (St. Petersburg, 2014) (Manuscripta Orientalia Electronic book series. Vol. 4). Книга доступна онлайн в электронной библиотеке МАЭ, см.: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-258-6; *Primus inter pares (к 175-летию со дня рождения В. В. Радлова)*. Сост. и ред. П. А. Матвеевой и Е. А. Резвана (СПб., 2015).

[3] С 1937 по 1944 г. Д. Н. Лев заведовал отделом археологии Института этнографии АН СССР в Ленинграде. В 1936 г. Музей опубликовал составленные им краткий и подробный путеводители по отделу археологии, см.: *Музей антропологии, археологии и этнографии (Ленинград). Отдел археологии. Подробный путеводитель*. Сост. Д. Н. Лев (М.–Л., 1936).

[4] В. В. Радлов. «Об издании Сборника сибирских древностей». *Архив ИИМК РАН*, ф. 1, 1883 г., № 46, л. 1–441; он же. «Список древностей, найденных г. Радловым на Алтае при раскопках летом 1865 г., передаваемых в Московский музей в 1870 г.». *Там же*, ф. 1, 1865 г., № 8, л. 10–13; он же. «Опись вещам, найденным г. Радловым при раскопках сибирских курганов в 1866 г.» *Там же*, ф. 1, 1865 г., № 8, л. 14–17.

[5] Подробнее о Радлове-археологе см.: Е. А. Артюх. *Алтайский период в научной деятельности В. В. Радлова* (Барнаул, 2010); она же. «К вопросу о методике археологических исследований во второй половине XIX в. (на примере деятельности В. В. Радлова)». *Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Сборник научных трудов* (Барнаул, 2005). С. 251–253.

[6] Подробнее см.: Я. В. Фролов. «История археологического изучения Волчихинского района Алтайского края». *Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока* (Барнаул, 1994). С. 96–99.

[7] Подробнее см.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. *Древняя культура Центрального Казахстана* (Алма-Ата, 1966); В. В. Евдокимов, В. В. Варфоломеев. *Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана* (Караганда, 2002). Предметы, найденные Радловым в 1862 г., хранятся сейчас в Государственном историческом музее в Москве (коллекция № 54322, Семипалатинская губерния, Киргизская степь, 36 предметов).

[8] Находки 1863 г. хранятся в Государственном историческом музее (коллекция № 54322, Енисейская губерния Минусинского округа, окрестности Абакана, 42 предмета) и в фондах Государственного Эрмитажа (30 предметов). Подробнее см.: М. П. Завитухина. *Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции* (Л., 1983).

[9] С. И. Вайнштейн. «В. В. Радлов и его труд “Из Сибири”». *В. В. Радлов. Из Сибири: Страницы дневника* (М., 1989). С. 640–682; А. Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков. «Памятники культуры древних тюрок в исследованиях В. В. Радлова». *V исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова* (Омск, 2000). С. 11–13.

[10] Часть находок этого года хранится в Государственном историческом музее (коллекция № 54660, Алтай, Томская губерния, Барнаульский округ, д. Катанда, 161 предмет).

[11] Большая часть предметов из раскопок 1866 г., к сожалению, была утеряна. То, что сохранилось, находится в Государственном историческом музее (коллекция № 54746, Алтай, Томская губерния, Канский округ, Барабинская степь, 16 предметов). Кроме того, в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге сохранилось пять фотографий, представляющих ныне утерянные находки.

[12] Г. Г. Король. *Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки* (М.–Кемерово, 2008). См. Приложение 10: «Альбом В. В. Радлова из его путешествий по Алтаю. 1861 год». Опубликованы таблицы: VIII, XI, XIII, XVI, XXXIX, XL, XLI, XLII (С. 316–324).

[13] Н. Л. Членова. *Происхождение и ранняя история тагарской культуры* (М., 1967).

[14] См. например: Э. Б. Вадецкая. «К истории археологического изучения Минусинской котловины». *Известия лаборатории археологических исследований*. VI (1973). С. 90–159; она же. «Тагарские погребальные ложа». *Археология Северной и Центральной Азии* (Новосибирск, 1975). С. 167–175.

[15] Письмо С. В. Бельскому, 01.11.2012.

[16] Письмо С. В. Бельскому, 08.11.2012.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ГЛАВА IV

СОЗВЕЗДИЕ ЧАШИ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Созвездие чаши

А как это было? — спросила Худжасте.
Зийа ад-Дин Нахшаби. Книга попугая

Ты, как всегда, мой бесценный, с утра — в хороводе дел,
В вечном потоке встреч и разлук, городов и лиц,
Ты постоянно в пути, но — ты этого и хотел,
Так что — отлично, привычно, и не о чем слезы лить.
Юлия Вергилева

Уезжать всегда сложно, но в этот раз было особенно. Под утро мы разругались так, что я быстро оделся и вышел на набережную, чтобы остыть. Было часов около шести. В желтом свете фонарей метель брала приступом памятник Крузенштерну. Ранний прохожий с громадной собакой, радующейся снегу, вновь и вновь замерзшими пальцами пытался застегнуть молнию на куртке. На черном — мачты пришвартованного на зиму и впаянного в лед парусника. Футуристические машинки пытались расчистить от снега хотя бы одну полосу и яростно разбрасывали по сторонам молнии от ярко-желтых проблесковых маячков. Получалось у них не очень: только что расчищенная полоса через несколько минут вновь становилась белой. «От сильной стужи небо, подобно языку скучных рассказчиков, исторгало лед, от страшного холода мир, как хладнокровные люди, подернулся инеем, от чрезмерной стужи огонь укрылся в четырех стенах очага, от лютого мороза саламандра заползла в пламя»[1].

Я вернулся минут через двадцать. Меня ждала чашка кофе, бутерброд и сумрачный взгляд мельком. Взял телефон и стал заказывать такси.

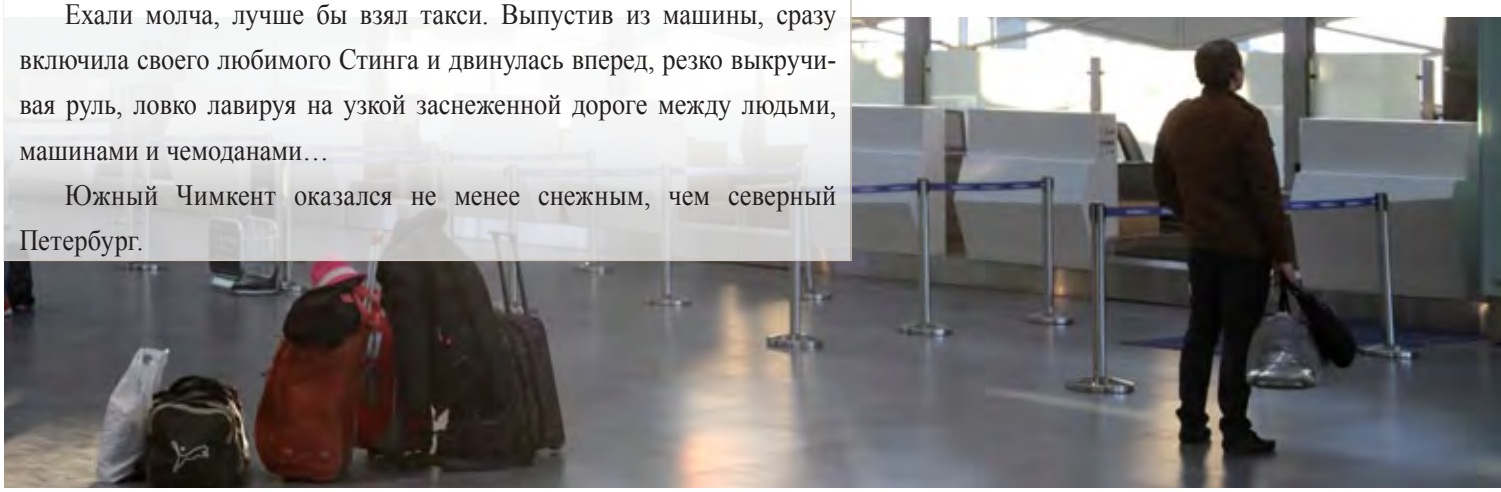
— Нет, я обещала и отвезу тебя сама.

Ехали молча, лучше бы взял такси. Выпустив из машины, сразу включила своего любимого Стинга и двинулась вперед, резко выкручивая руль, ловко лавируя на узкой заснеженной дороге между людьми, машинами и чемоданами…

Южный Чимкент оказался не менее снежным, чем северный Петербург.

Санкт-Петербург. Зима.
Фото Т. М. Федоровой, 2012 г.

Пулково. Ожидание.
Фото Т. М. Федоровой (фрагмент), 2015 г.



[1] Зийа ад-Дин Нахшаби. *Книга попугая* (*Тути-наме*). Пер. Е. Э. Бертельса (М., 1979, переизд. 1982). С. 47.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

***

Одно из главных детских впечатлений, оставшихся после нескольких ранних походов с отцом в Эрмитаж, — громадный бронзовый котел, привезенный в Петербург из Туркестана. Связанный с ним ритуал

Тай-казан в мавзолее Ахмада Йасави. Фото Н. В. Николаева, 2011 г.

омовения составлял важную часть паломничества к мавзолею Ахмада Йасави, особо почитаемого в Центральной Азии суфийского наставника, известного как ата Йасави и «глава тюркских шайхов»[2]. Невольной ассоциацией было, конечно же, «медное море» Первого храма царя Соломона: «И сделал литое [из меди] море, — от края его до края его десять локтей, — совсем круглое, вышиною в пять локтей, и снурок в тридцать локтей обнимал его кругом. <…> Толщиною оно было в ладонь, и края его, сделанные подобно краям чаши, [походили] на распустившуюся лилию. Оно вмещало две тысячи батов»[3].

Гигантский бронзовый *тай-казан* диаметром 242 см и высотой 162 см весит около двух тонн. Его десять ручек выполнены в форме лепестков лотоса. По преданию, налитая в него вода становилась целебной и не меняла температуру.

Масштаб бронзового чуда соответствовал масштабу сооружения — громадному и величественному мавзолею Ахмада Йасави. Тимур оста-

[2] Подробнее см.: Сафи ад-Дин Орын Койлакы. *Насаб-нама*. Изд. А. К. Муминов и З. З. Яндарбеков (Туркистан, 1992); М. Е. Массон. *Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясеви* (Ташкент, 1930). С. 229–250; В. А. Гордлевский. «Ходжа Ахмед Ясеви». *Избранные сочинения*, III (М., 1962). С. 361–368; [М.-С. Бекчурин]. «Описание мечети Азрета. Заметки статского советника Бекчурина». *Военный сборник*, VIII (1866); А. А. Иванов. «О бронзовых

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

вил после себя десятки монументальных архитектурных сооружений, разбросанных по его великой империи. Колоссальные порталы, вознесенные в небо минареты и декоративные купола — весь арсенал архитектурных форм «Большого стиля» служил прославлению его величия. Города его империи: столицу Самарканд, родину отца — Кеш, Бухару, Йасы строили и украшали лучшие мастера, пригнанные туда из завоеванных земель. И сегодня продолжает поражать воображение архитектурный замысел многих из этих величественных сооружений. Иногда, правда, воля правителя и дерзость архитектора входили в противоречие с техническими возможностями эпохи, и колоссальные сооружения не выдерживали природных нагрузок.

Под стать мечетям создавались и рукописи. Одна из них была сделана по заказу Тимура для грандиозной соборной мечети Биби-Ханым в Самарканде, богато украшенной изразцами, резным мрамором и росписями и воздвигнутой после победоносного похода Тимура в Индию. Отдельные страницы этого гигантского списка (177 × 101 см, семь строк на листе, около восьмисот двойных листов) разбросаны сегодня по научным библиотекам разных стран, но гигантская каменная подставка под нее (2,3 × 2 м), чуть было не увезенная в Санкт-Петербург в конце XIX в., до сих пор украшает двор самаркандской мечети, вмещавшей некогда до десяти тысяч прихожан. Грандиозные мечети, равно как и громадная рукопись и *тай-казан*, должны были в веках свидетельствовать величие власти Тимура.

Поль Надар. Биби Ханым. Грандиозная соборная мечеть, построенная в Самарканде по приказу Тимура в 1399–1404 гг. после его победоносного похода в Индию. Здание, строившееся практически одновременно с мавзолеем Ахмада Йасави, почти сразу же стало разрушаться: уже при жизни Тимура на молящихся из треснувшего купола стали сыпаться камни. Фотоотпечаток, 37,4 × 27,2 см. 1880-е гг.Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры, РАН № F.1.10. С любезного разрешения института

И. Введенский. Гигантская подставка (*лаух*) под громадную рукопись Корана, установленная ныне во дворе мечети Биби Ханым. Фотоотпечаток, 23,0 × 17,0 см. 1890-е гг. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН № Q.159.4. С любезного разрешения института

изделиях конца XIV в. из мавзолея ходжа Ахмеда Ясеви», *Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье* (М., 1981).

[3] 3 Царств., 23–26.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

В Государственный Эрмитаж *тай-казан* попал в 1934 г. в связи с проведением III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. С самого начала подготовка к конгрессу стала задачей государственной и идеологической. Предыдущий II Конгресс прошел в Лондоне (1931), следующий должен был пройти в Париже в 1937 г.[4] Эти масштабные научные конференции традиционно привлекали ведущих иранистов мира. Советский Союз все громче заявлял о себе как о передовой научной державе. Что же касается культуры Ирана, то в СССР были сосредоточены прекрасные коллекции, существовала хорошо известная в мире национальная научная традиция, трудились талантливые ученые. В ходе подготовки к конгрессу в СССР вышла серия прекрасных публикаций, и сегодня составляющих гордость отечественной науки[5], была выпущена серия почтовых марок[6], отчеканена специальная медаль[7].

Лондонский конгресс сопровождался масштабной выставкой. По замыслу организаторов, связанная с конгрессом выставка в Эрмитаже должна была превзойти лондонскую. Для этого было принято решение представить на ней не только собственно эрмитажные коллекции, но и сокровища иранской культуры, хранящиеся в других городах СССР[8]. Гигантский *тай-казан* из Туркестана должен был стать одним из ее центральных экспонатов. Конгресс с большим успехом прошел в Ленинграде 12–18 сентября 1935 г. В нем приняли участие ведущие специалисты из СССР, Германии, Ирана, Голландии, Великобритании, Франции, Турции, Швеции, Италии, Польши. Выставка, организованная к конгрессу, стала одним из важнейших культурных событий той поры.

В мавзолее Ахмада Йасави посреди *казандыка* (специального помещения для *тай-казана*), покрытого самым крупным из сохранившихся в Средней Азии сфероконическим куполом с одинарной оболочкой, на протяжении долгих лет стояла табличка: «Тай-казан, бронза, диаметр 2,42 м, 2000 литров. Использовался для раздачи воды из священ-

[4] На самом деле состоялся лишь в 1960 г. в Нью-Йорке.
[5] Так, например, в связи с конгрессом издательство "Academia" выпустило первый сборник русских художественных переводов Омара Хайяма. Прекрасно изданная книга небольшого формата с титулом «Омар Хайям. Рубайат» включает 41 четверостишие в переводах О. Румера, Л. Некоры (скрытого под псевдонимом «Л. Н.»), В. Тардова и К. Чайкина. Параллельно русским переводам тексты стихов приведены в арабской графике. Короткая вступительная статья о поэте написана А. Болотниковым. См. также: М. М. Дьяконов, Л. Т. Гюзальян. *Рукописи Шах-намэ в ленинградских собраниях* (Л., 1934); они же: *Иранские миниатюры в рукописях Шах-намэ ленинградских собраний* (М. – Л., 1935). Материалы конгресса были опубликованы в 1939 г.,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ного источника паломникам. Находится на постоянной экспозиции в Эрмитаже в г. Ленинграде». Паломники, регулярно посещавшие мавзолей и в советское время, молча обходили святое место по кругу, проникаясь враждебностью и к Эрмитажу, и к Ленинграду.

Для меня одной из знаковых новостей накануне распада Союза стал возврат *тай-казана* в Туркестан. Это произошло в 1989 г., который вол-

ной переворотов разрушил Варшавский договор, а в советской Средней Азии ознаменовался погромами турок-месхетинцев в Ферганской долине, событиями в Новом Узене, нарастающим обострением обстановки в Душанбе и Андижане… В то же время кардинальное изменение внутренней обстановки в стране позволяло решать проблемы, которые не решались десятилетиями. Важнейшую роль в возвращении *тай-казана* сыграли директор Эрмитажа академик Борис Борисович Пиотровский и Узбекали Джанибеков, бывший в 1987–1988 гг. министром культуры Казахской ССР и, как никто другой, много сделавший для сохранения традиционной казахской культуры. Ключом решения проблемы стала копия расписки, в которой оговаривалось, что *тай-казан* был отправлен в Эрмитаж лишь на время выставки. Для того чтобы извлечь *тай-казан*, потребовалось разобрать одну из стен Эрмитажа. Работу в течение ночи проделала группа казахских строителей, специально прилетевших в Ленинград. *Тай-казан* был извлечен с помощью крана, и в ту же ночь проем в стене был заделан. В Туркестан *тай-казан* вернулся 18 сентября 1989 г. В Эрмитаже же до сих пор бережно хранятся замечательные бронзовые подсвечники из мавзолея Ахмада Йасави.

Афиша, марка и медаль, выпущенные в связи с проведением в Ленинграде III Международного конгресса иранского искусства и археологии

Ф. Ордэ. Общий вид мавзолея Ахмада Йасави. Фотоотпечаток, 22,0 × 16,2 см., 1880-е гг. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН, № Q.290.40.
С любезного разрешения института

Общий вид мавзолея Ахмада Йасави (основной купол — в лесах).
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

см.: *Иранское искусство и археология*. [Труды] III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. Ред. И. А. Орбели. (М. – Л., 1939).

[6] Серия из четырех марок с изображением серебряного блюда IV в. «Шапур II охотится на львов». В почтовом отделении на конгрессе производилось гашение марок специальным штемпелем.

[7] Ленинградский монетный двор. Медальер А. Ф. Васютинский. Диаметр 55 мм. Бронза. Вес 64,4 г. Тираж 300 экз.

[8] Подробнее см.: В. Ю. Матвеев. *Эрмитаж «всемирный» или планета Эрмитаж. Выставочная деятельность музея за рубежом и произведения из зарубежных собраний на выставках в Государственном Эрмитаже* (СПб., 2012). С. 72, 103–104.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

На четвертом курсе восточного факультета небольшой спецкурс персидского языка читал нам Левон Тигранович Гюзальян, известный в мире специалист по эпиграфике и искусству Востока, который с 1930 г. и до конца жизни работал в Государственном Эрмитаже. Был, правда, перерыв — 1938–1953: сначала лагерь в Пермской области, потом поселение в Соликамске, после освобождения в 1946 г. — Луга (жить в Ленинграде было запрещено). Л. Т. принимал активное участие в подготовке III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии[9], в связи с которым и был доставлен в Ленинград *тай-казан*.

Не заметить его было невозможно. Л. Т. выделялся тревожным взглядом своих громадных восточных глаз, блиставших на абсолютно гладком черепе несколько необычной формы. Мы крайне небрежно читали с ним «Книгу попугая» («Тути-наме»), собрание дидактических и эротических новелл-сказок, составленное в 1330 г. в Индии Зийа ад-Дином Нахшаби и восходящее к древнеиндийскому оригиналу[10]. Пятьдесят две ночи мудрый попугай рассказывает хозяйке свои необыкновенные сказки. Каждый вечер молодая и красивая хозяйка по имени Худжасте собирается в отсутствие мужа отправиться к своему возлюбленному. Она спрашивает разрешения у мудрой птицы. В ответ попугай начинает очередной необычайно интересный рассказ. Заинтригованная хозяйка спрашивает: «А как это было?» — и, не отрываясь, слушает его до утра:

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать,
Всем влюбленным утро — враг ужасный.

Перевод сочинения на русский язык был осуществлен в 1919 г. выдающимся иранистом Е. Э. Бертельсом (1890–1957), впоследствии — членом-корреспондентом АН СССР (1939), Иранской АН (1944), Арабской АН в Дамаске (1955) и лауреатом Сталинской премии. Бертельса трижды ненадолго арестовывали в 1922, 1925 и в 1941 гг. как «французского и немецкого шпиона». После второго ареста он был вынужден начать сотрудничество с ОГПУ[11]. Это, однако, не уберегло ни его самого от еще одного ареста, ни его сына Дмитрия от лагерей (1941–1948) и ссылки (1948–1956). Именно Дмитрий Евгеньевич Бертельс обнаружил утерянную рукопись перевода, выполненного для знаменитой «Всемирной литературы» Горького, и спустя шестьдесят лет после создания смог

Левон Тигранович Гюзальян.
Фото середины 1930-х гг.

Студенты.
Фото Т. М. Федоровой, 2012 г.

[9] См. выше, примечание 5.
[10] Одну из его из редакций см.: *Шукасаптати. Семьдесят рассказов попугая.* Пер. с санскрита М. А. Ширяева. Предисл. и примеч. В. И. Кальянова (М., 1960).
[11] Некоторые из его доносов на коллег послужили основанием для репрессий. См.: *Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991)*. Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина (СПб., 2003), см.: http://memory.pvost.org/pages/bertelsee.html (последнее посещение 03.08.2015 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

издать ее. Его отец, Е. Э. Бертельс, получивший не только востоковедное, но и высшее музыкальное и юридическое образование, оказался идеальным переводчиком для этой книги. Перевод был осуществлен с наиболее аутентичной рукописи, хранившейся в Азиатском музее (ныне Институт восточных рукописей) в Санкт-Петербурге.

Л. Т. терпеливо и грустно разбирал с нами чудный персидский текст. Мы же, второпях готовясь к занятиям в перерыве между лекциями, совсем не представляли ни масштаба личности этого человека, ни то, какой текст мы читаем с ним. Глаза мне приоткрылись на этот счет лишь однажды. Пробегая как-то по эрмитажному коридору, я остановился на минутку у громадного котла и, шевеля губами, стал разбирать арабскую вязь, несколько рядов которой украшали поверхность громадной чаши. Легче всего далась стандартная по набору слов подпись автора: «Сделал бедный раб, нуждающийся в Аллахе Всевладеющем, мастер ‘Абд ал-‘Азиз, сын мастера Шараф ад-Дина Табризи». Прочитал и надпись, составляющую нижнюю ленту: здесь двадцать два раза повторялась писанная почерком куфи максима «Власть принадлежит Аллаху».

Увлекшись, я не заметил, как ко мне подошел Л. Т. Спросив, что я понимаю, он стал помогать мне читать верхний текст, выполненный удивительным по соразмерности сульсом: «Сказал Аллах, да будет он благословен и да возвысится: “Неужели поение паломника и оживление священной мечети вы считаете откровением?” И сказал [Пророк], да будет над ним мир: “Тот, кто возводит место для пития на пути Аллаха, да возвысится он, тому Аллах соорудит в раю водоем”. Приказал построить это место для пития эмир величайший, владетель над выями народов, избранный (отличенный) помощью Царя Милостивого, амир Тимур Гурган, да освятит Аллах Всевышний царство его, для усыпальницы шейха ислама, султана шейхов в мире, шейха Ахмада ал-Йасави, да освятит Аллах дух его великий. 20 шавваля 801 года». Затем последовала вдохновенная лекция, слушая которую я забыл, куда и зачем шел.

Грустно улыбнувшись, он, уже прощаясь, сказал:

— А вот здесь, в картушах, смотрите. Здесь уже по-персидски: «Будь благословен», да, но Вы со своими сокурсниками, увы, в персидском не сильны.

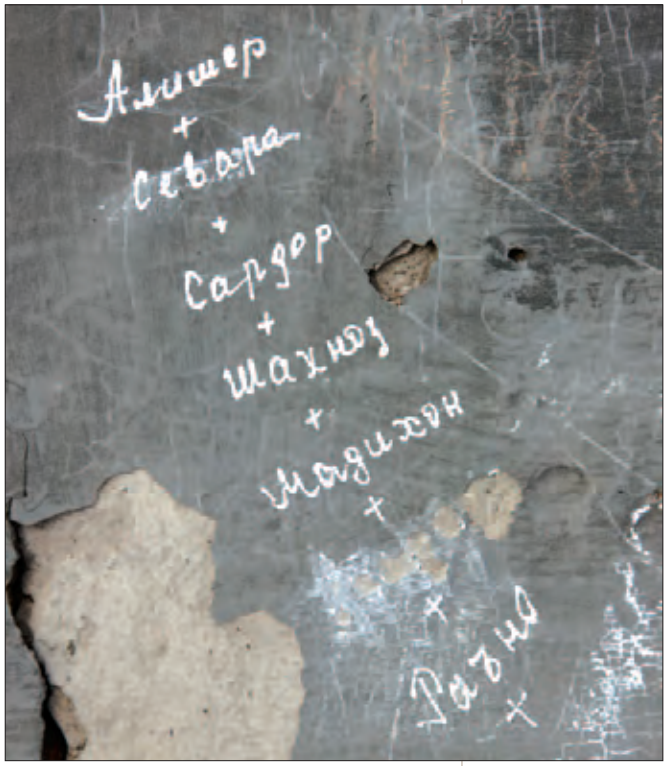
Мне стало ужасно стыдно, но исправить я фактически уже ничего не мог. Спецкурс заканчивался.

Тай-казан. в мавзолее Ахмада Йасави. Фото Н. В. Николаева (фрагмент), май 2011 г.

Н. Н. Нехорошев. *Тай-казан* в мавзолее Ахмада Йасави. Стеклянный негатив, 29,6 × 23,6 см., 1871–1872 гг. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН, № IV–579. С любезного разрешения института

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН



«Туристические граффити» на стенах комплекса сейчас замещают паломнические. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

Паломник у мавзолея Ахмада Йасави. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

Совпало так, что со мной в самолете, летевшем в Чимкент, оказался томик Нахшаби. Листая пожелтевшие странички, я вновь радовался удивительному тексту, волей-неволей вспоминал Левона Тиграновича и предвкушал поездку к степному чуду — грандиозному мавзолею Ахмада Йасави. По местным поверьям, троекратное паломничество к нему приравнивается к хаджу в Мекку[12]. Быть похороненным около мавзолея считалось большой удачей и честью. Филипп Назаров, Отдельного Сибирского корпуса переводчик, посланный в Коканд в 1813–1814 гг., в своих заметках, опубликованных в 1821 г., в частности, писал: «Набожные киргизы тела богатых родственников своих летом увозят в Туркестан, чтобы там предать погребению у гробов святых своих, а в зимнее время, не имея средств без подножного корма туда уехать, вешают их на деревах, обвив войлоками и бязями, и по открытии весны увозят уже в Туркестан. Проезжая зимой по киргизским степям, с ужасом иногда встречаешь подобные развешанные на деревах, покрытые инеем, обледенелые тела, качаемые бурным ветром»[13].

Шайх Ахмад, хваджа Ахмад, хадрат-и Туркистан, ата Йасави (XII – начало XIII в.)[14] почитался и многими почитается сегодня как

[12] А. К. Муминов. «Святые места в Центральной Азии (взаимодействие общеисламских и местных элементов)». *Маяк Востока.* I–II (Ташкент, 1996). С. 14–21.

[13] Филипп Назаров. *Записки о некоторых народах и землях средней части Азии* (М., 1968). С. 23.

[14] Точные даты жизни неизвестны. Подробнее о нем см.: Д. ДиУис (D. DeWeese). «Ахмад Йасави». *Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь.* IV (2003). С. 14–17; он же. “The Politics of Sacred Lineages in 19th-Century Central Asia: Descent Groups Linked to Khwaja Ahmad Yasavi in Shrine Documents and Genealogical Charters”. *IJMES.* XXXI/4 (1999). С. 507–530; он же. “Sacred Places and ‘Public’ Narratives: The Shrine of Ahmad Yasavi in Hagiographical Traditions of the Yasavi Sufi Order, 16th–17th Centuries”. *MW.* XC/3–4 (Fall 2000). С. 353–376; Сафи ад-Дин Орын Койлакы. *Насаб-на-*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

«глава тюркских шайхов». Его житие продолжало создаваться вплоть до XIX в.[15] Проповедническая и подвижническая деятельность Ахмада Йасави проходила среди жителей городских торговых центров на границах Кипчакской степи в средней части Сырдарьинской долины, но особенно тесно была связана с г. Йасы (совр. Туркестан). Источники подчеркивают его происхождение от Мухаммада б. ал-Ханафийи, сына «праведного халифа» ‘Али б. Аби Талиба, и преемственность по отношению к знаменитым воинам и правителям, утвердившим ислам в долине Сырдарьи. В духовном становлении Ахмада Йасави традиционно выделяется роль легендарного Хизра (Хидра), древнего пророка или праведника-чудотворца, упомянутого, как считают, в Коране (18:60–82) и отождествляемого иногда с Илиасом (Илией). Полагают, что именно к Хизру восходит йасавийский вид громкого *зикра*, известный как *зикр-и арра*, «зикр пилы», и названный так из-за скрежещущих звуков, издаваемых во время обряда.

Рассказывают, что Ахмад Йасави зарабатывал на жизнь изготовлением и продажей ложек или же был охотником, обладавшим особой властью над дикими зверями. Его проповедь призывала к мистическому затворничеству (*халват*). Передаются рассказы о чудесах, о его подземном жилище и мгновенных перелетах, о создании чудесного эликсира из пота учеников, выступавшего во время *зикра*, о превращении его врагов в собак.

Сохранившиеся версии приписываемого Ахмаду Йасави «Диван-и хикмат», вероятно, имеют в своей основе собрания стихотворений, созданных йасавийскими шайхами начиная с конца XV или начала XVI в.[16] К сожалению, до нас не дошло ни одного сочинения, авторство которого с уверенностью можно было бы приписать Ахмаду Йасави. Благодаря его влиянию цикл специфически суфийских обрядов вошел в самый широкий оборот и стал использоваться вне круга собственно последователей братства йасавийа.

Н. Н. Нехорошев. Общий вид города Туркестана. Фотоотпечаток, 22,4 × 20,0 см. 1871–1872 гг., Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН, № Q.487.50. С любезного разрешения института

ма; Массон. *Мавзолей*; Гордлевский. «Ходжа Ахмед Ясеви»; B. G. Privratsky. *Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory* (Richmond, Surrey, 2001).

[15] Важнейшие источники — сочинения шайха Хазини (XVI в.), йасавийский компендиум ‘Алим-шайха ‘Алийабади «Ламахат мин нафахат ал-кудс» (начало XVII в.) — основаны на более ранних источниках, таких как «Наса’им ал-махабба» мира ‘Али-шира Нава’и, накшбандийийский «Рашахат ‘айн ал-хайат», «Манакиб», ученика Йасави Суфи Мухаммада Данишманда, труд, приписываемый выдающемуся ханафитскому правоведу конца XIII – начала XIV в. имаму Сигнаки-Хусам ад-дину Хусайну б. ‘Али Сигнаки. Последние в оригинальном виде не сохранились.

[16] ДиУис. «Ахмад Йасави».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

…С середины XIV века монголы стали утрачивать свое невероятное господство над миром. Гигантская империя, включавшая Великую степь, Китай и Иран, Восточную Европу и Кавказ, стала рушиться под своей тяжестью: власть делили между собой потомки Чингизхана, которых, в свою очередь, теснили амбициозные темники, правившие от имени чингизидов, ставших марионетками в их руках. Одним из таких людей и был Железный Хромец Тимур (1336–1405), установивший твердой рукой свою власть в Мавераннахре и Иране. Используя смуту в Улусе Джучи, где фактическую власть захватил темник Мамай (1335–1380), Тимур подчинил принадлежавший Орде Хорезм и активно помогал Токтамышу (1376–1406), одному из ордынских царевичей, в борьбе за ордынский престол.

В 1380 г. с помощью людей Тимура и лишь после нескольких неудачных попыток Токтамыш захватил столицу Орды. Мамай, разбитый практически в это же время на Куликовом поле, не смог оказать ему активного сопротивления и вскоре, преданный войском и женами, был убит в Крыму. В 1382 г. Токтамыш с большим войском двинулся на брошенную Дмитрием и боярами Москву, которая была опустошена. Вскоре возобновилась и исправная выплата московской дани ордынцам.

Забыв о помощи Тимура, Токтамыш попытался вернуть Орде власть над Ираном и Средней Азией и даже одержал временные победы, разграбив Тебриз и дважды глубоко проникнув в переделы Тимура. Согласно одному из преданий, во время налета на Туркестан он захватил, в частности, приношения верующих *мазару* Ахмада Йасави и имущество его потомков. Тимур же терпеливо собирал силы для окончательной схватки[17].

Возможно, именно в связи с налетом Токтамыша на Туркестан сборный пункт армии Тимура был назначен неподалеку от него. 22 января 1391 г., после общего смотра, огромная армия двинулась на север через суровую Голодную степь. В виду Улугтага — «родовой горы» Джучидов, т. е. достигнув крайних пределов владений Токтамы-

Тимур.
Реконструкция М. М. Герасимова

Тимур отправляется в поход.
Картина с экспозиции Историко-культурного этнографического центра в г. Туркестан.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

[17] Массон. *Мавзолей*. С. 7.

[18] Камень с надписью Тимура обнаружил выдающийся казахский геолог, будущий академик К. И. Сатпаев (1899–1964). Он оценил значимость находки и организовал ее передачу в Эрмитаж. См.: А. П. Григорьев, Н. Н. Телицын, О. Б. Фролова. «Надпись Тимура 1391 г.». *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. XXI (СПб., 2004). С. 3–24. См. также: М. Г. Крамаровский. «“Камень Тимура” как феномен чингисидской истории и культуры». *Золотая орда. История и культура* (СПб., 2005). С. 167–169.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Надпись на «Камне Тимура». Источник: Григорьев, Телицин, Фролова. *Надпись Тимура*

«Камень Тимура». Фото Е. А. Резвана. С выставки Государственного Эрмитажа «Золотая Орда. История и культура». Казань, 2005 г.

ша, Тимур приказал соорудить на вершине сопки Алтын-шокы высокую каменную пирамиду и нанести на плите надпись из одиннадцати строк, частью по-арабски, частью знаками уйгурского алфавита по-чагатайски:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Владыка сущего, Святилище истины, Неусыпный Защитник, Всесильный и Всемогущий, Премудрый даритель жизни и смерти!

Лета семьсот девяносто третьего, в средний месяц весны года овцы [6 апреля 1391 г.], султан Турана Тимур-бек поднялся с тремя сотнями тысяч войска за ислам на булгарского хана Токтамыш-хана. Достигнув этой местности, он возвел этот курган, чтобы был памятный знак. Даст Бог, Господь да свершит правосудие! Господь да окажет милость людям страны! Да помянут они нас молитвой!»

Черный необработанный камень (80 × 40 см) с надписью Тимура, обнаруженный в 1935 г., годом спустя оказался в Эрмитаже[18].

18 июня 1391 г. состоялась грандиозная битва при небольшой речке Кондурча с заросшими ивняком берегами[19]. Силы были примерно равны: на сравнительно небольшом поле сошлись около 500 тысяч воинов (участников Куликовской битвы было, по крайней мере, на порядок меньше)[20]. Вспомним также, что при каждом из воинов-степняков должно было быть три лошади, что армии гнали скот для прокорма… «Взвившаяся в небо пыль от копыт закрыла солнце, смешались небо и земля, а река Кондурча стала красной от крови». Токтамыш был разбит. В 1394 г. на реке Терек войско Токтамыша было окончательно разгромлено, а главные города ордынцев сожжены и разграблены. В число трофеев в результате попал и знаменитый «Коран ‘Усмана», отправленный

[19] Ныне — Кошкинский район на севере Самарской области РФ. Точное место битвы не установлено.

[20] Крайняя на сегодняшний день оценка принадлежит руководителям современных археологических экспедиций на Куликовом поле. По их мнению, Куликовская битва была конным сражением, в котором с обеих сторон приняло участие около 5–10 тысяч человек, что подтверждается размерами поля битвы (два километра при максимальной ширине восемьсот метров), которые были установлены с помощью современных технических средств.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

в 1243 г. египетским султаном Байбарсом золотоордынскому хану Берке вместе с письмом о вступлении в подданство и подчинении. Рукопись, олицетворявшая власть Бахридов над мамлюкским Египтом и власть правителей Орды, стала символом власти Тимуридов[21].

Для нас важно, что именно Тимур нанес смертельный для Золотой Орды удар, от которого она так и не смогла оправиться. Именно на берегах Кондурчи и Терека решилась судьба не только Золотой Орды, но и будущей столицы России. Однако для окончательного обретения независимости потребовалось еще почти сто лет (стояние на реке Угре 1480 г.).

Тимур на строительстве мавзолея. Картина с экспозиции Историко-культурного этнографического центра в г. Туркестан. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

Вернувшись домой в 1397 г., в честь победы над Токтамышем Тимур приказал воздвигнуть там, откуда начинался поход, в самом сердце Великой степи, над могилой Ахмада Йасави грандиозный мавзолей, призванный навсегда запечатлеть величие и силу его государства. Им двигали и вполне прозаические причины, среди которых, возможно, важнейшей являлась потребность обезопасить свой тыл от набегов «полупокорных сырдарьинских степняков, <…> польстить чувствам кочевников вниманием к их национальной святыне, подчеркнуть единство народов, исповедующих ислам, воздействовать на впечатлительного номада грандиозностью замысла»[22].

Могучие стены мавзолея Йасави.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

[21] Подробнее см.: E. Rezvan. “The Qur’ān and Power in Russia. I: Manuscript”, *Manuscripta Orientalia* XIV/2 (2008). P. 21–27.
[22] Массон. *Мавзолей*. С. 4.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Я хочу привести здесь целиком фрагмент непревзойденного анализа памятника, принадлежащий перу Михаила Евгеньевича Массона (1897–1986) — выдающегося советского археолога и историка-востоковеда: «У созданного могучего мавзолея по плану и замыслу нет преемников в Средней Азии. Он уникален. Но в его вознесшейся мощной громаде за традиционными формами, выработанными искусством ислама, невольно чувствуются отголоски созвучных эпохе настроений, почерпнутых, быть может, не случайной интуицией из царственного стиля Персии эпохи Сасанидов и архитектуры императорской Византии. Дворцы Ктесифона и Фирузабада нашли свое отражение в характерной форме плана в виде буквы П; грандиозный свод аудиенц-залы сасанидских царей (Так-и-Кесра) — прообраз величественного портала.

Более четко проявилось влияние Византии, где существовавшая еще в сасанидской Персии идея воплощения в архитектуре “единства царя небесного и единовластия земного государя” расцвела и нашла пышное выражение в константинопольском храме Святой Софии, отстроенном в 537 году. Зависимость от этого мирового памятника, определившего на много веков в значительной степени архитектуру не только православного Востока, но и мусульманской Турции, в мавзолее Ходжа Ахмеда настолько ясно выражена, что его с полным основанием можно именовать среднеазиатской Айя-Софией.

Мавзолей Ахмада Йасави.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

Н. И. Веселовский. Мавзолей Ахмада Йасави. Фотоотпечаток, 22,4 × 28,0 см., 1871–1872 гг. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН, № Q.135.18.
С любезного разрешения института

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Такое же сосредоточенное расположение всех помещений около средней части, которая перекрыта большим куполом. Меньшие купольные покрытия боковых частей не нарушают доминирующего значения

Святая София.
Прорисовка по фото 2010 г.

середины. Явственное расчленение боковых частей на шесть отдельностей. Случайно, вероятно, места и число лестничных клеток находятся в соответствии с константинопольским храмом, но не случайным совпадением, а самым характером здания определены два этажа боковых частей, которые в отличие от Святой Софии отделены от центрального помещения не колоннадами, а сплошными стенами с дверными отверстиями внизу, что обусловливалось иным назначением этих комнат»[23].

[23] *Там же*, с. 12.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

…Заснеженная южная степь совсем не похожа на тундру. Здесь во всем чувствуется временность снега. Мы выезжали затемно. Как только я открыл двери гостиницы, раннее холодное и неприветливое утро пахнуло зимой, но уже через пару часов ненадолго появилось солнце, и в воздухе, в самом разливе громадного купола неба над степью явственно проявилась весна.

Верблюды неподалеку
от мавзолея Ахмада Йасави.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

Дорога — частью разбитая, частью прекрасная. Вдоль старого шоссе М 39, а иногда и прямо по его полотну идет строительство новой трансконтинентальной магистрали, призванной связать Китай и Западную Европу. Объезды по обочине, порой довольно затяжные, заставляют нашу старенькую «Волгу» плясать в разбитой колее.

В 1939 г., когда Япония захватила все китайские порты, правительство Гоминьдана попросило СССР построить автомобильную дорогу, которая пролегла примерно по маршруту северного Шелкового пути. Трехтысячекилометровая дорога начиналась от железнодорожной станции Сары-Озек и шла до Ланьчжоу. Когда годом спустя Англия по требованию Японии закрыла Бирманскую дорогу, это шоссе, спроектированное и построенное советскими инженерами в рекордные сроки, стало для Китая «дорогой жизни». В начале двухтысячных была введена в строй первая Транскитайская автомагистраль (от порта Ляньюньгань на побережье Желтого моря до КПП Хоргос на казахстанско-китайской границе)[24], которая частью пролегла вдоль прежней «советской дороги». Вскоре было принято решение продолжить новую трассу общей протяженностью 8,5 тыс. км по территории Казахстана и России. Строительство должно быть закончено в 2018 г. Современный большегрузный автомобиль будет проходить этот путь всего за десять суток (сейчас через Суэцкий канал грузы из Китая идут в Европу полтора месяца).

В 1867 г. практически этой дорогой прошел выдающийся русский живописец Василий Верещагин (1842–1904), отправившийся из Петер-

[24] См. выше, с. 82–83.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

бурга в Ташкент. Его путь лежал через Самару, Оренбург, Орск, Казалинск, Перовский, Джулек, Яны-Курган, Туркестан и Чимкент. Сохранился его путевой альбом. Я смотрел в окно, за которым дождь со снегом рисовали размытую черно-белую картинку, и вспоминал походные зарисовки художника, сделанные как раз в этих местах. «Я учился на Востоке, потому что там было свободнее, вольнее учиться, чем на Западе. Вместо парижской мансарды или комнаты Среднего проспекта Вас[ильевского] острова у меня была киргизская палатка, вместо “островов” или Meudon — снеговые горы, вместо натурщиков — живые люди, наконец, вместо кваса и воды — кумыс и молоко! Я настаиваю на том, что я учился в Туркестане и на Кавказе. Картины явились сами собой,

я не искал их. Везде — и в Туркестане, и в Индии — этюды знакомили со страною, учили меня — результатом явились картины, созревшие гораздо позже»,[24] — писал художник.

Рисунки из путевого альбома В. В. Верещагина, 1867 г.
Старая крепость по дороге из Чимкента в Ташкент.
Мечеть в городе Туркестане.
Казахские кибитки.
Во дворе дома Верещагина в деревне Ходжагента.
Источник: *Туркестан. Этюды с натуры В. В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора на высочайше дарованные средства*. 26 листов с 106 рисунками (СПб., 1874). МАЭ, № И–674

[24] Цит. по: А. К. Лебедев. *Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество* (М., 1958). С. 63.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

У Сталина в Старом Икане.
Фото Н. В. Николаева, май 2011 г.

И. Е. Репин. Портрет генерала А. К. Гейнса.
1896 г. 115,8 × 93,6 см. Холст, масло.
Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан (Казань).
С любезного разрешения музея.
В 1867–1868 гг. Гейнс воевал в Туркестане, где познакомился с В. В. Верещагиным и стал его другом и доверенным лицом

…Гигантские асфальтоукладчики, арками вытянувшиеся во всю ширину будущей трассы, громадные грузовики и катки, величаво катившиеся то справа, то слева, но всегда много выше нас, превращали нас в лилипутов.

В преимущественно узбекском поселке Старый Икан, что приблизительно в тридцати километрах от Шимкента, всем показывают местную достопримечательность — памятник Сталину, один из двух, сохранившихся на постсоветском пространстве. Памятник, как и бывшее здание сельсовета, теперь в частных руках. Рассказывают, что после XX съезда, когда двухметровую цементную статую распорядились снести, местные ветераны воспротивились этому, и дело так и не было доведено до конца.

Сталин, свежевыкрашенный серебрянкой, гордо стоял, заложив правую руку за борт шинели. Он пережил и еще одну попытку сноса, в 1983 г., и акт вандализма, когда местный парень в пылу спора снес камнем генералиссимусу пол-лица. Сельский умелец отреставрировал памятник по старой фотографии. Сюда теперь приходят в День Победы, а местные молодожены — в день свадьбы. У всех в округе обязательно есть семейные фотографии «со Сталиным», а умелец-реставратор получил из Грузии удостоверение члена общества «Защитим Сталина» и «Орден Сталина» от казахстанских коммунистов.

Ближе к городу дорога становится много лучше. На горизонте появился громадный бирюзовый купол мавзолея, потом снова исчез. В качестве своеобразного путеводителя я захватил в поездку «Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан», принадлежащий перу русского офицера Александра Константиновича Гейнса (1833–1893), впоследствии генерал-лейтенанта, действительного статского советника, градоначальника Одессы, казанского генерал-губернатора и автора первоначального варианта «Правил по управлению степными областями» (1891), члена Русского географического общества и Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В Публичную библиотеку он передал интересную коллекцию восточных рукописей. Каталог персональной выставки Верещагина, с успехом прошедшей в 1874 г. в Санкт-Петербурге, включал и его «Очерк Туркестана»[25].

Я открываю книгу: «25-го августа. <…> Переехав через какой-то ручей или очень большой арык, мы подъехали к последней станции перед Туркестаном. Каратау стал ясно виден, отчего степной ландшафт

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

потерял свой утомляющий вид и заменился превосходным горным ландшафтом.

По прозрачно-синему цвету гор бежали темные ущелья, рисовались более светлые выступы с черными по бокам промоинами. Слава Богу! Мы опять приближаемся к горам! Далеко около них затемнели сады Туркестана, которых зелень группами оттенялась на светлой степи с сожженной на ней травою. Около дороги показались бахчи. Впереди поднялась высокая арка и купол знаменитой туркестанской мечети, или так называемого Азрета. Как все это приятно действует на глаз, привыкший к однообразию степи! Будто подъезжаешь к Парижу; такое чувство удовольствия испытал по крайней мере я, подъезжая к Туркестану. Оживленный вид увеличивался по мере движения вперед. По дороге сновали всадники на ослах, лошадях и верблюдах. Немазанные арбы, запряженные в одну лошадь, на которой сидел человек, везли в город джумурчку (клевер), арбузы, мешки с пшеном…»[26]

На дороге — все больше машин, у первого светофора — пробка. Дорогу переходит группа хохочущих девушек. Справа — Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Йасави. Как рассказывают коллеги, он прекрасно оборудован, у медицинского факультета — самая современная лечебная база. Сюда собираются приглашать ведущих мировых хирургов для проведения показательных операций. Заключен договор о сотрудничестве с военно-медицинской академией «Гульхане», важнейшим медицинским центром Турции.

«Выехав из базара и проехав еще несколько извилин, в которых из ворот выглядывали ребятишки, захлопывающие двери при нашем приближении с криком “Урус!” — мы подъехали к цидатели, из-за которой выглядывал Азрет со своим странным фасадом и грациозными куполами»[27].

Н. М. Бачинский. Мавзолей Ахмада Йасави (вид с Востока). Фотоотпечаток, 11,3 × 8,5 см. 1920-е гг. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН № Q.1056.57. С любезного разрешения института

Н. М. Бачинский. Боковой фасад мавзолея Ахмада Йасави (вид с Северо-Запада). Фотоотпечаток, 22,2 × 16,5 см. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН, № Q.290.41. С любезного разрешения института

[25] *Каталог картинам, этюдам и рисункам В. В. Верещагина [с очерком Туркестана А. К. Гейнса]* (СПб., 1894).
[26] А. К. Гейнс. «Дневник 1866 г. Путешествие в Туркестан». *Собрание литературных трудов* (СПб., 1897), II. [Online]. Доступно: http://rus-turk.livejournal.com/258380.html (последнее посещение 10.11.2014 г.).
[27] Там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Могучий мавзолей вырастает на глазах, хочется скорее к нему. Мы долго катимся мимо сувенирных рядов, наконец паркуемся, я выхватываю фотоаппарат и почти бегу: огромное здание в сердце степи — настоящее чудо!

«Большая дверь чрезвычайно мелкой резной работы ведет во внутренность мечети. Первое, что вас поражает, это чрезвычайно грандиозный купол, покрывающий все главное здание. Плафон купола из лепной алебастровой работы сделал бы честь лучшему европейскому архитектору. <…> На средине мечети стоит огромный, баснословной величины, бронзовый котел с рельефными надписями из Корана и другими украшениями. Назначение этой чаши или котла — назовите как хотите — состоит в варении пищи для бедных; котел обставлен со всех сторон бунчуками и знаменами Азрет-султана»[28].

Н. М. Бачинский. Дверь в мавзолей Ахмада Йасави. Фотоотпечаток, 11,4 × 8,4 см. 1920-е гг. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН № Q.1056.60. С любезного разрешения института

В. В. Верещагин. У дверей мечети. 315,5 × 237,5 см. Холст, масло. 1873 г. Государственный Русский музей. С любезного разрешения музея

В. В. Верещагин. Нищенствующие монахи ордена Накшбанди у входа в мечеть в Туркестане. 61,0 × 49,2 см. Холст, масло. 1870-е гг. Бостонский музей изящных искусств. С любезного разрешения музея

Н. И. Веселовский. Главная ниша мавзолея, ведущая в гробницу Ахмада Йасави. Фотоотпечаток, 21,8 × 27,3 см., 1895 г. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН, № Q.135.20. С любезного разрешения института

[28] Гейнс. «*Дневник*».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Верблюды зимой.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

Паломник.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

Бунчуков сегодня нет. Громадный котел стоит во всей своей красе. Внутри здания — несколько узких коридоров, ведущих в помещения-усыпальницы. Под сенью мавзолея покоятся те, кто при жизни вершил судьбы Степи. Выглянув за дверь, я увидел вереницу верблюдов, идущих по снегу: «Через Туркестан проходило ежегодно со всех сторон до двадцати тысяч верблюдов с товарами. Среднюю цену верблюда, нагруженного товаром, полагают здесь во сто червонцев, или около четырехсот рублей»[29] .

Я долго бродил внутри мавзолея и вокруг него. Собираясь уходить, возвращался вновь. Справа от величественного здания внутри стен цитадели предпринята попытка воссоздать квартал средневекового города: «Мы въехали в ворота города по очень плохому мостику, перекинутому через глубокой ров. От них сейчас же начинаются узкие, извилистые улицы. По сторонам их идут глиняные заборы, кое-где поднимающиеся на высоту стены дома. Из улицы небольшие ворота ведут во внутренние дворы, куда уже выходят изо всех комнат двери. Там, где ограда, отделяющая дворы от улицы, становится выше, она составляет стену дома, что можно судить по маленьким окошечкам, пробитым высоко над землей. Изредка в них показывалась головная повязка женщины и сейчас же пряталась назад.

[29] *Там же.*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Кое-где в выступах улицы приютились колодцы с нашими всероссийскими запрещенными журавлями для подъема воды, что стесняло еще более и без того тесную улицу. По улицам бродили правоверные, с огромными белыми тюрбанами на головах, бегали от колодцев полуголые (по пояс) мальчишки с кувшинами в руках. Когда навстречу нам попадались из-за поворота улицы верховой, или верблюд, или арба, наш ямщик громко выкрикивал какие-то зычные междометия, еще громче раздававшиеся между стен улицы. Те спасались в ближайшие переулки или ворота домов и давали, таким образом, возможность проехать нашему тарантасу.

Задевая колесами за стены и присоединяя новую черту к многочисленным следам, оставленным на них арбами, мы добрались до базара, т. е. крытой улицы, по сторонам которой вместо пустых стен расположены лавки. Здесь висели на железных крючьях только что зарезанные бараны, стояли в лавочках самовары, продавались фрукты, производились всякого рода мастерства. Мальчишки и торгаши кричали и шумели, верблюды ревели, всюду был гам, шум и гвалт»[30].

Базар, мясная лавка.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.

Улочка восстановленного квартала у стен мавзолея.
Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

Я стоял на узкой средневековой улочке, представляя, как все выглядело здесь сто, двести, триста лет назад. В масштабе городской улицы величественное здание мавзолея становится едва ли не космическим.

[30] *Там же.*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Пора было уезжать. В сувенирной лавочке на память о поездке я долго выбирал четки. Они висели на растяжке рядом с живописным прилавком с калошами всех возможных размеров.

В сувенирной лавочке неподалеку от мавзолея Ахмада Йасави. Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2012 г.

На обратном пути, еще практически в черте города, мы остановились у придорожного кафе. Молоденькая веселая официантка пошла выполнять наш заказ, а я опять открыл книгу: «Дом, часть которого нам теперь отвели, построен русскими уже после взятия Туркестана. В садике кипел самовар и молодая, прилично одетая дама, жена священника, как нам после сказали, разливала чай нескольким офицерам. Мы пристроились к столу»[31].

В восточном доме русских офицеров принимали на местный лад: «Низенький стол был накрыт вышитою азиатскою салфеткой, на которой стояли подносы с фисташками, кишмишем, леденцами, виноградом, зернышками от абрикосов, дынями и арбузами. Подали чай в полоскательных небольших чашках. Вслед за тем принесли блюда с пельменя-

[31] *Там же.*
[32] *Там же.*
[33] Как часы, чьи стрелки стирают
С циферблата прошедшие минуты.
И мир — как яблоко,
Беззвучно вращающееся в космосе,
Как круги, которые ты обнаруживаешь
В ветряных мельницах своего сознания.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ми, сильно посыпанными перцем, и пилавом. И то и другое было очень вкусно»[32].

В нашем кафе был и Восток, и Запад одновременно. Пока я читал, улыбчивая официантка успела два раза подряд поставить Стинга:

Like a clock whose hands are sweeping
Past the minutes of it's face
And the world is like an apple
Whirling silently in space
Like the circles that you find
In the windmills of your mind![33]

Ностальгическая и грустная "The Windmills of Your Mind", написанная Аланом и Мэрилин Бергман в сотрудничестве с Мишелем Леграном еще в 1967 г.:

When you knew that it was over
You were suddenly aware
That the autumn leaves were turning
To the color of her hair![34]

Обратно было ехать уже не так интересно. Малый хадж состоит из трех этапов: Сайрам (16 км от Чимкента, могилы родителей Йасави), Арыстан-баба (в поселке Шаульдер, на месте древнего Отрара, где могила его духовного наставника Арслан-баба) и собственно Туркестан. Было ясно, что в Сайрам и Арыстан-баба мы уже не поспеваем. В теплой машине слипались глаза. Я было заснул и даже начал видеть сон, в котором я плыл по Неве мимо своего дома, стоя на громадной и скользкой льдине и балансируя, чтобы не упасть в ледяную воду.

— ...Казыгурт в следующий раз... — Я проснулся от слов коллеги, сидевшего сзади. Тот по моему осоловевшему лицу понял, что я, наверное, не расслышал его слова.

— В следующий раз еще на Казыгурт поедем. Гора километрах в 40–45 от Чимкента в сторону Ташкента. Недавно там поставили памятник «Нұх пайғамбар кемесі» — «Ковчег Ноя».

В Сайраме мне удалось побывать только спустя год.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2013 г.

[34] Когда ты понял, что все кончено,
Ты внезапно осознал,
Что осенние листья приобретали
Цвет ее волос!

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Я оживился, вспомнив, что читал когда-то о «Туркестанском Арарате», описанном еще В. И. Массальским (1859–1932)[35]. Вместе с двумя пещерами Коныр аулие, в которых я недавно побывал, эти места связываются народным преданием с легендой о Всемирном потопе и Нухе (Ное)[36].

Великая степь сохраняет и помнит своих богов. Святые места, расположенные на древних торговых путях, переходили от одного народа к другому, но религии, сменяя друг друга, частью сохраняли и прежние названия, и ритуалы. Здесь сегодня рядом стоят мавзолей Йасави и памятник Сталину. И туда и туда приходят молодожены, и туда и туда ходят поминать ушедших. «Народом всех богов» как-то в разговоре со мной назвал жителей Степи петербургский художник Азат Минекаев. Что ж, он прав, Великая степь действительно земля всех богов.

Мавзолей Ахмада Йасави.
Гравюра Лапланта по рисунку Тайлора.
Отдельный оттиск 13,0 × 18,0 см.
1890-е гг. Частное собрание.
С любезного разрешения владельца

«Только поклонившись святому Хазрету в Туркестане, посетив Самарканд и взошедши на Сулейман-тау, правоверный может закончить свой подвиг поклонением Каабе в Мекке»[37], — писал русский исследователь в 1887 г. Гигантским бастионом, крепостью веры стоит в Степи

[35] См.: *Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей.* Том XIX. Туркестанский край. (СПб., изд. А. Ф. Девриена, 1913). С. 415. Я искренне благодарен коллеге Н. Мынбаеву, приславшему мне в этой связи текст своей статьи «Легенда о Казыгурте — миф или истина?».

[36] См. выше, с. 224–228.

[37] А. В. Симонов. «В предгорьях Алая». *Сборник сведений о Средней*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

сложенный на века мавзолей Ахмада Йасави. Для русских — это памятник походу, положившему решительный конец власти Орды над Москвой. Образ чаши, заложенный одним из основных в *тай-казане*, издавна выражал идею собирания, символизировал духовное просветление, знание, искупление грехов и бессмертие. Основатель «аналитической психологии» Карл Юнг рассматривал чашу как символ стремления человека найти собственный центр.

Я смотрел на древние стены мавзолея, подобно раковине скрывавшие *тай-казан*, и думал о том, как правильно все сложилось. Замечательно, что *тай-казан* и карсакпайская надпись Тимура, так же как и «Коран ‘Усмана», некогда захваченный Тимуром в Орде и возвращенный мусульманам Лениным[38], были привезены в Петербург–Ленинград, тщательно описаны, изучены, введены в научный оборот, поняты, как имеющие самое непосредственное отношение к историческим судьбам России. Замечательно, что *тай-казан* и «Коран ‘Усмана» вернули назад, знаменуя тем самым связь наших культур и традиций. Замечательно, что главной картиной «русского ориентализма» стало знаменитое полотно «Двери Тимура» (1872–1873), созданное Верещагиным под впечатлением от посещения мавзолея Ахмада Йасави и хранящееся ныне в Государственной Третьяковской галерее в Москве. В конце концов, в ночном небе над Евразией от века парит древнее созвездие Чаши, как образ и символ судьбы, общей для всех нас.

В. В. Верещагин. Двери Тимура.
213,0 × 168,0 см. 1872 г. Холст, масло.
Государственная Третьяковская галерея.
С любезного разрешения музея

Азии и Русском Туркестане. Статьи неофициальной части Туркестанских ведомостей. 1887 г. (Ташкент, 1889). № 1–51. С. 3–4.

[38] См.: Rezvan. “The Qur’ān and Power”.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

***

Ближе к городу заехали на маленький базарчик купить курт («катышек» или «колобок» по-казахски), степное чудо, которым можно удивить и порадовать друзей дома. Казахский курт — это твердый сыр в белых и коричневатых (если он подкопчен) катышках диаметром три–пять сантиметров, сделанный из спрессованного и высушенного на солнце створоженного кислого молока с добавлением соли. В Средней Азии его издревле брали в дорогу купцы и паломники, пастухи и воины. Курт практически не портится, ведь по существу это концентрат молока с естественным консервантом — солью. Он очень калориен[39], помогает легче переносить жару, его можно развести в горячей воде и сварить густой суп, можно есть с хлебом, использовать как соленую приправу к свежим овощам. Подобный продукт есть у многих степных и горных народов, в Аравии времен Пророка делали, например, твердый сыр *акыт*, но у каждого народа он свой. Отличается и закваска, и исходное сырье — молоко, которое может быть кобыльим, верблюжьим или даже, как в Армении, буйволиным. На базаре мы купили кило белых шариков, взяли несколько бутылок местного пива. Курт к нему — прекрасная закуска.

Приготовление курта.
Фото Т. М. Федоровой.
Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

[39] Около 260 ккал в 100 г.
[40] Зийа ад-Дин Нахшаби. *Книга попугая.* С. 193.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Вечерело, «ткачи небесного свода убрали в сундук Запада золотую ткань-солнце, и подмастерья небосклона принесли из мастерской Востока белый шелк-месяц»[40]. Мы, правда, этого не видели: перед Чимкентом снег сменился на дождь. Дворники на старой «Волге» едва управлялись с хлопьями грязи от впереди идущего грузовика. Я вбивал в телефон имена и названия мест, когда аппарат наконец заработал. Пришло несколько эсэмэсок, последняя, с адресом на YouTube[41], была от нее. Я кликнул по ссылке и вставил наушники:

Приезжай.
Мне тебя сегодня хочется целовать
Долго-долго. Медленно. А еще —
Тихо-тихо, глядя в глаза, говорить слова,
От которых потом тревожно и горячо.

Приезжай. Заварим чаю, нальем вина —
Водки-виски — что ты сегодня пьешь?
Приезжай — и к черту страны и времена —
Солнце-снег-холодненький этот дождь…

Ну, какая разница — что там —
апрель-февраль? —
Ветер-вечер-вечность-закат-прибой…
Мне до слез, до глупых истерик жаль
Каждый миг — убитый — прожитый — не с тобой…

Мне тебя сегодня хочется… Боже мой! —
Не могу я с тобой о будничном и простом…
Приезжай, пожалуйста, просто побудь со мной.
И — плевать, пожалуй, что будет со мной потом[42].

Пулково. Встреча.
Фото Т. М. Федоровой, 2015 г.

[41] http://www.youtube.com/watch?v=sLITNIZhoXY.
[42] Стихи Юлии Вергилевой.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

***

Самолет долго набирал высоту. Густое молоко облаков где-то за горизонтом было подсвечено упавшим солнцем. Старую добрую «ТУшку» обслуживал тот же экипаж, что был на рейсе Санкт-Петербург — Чимкент.

— Опять с нами? — сверкнула яркими серыми глазами бортпроводница в щегольской, ладно подогнанной униформе. Зеленый томик «Тути-наме» сам открылся на «Рассказе о царевиче, семи визирях и несчастье, постигшем царевича из-за девушки»:

Нахшаби, искусны жены в выдумках коварных,
Вырывайся из оков их поскорее, брат!
С головы и до хвоста полны все змеи яда:
Жены все полны обмана с головы до пят[43].

Раннее утро в Пулково встретило влажным колким холодом, изморозью и туманом. Телефон в кармане звякнул эсэмэской, «но рассвет, казалось, был еще жаднее ее, тотчас же поднялся дневной шум, утро показало свой лик, и идти уже было невозможно…

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать,
Всем влюбленным утро — враг ужасный»[44].

Я сел в такси, назвал водителю домашний адрес и отключил телефон, зазвонивший было вновь.

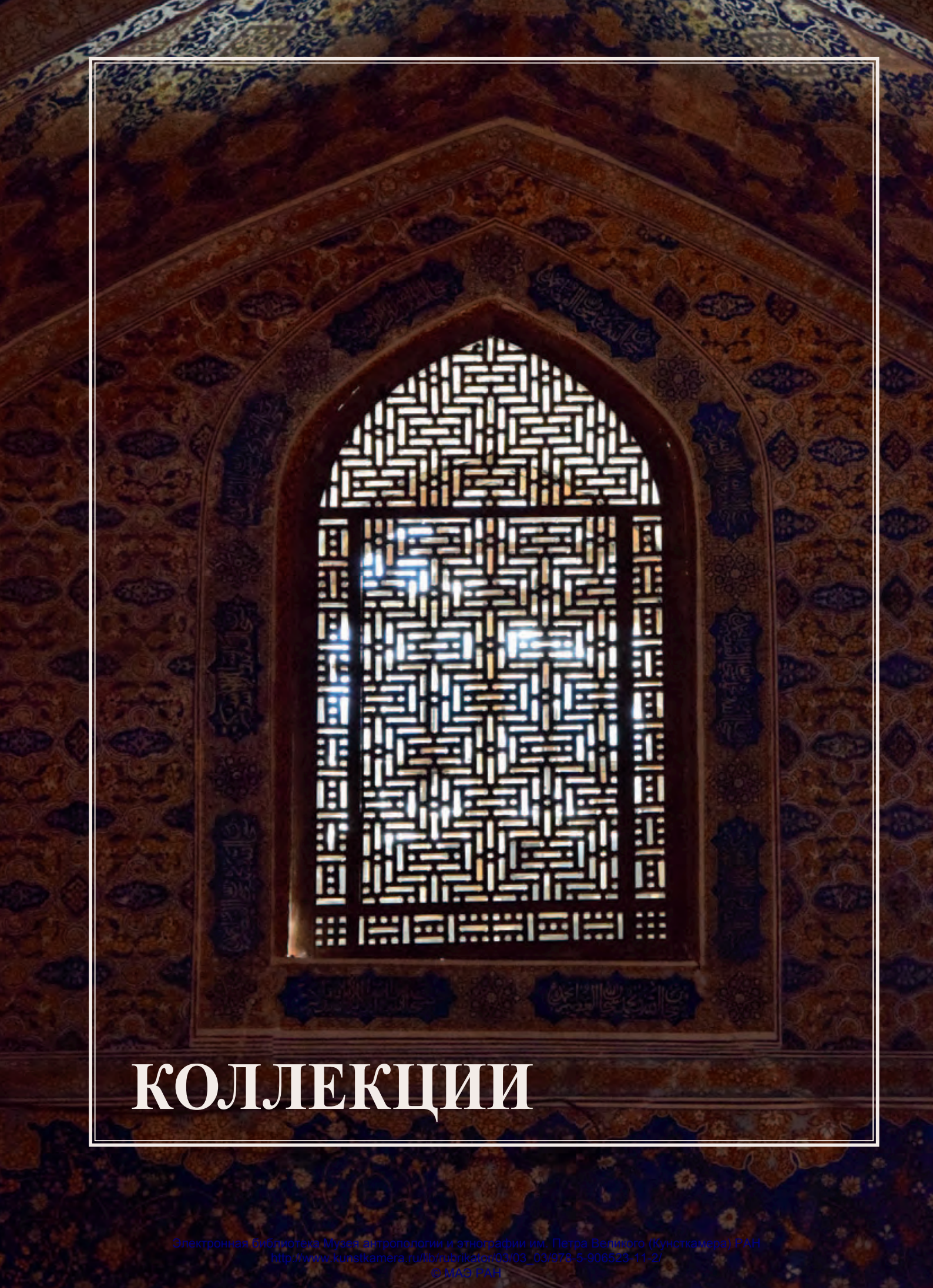
Отражение. Центр Помпиду, Париж.
Фото Е. А. Резвана, 2012.

Мокрая зима. Петербург.
Фото Т. М. Федоровой, 2014 г.

[43] Зийа ад-Дин Нахшаби. *Книга попугая*. С. 78.
[44] *Там же*, с. 165.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН



КОЛЛЕКЦИИ

Электронная Библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

К ИСТОРИИ КАЗАХСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ МАЭ

История сложения коллекционного собрания МАЭ по культуре и этнографии казахов неразрывным образом связана и с историей России, и с историей Казахстана XVIII – начала XX в. Эти коллекции музея — свидетельство как напряженной собирательской работы, которая на протяжении многих лет велась российскими учеными, так и плодотворного взаимодействия музея с многими представителями казахской интеллигенции. После знаменитых «музейных указов» Петра, предписывавших передавать в Кунсткамеру «все, что зело старо и необыкновенно», наш музей собирала практически вся страна.

Цель настоящего очень краткого обзора — представить наиболее интересные, на мой взгляд, коллекции казахского собрания МАЭ (свыше 1100 единиц хранения). Особенность этого собрания состоит в том, что в нем представлены коллекции, связанные с этнографией самых различных локальных групп казахов, живших как в пределах Российской империи, так и за ее рубежами. Исследование казахского собрания продолжается, готовится публикация развернутого и богато иллюстрированного каталога[1], который, как я искренне убежден, позволит увидеть много интересного и в коллекциях, не упомянутых в настоящем обзоре.

I. Предметные коллекции

Как мы видели, первые экспонаты с территории современного Казахстана оказались в Кунсткамере (точнее — в Кабинете Петра Великого) уже в 1716 г.[2] Труд Осипа Беляева (1800 г.) подробно описывает восковую фигуру казаха (по старой терминологии, «киргиза») в национальном костюме, которая стояла на экспозиции, и дает краткие сведения по традиционной мужской и женской одежде казахов[3]. Первый хранитель музея Федор Карлович Руссов (1826–1906) упоминал поступление в 1806 г. в музей «киргизской шапки», а в 1856 г. — предметов по этнографии казахов от академика Л. И. Шренка[4].

В 1886 г. Григорий Ефимович Грум-Гржимайло (1860–1936), известный географ и путешественник, привез для Этнографического музея РГО[5], собрания которого были переданы в МАЭ, коллекцию посвященную быту казахов[6] (*рис. 1–3*). В 1891 г. из РГО в МАЭ поступила коллекция от Чингиза Валиханова[7], отца казахского ученого-просветителя Чокана Валиханова. Из этой коллекции сохранились лишь кожаные ножны, украшенные металлическими пластинами[8] (*рис. 4–6*).

В 1899 г. в ходе передачи коллекций из РГО в МАЭ поступила небольшая коллекция предметов быта и оде-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 2. С. М. Дудин. Железный шлем, барабан без перепонки и сосуд для кумыса. Фотоотпечаток, 16,5 × 23,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–289

Рис. 3. С. М. Дудин. *Торсык* — кожаный мех. Фотоотпечаток, 5,0 × 11,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–490

Рис. 1. Сосуд для кумыса (*торсык*) из конской кожи, секирообразной формы, с заостренными рогообразными боковыми выступами. Основание овальное, орнамент тисненый, геометрического характера. Горловина высокая, оправлена металлом. По бокам горловины расположены металлические скобы с кольцами, куда продет шнурок из конского волоса для подвешивания сосуда. Высота 27,0 см; ширина по боковым выступам 19,5 см; диаметр дна 10,3 см; диаметр горловины 3,5 см. Кожа лошади, волос конский, металл. Выделка кожи, тиснение, шитье, клепка. Центральная Азия. Собиратель Г. Е. Грум-Гржимайло, поступление 1886 г. МАЭ РАН, № 781–2. Фото С. Б. Шапиро

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 4. Ножны (*қынап*) без ножа. Выкроены по форме лезвия ножа, повторяя выемку в носовой его части. Места сшива ножен соединены для прочности и украшения металлическими штампованными бляшками. Из полос боковой кожаной обшивки на конце ножен образуется небольшая кисточка. Петля для крепления ножен на поясе сделана из той же кожи, пришита к ножнам и украшена такими же металлическими бляшками. Верхняя часть ножен обшита куском шагреневой кожи. Всего бляшек 13 шт. (шесть на петле; одна на верхней части ножен, крепит шагрень; шесть на ножнах). Общая длина 42,0 см; длина ножен 26,0 см; охват вверху 9,0 см; охват в средней части 8,5 см; охват в нижней широкой части 6,5 см. Кожа, металл, бронза. Выделка кожи, шитье, штамповка. Казахстан, Акмолинская обл., Кокчетавский уезд, последняя четверть XIX в. Источник поступления: Императорское Русское географическое общество. Собиратель Чингиз Валиханов, поступление 1891 г. МАЭ РАН, № 618–1. Фото С. Б. Шапиро

Рис. 6. Мужчины в традиционных костюмах (фрагмент)

Рис. 5. С. М. Дудин. Мужчины в традиционных костюмах. Фотоотпечаток, 17,0 × 23,5 см, 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–72

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 7. Пояс кожаный (*кисе*), из дубленой кожи, с прикрепленными к нему на кожаных ремешках сумкой (438–4b), двумя идентичными кожаными подвесками (438–4c, 438–4d) и ножнами (438–4f). Пояс изготовлен из желтой кожи, украшен тисненым орнаментом. На концах пояса — серебряные с чеканным орнаментом накладки: одна из них имеет крючок, на который застегивается пояс. Крючок закрепляется за круглые отверстия в поясе, обрамленные с двух сторон пояса серебряными розетками. Сумка из тисненой желтой кожи (438–4b) была прикреплена к поясу на двух ременных подвесках. Сумка состоит из двух отделений: меньшего внутреннего и большого наружного. Края сумки окантованы зеленой шагренью. Две идентичные кожаные подвески (438–4c, d), стилизованные под дробовицы, подвешены на ремешках длиной 15,0 см. Подвески имеют округлую форму, заостренную книзу и вытянутую в длинное узкое горло сверху. Сделаны они из коричневой тисненой кожи, окантованы зеленой шагренью. Ножны выполнены из той же коричневой кожи, украшены тиснением и аппликацией из зеленой шагрени, а также кожаной подвеской в виде кисти. 438–4a: длина (общая) 173,0 см; ширина (пояса) 3,0 см.; 438–4b: длина (наружной сумки) 24,0 см, ширина (наружной сумки) 16,0 см, длина (внутренней сумки) 19,5 см, ширина (внутренней сумки) 13,5 см.; 438–4c, d: длина (общая) 18,0 см, длина (круглого тела подвески) 10,5 см, длина (горла подвески) 5,5 см; ширина (круглого тела подвески (наибольшая) 10,5 см; 438–4f: длина 19,0 см; ширина (наибольшая) 2,3 см. Кожа коровы домашней выделанная, шагрень, серебро, нить из растительного волокна, краска. Выделка кожи, сшивание, тиснение, чеканка, крашение. Казахстан, середина XIX в. Источник поступления: Русское географическое общество (от султана области Оренбургских киргизов Мухаммед-Гали Тяукина, через П. И. Небольсина), поступление 1899 г. МАЭ РАН, № 438–1.
Фото С. Б. Шапиро

жды казахов Алтая, в том числе старинный мужской пояс (*рис. 7–8*). В сумку пояса вложена записка собирателя: «Киргизская калта. Ременной пояс[9] с сумкой, ножом и кожаными дробовницами. Доставлена П. И. Небольсиным[10] от султана области Оренбургских киргизов Мухаммед-Гали Тяукина»[11]. Облик этого незаурядного человека сохранен одной из фотографий нашего собрания (см. ниже, *рис. 10*). В этой же коллекции хранится ковш, сплетенный из корней растения, работы алтайских казахов[12]. В 1893 г. от выдающегося тюрколога Николая Федоровича Катанова (1862–1922) поступила небольшая коллекция, собранная среди казахов Семиреченской области[13].

В 1896 г. в МАЭ поступила коллекция казахских предметов от императора Николая II. Эту коллекцию он привез из путешествия по Востоку в 1890–1891 гг., которую совершил в статусе цесаревича[14]. Ниже мы приводим без купюр полный текст того фрагмента связанного с этим путешествием официального издания (это изданные в Лейпциге огромные фолианты, обтянутые кожей, с золотым тиснением), который посвящен посещению Николаем казахского аула близ Омска. Это исторический документ, который при всей помпезности официального изложения передает не только саму атмосферу события, но и множество интереснейших деталей, связанных как с коллекцией, переданной Николаем в МАЭ, так и с эпохой в целом[15]:

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

«Отъезд Его Императорского Высочества государя Цесаревича из г. Омска, для посещения киргизского аула[16], был назначен 15-го июля в три часа дня, так что киргизы могли ожидать Высокого Гостя около четырех часов.

С утра уже все было готово к приему Его Императорского Высочества, и большая часть киргизских депутатов разоделась по-праздничному. Весь путь, по которому ожидалось шествие Высокого Гостя, от пристани, был устлан коврами. Ими же была покрыта украшенная флагами беседка с террасами и все юрты аула (кроме беднейших), причем лучшие ковры киргизы заботливо стлали по пути следования Его Императорского Высочества.

Рис. 8. С. М. Дудин. Два кожаных пояса *кисе* и войлочная вышитая шапка. Фотоотпечаток, 16,5 × 24,0 см. 1899 г. МАЭ РАН, №1199–272

Уже с трех часов дня все возвышенные и выдающиеся места аула были заняты киргизами, нетерпеливо ожидавшими появления парохода. В начале четвертого часа показался пароходный дым на реке Иртыше, со стороны города. Вся находившаяся в ауле масса киргиз собралась на берег и следила за движением показавшегося парохода. Это был пароход с гостями из Омска и дамами омского общества. Потом пришел другой пароход уже не обративший на себя особого внимания степняков, потому что сделалось известным, что Государь Цесаревич изволит пожаловать на третьем пароходе, окрашенном в белую краску.

Как только вдали показался белый пароход, нетерпеливо ожидавший Высокого Гостя народ стал стекаться к берегу. Особенно густые массы киргиз собрались к шпалерам одетых в жалованные халаты и лучшие одежды депутатов. Степняки со вниманием следили за каждым движением украшенного флагами белого парохода и, как только он стал приближаться к пристани, устроенной против аульной беседки, дружное, несмолкаемое “ура”! и “мах-раба”![17] киргизов огласило воздух.

Плавно и тихо подошел к пристани белый пароход “Николай”, которому выпало на долю счастье служить помещением для Государя Цесаревича во время путешествия Его Императорского Высочества от г. Томска, по рекам Оби и Иртышу, до г. Омска. Ровно в четыре часа дня пароход остановился у пристани киргизского аула и Государь Цесаревич, при радостных криках народа, в сопровождении Степного генерал-губернатора и свиты, изволил направиться к ожидавшим Дорогого Высокого гостя инородческим депутациям.

При самом вступлении на берег Его Императорское Высочество соизволил принять и откушать кумыс, поднесенный на серебряном блюде от киргизов Степного генерал-губернаторства старейшим из депутатов Акмолинской области полковником султаном Чингизом Валихановым с ассистентами от Семипалатинской и Семиреческой областей. Затем депутаты от таранчинского и дунганского населения Семиреченской области поднесли Его Императорскому Высочеству хлеб-соль на китайском фарфоровом блюде, покрытом индийской парчой, и благодарственный адрес за принятие таранчей и дунган в русское подданство, после передачи Кульджи Китаю.

Потом Государь Цесаревич направился, между шпалерами депутатов, в декорированную флагами беседку, где собрались прибывшие на первом пароходе дамы, а оттуда на выставку среди киргизского аула.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Юрты были установлены по дуге полукруга, анфиладой, с перерывом посредине. В каждой части было установлено по пяти юрт вместе и по одной юрте отдельно, внутри дуги анфилады. Государю Цесаревичу угодно было начать осмотр с правой отдельной юрты. Это была юрта богатого киргиза Акмолинского уезда Нурмухамета Саганаева, расшитая снаружи цветными сукнами и разукрашенная внутри коврами, парчою и развешенными вокруг юрты киргизскими мужскими и женскими одеждами и шубами.

В этой юрте была представлена Высокому Гостю киргизская невеста в роскошном костюме и "саукелэ" (старинный киргизский головной убор, в виде сахарной головы, вышиною до одного аршина, украшенный серебряными позолоченными бляхами со вставленными сердоликами, нитками кораллов и жемчуга; убор этот, надевавшийся невестою во время свадьбы и молодыми женщинами в первый год замужества, при особенно торжественных случаях, в настоящее время уже выходит из употребления); там же сидело несколько девушек, занятых обычным девичьим рукоделием богатых киргизок (шитьем и разными вышиваньями). В этой юрте, справа, была установлена "саба"[18] с кумысом — непременная принадлежность юрты киргизской богатой хозяйки.

Из этой юрты Государь Цесаревич изволил направиться к месту выставки наружной обстановки киргизского хозяйства. Здесь Его Императорское Высочество осмотрел приготовление киргизских сыров "курт" и "рымчик", копчение кож, из которых киргизы приготовляют посуду для делания, хранения и перевозки кумыса, тканье армячины, доение овец и кобылиц и стадо двугорбых верблюдов. Его Императорскому Высочеству благоугодно было пожелать, чтобы стадо верблюдов было пригнано ближе к месту осмотра. Неуклюжие вьючные животные прошли совершенно близко от Государя Цесаревича и дали возможность более подробного осмотра их.

После прохода верблюдов, Его Императорское Высочество изволил войти в юрту атбасарского киргиза Майрама Джанайдарова[19], в которой были выставлены предметы древнего киргизского вооружения и одежды и три модели киргизских юрт. Кроме кольчуг, шлемов, пик и сабель, луков и колчанов со стрелами — свидетелей несложного героического периода киргизской жизни, в этой юрте были выставлены некоторые интересные исторические памятники: соболья шуба, парчовый пояс и сабля, украшенная ценными каменьями, пожалованные 24 мая 1782 г. Императрицею Екатериной Великой киргизскому султану Валию, по случаю утверждения его в этот день ханом Средней орды, как значится в современной тому надписи золотыми буквами на клинке сабли.

В следующей юрте, — украшенной при входе транспарантом с вензелевым изображением имени Его Императорского Высочества, — была собрана обстановка богатой киргизской семьи. Здесь, кроме обычной "сабы" с кумысом, в средине юрты, на столах, были расставлены блюда с киргизскими яствами. Тут были все лакомства киргизской кухни: вареная баранина — в том виде, как она подается почетному гостю, т. е. блюдо, наполненное самыми вкусными кусками мяса и бараньего жира и увенчанное вареной бараньей головой — непременной принадлежностью почетного угощения. Затем стояли блюда: с "баурсаком" (жаренные в бараньем сале шарики из теста), с "казы" (соленый и копченый брюшной конский жир и мясо с ребром, заключенные в кишку, как колбаса), "каурдак" (жареное мясо, по преимуществу баранье, в жиру), "палау" (вареный рис с бараниной) и чай.

Осмотрев подробно эту юрту, уставленную по стенам сундуками с имуществом, Государь Цесаревич изволил перейти в следующую, где были выставлены предметы и способы киргизской охоты. Юрта была увешена шкурами барсов, рысей, лисиц, архаров, марала, волков и проч. Кроме того, здесь же находилась живая лисица и молодая антилопа-сайга. В этой же юрте были беркуты с колпачками, ястребы, фитильные и пистонные ружья, капканы. Киргизка-мастерица за ткацким станком и узорщик, делающий вырезки из сукон и материй для украшения кошем и юрт, дополняли собой выставленные предметы это юрты.

В следующей юрте были представлены киргизские ремесла: столярное, кузнечное, слесарное и серебряное. Тут некоторые киргизы-мастера удостоились счастья поднести Государю Цесаревичу свои изделия.

В шестой юрте помещались киргизские музыканты, певцы и импровизаторы, которые встретили Его Императорское Высочество приветственными песнями. Государь Цесаревич милостиво изволил выслушать киргизские импровизации и игру на киргизских инструментах: "домбра" — роль балалайки и "кобыз" — род небольшой виолончели с двумя волосяными струнами и кожаной декой.

После этого Его Императорское Высочество осматривал юрту бедного киргиза с его обстановкой. Привязанных жеребят и массы другого скота (непременной принадлежности богатой юрты) при ней, конечно, не было. Разве какая-нибудь коза с козленком, да изнуренная кляча находятся около юрты бедняка, составляя все его имущество! Пищей бедного киргиза служит кашица из поджа-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ренной пшеницы или пшена (“кожэ”), изредка подболтанная козьим молоком, а вместо самовара с чайником бедняк довольствуется чугунным кувшином, в котором кипятится вода и заваривается чай.

Затем Государь Цесаревич удостоил посещения научный и учебный отделы выставки в киргизском ауле. В первой юрте были помещены коллекции музея Семипалатинского областного статистического комитета: 1) этнографическая — в которой были выставлены киргизские изделия: из рога — ложки, “ожау” (ковши для переливания кумыса), “чакча” (рожки для нюхательного табака), кожаные и деревянные с серебряной по железу инкрустацией “торсуки” (сосуды для перевозки кумыса при верховой езде), образцы различных нагаек, музыкальные инструменты, древние и современные киргизские пояса (“ксэ”), оружие: несколько различных “айбалта” (боевых топоров), луки, стрелы, колчаны, пики, “соилы” (боевые палки) и “чакпар” (боевая палка с утолщением на одном конце); 2) археологическая коллекция, состоящая из интереснейших ископаемых находок — орудий и оружия каменного и бронзового веков; 3) зоологическая коллекция, составленная из шкур местных зверей и чучел и полной энтомологической коллекции вполне установленных и расправленных экземпляров с названиями; 4) коллекция произведений киргизских кустарей: разные сорта кошем, армячины (между которыми выделялась тонкая армячина работы семьи киргизов Байбосуновых в Каркаралинском уезде), киргизской одежды и обуви.

После осмотра этой юрты Его Императорское Высочество удостоил принять подносимые лично авторами печатные труда: а) заведовавшего устройством киргизского аула и выставки секретаря Семипалатинского областного статистического комитета надворного советника фон Герна: “Поездка на реку Чу через пустыню Бедпак Дала”, “Поездка в долину озера Иссык-Куль” и “Зоографические заметки по Акмолинскому уезду” и б) старшего чиновника особых поручений при Военном губернаторе Семиреченской области статского советника Пантусова: “Таранчинские песни” и “Несторианские памятники”. В следующей юрте помещалась минералогическая коллекция того же музея статистического комитета (из многих очень характерных ископаемых следов раковин и растений, образцов цветных камней, руд и каменного угля, добываемого в Семипалатинской области).

Рядом с этой коллекцией были помещены минералогические коллекции горнопромышленников Дерова и Попова, причем в коллекции последнего были представлены не только образцы руд, но также образцы предметов и обработки медных и серебро-свинцовых руд с полной постепенностью плавки и очистки — до чистых металлов: меди, свинца и серебра, с бликом последнего в 7 фунтов 30 золотников.

За этими коллекциями следовали работы и продукты производства и хозяйства киргизских сельскохозяйственных школ Семипалатинской области, которые прислали на выставку: сельскохозяйственные орудия, семена сельскохозяйственных растений, образцы сапожных, шорных, валяльных и столярных изделий, главным образом применительных к сельскому хозяйству и киргизской жизни. Особого внимания Государя Цесаревича был удостоен киргизский складной стол работы Павлодарской сельскохозяйственной школы, верхняя доска которого была мозаичной работы из разных пород местного дерева. Зайсанская сельскохозяйственная школа представила, кроме того, образцы шелковичных коконов разных сортов, семена тутового дерева и вензелевое изображение Имени Его Императорского Высочества, составленное из шелковичных коконов по малиновому бархату. Произведения сельскохозяйственных школ Семипалатинской области занимали половину второй и третью юрту этого отдела.

В четвертой юрте помещались произведения Петропавловской, Кокчетавской, Атбасарской и Акмолинской сельскохозяйственных школ Акмолинской области и работы киргизских кустарей этой области, как то: армячина разных сортов, “арканы” (волосяные и шерстяные веревки), принадлежности киргизской седловки, одежды и проч.

Пятая юрта была занята произведениями Семиреченской области: Копальской сельскохозяйственной школы, сыроваренного заведения г. Фетисова (сыры на манер швейцарского), Верненского казенного сада — сушеные яблоки, шелковые коконы и размотанный шелк-сырец белого и желтого цвета.

Затем управляющий Пржевальской сельскохозяйственной школой г. Пухляков демонстрировал свои коллекции: семян полезных и вредных растений Иссык-Кульского уезда, коллекцию древесных пород, произрастающих в этом уезде, и коллекцию волокнистых веществ животных и растительных в необработанном, обработанном и окрашенном виде и образцы коврового производства из местных продуктов.

При выходе из этой юрты Его Императорское Высочество осматривал изготовленную учениками Петропавловской сельскохозяйственной школы модель фермы этой школы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

После этого Государь Цесаревич изволил посетить юрту, в которой были сгруппированы предметы, предназначенные к поднесению Его Императорскому Высочеству от туземцев. Государь Цесаревич милостиво принял подношения киргиз и удостоил расспросами подносивших.

По окончании осмотра выставки Высокий путешественник изволил наблюдать киргизский “кош”, т. е. перекочевку богатой семи со скотом и имуществом на разукрашенных верблюдах и лошадях, а затем и “кош” бедной киргизской семьи на двух-трех “арбах” (киргизских двухколесных скрипучих телегах, запряженных быками и коровами), причем семья юртовладельца помещалась, как обыкновенно, верхом на этих же запряженных животных.

В пять часов Его Императорское Высочество отбыл из аула на том же пароходе “Николай” при громких, долго не смолкавших “ура” собравшейся для встречи Высокого Гостя массы киргизского народа. Отъезжая, Государь Цесаревич удостоил его благодарности за привет и в со-

Рис. 9. На первом плане фотографии, представляющей несколько примечательных предметов из казахского собрания МАЭ, можно увидеть ружье и топорик, подаренные цесаревичу Николаю. Фото С. Б. Шапиро

Подарочное гладкоствольное охотничье ружье (*мылтық*) калибра 13,0 мм с капсюльным ударным замком. Ствол и замок взяты от русского драгунского ружья образца 1828–1844 гг., выпущенного Императорским Тульским оружейным заводом в 1838 году. Ложа, прибор ложи, казенный винт с хвостовиком и декор выполнены кустарным способом казахскими мастерами. Общая длина 115,5 см, длина ствола (без хвостовика) 72,6 см, максимальная высота 13,4 см. Врезная таушировка, резьба контурная, насечка врезная. Подарок цесаревичу Николаю Александровичу (1890 г.), поступление 1896 г. МАЭ РАН, № 313–111

Топор *айбалта* ***с кинжалом***. Длина топора 80,5 см; максимальная ширина лезвия 7,0 см. Сталь, дерево, кожа, серебро. Гравировка, чернение. Подарок цесаревичу Николаю Александровичу (1890 г.), поступление 1896 г. МАЭ РАН, № 313–117

Здесь же представлены ***сосуд для кумыса*** (*торсық*). См. рис. 1

Ножны (*қынап*) ***без ножа***. См. рис 4

Пояс мужской (*кісе*). Подробнее, см. ниже, с. 297–303

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

провождении Степного генерал-губернатора изволил выйти на палубу. Единодушное громкое “ура” киргизов было ответом на эту милость Его Императорского Высочества и радостные крики народа не смолкали до тех пор, пока пароход “Николай” не завернул и не прошел вниз по реке Иртушу мимо киргизского аула.

На другой день киргизские депутации поджидали отъезжавшего Государя Цесаревича в пяти верстах от г. Омска по Петропавловскому тракту. Здесь Его Императорское Высочество по пути осмотрел примерную охоту с беркутами. Сначала была пущена лисица, которую беркут взял очень скоро. Затем другой беркут был пущен два раза на двигавшееся чучело лисицы и каждый раз с большой ловкостью брал добычу. При дальнейшем следовании Государь Цесаревич изволил наблюдать киргизскую игру на конях “кок-бурю”[20], причем киргизы отнимали друг у друга на скаку волчью шкуру. Во время пути Государь Цесаревич удостоил сопровождавших Его Императорское Высочество киргизов разрешения ехать вблизи экипажа и милостиво разговаривал с бесконечно осчастливленными этим степняками».

Рис. 12. Казах, играющий на *кобызе*. Фотоотпечаток 12,0 × 17,5 см. Семиреченская область, 1898 г. Собиратель К. Н. де-Лазари, 1898 г. МАЭ РАН, № 411–22

В 1896 г. все подаренные во время путешествия цесаревича по Востоку предметы были переданы в музеи Санкт-Петербурга. В МАЭ попали 937 экспонатов, 20 из которых имеют казахское происхождение. Помимо образцов традиционного оружия казахов это палочка для подсчета скота и *адал-бакан* (вешалки-подпорки юрты), т. е. те предметы, которые, как было показано[21], помимо своей основной функции имеют ритуальное значение. Напомним также, что Николай принял кумыс от Чингиза Валиханова — «хозяина дома», внука знаменитого на всю казахскую степь хана Аблая, прославившегося в борьбе против джунгар (*рис. 9*).

В 1898 г. корреспондентом музея стал начальник Лепсинского уезда Семиреченской области Константин Николаевич де-Лазари (1869–1930)[22]. Он серьезно увлекся краеведением, состоял в постоянной переписке с главным хранителем МАЭ Д. А. Клеменцем. Присланные им предметные и фотоколлекции составляют ныне важную часть казахского собрания МАЭ. Среди вещей, полученных от К. Н. де-Лазари, были войлоки, ковровые полосы и серебряные ювелирные изделия, головные уборы и предметы культа, детские игрушки и игры для взрослых, материалы для изготовления пряжи и домашних тканей, образцы тканей и ткацкие инструменты, домашняя утварь, оружие, а также музыкальные инструменты, в том числе шаманский *кобыз*[23] (*рис. 10–12*).

Возможно, самое ценное собрание этнографических предметов (88 экспонатов из Тургайской волости Актюбинского уезда и из Сарайской волости Кустанайского уезда, из аула №4)[24], бытовавших в Северо-Западном Казахстане, преподнесли в дар музею казахи Лаикжан Дербисалиевич Биркимбаев и Хасан Шу-Мухамедович Имамбаев, посетившие Санкт-Петербург в 1897 г.[25] К сожалению, информация об этих людях крайне скудна. Согласно музейным документам, казахские гости столицы империи посетили МАЭ и удивились бедности коллекций, связанных с их народом. Годом спустя от этих людей через старшего советника областного Тургайского управления И. Крафта и врача И. А. Белиловского в музей поступило удивительное по богатству и разнообразию собрание: нарядный чепрак под седло невесты и ее праздничная одежда, головные уборы, украшения из серебра, предметы быта, войлоки, циновки, модели юрты, тисненый сосуд из кожи… Настоящую редкость представляли собой *саукеле*, украшенное сердоликом, коралловыми и жемчужными нитями и оцененное музеем в 600 рублей (стоимость 60 хороших коней в то время), и старинный, богато украшенный сердоликовыми вставками, серебром и золотом пояс. По сообщению дари-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

телей, он принадлежал потомку хана Аблая[26]. В отчете МАЭ отмечалось: «Таких вещей, представляющих собой остатки прадедовского состояния, в степи немного, и киргизы не расстанутся с ними ни за какие деньги»[27]. Ввиду ценности коллекции МАЭ ходатайствовал о награждении Л. Д. Биркимбаева серебряной медалью на шею «За усердие» на Станиславской ленте, а Х. И. Имамбаеву выразил письменную благодарность[28].

В том же 1898 г. от Г. М. Осокина, энтузиаста-этнографа, купца и потомственного почетного гражданина г. Кяхты[29], МАЭ получил комплект мужской одежды алтайского казаха-киреевца из Кобдосского округа Западной Монголии[30].

В 1899 г. у перебравшегося в г. Бийск Томской области петербургского фотографа Николая Александровича Ермолина музей приобрел *саукеле* алтайских казахов[31].

В 1902 г. от Льва Семеновича Берга (1876–1950), тогда скромного смотрителя рыбных промыслов на Аральском море и Сырдарье (Казалинский уезд Сырдарьинской области), а в будущем действительного члена АН СССР и президента Географического общества СССР, музей получил в дар коллекцию предметов быта (две деревянные ложки, ткацкий станок для изготовления тесьмы из верблюжьей шерсти, широкую орнаментированную ленту *баскур* с бахромой, сотканную из разноцветных шерстяных нитей и служившую для внутреннего украшения юрты, а также двухструнный музыкальный инструмент, домбру)[32].

В 1907 г. МАЭ приобрел «у сарта М. У. Мусаханова из Ташкента» богато украшенное *саукеле* (Семиреченская область)[33]. В этом же году Геологический музей Академии наук передал в МАЭ предметы, поступившие от пол-

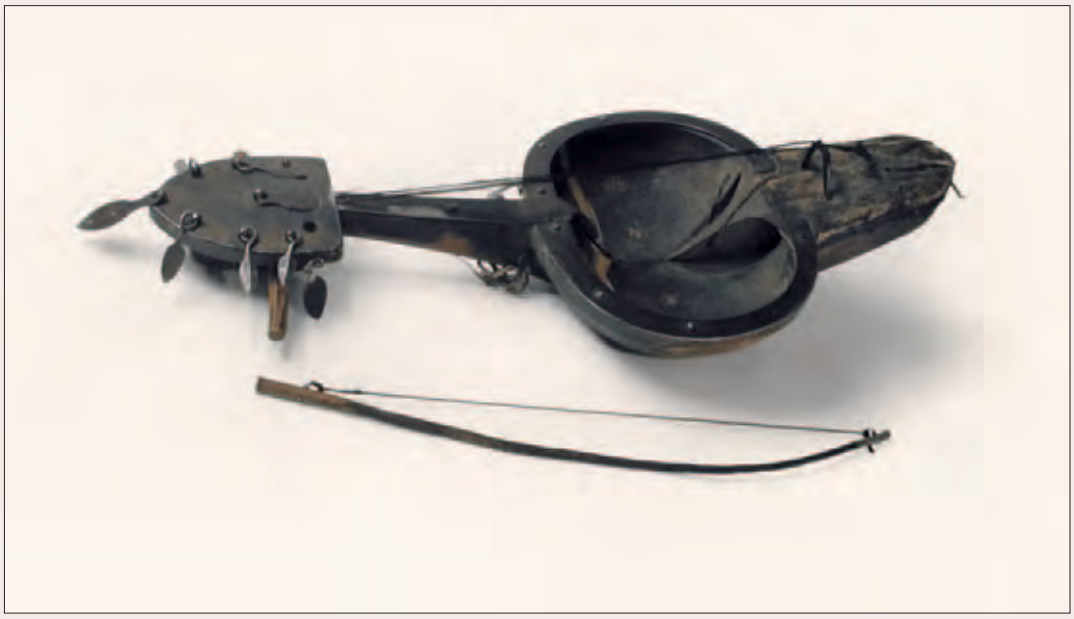


Рис. 10, 11. Инструмент музыкальный (*кобыз*), смычковый, двухструнный. Долбленый резонатор ковшеобразной формы вытянут в нижней части в виде удлиненного полого выступа, который обтянут кожей. Края ковшеобразной части резонатора оббиты железом. Гриф, имеющий сверху головку лопатообразной формы, а снизу форму узкого вытянутого прямоугольника, также сверху оббит железом. В деревянный выступ, расположенный в верхней части *кобыза*, вставлено два колка (по одному с каждой стороны). Две струны из пучков конского волоса (снизу связаны вместе и натянуты с помощью сыромятного ремешка, сверху пропущены в отверстия, находящиеся вверху прямоугольной части грифа). На лицевой стороне лопатообразной головки грифа и по внутреннему краю резонатора прибиты железные колечки, в которые продеты 13 металлических подвесок различной формы и размеров. Снизу грифа — большое железное кольцо с сыромятным ремешком (для подвешивания инструмента). Общая длина 97,0 см, длина резонатора 55,0 см, наибольшая ширина резонатора (вверху) 40,5 см, наибольшая ширина резонатора (внизу) 11,0 см. На оба конца изогнутого деревянного смычка надеты медные, круглые в сечении наконечники длиной 6,7 и 8,5 см. С одной стороны смычка в 1,5 см от края прикреплено металлическое кольцо, к которому привязан пучок конских волос, с другой стороны смычка пучок конских волос продернут в отверстие в палке и закреплен, длина смычка 78,0 см. Волос конский, дерево, медь, железо, кожа. Долбление, обтяжка, обивка, ковка. Семиреченская область, Лепсинский уезд, вторая половина XIX в. От К. Н. де-Лазари, поступление 1898 г. МАЭ РАН, № 411–21ab. Фото С. Б. Шапиро

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ковника корпуса военных топографов Гаспара Аветиковича Насибянца[34], а купец-антиквар Евгений Иванович Александер — сосуд для воды, узкогорлый, сферической формы[35].

В 1908 г. от Петра Евгеньевича Островских (1870–1940), российского этнографа и путешественника (1894 г. — командировка от Академии наук для изучения «туземцев Минусинского края», 1897 г. — поездка в Тоджинский хошун на средства ИРГО), в музей поступили образцы пищи и деревянный резной орнаментированный кумысный ковш казахов Тургайской области[36].

В том же году учитель Хасан-бай из Акмолинской области в 1908 г. передал в МАЭ светильники, а султан Мухаммед Кудаймендин, праправнук хана Семеке, правителя Среднего жуза, годом позднее преподнес домбру из Акмолинской области[37].

1910 г. ознаменовался поступлениями от учителя Нурджакупа Нурсеитова (изделия из кожи, образец казахской вышивки *кесте* и ряд предметов, связанных с занятием скотоводством)[38], от участницы сибирской экспедиции «госпожи Картусовой» (части ковра, мешок для посуды, образцы тесьмы, мера для кумыса, домбра, детский костюм, *аракчин* с перьями филина)[39].

Рис. 14. С. М. Дудин. Образцы резьбы по дереву. Фотоотпечаток, 17,0 × 24,0 см, 1899 г. МАЭ РАН, №1199–277

В 1910-е гг. с МАЭ активно сотрудничал Константин Михайлович Рычков (1882–1923), этнограф и лингвист, в те годы хранитель Семипалатинского музея. От него поступили образцы казахской одежды, ювелирные украшения, предметы конской упряжи, утварь и многие другие вещи[40].

В 1912 г. в МАЭ поступила купленная у барона Г. Крюденера коллекция оружия (стрелы, колчаны, нагайка, всего 44 предмета)[41], определенные как казахские. В 1915 г. военный топограф подполковник Александр Николаевич Картыков (1868–?) из Омска подарил музею другой образец казахского оружия — *айбалта*, — найденный в погребении на реке Саксой Кобдосского округа Монголии[42].

Организация самостоятельных экспедиций для сбора этнографических коллекций, начатая музеем при В. В. Радлове, резко увеличила число коллекций и самым серьезным образом повысила научное качество сборов[43].

Именно эта эпоха связана с именем С. М. Дудина[44] (*рис. 13–14*). От Садвакаса, сына Мусы Чорманова, с которым Дудин активно сотрудничал, музей получил в дар веретено *уршук* для прядения тонких нитей, ложку *ожау* для кумыса, сделанную из единого куска дерева, деревянную ложку, повторяющую форму русской, мужскую шапку *тымак* и табакерку для нюхательного табака[45].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 13. Подпорки для *шаңырақа* юрты (*адалбақан*): 1. Верхняя часть подпорки для *шаңырақа* юрты. Широкая доска с узорновырезанными краями. Верхняя часть оформлена в виде пологой развилки, нижний конец округлый. По бокам две пары рогообразных выступов, вставленных в пазы. *Бақан* декорирован плоско-рельефной резьбой. Орнамент: парные рогообразные завитки в зеркальном отражении, вложенные в круг (три розетки); три круглые розетки с вписанной 8-лучевой фигурой — верхняя и нижняя фигура выполнена в виде 8-лучевой звезды, средняя — в виде 8-лепесткового цветка. Резьба раскрашена. Выпуклые части покрыты черной краской. Цвета фона — красный, зеленый, серый. 2. Нижняя часть подпорки для *шаңырақа* юрты. Широкая доска с узорновырезанными краями. Верхняя часть скошена (отпилена), на верхнюю часть доски набиты три металлических гвоздя (видимо, остатки крепления). Низ доски не обработан резьбой. В верхней части располагалась пара рогообразных выступов, вставленных в пазы. Бакан декорирован плоско-рельефной резьбой. Орнамент: парные рогообразные завитки в зеркальном отражении, вложенные в круг (две розетки); круглые розетки с вписанной 8-лучевой фигурой — одна в виде 8-лучевой звезды, другая в виде 8-лепесткового цветка. Резьба раскрашена. Выпуклые части покрыты черной краской. Цвета фона — красный, зеленый, серый. Длина 143,0 см, ширина доски без выступов 16,0 см. Дерево, краска. Резьба по дереву, окрашивание. Горы Яхши-Нияз, Казахстан, Семипалатинская обл., конец XIX в.
От С. М. Дудина (дар Мусы Чорманова), поступление 1899 г. МАЭ РАН, № 493–13/1, 2.
Фото С. Б. Шапиро

В результате в высшей степени плодотворных поездок 1908–1910 гг. Клавдия Васильевича Щенникова в Петропавловский уезд Акмолинской области и Семипалатинскую область в музей поступило около двухсот предметов (образцы вышивок и орнамента, ткацкие принадлежности, игрушки, серебряные украшения, изделия из рога и кожи, деревянная утварь, одежда, предметы культа, конская упряжь и др)[46]. Персональный вклад К. В. Щенникова в сложение казахских коллекций МАЭ трудно переоценить.

После Октябрьской революции одним из главных источников пополнения коллекций были поступления от частных лиц. Так, в 1920 г. музей получил коллекции от антиквара Расула Мухаммедова, среди которых

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

было *саукеле*[47], в 1925 г. поступила коллекция с образцами вышивок на концах полотенец, собранная на Рудном Алтае художником Виктором Николаевичем Белослюдовым (1883–1916), выпускником Строгановского училища, жившим и работавшим в Семипалатинске[48].

В 1929 г. вдова Николая Федоровича Финдейзена (1868–1928)[49], видного ученого-музыковеда, основателя, издателя и редактора журнала «Русская музыкальная газета», известного собирателя музыкальных инструментов, передала в музей коллекцию мужа, частью которой был *кобыз* из Тургайской области[50].

С организацией в 1902 г. Этнографического отдела (ЭО) Русского музея императора Александра III деятельность МАЭ все больше стала смещаться в сторону изучения этнографии народов зарубежных стран. Этот процесс усилился после объединения в 1948 г. коллекций бывшего Музея народов СССР в Москве с собранием Государственного музея этнографии в Ленинграде, возникшего на базе ЭО Русского музея (ныне — Российский этнографический музей). Именно здесь во второй половине XX в. была сосредоточена экспедиционная, собирательская и исследовательская работа, посвященная казахской этнографии. Важнейшее значение имело и развитие музейного дела в Казахстане, где в результате многолетней напряженной работы были собраны блестящие коллекции.

Что касается МАЭ, то одним из последних предвоенных поступлений, связанных с Казахстаном, стала коллекция керамики К. Л. Задыхиной, полученная ею на Алма-Атинской Научно-экспериментальной керамической станции[51]. Опись собирателя сопровождает подробное описание процесса производства керамических изделий. После войны собрания МАЭ пополнились интересными коллекциями, собранными в ходе работы экспедиций, изучавших быт и культуры осевших в Казахстане переселенцев из Китайского Туркестана (дунгане, уйгуры, таранчи). С 70-х годов XX в. собственно казахское собрание МАЭ вновь стало пополняться коллекциями, которые сотрудники музея (М. В. Сазонова, В. П. Курылев, Н. Ж. Шаханова) привозили из своих экспедиций. В 1984 г. музей приобрел традиционную казахскую юрту в полной комплектации[52]. В настоящее время она активно экспонируется на международных выставках и традиционно пользуется большим интересом у публики.

Полевые исследования в Казахстане, приостановленные в 1990-х гг. ввиду известных, в первую очередь экономических, причин, были возобновлены в начале XXI в. благодаря развитию деловых контактов и сотрудничества петербургских и казахстанских этнографов. В последние годы в Казахстане и Киргизии работает И. В. Стасевич, которая привезла коллекции, содержащие ювелирные украшения и предметы традиционного быта казахов и киргизов. Кроме пополнения музейных фондов задачей современных исследований стало изучение этнических процессов, протекающих в центральноазиатском регионе, фиксация специфики бытования и адаптации форм традиционной культуры, продолжающих функционировать в настоящее время.

II. Иллюстративные коллекции[53]

Среди наиболее ранних изображений, хранящихся в МАЭ РАН и посвященных культуре и быту казахов, можно назвать альбом этнографических рисунков (1851 г.) А. Померанцева, офицера Генерального штаба и учителя Чокана Валиханова (*рис. 15*)[54], и альбомы художника П. М. Кошарова (1824–?), который в 1857 г. наблюдал жизнь киргизов и казахов[55] (*рис. 16*).

Рис. 15. А. Померанцев. Дико-каменной орды Бий Сартай (посольство 1849 г.). 31,0 × 22,5 см. Бумага, акварель. 1851 г. МАЭ РАН, № И–1415–8

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 16. П. М. Кошаров. Киргизы на молитве. 25,5 × 18,7 см. Бумага, карандаш. 1857 г. МАЭ РАН, № 116–10

Фотографии с рисунков и картин художника В. В. Верещагина, выполненных десять лет спустя, продолжили традицию художественного освоения культуры и традиций Степи[56].

Несомненное историческое значение имеют самые ранние фотоработы, хранящиеся в коллекции МАЭ. Это «Киргизский хан с женою» (1845 г.)[57] (*рис. 17*) и «Казахские султаны в парадной форме» (1860 г.)[58] (*рис. 18*).

Интереснейшие материалы содержит «Альбом Кауфмана», или «Туркестанский альбом», поступивший в музей в 1874 г. Он состоит из 48 картонов и 116 фотографий[59] (*рис. 19*). К этому изданию примыкают и альбомы «Типы народностей Средней Азии» (85 фотографий)[60] и «Виды и типы Хивинского ханства» (1873 г., 78 листов, содержащих 39 фотографий)[61], также опубликованные по распоряжению и при содействии К. П. Кауфмана.

Рис. 20. А. А. Воронина-Уткина. Орнамент на мате из степной травы чия (*ший*). 40,0 × 30,0 см. Бумага, акварель. Семипалатинская обл., Каракаралинский уезд, 1913 г. МАЭ РАН, № 2519–31

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 17. С. М. Вишневский. Киргизский хан с женою. Фотоотпечаток, 10,0 × 15,0 см. До 1845 г. МАЭ РАН, № 1159–34

Рис. 19. Н. В. Нехорошев или Г. Е. Кривцов. Аслан-бий. Фотоотпечаток, 11,5 × 16,5 см. 1871–1872 гг. «Туркестанский альбом». МАЭ РАН, №1718–223

Рис. 18. А. И. Шпаковский. Казахские султаны в парадной форме. Фотоотпечаток, 11,5 × 16,5 см. 1860 г. МАЭ РАН, № И–1416–1

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 21. Султан Исим Буекеев с двумя женами. Фотоотпечаток, 9,0 × 12,0 см.
Из Центрального музея народоведения, поступление 1954 г. МАЭ РАН, № И–1905–7

Как говорилось выше, в 1880 г. в музей поступила фотоколлекция зоолога И. С. Полякова, работавшего среди казахов Семипалатинской области[62], в 1897–1898 гг. — богатые вещевые и фото коллекции[63] К. Н. де-Лазари.

Практически в то же время, в 1894 г., когда в музей поступили коллекции от К. Н. де-Лазари, МАЭ приобрел собрание фотографий от Ф. Ордэ[64], в состав которого вошли снимки, выполненные среди казахов, проживавших в Семиречье, на берегах Сырдарьи, в Астраханской губернии, на Зеравшане, на озере Искандеркуль, под Ташкентом.

Рубеж XIX–XX вв. — время эффективнейших научных экспедиций, организованных музеем и во многом связанных с именем С. М. Дудина[65].

В 1897–1899 гг. в МАЭ поступили коллекции Н. Ф. Петровского[66] (русского консула в Кашгаре, через акад. С. Ф. Ольденбурга), Я. Я. Лютша (секретаря консульства в Кашгаре, через акад. В. Р. Розена)[67], фотографа Н. А. Ермолина (Бийск)[68], П. Г. Игнатьева, участника экспедиции РГО по изучению озер Западной Сибири и Северного Казахстана[69].

В 1914 г. житель Самарканда В. Д. Пельц подарил музею коллекцию фотографий казахов Джизакского уезда пустыни Кызыл-Кум[70]. Годом позднее музей приобрел у известного фотографа М. А. Круковского (1865–1936), командированного в 1905 г. в сибирские губернии, в том числе в Оренбургскую, с целью этнографического обследования и фотографирования, фотоколлекцию по народам Южного Урала, в том числе по казахам Оренбургских степей[71].

В 1915 году от выпускницы Строгановского художественного училища Антонины Александровны Ворониной-Уткиной (1884–1973), вернувшейся из поездки в Каркаралинский уезд Семипалатинской области, поступило в МАЭ 102 рисунка (*рис. 20*), а также фотографии из жизни казахов[72]. К этой коллекции примыкают собрания К. В. Щенникова, представляющие как зарисовки орнамента, так и фотографии[73].

Сложение фотоколлекций по этнографии и культуре казахов было продолжено в 1920-е гг. уже в совсем других социально-политических условиях. Целую группу фотоколлекций составляют снимки, поступившие в МАЭ в 1954 г. из Центрального музея народоведения[74], к сожалению, как правило, без указания даты и места съемки. Сегодня вновь большой интерес вызывают фотографии 1920–1930-х гг., связанные со становлением в Степи новой советской действительности (*рис. 21–26*)[75].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 22. Женщина-казашка за рулем легковой автомашины ГАЗ-А. Фотоотпечаток, 9,0 × 12,0 см. Караганда, 1932 г.
Из Центрального музея народоведения, поступление 1954 г. МАЭ РАН, № И–1905–59

Рис. 23. Казашки в старинных головных уборах на базаре. Фотоотпечаток, 9,0 × 12,0 см. 1914 г.
Из Центрального музея народоведения, поступление 1954 г. МАЭ РАН, № И–1905–50

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 24. Женщины-казашки на демонстрации. Фотоотпечаток, 9,0 × 12,0 см. 1931 г.
Из Центрального музея народоведения, поступление 1954. МАЭ РАН, № И–1905–111

Рис. 25. Детский сад при красной юрте в ауле (дети за обедом). Фотоотпечаток, 9,0 × 12,0 см. 1931 г.
Из Центрального музея народоведения, поступление 1954 г. МАЭ РАН № И–1905–108

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 26. Группа пионеров — два фанфариста, знаменосец и барабанщица. Фотоотпечаток, 9,0 × 12,0 см. 1931 г. Из Центрального музея народоведения, поступление 1954 г. МАЭ РАН, № И–1905–114

Из сказанного выше прекрасно видно, что казахское собрание МАЭ формировалось не только благодаря деятельности ученых, путешественников или крупных государственных чиновников. Музей в равной степени гордится коллекциями, поступившими от энтузиаста-купца, от учителя, офицера или студента. Именно это обстоятельство делает наш музей по-настоящему народным: мы собирали его все вместе, и он принадлежит нам всем. Мы выделили здесь лишь две коллекции: одна поступила от наследника-цесаревича, другая — от частных лиц, состоятельных казахов. На самом деле эти коллекции очень похожи: они обе — искренний дар людей, позаботившихся о том, чтобы образ их народа был достойно представлен в столице империи.

Люди, как правило, трепетно относятся к своим домашним альбомам. Этнографический музей такого масштаба, как Петербургская Кунсткамера, — это домашний альбом всего человечества. При этом понятно, что одними из любимых страниц такого альбома являются те, что посвящены «своим», и я очень рад, что наши казахские коллекции вызывают все больший интерес в последние годы. Культурные богатства, накопленные в музее, живут, рассказывая свои истории сначала исследователю, а затем и посетителю, зрителю, читателю. Причем этот рассказ бесконечен, и поколение за поколением ученых будет открывать здесь свой особый мир.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Примечания

[1] Online-версия каталога в скором времени будет доступен по адресу: http://www.kunstkamera.ru/kunst-catalogue/index.seam?c=KAZAH&page=1.

[2] См. выше, с. 89–95.

[3] См. выше, с. 104–106.

[4] F. Russow. “Beitrage zur Geschichte der etnographischen-antropologischen Sammlung der Keiserlichen Academie der Wissenschaften zu St.-Petersburg”. *Сборник Музея антропологии и этнографии*. I (1900). С. 20, 25. См. МАЭ РАН, № 3114.

[5] Подробнее о коллекциях РГО, переданных в МАЭ, см.: В. Н. Кисляков. «Коллекции по Центральной и Восточной Азии МАЭ РАН, полученные от участников экспедиций Русского Географического общества». *Кюнеровский сборник: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение, 2008–2010.* VI (СПб., 2010). С. 181–193; З. Д. Титова. «Этнография в деятельности Русского Географического общества (1845–1917 гг.)». *Кюнеровские чтения (2001–2004). Краткое содержание докладов* (СПб., 2005). С. 151–157.

[6] МАЭ РАН, № 781. В коллекцию входили сборы разных собирателей, множество предметов из нее, к сожалению, утрачено. Подробнее см.: В. А. Прищепова. *Коллекции заговорили* (СПб., 2000). С. 19–28.

[7] Старший султан Аман-Карагайского внешнего округа Омской области (с 1834 г.), полковник русской армии Чингиз Валиханов получил благодарность Совета Русского географического общества «за доставление мужского киргиз-кайсацкого костюма, состоявшего из 9 предметов», активно участвовал в сборе предметов казахского быта для выставок в Москве (1867 г.) и на III Международном конгрессе ориенталистов в Санкт-Петербурге (1876 г.). Подробнее см.: «Этнографические материалы Чингиса Валиханова». *Известия АН КазССР. Серия общественная*. V/173 (1990) [Online]. Доступно на: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Valichanov_Cingiz/text1.htm (последнее посещение 29.08.2015 г.). Очерк жизни и деятельности Ч. Валиханова см.: Ч. Ч. Валиханов. *Собрания сочинений*. I (Алма-Ата, 1984). С. 9–15.

[8] МАЭ РАН, № 618.

[9] МАЭ РАН, № 438–4. Подробнее см.: В. П. Курылев. «Казахские кожаные мужские пояса в собраниях МАЭ». *Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник МАЭ.* XLIII (Ленинград, 1989). С. 85–97.

[10] П. И. Небольсин (1817–1893), видный русский этнограф, историк и экономист, в 1850–1851 гг. предпринял по поручению РГО путешествие в прикаспийские области и Букеевскую Орду для исследования торгово-промышленных сношений России со Средней Азией. См.: «Очерки торговли России со Средней Азией». *Записки Императорского Русского географического общества.* X (СПб., 1855).

[11] «Из числа самых старших, поименую одного: это султан-правитель западной части Области Оренбургских киргизов, полковник и кавалер, султан [Султан-правитель — должность, в некотором роде равнявшаяся прежде губернаторской, но, с назначением губернатором г. Григорьева, султаны-правители подначальны уже ему. Просто “султан” — это генеалогическое достоинство, указывающее на происхождение, по прямой линии, от Чингиз-хана. Это киргизская аристократия, “белая кость”, благорожденные, хотя, в массе, сильно обнищавшие.] Мухаммед-Гали Тяукин. Ему лет пятьдесят; должность свою он занимает давно, лет более пятнадцати. Под его управлением считается 60 тысяч кибиток, по-нашему дымов, семейств киргизских. Он глава части народа, нескольких родов, занимающих кочевьями своими пространство, превышающее, полагаю я, площадь Испании и Португалии. В его руках сосредоточена администрация, полиция и высший надзор за народным судом всех вверенных его управлению киргизов. Сердечная струна всех его помышлений, сколько я мог вывести из непрямых и не положительно высказанных мыслей его и рассуждений, вызвать в степь экспедицию ученых людей, которые, ознакомившись с киргизским земледелием, скотоводством и промыслами, сумели бы нагляднее передать киргизам новейшие успехи науки и практики и указали бы им возможность положительнее и быстрее идти к развитию и материальному, и моральному» (П. И. Небольсин. «Путешествующие киргизы». *Русский вестник.* XXIX (1860) [online]. Доступно на http://rus-turk.livejournal.com/298447.html (последнее посещение 01.09.2015).

[12] МАЭ РАН, № 438–5.

[13] МАЭ РАН, № 221. О научной и собирательской деятельности Н. Ф. Катанова см.: С. И. Вайнштейн. «Этнографические исследования Н. Ф. Катанова у тувинцев и других тюркоязычных народов». *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. IV (М., 1968). С. 31–44.

[14] МАЭ РАН, № 313. Подробнее о коллекции см.: В. П. Курылев. «Казахские подарки цесаревичу Николаю Александровичу в собрании Кунсткамеры». *285 лет Петербургской Кунсткамере. Материалы итоговой научной конференции МАЭ РАН, посвященной 285-летию Кунсткамеры. Сборник МАЭ.* XLVIII (СПб., 2000). С. 129–137; Ю. Г. Попов. «Некоторые этнографические сборы из степей Центрального Казахстана». *Лавровский сборник: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.: этнология, история, археология, культурология. К столетию со дня рождения Л. И. Лаврова* (СПб., 2009). С. 199–203.

[15] Э. Э. Ухтомский. *Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича.* III (СПб., 1897). С. 177–182 (Посещение киргизского аула, близ Омска (по описанию надворного советника фон Герна). Публикуется в современной орфографии.

[16] Отстоявшего от города в 12 верстах, вверх по левому берегу реки Иртыша (прим. Э. Э. Ухтомского).

[17] «Мах-раба», по-арабски, значит — добро пожаловать! (прим. Э. Э. Ухтомского).

[18] Мешок из копченой кожи, преимущественно конской, напоминающий громадную четырехугольную бутыль, вместимостью иногда в 20–40 ведер (прим. Э. Э. Ухтомского).

[19] Сын Жанайдар-батыра, правой руки хана Кенесары, волостной управитель Мейрам Жанайдаров (1846–1921) был в те годы личностью известной. Он совершил хадж, за что пользовался особым уважением, был богат, имел свой конный завод и в 1896 г. был награжден золотой медалью за сохранение основных качеств местной породы лошадей. Для своей большой семьи (четыре жены и семь сыновей) он в Тургайской степи построил двухэтажный дом из красного кирпича. Известно, что он писал стихи, занимался историей, составлял свою родословную. В 1888–1902 гг. газета «Дала уалаяты» опубликовала в девяти номерах стихотворные переводы Мейрама из «Тысячи и одной ночи» на казахском языке (переиздание см.: *Кисса-дастандар* (Алма-Ата, 1986)). Собранные им предметы вошли в коллекцию по культуре казахов, которая была прислана в Санкт-Петербург в 1876 г. для показа в рамках III Конгресса ориенталистов (см.: А. Х. Маргулан. *Казахское народное прикладное искусство* (Алма-Ата, 1986). С. 95). Часть этого собрания попала в фонды Российского этнографического музея (Санкт-Петербург). Подробнее см.: В. А. Прищепова. «О пребывании цесаревича Николая Александровича в Степном генерал-губернаторстве». *Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 3: Петербуржец путешествует. Материалы конференции 3–4 апреля 1997 г.* (СПб., 1998). С. 112–114. См. также статью его правнучки д. т. н., проф. Зифы Рахимбековой «Мейрам Жанайдаров — знаменосец казахского народного прикладного искусства» [Online]. Доступно на: http://catalog.karlib.kz/irbis64r_01/Kraeved/Istoriya_Saryarki/Meoyram_Zhanaoydarov_znamenosets_kaz_prikladnjgj.pdf (последнее посещение 29.08.2015 г.).

[20] «Кок-бурю» — серый волк (прим. Э. Э. Ухтомского).

[21] Подробнее см.: Курылев. «Казахские подарки…».

[22] Подробнее о нем см.: В. А. Прищепова. *Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры* (СПб., 2011). С. 140–150.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

[23] МАЭ РАН, № , 410, 411 (всего 72 предмета, 213 ед. хр.).

[24] МАЭ РАН, № 439. Подробнее см. ниже, с. 296–311.

[25] См.: Прищепова. *Коллекции заговорили*. С. 37—38, 77.

[26] Подробнее см. ниже, с. 297–303.

[27] *А РАН (СПб)*, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), № 53, л. 68.

[28] В эту же коллекцию вошла детская колыбель, на сохранившихся оригинальных этикетках к которой указано, что ее подарил музею старшина Сарайской волости Кустанайского уезда Йахйа Тулемисов.

[29] Г. М. Осокин был участником Орхонской экспедиции и является автором книги *Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья* (СПб., 1906). А. М. Решетов так объяснял активную собирательскую деятельность Осокина и его земляка Лушникова: «Кяхта — “песчаная Венеция” лежала в начале русской части торгового тракта из Китая и Монголии, купечество там было богатым: у миллионеров доход обозначался семизначными цифрами. Жило в Кяхте в основном просвещенное купечество, не чуждое общественной мысли, охотно откликавшееся на благотворительные дела. Его особенностью была тяга к просветительству. Поэтому-то Г. М. Осокин и А. А. Лушников отправили свои дары в столичный музей». См.: А. М. Решетов. «Монгольский цам по коллекциям МАЭ». *Сборник МАЭ*. XLI (Л., 1987). С. 124.

[30] МАЭ РАН, № 414.

[31] МАЭ РАН, № 523.

[32] МАЭ РАН, № 689. Результатом работы «смотрителя рыбных промыслов» стала монография «Рыбы Туркестана» (СПб., 1905). Подробнее о нем см. Э. М. Мурзаев. *Лев Семенович Берг (1876–1950)* (М., 1983).

[33] МАЭ РАН, № 1092.

[34] МАЭ РАН, № 1081 (в том числе *кобыз* «из деревни Джармыш» и нагайка, купленная в с. Кунапсу на Мангышлаке). В 1899—1903 гг. Г. А. Насибянц — производитель топографических работ Военно-топографического отдела штаба Туркестанского военного округа.

[35] МАЭ РАН, № 1116 (Семипалатинская область).

[36] МАЭ РАН, № 1201. Как собиратель, П. Е. Островских сотрудничал также с Минусинским музеем и Центральным музеем народоведения в Москве.

[37] МАЭ РАН, № 1458.

[38] МАЭ РАН, № 1439, 1458, 1710 (Петропавловский уезд Акмолинской области).

[39] МАЭ РАН, № 1753, 1803 (аул Курганской волости Акмолинской области Омского уезда).

[40] МАЭ РАН, № 2343, 2431, 2451, 2528. Научный архив К. М. Рычкова (псевдоним Ракай) хранится ныне в Архиве востоковедов (фонд №49) при Институте восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург).

[41] МАЭ РАН, № 2051.

[42] МАЭ РАН, № 2504.

[43] Большую роль сыграл здесь опыт самого В. В. Радлова, см.: В. В. Радлов. *Инструкция для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства* (СПб., 1895).

[44] МАЭ РАН, № 493 (16 предметов, 26 единиц хранения). См. выше, с. 139–196. Подробнее о предмете см.: М. Муканов. «Резьба по дереву у казахов». *Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР*. VI (Алма-Ата, 1959). С. 159—163.

[45] МАЭ РАН, № 493. (Баян-аул Павлодарского уезда Семипалатинской области).

[46] МАЭ РАН, № 1287, 1459, 1749; 1327, 1399, 1400, 1483, 1707, 1708, 1774, 1775. Была привезена и интереснейшая фотоколлекция (см. ниже). К сожалению, персональная информация о К. В. Щенникове крайне скудна. Известно лишь, что он был «прикомандирован к МАЭ».

[47] МАЭ РАН, № 2874.

[48] МАЭ РАН, № 3092 (26 предметов, 26 единиц хранения). В. Н. Белослюдову и его братьям Алексею, Николаю, Федору принадлежит большая заслуга в развитии краеведения и музейного дела на востоке Казахстана. Материалы по биографии и творческому пути В. Н. Белослюдова см. в статье о нем, написанной краеведом из г. Семей Павлом Жуковым. [Online]. Доступно на: http://artru.info/ar/1872 (последнее посещение 30.08.2015).

[49] О нем см.: Т. Н. Ливанова. «Россия. Музыка». *История европейского искусствознания. Вторая половина XIX века – начало XX века*. II (М., 1969). С. 155–159.

[50] МАЭ РАН, № 4043–1.

[51] МАЭ РАН, № 5679.

[52] МАЭ РАН, № 6895.

[53] Подробнее см.: Прищепова. *Иллюстративные коллекции.*

[54] МАЭ РАН, № И–1415–7.

[55] МАЭ РАН, № 116 и 2643/2. Подробнее о Кошарове см.: Прищепова. *Иллюстративные коллекции*. С. 132–138.

[56] *Туркестан. Этюды с натуры В. В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора на высочайше дарованные средства*. 26 листов с 106 рисунками (СПб., 1874). МАЭ РАН, № И–674.

[57] МАЭ РАН, № 1159–34. На протяжении долгого времени считалось доказанным, что это портрет Джангир-хана с третьей, любимой женой, татаркой Фатимой, дочерью оренбургского муфтия Мухамеджана Гусейнова (см., напр., Прищепова. *Иллюстративные коллекции*. С. 76–79). Сейчас эта гипотеза опровергнута.

[58] МАЭ РАН, № И–1416–1. Крайний слева оренбургский дипломат Плотников, повсюду сопровождавший депутацию. В центре — правитель западной части Оренбургской области, полковник султан Мухаммед-Гали Тяукин. Мухаммед Салих Караулович Бабаджанов, выпускник Неплюевского кадетского корпуса, крайний справа. В состав депутации также входили управляющий Самарской частью Внутренней орды Губайдулла Исенбаев, есаул султан С. Джантюрин, бий А. Байгалин, войсковой старшина султан И. Касымов, бий А. Мунайтасов, хорунжий Б. Чмгелов, бий Тюлепов, бий С. Бекчурин. Султан Галий Арсаланов сидит в профиль со шляпой в руке. Подробнее о депутации см.: З. А. Джандосова. «Казахи». *Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия*. III (СПб., 2004). С. 51–53.

[59] МАЭ РАН, № И–1718. Подробнее см. выше, с. 185.

[60] МАЭ РАН, № И–2205. Фотографии выполнены В. Козловским в Ташкенте в 1876 г. Этот экземпляр предназначался для собственной библиотеки императора, куда он и был доставлен 6 сентября 1877 г.

[61] МАЭ РАН, № 673. Составитель подпоручик Г. Е. Кривцов, литографии были выполнены Э. Арнголдом. Г. Е. Кривцов участвовал в экспедициях по Бухарскому ханству (в Шахрисябз 1874 г. и в Гиссар в 1875 г.).

[62] МАЭ РАН, № 106.

[63] МАЭ РАН, № 411а, 418, 423. В 2009 г. Анджей де-Лазари, потомок собирателя, передал в дар Музею Первого Президента Казахстана в Астане богатую коллекцию фотографий, которая все предыдущие годы хранилась в Польше.

[64] МАЭ РАН, № 255.

[65] В 1907 г. С. М. Дудин передал в музей рисунки и чертежи (в количестве 14, размером 32,0 × 23,0 и 20,0 × 15,0 см), которые выполнил во время командировки в Степной край. МАЭ РАН, № И–1446.

[66] МАЭ РАН, № 511 (Кашгар).

[67] МАЭ РАН, № 512 (Кашгар).

[68] МАЭ РАН, № 523, 590 (Алтай).

[69] МАЭ РАН, № 1199 (Акмолинская обл.).

[70] МАЭ РАН, № 2301.

[71] МАЭ РАН, № 1919. Подробнее см.: Л. С. Лаврентьева. «Иллюстративные коллекции М. А. Круковского». *Радловский сборник. 2007* (СПб., 2008). С. 275.

[72] МАЭ РАН, № 2519, 2833. В 1915 г. С. М. Дудин исполнил коллекцию негативов с акварельных рисунков А. А. Ворониной-Уткиной 1913 г. (МАЭ РАН, № 2466). Место работы: урочище Былкылдак у притока реки Токрау.

[73] МАЭ РАН, № 1327, 1399, 1400, 1483, 1707, 1708, 1774, 1775 (Акмолинская обл., Павлодарский уезд).

[74] МАЭ РАН, № И–1905.

[75] Напр., МАЭ РАН, № И–1905–111.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 1. Пояс мужской (*кісе*). МАЭ РАН, № 439–15. Фото С. Б. Шапиро

Рис. 2. С. М. Дудин. Мужчина в традиционном костюме. Фотоотпечаток, 12,5 × 17,0 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–11

Рис. 3. С. М. Дудин. Всадник с охотничьим ястребом. Фотоотпечаток, 16,0 × 22,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–37

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЛАИКЖАНА БИРКИМБАЕВА И ХАСАНА ИМАМБАЕВА (поступление 1899 г.)

1. Мужской пояс (каз. *кісе*)

Казахское собрание МАЭ РАН включает десять мужских кожаных поясов[1] (*кисе* или *калта*)[2] (*рис. 1*), бывших одними из важнейших и древнейших атрибутов кочевника-воина (*рис. 2–3*)[3]. Ч. Ч. Валиханов дал не только подробное описание такого пояса, но и снабдил его рисунком: «Калта, которую носили все киргизы без исключения. Калтой или кесе называется ремень, прошитый из двойной русской юфты белой стороной, к которой с левой стороны прикреплен мешок в виде пирога, в котором хранятся огниво, кремень, запасной фитиль, сало для смазки ружья и роговая пороховница для фитиля, сзади пороховница, а с правой стороны — два мешочка для пуль и нож. Нынче делают мешочки только для виду. Калты оправлялись в медь, редко — в серебро. Здесь изображена калта самой древней формы»[4] (*рис. 4*).

Важно, что расположение и форма кожаных подвесок, прочно прикрепленных к поясу на ремешках, были совершенно однотипны, что еще раз говорит о древности этого типа пояса. Имея вполне утилитарное предназначение (*кисе* — предтеча современной армейской «разгрузки», *рис. 5*), такой пояс несет в себе след древнейших кочевых и, шире, центральноазиатских традиций, связанных как с элементами возрастной инициации (опоясывание как один из символов перехода из одного возрастного класса в другой)[5], так и с идеей служения: «Опоясывание верхней одежды символизировало готовность к служению, к действию. Об этом говорит широко распространенное метафорическое выражение: *камар ба хизмат бастан* (“подпоясаться на служение”). Таков был смысл опоясывания в культовых действиях и в древности. Мы видим, например, опоясанных мужчин на стенных росписях Балалык-тепе, изображающих совершение какого-то ритуала. Готовность к профессиональному труду означало опоясывание ученика ремесленника во время ритуала посвящения его в мастера. При дворе Бухарского эмира бухарские сановники носили пояса с ювелирными пряжками и обоймами в то время, когда находились при исполнении своих обязанностей. В X в. Наршахи, описывая Бухару перед арабским завоеванием, упоминает юношей из знатных семей, которые группами, по определенной для них очереди являлись к правительнице Бухары в одежде с золотыми поясами. В средневековых миниатюрах опоясанными изображаются воины и служители. Халаты правителя и духовных лиц свободно распущены. Не подпоясан Тимур, выезжающий

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

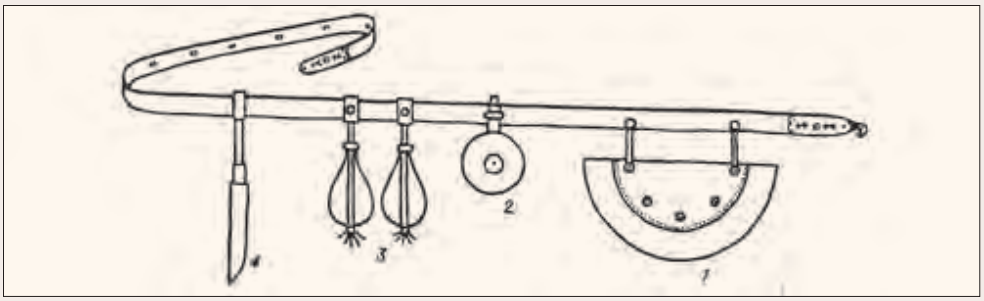


Рис. 4. 1. Сумка (*кісе*); 2. фляжка (*құты*); 3. патронташ (*оқшантай*); 4. ножны (*қын*). Рисунок и подпись к нему Ч. Ч. Валиханова (см.: Ч. Ч. Валиханов. «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи». *Собрание сочинений* IV (Алма-Ата, 1985). С. 39).

Рис. 5. Пояс А. Один из первых образцов советских разгрузочных жилетов для личной экипировки пехотинца (1987 г.)

на войну, в то время как сопровождающие его лучники и идущий впереди музыкант опоясаны кушаками»[6].

Наборные пояса этого типа издавна служили «социальным маркером» (в некоторой степени подобным дорогим швейцарским часам сегодня): «Количество бляшек на поясе зависело от общественного положения воина: чем знатнее он был, тем больше имел бляшек на поясе. <…> Особое значение при этом придавалось конечным длинным бляшкам — “наконечникам”, свисавшим с пояса. <…> Бляшки и пряжки каждого пояса были одинаковой формы, и их поверхность украшал одинаковый орнамент»[7].

И. В. Захарова и Р. Д. Ходжаева отмечают, что «к середине XIX в. в связи с изменением казахского быта изменяется форма *кісе*, постепенно исчезает необходимость в поясе с подвесками. *Кісе* начинает выполнять чисто декоративную роль. В это же время появляются кожаные пояса без подвесок, но такие же по форме и размерам и с металлическими бляхами (*белдік*, *куміс белдік*, *кемер белдік*). Старинный *кісе* все больше превращается в парадный пояс, и в связи с этим пояса, сделанные в конце XIX – начале XX в., отличаются обилием украшений в виде бляшек, аппликаций и т. д.»[8].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Каждый кочевник носил такой пояс, что не могло пройти незамеченным для европейцев. Так, И. Гладышев и Д. В. Муравин в своем описании пути из Орска в Хиву (1740–1741) отмечали: «Оные Киргис-Кайсаки платье носят: рубахи подобны балахонам, но их называют зегды, портки, и сверх рубахи чепан; оные рубаху и чепан запускают в челбары иль большия штаны, а сверх чепана надевают шубы и кафтаны; подпоясываются выкроеной из красной кожи, иль какая есть, шириною в два вершка и меньше; и на оных поясах набиты железные бляшки, и к бляшкам прибиты коженые сумки для кладки пулек и ледунка для пороху, а на иных бляшках одни ремешки и большая сумка, в которую кладут кремни и огниву и протчее, что и потребно: оное по их называют узбелик; а когда запросто, носят и опояски; на голове носят тафейки, сверх того шапку разных манеров, по их обычаю; сапоги манеру хивинского сделанные из сжатой черной и зеленой кожи, востроносые, и малые шишички; подошвы подбиты гвоздями, а иные носят простые, только сшиты таким же манером» (*рис. 6*)[9].

Рис. 6. С. М. Дудин. Пороховница и два кожаных пояса «кисе». Фотоотпечаток, 16,5 × 23,5 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–286

А. И. Левшин (1798–1879), крупный российский государственный деятель и один из основателей Русского географического общества, едва ли не ста годами позднее (1832 г.) так описывал стандартную одежду казахов:

«У мужчин она состоит:

1. Из обыкновенных халатов, или армяков, называемых чапанами. Летом носят они по одному или по два, а зимою по нескольку чапанов, нижний заменяет рубаху.

2. Из пояса с привешенными к нему ножом и калтою, или сумкою, для огнива, трута, табаку и печати <…>»[10].

В. А. Потто (1836–1911), блестящий офицер (генерал-майор в конце жизни) и крупный русский военный историк, писал в 1876 г.: «Свои чапаны, халаты и кафтаны киргизы опоясывают кожаным поясом, который называется “калта”. К этому поясу привешиваются три небольшие сумки, и между ними помещается нож — неразлучный спутник кочевого киргиза. Самые сумки приготовляются из черной, красной или зеленой кожи с тисненными узорами, а у богатых бывают из бархата, покрытые сплошь золотым шитьем и каменьями.

Прежде, когда между киргизами существовала еще баранта, калта заменяла им патронташ; но теперь, за совершенным спокойствием в степи, сумки утратили свое прямое назначение и служат просто дорожным саквояжем, в который укладывается всякая мелочь, необходимая в домашнем или в походном быту. Чиновные и должностные ордынцы возят в них также различные бумаги и непременно документы, патенты и грамоты на все ордена, чины и медали, если таковые имеются. Документы эти, всегда засаленные и разорванные донельзя, показываются киргизами каждому новому лицу,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 7. Записка, извлеченная из пояса во время реставрации 2015 г. 9,0 × 9,0 см. Плотная желтоватая бумага русского производства (водяной знак?), черные чернила; загрязнения и утраты. 7 строк. МАЭ РАН, № 439–15

как доказательство их личных заслуг и достоинств. В настоящее время, впрочем, многие из более просвещенных ордынцев уже совершенно оставляют калту, считая ее не только лишнею, но даже неприличною вещью, особенно при парадной одежде»[11].

Пояс, о котором идет здесь речь, имеет во многом уникальный характер: надписи на нем несут информацию о владельце, мастере, годе создания и цене изделия. Такой набор «прямой информации» встречается чрезвычайно редко и дает возможность использовать наш пояс в качестве эталона при датировке и локализации музейных предметов этого типа, при установлении социального статуса их владельцев.

Хорошо известно, что элементы традиционного костюма вместе с языком, мифом и обрядом входят в единую информационно-знаковую систему. Предмет, таким образом, можно рассматривать как код, фиксирующий характеристики конкретной культуры в ее хронологических и этносоциальных рамках. В такой системе каждый предмет транслирует некоторую информацию от своего владельца. В нашем случае речь идет о том, что мы можем получить «ключ», который мог бы позволить «читать» сходные предметы, понимать «текст», заложенный в них.

В коллекционной описи 1899 г. сказано: «Такой пояс носили еще в середине XIX в. и одевали обычно богатые люди и батыры поверх халата. По данным собирателя, этот пояс принадлежал брату Кенесары-хана»[12]. На поясе есть имя владельца — Кадырбай. У нас нет оснований считать всю эту информацию недостоверной, но для ее проверки необходимо провести серьезное генеалогическое исследование. Известно, что у отца Кенесары, сына Абылай-хана, было множество сыновей от нескольких жен, кроме того, само понятие «брат» могло быть здесь использовано в более широком понимании и означать, например, брата по второстепенной родственной линии, что вполне допускалось традицией.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Возможно, разобраться в этой ситуации нам поможет содержание записки (*рис. 7*), обнаруженной при реставрации пояса тогда, когда эта книга уже готовилась к печати. Записка была найдена в результате снятия центральной бляхи, прикрепленной к середине сумки (ее выпуклая часть сделана в виде цветка, в центре которого помещен сердолик в двойной оправе). Бляха была прикреплена к коже и внутренней медной пластине гвоздиками, два из которых были утрачены с течением времени. Текст, помещенный между двумя медными пластинами (*рис. 8*), был спрятан так, что его никто уже не мог прочитать. Обычно так прячут тексты-талисманы. Текст сильно пострадал от времени и в существующем состоянии не читается. Остается надеяться на методики восстановления поврежденных текстов, которые активно применяются сегодня в криминалистике. На сегодняшний день с помощью коллег из Ирана и Турции мы смогли прочитать только два слова в начале четвертой строки — senin aşkın — «твоя любовь», что дает некоторые основания видеть здесь какую-то стихотворную форму.

Пояс мужской (каз. *кісе*), из лошадиной кожи, двойной. На внутренней стороне жильными нитями сшит впритык. Имеет четыре круглых отверстия для застегивания. Поясной ремень во всю длину украшен четырьмя тиснеными продольными линиями, к поясу на медных пластинах с небольшими гвоздиками прикреплены бляхи. Правый конец ремня пояса заканчивается серебряной бляшкой с крючком для застегивания пояса. Эта бляха продолговатой формы прикреплена к коже гвоздиками, покрыта чернью и гравированным орнаментом в виде стилизованного цветка; на бляхе выгравировано арабским шрифтом, очевидно, имя первого владельца пояса — «Кадырбай» (*рис. 10*). Справа налево по поясу идут: бляха серебряная с чернью (3,5 × 3,0 см); она имеет форму четырехлисткового цветка, слегка продолговатую, с наложенным сверху в центре цветком меньших размеров; вся бляха украшена гравированным орнаментом. Затем идет серебряная бляха шестилепестковая (3,5 × 3,0 см) с гравированным линейным орнаментом и вставленным в центре в оправу крупным сердоликом. Далее — две серебряные позолоченные серебряные бляхи ромбовидной формы (3,8 × 3,0 см), имеющие в центре рельефное изображение четырехлепесткового цветка и украшенные штриховым орнаментом. В центре пояса прикреплены гвоздиками, как и все остальное, рельефные изображения четырехлепесткового цветка (3,8 × 3,0 см), украшенного штриховым орнаментом. На ремне пояса есть еще четыре серебряные бляхи (5,0 × 3,1 см) в форме листа с округлыми фигурными краями. Они украшены с помощью гравировки и чеканки стилизованным растительным узором, и наконец, три серебряные бляхи (5,5 × 3,0 см) позолоченные, с окаймлением из витой проволоки и украшенные штриховым и растительным орнаментом и чеканкой. В центре сердолик в оправе. Левый конец поясного ремня заканчивается позолоченной серебряной пластинкой со стилизованным растительным орнаментом и сердоликом в оправе.

Рис. 8. Сумка пояса со снятой бляхой в ходе реставрации (фрагмент пояса) МАЭ РАН, № 439–15

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

К поясу подвешена сумка, два мешочка и ножны из той же кожи. Сумка-кошелек выкроена из цельного куска кожи, нижняя часть — полукруглая. По краям сшита жильными нитками. Наружная сторона клапана сумки украшена бляхами, а края обиты зеленой шагреневой кожей. Четыре одинаковые бляхи (7,0 × 7,0 см) расположены по углам клапана и прикреплены к нему гвоздями на пластинах. В центре сердолик в оправе. Бляхи большого размера прикреплены к середине, выпуклая часть которой сделана в виде цветка, в центре которого помещен сердолик в двойной оправе. К сумке пришиты два ремешка, образующих петли, через которые продет пояс. Ремешки тоже обшиты шагренью — украшены небольшими металлическими бляшками (четыре на левом и три на правом). На ремешках к поясу подвешены два мешочка для пуль, которые обшиты по краям зеленой шагреневой кожей и с наружной стороны украшены различными по форме и размерам бляхами. Средняя часть мешочка украшена бляхой в форме ромба, в центре сердолик в оправе. Пластина, на которой укреплен сердолик, украшена гравировкой и чеканным орнаментом. В нижней части мешочка также украшена треугольниками.

Рис. 9. Буквально: *ӯстā* («мастер») + и. с. [кӣншнбāй] (фрагмент пояса; МАЭ РАН, №439–15)

Ножны подвешены к поясу на ремешках с бляшками. Верх их украшен фигурным ободком с чернью и гравировкой и надписью арабским шрифтом с именем масте-

Рис. 10. Буквально: [крсāб] + и. с. [ḳдрдбāй] (фрагмент пояса; МАЭ РАН, №439-15)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 11. Возможное чтение: *ӯч йӯз* (300) [ҫӯбтдӣ(трбӣ?)] 23 *гӯндā* 1869 *йилдā* («в году»). Две буквы *мӣм* после обозначения года могут обозначать *мӣлāдиййа* («от рождества Христова»). Другой возможный вариант: буквы *мӣм* относятся к слову, начинающемуся на «ҫāд»: [ҫӯмм]? (фрагмент пояса; МАЭ РАН, №439–15)

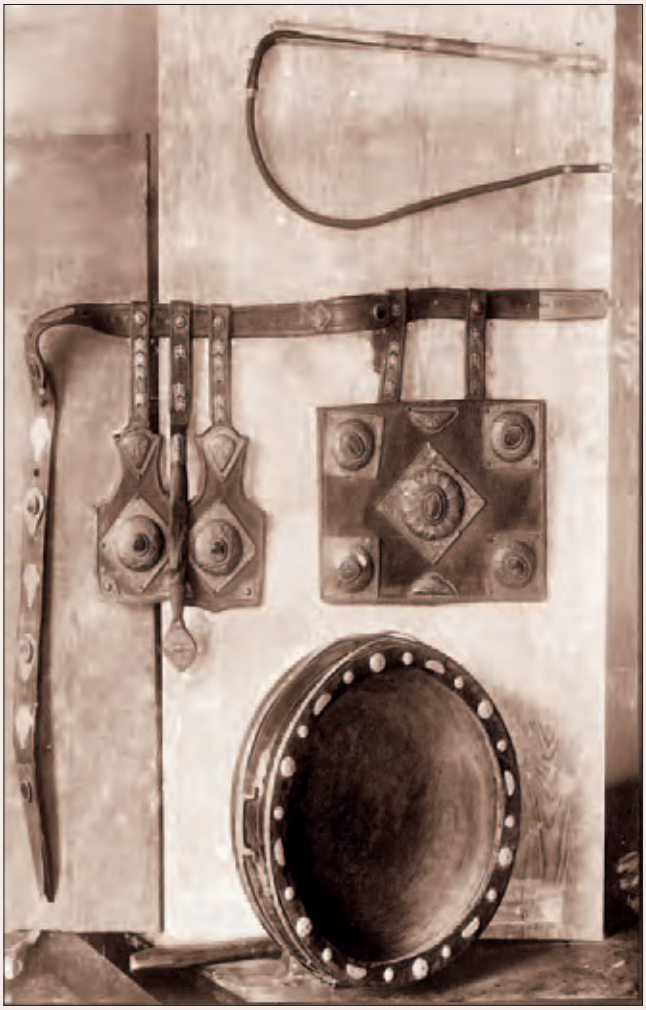


Рис. 12. С. М. Дудин. Вид пояса вскоре после приобретения. Фотоотпечаток, 17,0 × 23,0 см. 1899 г. МАЭ РАН, № 1199–105

ра (Киншинебай) (*рис. 9*). С обратной стороны ножны сшиты жильными нитками впритык. Острый конец ножен обшит зеленой кожей и заканчивается пришитым кусочком кожи, на котором прикреплена пластинка из серебра с чернью и надписью арабским шрифтом, в которой указан год изготовления пояса (1869, другой вариант чтения: 1169 г. х. = 1755/1756 г.), время, потраченное на его изготовление (23 дня), и его цена (300 руб.) (*рис. 11*)[13].

Размеры: длина 168,0 см; ширина 3,5 см; ширина сумки 29,5 см; высота сумки 22,5 см; длина ножен 28,5 см; высота подвесок 21,0 см; ширина в самой широкой части 12,0 см.

Материалы: кожа лошади, сухожилия, сердолик, медь, серебро, шагрень, краситель.

Техника: выделка кожи, тиснение, шитье, гравировка, золочение, чернение, чеканка.

Описание места находки: Тургайская волость Актобинского уезда, аул №4, Сарайская волость Кустанайского уезда (?), XVIII в.

Собиратели: Биркимбаев Лаикжан Дербисалиевич, Имамбаев Хасан Иш-Мухамедович (дар). Поступление 1899 г. МАЭ РАН, № 439–15[14] (*рис. 12*).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 13. Женский свадебный головной убор (*саукеле*). МАЭ РАН, № 439–21. Фото С. Б. Шапиро

2. Женский свадебный головной убор (каз. *сәукеле*)

Саукеле, традиционный головной убор казахской невесты (*рис. 13*), — один из наиболее ярких этнических символов казахов. Высокие конусовидные головные уборы такого типа имеют тысячелетнюю историю и ведут свое происхождение из скифо-сакского времени (ср. высокий парадный шлем сакского вождя-жреца, V в., Иссыкский курган). Налобная диадема *саукеле* также генетически связана с венцом правителя. В ее центре специалисты видят образ многорукой богини-матери — покровительницы брака и деторождения. Пучок перьев, бывший обычно навершием *саукеле*, также восходит к головному убору владыки (см. *рис. 14–16*, работы А. А. Ворониной-Уткиной). Считается, что отверстие, встречающееся наверху старинных *саукеле*, связано с представлениями о животворной силе (*кут*), которая проникала в женщину через макушку.

Изготовление *саукеле* занимало до года, а цена богато украшенных экземпляров была сравнима с ценой сотни жеребцов. Двух одинаковых *саукеле* не существовало: сохраняя форму и традиционную орнаментальную композицию, каждый головной убор имел свои специфические черты декора.

Саукеле кигизу (одевание *саукеле* при переезде в аул мужа) — кульминация свадебных торжеств (см. *рис. 17–18*). Это ритуал прощания невесты с беззаботной девичьей жизнью в семье своих родителей. *Саукеле* переходило к невесте по наследству от старшей женщины семьи, чаще всего от матери. Если женщина умирала бездетной, то головной убор возвращался родителям. Молодая женщина одевала его по торжественным случаям до рождения первого ребенка, после чего меняла головной убор на женский.

Саукеле были одним из наиболее ценных достояний семьи, и, как таковые, они отдельно упоминались в списках военной добычи и потерь: «Хан гор. Хивы Мухаммед-Рахим, получив сведения об этой моей искренней и верной службе и верности своему обещанию, злоумышляет против меня за то, что я сделался подданным русского царя, а не его. Когда я в неведении зимовал, расположившись на урочище Малые Барсуки близ р. Сырдарьи, февраля в 25 день 1820 г., Мухаммед-Рахим хан, внезапно явившись с силой, состоящей приблизительно из 10 000 человек, в качестве ее руководителя и для поддержки Жакаш султана Шир-Газы улы, совершил набег на беспечно живущий подвластный мне народ и на меня и, награбив много скота, скарба и имущества, перебил много людей, а большинство женщин и девиц угнал

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 14. А. А. Воронина-Уткина. *Саукеле* — женский свадебный головной убор. 40,0 × 30,0 см. Бумага, акварель. 1913 г., Каркаралинский уезд Семипалатинской области (урочище Былкылдак, у притока реки Токрау).
МАЭ РАН, № 2519–58

Рис. 15. А. А. Воронина-Уткина. Казашка в традиционном свадебном уборе (вид спереди). Фотоотпечаток, 17,0 × 23,5 см. 1913 г. Каркаралинский уезд Семипалатинской области (урочище Былкылдак, у притока реки Токрау).
МАЭ РАН, № 2833–9

Рис. 16. А. А. Воронина-Уткина. Казашка в традиционном свадебном уборе (вид сбоку). Фотоотпечаток, 10,0 × 14,0 см. 1913 г. Каркаралинский уезд Семипалатинской области (урочище Былкылдак, у притока реки Токрау).
МАЭ РАН, № 2833–10

в плен. <…> При том же нападении он взял в плен моего родного отца и 33 души из моих старших и младших братьев, и о них сказал Мухаммед-Рахим: теперь султан [Арын-Газы] не может не вступить в мое подданство. Он домогался вместе с упомянутым Жакашем также захватить и меня самого, но Аллах избавил меня от этого зла. Всего награблено при этом набеге моего скота, имущества, вещей и женских головных уборов, *саукеле*,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 17. К. Н. де-Лазари. Казахская девушка в свадебном наряде. Фотоотпечаток, 10,0 × 14,0 см. 1897 г., Семипалатинская обл. МАЭ РАН, № 418–2

украшенных разными драгоценными камнями, и других вещей и скарба — на 955 165 руб.»[15].

Саукеле не могли не привлекать внимание путешественников: «На голове киргизские женщины носят два больших куска полотна, из которых один навертывается на голову, в виде высокого тюрбана, а другой закрывает грудь, плечи и спину. Исключения представляют одни новобрачные, которые носят “саукеле” — оригинальный головной убор, заслуживающий того, чтобы сказать о нем подробнее. “Саукеле” — это высокая остроконечная шапочка с бобровой оторочкою, передняя сторона которой иногда украшается золотом и дорогими каменьями. Сзади этой меховой оторочки спускается длинная, обшитая позументом, меховая или бархатная лопасть, а с боков прикрепляются нанизанные на шнурки украшения (жактау), состоящие у богатых из жемчуга, кораллов, бирюзы и аметистов, а у бедных — из сердолика, или из кистей различных шелков, перевитых серебряными и золотыми нитями. Длина этих шнурков бывает различна; но всегда служит наглядным выражением богатства ее обладательницы. Часто подобные нити доходят до пояса; но есть и такие, которые спускаются ниже колена. На самых шапочках нет никаких вышивных украшений; но зато у богатых весь верх покрывается сплошными серебряными или золотыми пластинками, которые усеяны драгоценными камнями так, что стоимость подобного саукеле, вместе со шнурками жактау, доходит до нескольких тысяч рублей серебром. У киргизок средней руки колпак обвивается золотым позументом, а у самых беднейших — даже олово и то играет важную роль при украшении этого убора.

Киргизки никогда не закрывают своего лица и не кутаются так, как это делают татарки, но тем не менее необходимою принадлежностью к саукеле служит полупрозрачное кисейное покрывало, которое надевается женщинами поверх головного убора для того, чтобы ее не могли видеть посторонние мужчины, по крайней мере в первые дни замужества. Покрывало это снимается только тогда, когда молодая теряет кого-либо из близких родственников, и, стало быть, в этих случаях обычай не носить покрывало заменяет киргизкам наш траур. Во все продолжение траура считается также предосудительным носить какие бы то ни было вещи, напоминающие роскошь, например браслеты, кольца, серьги и т. п. Исключение из этого делается для одного саукеле, который женщины носят обыкновенно до рождения первого ребенка. Само собою разумеется, что большинство киргизок носят саукеле только при парадной одежде, но есть и такие, которые в течение целого года не снимают его даже во время домашней работы»[16].

Женский свадебный головной убор (каз. *сәукеле*). Первый из аналогичных головных уборов, поступивших в МАЭ[17]. Представляет собой уникальный образец традиционного искусства казахов, отличается богатст-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

вом декора. Высокая тулья *саукеле* сделана из тонкого плотного войлока и имеет усеченную конусообразную форму. Внутри головного убора вшита конусовидная простеганная шапочка, которая составлена из четырех кусков материи. К нижнему краю цилиндрической части и шапочки пришит мягкий налобник и назатыльник из красного сукна на красной ситцевой подкладке. Основа *саукеле* обшита темно-красным бархатом и украшена галуном, нашивками из других тканей, бляхами разных форм и размеров, серебряными и позолоченными подвесками. По бархатной основе сделана вышивка гладью металлической нитью. Широкие полосы темно-красного бархата, пришитые по боковым сторонам, покрыты растительным орнаментом, также вышитым гладью металлической нитью, и украшены серебряными, покрытыми позолотой нашивными бляшками со вставками из сердолика. На концах полос пришиты большие куполообразные подвески с длинными кистями из черных крученых шелковых нитей и бахромы из крученых металлических нитей. Металлическая нить, используемая при вышивке, накручена на шелковые нити белого и желтого цвета. Поэтому оттенок орнамента разный — от серебристого до слабозолотого. Вполне возможно, что местами металлическая нить покрыта тонким слоем позолоты. Вышивка головного убора и накидки выполнена в технике глади (басма) вприкреп и тамбурным швом также вприкреп. По бокам к *саукеле* крепятся две длинные подвески (*жактау*), состоящие из нитей кораллов, речного жемчуга, стеклянных бус с рядами полых серебряных шариков, нанизанных на те же нити. Нити с бусами продеваются через четыре серебряные пластинки. К нижней пластинке на серебряных цепочках прикреплены подвески, украшенные зернью[18]. С каждого бока к *саукеле* пришиты низки из нитей кораллов, цветных бус, небольших сердоликов и полых серебряных миндалевидных подвесок. Вверху и внизу низок расположены кисти из черных крученых шелковых нитей и бахромой из крученой металлической нити. *Саукеле* имеет три высокие (высота 25,0 см) стреловидной формы пластинки из позолоченного серебра с круглыми и овальными вставками из сердолика. Одна из пластинок расположена в центре передней стороны головного убора, две другие — по бокам. Основанием каждой пластинки служат четырехугольники, переходящие в два парных изображения «бараньих рога», повторяющих орнамент вышивки, венцом служат полые узорные серебряные шарики с позолотой. На центральной пластине верхние рогообразные завитки имеют завершение в виде стилизованных рыбьих хвостов. По низу головной убор оторочен широкой полосой меха выдры. Поверх меха нашиты позолоченные подвески со штампованным орнаментом. К макушке *саукеле* одним из углов прикреплена большая накидка белого цвета (*желек*), сшитая из китайского шелка с тканым орнаментом. Край накидки обшит галуном, а также полосой малинового бархата с вышивкой, выполненной металлической нитью гладью и тамбурным швом. По краю *желек* нашита бахрома из крученых металлических нитей. К краю *саукеле* поверх белого покрывала пришита полоса красного бархата с вышитым металлической нитью орнаментом.

Размеры: высота твердой цилиндрической части 34,0 см; высота сзади 45,0 см; охват вверху 34,0 см; охват внизу 60,0 см; длина покрывала 145,0 см; длина полос 55,0 см; длина низки бус 56,0 см; длина назатыльника 85,0 см; длина кистей с бусами 67,0 см.

Рис. 18. К. Н. де-Лазари. Приезд невесты в дом жениха. Фотоотпечаток, 10,5 × 12,5 см. 1897 г. Семипалатинская обл. МАЭ РАН, № 423–12

Материалы: бархат, ткань шелковая, серебро, позолота, сердолик, кораллы, стекло, мех выдры (*Lutrinae spp.*), войлок, сукно, ситец, нить шелковая, галун.

Техника: шитье, вышивка, обработка металла, золочение.

Описание места находки: Тургайская волость Актобинского уезда, аул № 4, Сарайская волость Кустанайского уезда (?), конец XIX в.

Собиратели: Биркимбаев Лаикжан Дербисалиевич, Имамбаев Хасан Иш-Мухамедович (дар). Поступление 1899 г. МАЭ РАН, № 439–21[18].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 19. Сапоги кожаные на многослойном кожаном каблуке (*етик*).
МАЭ РАН, № 439–20 а, б. Фото С. Б. Шапиро

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

3. Летние сапоги (каз. *етік*)

Богато украшенные вышивкой или аппликацией орнаментированные летние сапоги *етик* (*рис. 19*) носили женщины из богатых семей. Они также составляли часть свадебного костюма невесты. Сапоги на каблуках часто изготавливались из зеленой кожи (*кок сауыр*), украшенной узорным шитьем и серебряной инкрустацией (*рис. 20–23*): «Обыкновенный костюм киргизской женщины состоит из длинной женской рубахи, спускающейся поверх шаровар, из мужского халата и сапог, сшитых из простого черного товара или из красной юфтевой кожи. При парадном костюме богатые киргизки носят рубахи из разноцветных штофов или из шелковых канаусов, преимущественно ярких и пестрых цветов; бедные употребляют на это бумажную бухарскую сусу, самой грубой работы, а еще чаще выбойку, разноцветную китайку, а иногда и красный кумач; но последний составляет уже принадлежность исключительно молоденьких женщин и девушек. Грубая обувь при парадном костюме заменяется также сапожками, с высокими и узкими каблучками на медных подковках и с загнутыми кверху носками; иногда вместо сапог надевают “ичики”; но в этих случаях поверх их носят галоши из зеленой бухарской кожи или из сафьяна, нередко шитого серебром и золотом»[19].

Сапоги кожаные на многослойном кожаном каблуке (каз. *етік*)[20].

Голенища сапога окрашены в темно-коричневый цвет. Верхний край голенища обшит бархатной полосой бордового цвета и украшен тонким узором в виде волнистых линий. Носок и пятка сапога выполнены из кожи зеленовато-голубого цвета с орнаментом в виде изогнутых линий. Подошва и каблук темно-коричневого цвета.

Размеры: 439–20 а: длина (по переднему краю) 40,0 см; длина (голенища по заднему краю от подошвы) 43,0 см; длина (подошвы) 22,0 см; ширина (подошвы макс.) 8,3 см; ширина (каблука макс.) 5,1 см; длина (каблука) 4,6 см; высота (каблука) 4,9 см; 439–20 б: длина (по переднему краю) 37,0 см; длина (голенища по заднему краю от подошвы) 43,0 см; длина (подошвы) 22,2 см; ширина (подошвы макс.) 8,2 см; ширина (каблука макс.) 5,0 см.; длина (каблука) 4,9 см; высота (каблука) 5,4 см.

Рис. 20. С. М. Дудин. Сапожник. Фотоотпечаток, 12,0 × 17,0 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–62

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 21. С. М. Дудин. Сапожные инструменты.
Фотоотпечаток, 17,0 × 23,5 см. 1899 г.
МАЭ РАН, №1199–51

Рис. 22. С. М. Дудин. Кожаные и войлочные сапоги.
Фотоотпечаток, 12,0 × 17,5 см. 1899 г.
МАЭ РАН, № 1199–200

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Рис. 23. П. А. Кошаров. Предметы обихода, обувь. *Этнографический альбом дико-каменных киргизов племени богинцев*. 25,5 × 18,7 см. Бумага, акварель. 1857 г. Экспедиция П. П. Семенова на Тянь-Шань (1856–1857). МАЭ РАН, № 116–15

Материалы: кожа коровы домашней выделанная, хлопок, нить армированная, лак, нить хлопчатобумажная, дерево, краситель.

Техника: выделка кожи, шитье, крашение, набойка.

Описание места находки: Тургайская волость Актобинского уезда, аул №4, Сарайская волость Кустанайского уезда (?), конец XIX в.

Собиратели: Биркимбаев Лаикжан Дербисалиевич, Имамбаев Хасан Иш-Мухамедович (дар). Поступление 1899 г. МАЭ РАН, № 439–20 а, б[21].

Примечания

[1] № МАЭ РАН, № 403–8–11; 438–3, 4; 439–14, 15; 493–8; 1278–19. Прекрасный обзор этой коллекции см.: В. П. Курылев. «Казахские кожаные мужские пояса в собраниях МАЭ». *Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник Музея антропологии и этнографии.* XLIII (Л., 1989 г.). С. 85–98.

[2] *Кисе* по Радлову — «кожаная сумка, носимая на поясе, в которой носят порох и патроны…», *калта* — «кожаный кошелек» или же «кошелек для ношения при себе талисмана или молитвы, которые бы защищали против злых духов» (В. В. Радлов. *Опыт словаря тюркских наречий.* II/2 (СПб., 1899). Стб. 1380; II/1 (СПб, 1898). Стб. 258).

[3] К. А. Акишев. *Курган Иссык: Искусство саков Кавказа* (М., 1978). С. 50–52; С. С. Черников. «Восточный Казахстан в эпоху бронзы». *Материалы и исследования по археологии СССР.* LXXXVIII (М., 1960). С. 43, 46; Л. А. Евтюхова, С. Я. Киселев. «Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г.». *Труды Государственного исторического музея* (1951). С. 541, табл. 2.

[4] Ч. Ч. Валиханов. *Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. Собрание сочинений*. IV (Алма-Ата, 1985). С. 39.

[5] Курылев. «Казахские кожаные мужские пояса». С. 96–97; О. А. Сухарева. *Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX в.* (Ташкент, 1962). С. 115.

[6] О. А. Сухарева. *История среднеазиатского костюма: Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.)* (М., 1982). С. 65.

[7] С. А. Плетнева. *От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура* (М., 1967). С. 161.

[8] И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева. *Казахская национальная одежда: XIX – начало XX в.* (Алма-Ата, 1964). С. 58–59.

[9] И. Гладышев, Д. В. Муравин. *Поездка из Орска в Хиву и обратно в 1740–1741 гг., совершенная поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным* (СПб., 1851). С. 68–69. [Online]. Доступно на: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1740-1760/Muravin/text4.htm (последнее посещение 03.09.2015 г.).

[10] А. И. Левшин. *Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей* (Алматы, 1996). С. 306. [Online]. Доступно на: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1820-1840/Levschin/text15.htm (последнее посещение 03.09.2015 г.).

[11] В. А. Потто. «Из путевых заметок по степи. II. От Илека до Уила». *Военный сборник.* VIII (1876 г.). С. 168–169. [Online]. Доступно на: http://vostlit.info/ysearch.php?searchid=2078224&text=%D1%81%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B5%D0%BB%D0%B5&web=0# (последнее посещение 03.09.2015 г.).

[12] МАЭ РАН. Опись № 439–15.

[13] Предложенным вариантом чтения мы обязаны М. Е. Резван.

[14] В описании предмета использованы материалы его первичной и последующих регистраций (Д. А. Клеменц, М. В. Сазонова, Н. С. Терлецкий), а также описание В. П. Курылева «Казахские кожаные мужские пояса». С. 93–94).

[15] «1822 г. апреля… — Прошение султана Арын-Газы имп. Александру I об освобождении из хивинского плена его родных и о разрешении казахам поколения Бай-улы в летнее время кочевать на землях между реками Уралом и Волгой». См: *Материалы по истории Казахской ССР*. (1785–1828 гг.). Том IV. АН СССР (М.–Л. 1940). С. 403–404. [Online]. Доступно на: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1780-1800/Mat_ist_kaz_SSR/121-140/129.htm (последнее посещение 03.09.2015 г.).

[16] Потто. «Из путевых заметок по степи. II. От Илека до Уила». С. 165–166.

[17] См. также *саукеле* из коллекций 523-1/a, b, c (Алтай, последняя треть XIX в.); 1092-1 (Семиреченская обл., конец XIX в.); 2874-1 (Семипалатинская обл., XIX в.).

[18] К этой же коллекции принадлежат подвески к *саукеле* № 439–24/1,2 (длина 5,5 см, поперечник 2,3 см; серебро 916; конец XIX в.) и повязка на головной убор невесты № 439–22 (длина 173,0 см, ширина 2,5 см, высота (подвески) 3,5 см, ширина (подвески) 5,0 см, длина (подвески) 3,0 см, длина (крючка) 2,0 см, ширина (крючка) 3,0 см, длина (ленты) 137,5 см, ширина (ленты) 9,0 см; позумент (галун), серебро, коралл, позолота, стекло, камень ювелирно-поделочный, ткань хлопчатобумажная, нить шелковая; вторая половина XIX в.).

[19] В описании предмета использованы материалы его первичной и последующих регистраций (Д. А. Клеменц, М. В. Сазонова, Н. С. Терлецкий).

[20] Потто. «Из путевых заметок по степи. II. От Илека до Уила». С. 165.

[21] В казахском собрании МАЭ РАН есть еще красные женские сапоги конца XIX в. (№ 438–2 a, b), современные черные женские сапоги (*мәсі*, № 7321–14/1, 2) и мужские сапоги конца XIX в. (№ 438–1 a, b).

[22] В описании предмета использованы материалы его первичной и последующих регистраций (Д. А. Клеменц, М. В. Сазонова, Н. С. Терлецкий).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubricator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Послесловие о чудесах

Существуют национальные государства, которые весьма различны по менталитету, духу, религии. Есть такое немецкое философское положение — каждый народ представляет собой мысль Бога о человеке. Как отдельные индивидуумы неповторимы, так и народы — исключительны, неповторимы и представляют собой какую-то глобальную мысль. Эту глобальную мысль народ вырабатывает сам…

Юрий Мамлеев

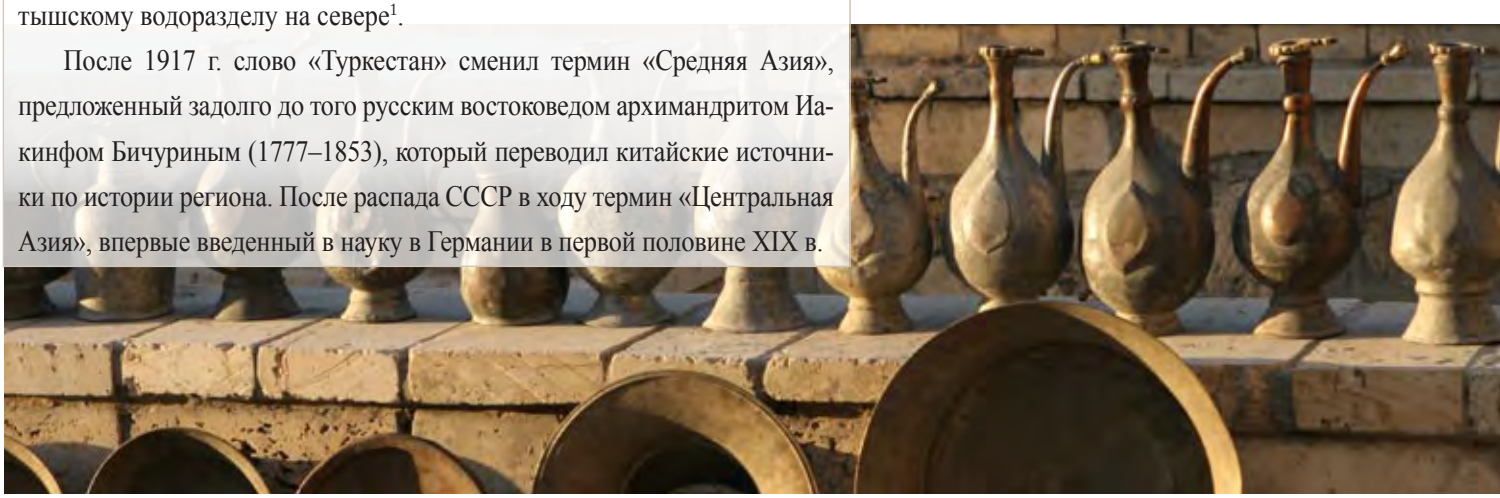
К моему громадному сожалению, в России мало кто знает про город с чудесным именем Туркестан. Тем не менее для большинства русских персидское по своему происхождению слово «Туркестан» («страна тюрков») — родное и интуитивно понятное. Многие из учебников истории помнят, что в 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, которое с 1886 г. официально стало называться Туркестанским краем. У многих из нас отцы и деды служили в Туркестанском военном округе (ТуркВО), существовавшем в период с 1867 по 1920 и с 1945 по 1992 г.

Существуют и строго географические границы территории, обозначаемой этим словом. Согласно В. И. Мушкетову и В. И. Масальскому, границы Туркестана пролегают по линии Мугоджарских гор и Устюрта на западе, по Джунгарскому Алатау, Тянь-Шаню и Памиру на востоке, по Копетдагу и Хорасанским горам на юге и по Тарбаготаю и Арало-Иртышскому водоразделу на севере[1].

После 1917 г. слово «Туркестан» сменил термин «Средняя Азия», предложенный задолго до того русским востоковедом архимандритом Иакинфом Бичуриным (1777–1853), который переводил китайские источники по истории региона. После распада СССР в ходу термин «Центральная Азия», впервые введенный в науку в Германии в первой половине XIX в.

Внутренний интерьер традиционного бухарского дома.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.
Здесь и далее в заключении фото Т. М. Федоровой

На хивинском базаре



[1] В. И. Мушкетов. *Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 гг.* Том 1. (СПб., 1886). С. 34–72; В. И. Массальский. *Туркестанский край* (СПб., 1913). С. 85 и след.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Я люблю слово «Туркестан». Для меня оно неразрывно связано с живыми архивными документами, книгами, картинами, судьбами многих замечательных людей — ученых, путешественников, военных… Я часто и охотно употребляю его, несмотря на то что иранские и таджикские коллеги иногда в этой связи обижаются на меня. Действительно, на этой громадной территории издавна располагались ираноязычные Согд, Тохаристан, Фергана, Чач, Семиречье… Я об этом знаю и помню, но для меня Туркестан — слово, насыщенное множеством живых смыслов, тесно связанных с историей моей страны[2]. Я очень рад, что однажды оказался в городе с этим именем. Туркестан чудесным образом связал воедино несколько историей, составивших эту книгу, дал важнейший толчок к ее написанию.

Я уже заканчивал книгу, когда вдруг понял, что она сама собой и так-же чудесным образом выстроилась так, что оказалось возможным,

[2] Подробнее см.: Svetlana Gorshenina. *Asie centrale. L'invention des frontieres et l'heritage russo-sovietique* (P., 2012); она же. *L'invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie a l'Eurasie* (P., 2014). Сергей Абашин в рецензии на эти книги подчеркивает: «Вслед за автором мы можем констатировать тот факт, что не существует никакой однозначной и политически нейтральной терминологии описания и определения границ региона, наиболее известного сегодня как "Центральная Азия" (или в советской традиции "Средняя Азия и Казахстан"). Все понятия, которые употреблялись и употребляются для его называния и разграничения, имеют свою историю происхождения (не всегда исключительно европейскую, но переработанную и легитимированную "Западом", в том числе Россией) и обсуждений, погружены

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

пусть и крайне фрагментарно, представить на ее страницах в хронологическом порядке историю коллекций музея, связанных с Казахстаном. Я даже хотел было дать первым трем главам подзаголовки «Кунсткамера, век XVIII», «Кунсткамера, век XIX», «Кунсткамера, век XX». Книга жила и, как дерево, самым естественным образом вырастала из реальных экспедиций, каждая из которых была посвящена в первую очередь некоторой узкой научной цели и первоначально абсолютно не была связана с будущей книгой. Сами собой каким-то образом в нужную минуту находились деньги на эти поездки, судьба сводила меня с людьми, которые просто брали меня за руку и показывали фантастически интересные вещи, а потом вдруг все очень просто и понятно сложилось в страницы и главы.

Для меня очень важно то, что во многих случаях удалось наметить лишь общее направление будущего исследования, лишь начать его. Наука прекрасна в том числе и тем, что она бесконечна. Я очень хочу верить, что некоторые из страниц этой книги смогут однажды привести в науку молодых исследователей, которые и продолжат начатое.

Мы живем в удивительное время. Не так давно в Омане я стоял на площадке древнего замка, построенного, по преданию, на фундаменте доисламских времен. Раздался телефонный звонок из Ташкента, и мой добрый коллега, наведя объектив своего гаджета на листы старинной рукописи, продемонстрировал мне свою находку. Кто еще пару десятилетий назад мог бы подумать, что штуковина размером с половину карточной колоды будет творить такие чудеса!

Я был счастлив, привозя из своих экспедиций фото- и видеоматериалы и делая в рамках проекта «Иджма‘ = Согласие»

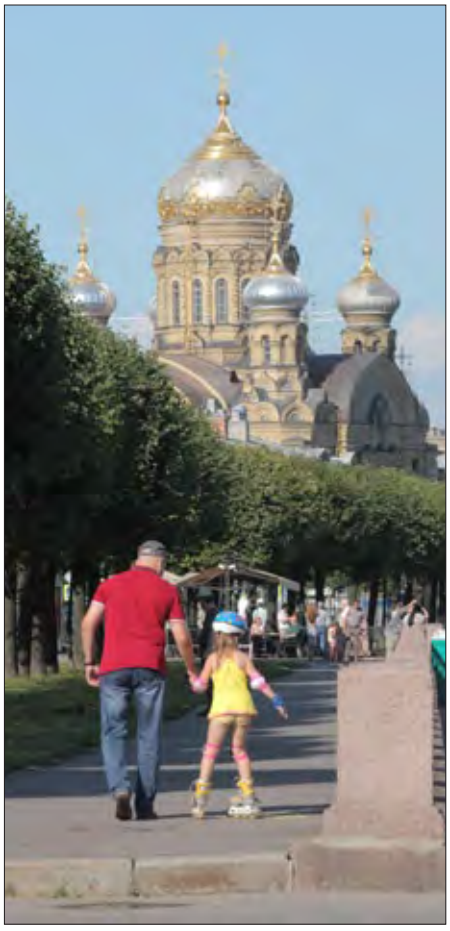
П. В. Кузнецов. Туркестан. Автолитографии. II серия. 1923 г. Листы из альбома. 37,7 × 29,8 см. Бумага, литография. Папка для альбома литографий. Государственная Третьяковская галерея, инв. № ГРС–1583/1. Храм. 37,2 ×29,3 см. Государственная Третьяковская галерея, инв. № ГРС–1583/9. Молитва в мечети. 37,2 ×29,3 см. Государственная Третьяковская галерея, инв. № ГРС–1583/8. С любезного разрешения музея

в контексты той или иной исторической эпохи, используются во взаимодействии друг с другом». См: *Антропологический форум.* XXV (2015). С. 152.

[3] Информацию о мероприятии см.: http://www.m24.ru/articles/81237?from=smi2obmen (последнее посещение 18.08.2015 г.). Сам проект представлен на сайте автора: http://peripheriques.free.fr/blog/index.php?/works/2010-system-introspection (последнее посещение 18.08.2015 г.). См. также представление проекта на программе «Худсовет» телеканала «Культура»: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/59489/episode_id/1221344/video_id/1208369 (последнее посещение 18.08.2015 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

документальные фильмы, показанные впоследствии телеканалом «Россия сегодня». Сейчас появились новые, по-моему, чудесные возможности, и я надеюсь, что очень скоро читатели этой книги смогут увидеть ее на своих планшетах и смартфонах в виде мобильного приложения. Залогом тому наше взаимодействие с Национальным филиалом Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» в Республике Казахстан.



Существует гипотеза, согласно которой вся численная информация отражается в материальном мире. Не так давно Политехнический музей в Москве представил в этой связи проект Николя Мегре «Системная интроспекция». Главным музыкальным инструментом проекта стал бинарный код[3]. Значит, и наш QR-код, двухмерный штрих-код на обложке, переадресующий читателя к сайту книги (видео, звук, приложения), может звучать как мелодия. «Дивны чудеса Твои, Господи!».

Исторически первой главой проекта «Мой мир ислама» был рассказ о восточных коллекциях Фаберже и связанных с ним путешествиях во Францию и Индию. Ждут своей публикации тексты, написанные за последние пятнадцать лет и связанные с Узбекистаном и Египтом, с Эфиопией и Занзибаром, с Финляндией и китайским Предтибетьем, с Кувейтом и Оманом, с Йеменом, с Мальдивами и Шри-Ланкой, с Индонезией и Татарстаном. В рабочем столе ждут своего часа материалы по экспедициям в Иран, Турцию и Марокко. Я надеюсь, что они составят следующие тома серии, но для меня, как русского ученого, по-настоящему важно, что первый ее том посвящен Туркестану, Великой степи, связан с моими добрыми казахскими друзьями, с историей и культурой этой замечательной страны, во многом имеющей с Россией общую историю и общую судьбу:

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну, —
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рои,
Золоченых крыш острия…
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя![4]

Я родился и вырос в Ленинграде, всегда с радостью возвращаюсь в свой дом, который стоит на настоящей, живой набережной Невы, где швартуются трудяги-теплоходы, гуляют влюбленные, работают

Татьяна Федорова за работой.
Фото Е. А. Резвана.
Экспедиция МАЭ РАН, 2005 г.

Татьяна и Александр Соловьевы, соавторы документальных фильмов, посвященных серии экспедиций МАЭ РАН по проекту Ефима Резвана «Иджма‘ = Согласие»

Санкт-Петербург, набережная Лейтенанта Шмидта, июль 2015

[4] Джамбул. *Ленинградцы, дети мои!* Сентябрь 1941 г. Здесь и далее перевод с казахского М. Тарловского.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

художники и почти всегда коротают время за душевными разговорами десяток-другой рыбаков с длинными удочками, банками и полиэтиленовыми пакетами. Но я родился и в громадной стране, которая была моим главным домом, в стране, в которой жители моего города в его тяжком испытании были близки казахскому акыну так же, как близки его собственные дети:

Мы родные вам с давней поры,
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду — Алма-Ата.

У нас общая история, которая объединяет нас и которой, собственно, и посвящена эта книга. Наша история была разной, мы не приукрашиваем ее, мы просто помним, что она была общей для всех нас:

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Ваших дедов помнит Джамбул,
Ваших прадедов помнит он:
Их ссылали в его аул,
И кандальный он слышал звон.
Пережив четырех царей,
Испытал я свирепость их;
Я хотел, чтоб пала скорей
Петербургская крепость их.

Жители моего города всегда будут помнить слова Джамбула, произнесенные в страшном сентябре 1941 года, и наши школьники будут вновь и вновь учить эти строки наизусть:

Спать не в силах сегодня я…
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Я родился в городе, где на протяжении вот уже более трехсот лет бережно хранятся и тщательно изучаются *наши общие* культурные сокровища. Здесь на основании уникальных рукописных, архивных и музейных коллекций трудами нескольких поколений ученых была написана история тех земель, которые называли то Туркестаном, то Средней, то Центральной Азией. Меня учили так, что эта история была историей моей страны. Это была история моей семьи, *моя личная история*. Такой она остается сегодня и для меня, и для моей дочери. Эта история является и остается моей ровно в такой степени, в какой горе и стойкость блокадного Ленинграда стали горем и стойкостью Джамбула.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

***

Знаменитому арабскому космографу Закарии ал-Казвини (ок. 1203–1283) принадлежит сочинение, озаглавленное «Чудеса сотворенного и диковинки существующего», которое я уже упоминал в первой главе. Ал-Казвини рассказывает о небесном и земном мирах, о планетах и небожителях, о человеке и животных, о растениях и минералах. В петербургской академической коллекции хранится несколько богато иллюстрированных списков космографии ал-Казвини. Работая над этими рукописями, я как-то понял, что для автора, испытавшего в молодые годы в Дамаске влияние великого исламского мистика Ибн ‘Араби (1165–1240), сочинение было родом благодарственной молитвы за данные Господом чудеса, которые окружают нас. Такой же невероятной молитвой стала и повесть Леонида Соловьева «Очарованный принц». Готовя к публикации эту книгу.... и ни в коем случае не ровняя себя ни с великим

Памятник Джамбулу Джабаеву (Санкт-Петербург). Скульптор В. Д. Свешников, архитектор Ф. К. Романовский в соавторстве с архитектором А. П. Черновым, художник Б. Абишев. Открыт 30 мая 2003 г. Фото Т. М. Федоровой, 2015 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

арабским космографом, ни с замечательным русским писателем, я понял, что главное на ее страницах — мое восхищение нашим удивительном миром, благодарность и радость от увиденного, но прежде всего радость от общения с замечательными людьми, многие из которых стали моими друзьями именно благодаря событиям, так или иначе упомянутым здесь. Мне кажется, что прежде всего благодаря моим казахским друзьям мне удалось чуть-чуть приблизиться к постижению «глобальной мысли», о которой писал Юрий Мамлеев. Спасибо вам всем большое, друзья! Без всех вас этой книги никогда бы не было.

P. S.

Многие из моих близких коллег и друзей, прочитавших книгу в рукописи, спрашивали меня, насколько ее «личные страницы» можно считать автобиографическими. Я считал, что ответ на этот вопрос содержится уже в самой хронологии текста, но, очевидно, это не так. Мне кажется, что наиболее полный ответ на этот и подобные ему вопросы можно найти в недавнем интервью Людмилы Улицкой посвященном выходу в свет ее последней книги «Лестница Якова», жанр которой трудно определить однозначно: «В эту топку все идет — и собственная жизнь тоже. И весь опыт, и все размышления, и прочитанное, и выдуманное, и реальный документ, и сон… Сочетание исповеди и конструкции. Это была трудная работа, очень трудная. А что вами руководит, когда вы задаете этот вопрос, — насколько правда то, что я написала? Насколько вы поверите — настолько и правда»[5].

С. М. Дудин. Горы Улькун-Беркуты. Фотоотпечаток, 24,0 × 17,2 см (фрагмент), 1899 г. МАЭ РАН № 1199–124

[5] «Было такое чувство, что посыплются скелеты из шкафа». Людмила Улицкая об отношениях поколений, осуждении, прощении и новом романе. [Online]. Доступно на: http://lenta.ru/articles/2015/10/31/ulitskaja (последнее посещение 02.11.2015 г.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Участники историко-этнографического проекта «По следам экспедиции князя Черкасского», реализованного Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Национальным филиалом Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» в Республике Казахстан (полуостров Мангистау (Мангышлак), Республика Казахстан, пустыня Кызылкум, район озера Айдаркуль, Республика Узбекистан, 15.09 – 28.09.2015 г.):

Тамара Жумалиева (Мангистауский областной историко-краеведческий музей)
Артем Андреев (факультет политологии СПбГУ, Государственный Эрмитаж)
Тимур Сандыбаев (Национальный филиал Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» в Республике Казахстан)
Даурен Медетбаев (Национальный филиал Межгосударственной телерадиокомпании «Мир» в Республике Казахстан)
Марат Утесинов (Мангистауский государственный историко-культурный заповедник)
Андрей Кузьмич (проводник, Москва)
Дмитрий Носырев (водитель-краевед, Актау)
Сергей Шеховцев (проводник-краевед, Ташкент)
Радик Калимулин (База “Camel”, Узбекистан)
Жалдыбай Кукенов (База “Camel”, Узбекистан)

Особая благодарность — сотрудникам Клуба путешествий “Crosna Travel” (Москва) за большую помощь в организации экспедиционного выезда.

Участники совместной российско-казахстанской историко-этнографической экспедиции по проекту «С. М. Дудин — фотограф, художник, этнограф. Материалы экспедиции в Казахстан 1899 г.» (Астана, Караганда, Каркаралинск, Баян-Аул, Павлодар, 26.05 – 9.06.2010 г.):

Бейбиткали Какабаев (Центральный Государственный музей Республики Казахстан, руководитель казахстанской части экспедиции)
Марьям Резван (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Муслим Таттибаев (Центральный Государственный музей Республики Казахстан)
Лариса Попова (Российский этнографический музей)
Инга Стасевич (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Напил Базылхан (Центральный Государственный музей Республики Казахстан)
Татьяна Федорова (художник-фотограф, Санкт-Петербург)
Антон Успенский (Государственный Русский музей)
Досымбек Хатран (Центральный Государственный музей Республики Казахстан)
Антонии Уинн (Великобритания)

Участники экспедиций 2010–2015 гг.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Участники историко-этнографического проекта «Коныр аулие», организованного Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН при содействии Центрального Государственного музея Республики Казахстан и Историко-краеведческого музея, г. Семей (Восточно-Казахстанская область Республики Казахстан, 04.09 – 11.09.2011 г.):

Бекен Темиров (Историко-краеведческий музей, г. Семей)
Хаджи-Мурат Илиуф (Историко-краеведческий музей, г. Семей)
Валерий Колбин (Научное общество краеведов-школьников им. братьев Белослюдовых детского центра «Жас Жулдыз»)
Нурасыл Карибаев (историк-краевед, г. Семей)
Адильхан Аубакиров (водитель-краевед, г. Семей)

Участники историко-этнографического проекта «Туркестан», организованного Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН при содействии Южно-Казахстанского Государственного университета им. М. Ауэзова (Сайрам, Арыстан-баба (Шаульдер), Туркестан, 27.11 – 04.12.2011 г.; 26.10 – 29.10.2013 г.):

Бахит Сапарбаев (Казахстанский Государственный университет им. М. Ауэзова, г. Шымкент)
Серик Дулатбаев (Казахстанский Государственный университет им. М. Ауэзова, г. Шымкент)
Игорь Савин (Казахстанский Государственный университет им. М. Ауэзова, г. Шымкент)
Олег Довесов (водитель-краевед, г. Шымкент)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

SUMMARY

This book by Professor Efim Rezvan, is based on the materials from his long-term archival, museum and field research devoted to the history, culture and traditions of Kazakhstan. Professor Rezvan is the Deputy Director of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences and the Editor-in-Chief of "Manuscripta Orientalia", the International Journal for Oriental Manuscripts Research.

The opening chapter of the book is connected to the information collected during the historical and ethnographic project "In the Footsteps of the Expedition by Prince Cherkassky" which was accomplished in 2015. The field research, which took place on the territory of the Mangyshlak Peninsula (Kazakhstan) and in the Kyzylkum desert near lake Aydarkul (Uzbekistan) was the most important part of the project. The expedition was dedicated to the 300th anniversary of the foundation by Prince Alexander Cherkassky (? – 1717) of Tub-Karagan fortress named the "Fortress of St. Peter". The building of the fortress was the first truly significant event in the implementation of an important phase of the Eastern policy of Peter the Great with the main goal of finding water routes to India. In many respects it was an attempt of the restoration at the Northern branch of the Great Silk Road and the most important part of the ancient Great Indian way. The Great Indian way started in Taxila in North-West India and terminated in Alexandria in the Mediterranean.

The main task of field work was not only the search for traces of the expedition of Prince Cherkassky, which ended tragically seeing the young Prince was treacherously beheaded, and his detachment almost completely destroyed. It also consisted of the study of the historical and archaeological monuments of Mangyshlak and Ustyurt which were located on the caravan routes, as well as the identification of the regional specificity of their role and significance in the system of international religious, cultural and economic ties of the 10th–17th centuries. Much attention was paid to religious centers, which developed at the sites close to the caravan routes. They stretched not only from oasis to oasis, from market to market, but also connected the sacred sites to one another. Just as the nervous system connects everything in the human body, so too the ancient trade roads connected sacred sites one to another. Commerce and pilgrimage walked hand in hand. In the field work of 2015 special attention was paid to the study of contemporary pilgrimage practices associated primarily with the local tradition, now successfully practiced in opposition to the "standard" Near and Middle Eastern rituals of *ziyara*.

The second chapter consists of the materials produced from the joint Russian-Kazakhstan historical and ethnographic project "Samuel Dudin — photographer, artist, ethnographer. The materials of the expedition to Kazakhstan of 1899" which play an important role in the book. The main goal of this expedition, which was held in 2010 along the course of Astana, Karaganda, Karkaralinsk, Bayanaul and Pavlodar, was to collect material for the scientific support of the Saint-Petersburg Kunstkamera Kazakh collections publications within the frameworks of the large-scale project titled "Traditional Kazakh Culture in the Collections of the MAE RAS". The history of the collection is closely associated with the history of both Russia and Kazakhstan of the 19th – early 20th centuries. Among its collectors were Chinghiz Valikhanov, the father of Chokan Valikhanov, the great Kazakh scholar, ethnographer, historian and important participant of the Great Game, a prominent Russian artist Vasilii Vereshchagin, Grigorii Grumm-Grzhimaylo, a well-known Russian traveler and entomologist, Nikolai Katanov, a prominent Russian Turkologist, Konstantin von Kaufman, the first Russian governor-general of Turkestan, Nicholas II, the last emperor of Russia, Friedrich W. Radloff, the director of the MAE, and many others.

Saint-Petersburg Kunstkamera also keeps a unique collections of photo materials of Samuel Dudin (1863–1929), who was an artist, ethnographer, traveler and collector. He became the founder and the permanent head of the specialized photographic laboratory of the Museum of Anthropology and Ethnog-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

raphy — one of the first in the world — and practically one of the founders of a scientific field, which is today referred to as visual anthropology.

The basis of the expedition's route of 2010 was comprised of the materials of Samuel Dudin's trip to Akmola, Semipalatinsk and Semirechye provinces in 1899. This expedition went down in the history of the MAE as one of the largest and most fruitful scientific endeavors of the late 19th – early 20th centuries. The goal of Dudin's expedition was the forming of a special exposition for the Paris World Fair. Then, in the process of doing the work, 500 photographs were taken that pictured the nomadic lifestyle of Kazakhs: everyday scenes and landscapes, human portraits, people's occupation, interior design and decoration, winter and summer nomad's camps, dresses, and musical instruments. Dudin also managed to sketch Kazakh ornaments and collect ethnographic items. According to the diversity of the subject matter and the number of photographs, the Kazakh photo collection by Dudin can be considered a photographic encyclopedia of the traditional Kazakh lifestyle.

The third chapter of the book is devoted to the results of the historical and ethnographic project "Konyr Awlie" and its related expedition of 2011. This expedition was held in the East Kazakhstan region of the Republic of Kazakhstan along the route of Semey (former Semipalatinsk), the cave of "Konyr Awlie" and the lake Atom-Kol. The key goal of the expedition was the holy cave associated with the name of the Holy Konyr, who, according to the local legend, was saved during the Flood in addition to Nuh (Noah). The cave is located about 200 km from the city of Semey on the slope of Aktas Mountain. This enormous cave with a deep lake and a statue covered in lime crust enjoyed a good reputation among women, who dreamed about motherhood but were deprived of this opportunity. Amongst related legends is a secret door at the bottom of the lake, leading to a certain tomb, and a channel believed to be connected to Mecca by underground ways. The cave is one of the ten most revered holy places of Kazakhstan. Now it attracts thousands of pilgrims not only from Kazakhstan but also from other Central Asian states and Russia. Today it is also obvious that the cave was for centuries the object of Buddhist worship.

On January 15, 1965, the first Soviet nuclear explosion in the interest of its national economy was done near the cave. 94 % of the energy of the explosion was equal to nine Hiroshima explosions, and was provided by the reactions of thermonuclear fusion which did not give off radioactive products. The crater had to become a reservoir with a small area of evaporation and the glassy bottom, which ensured the safety of water. It is lake Atom-Kol now. A significant portion of the former Semipalatinsk nuclear test site has maintained the richest archaeological sites.

The last chapter of the book is devoted to the results of the historical and ethnographic project "Turkestan" and the expeditions which went along the route from Sayram to Arystan-Baba and Turkestan, and were accomplished in 2011 and 2013. Here the main aim was the study of the rituals of pilgrimage to the mausoleum of Ahmad Yasavi in the city of Turkestan, the role and importance of this monument in the history of the Great Steppe and Rus' as well as in the history of Russian culture and scholarship. It is important that according to local belief three pilgrimages to Ahmad Yasavi mausoleum are equivalent to the *hajj* to Mecca.

The author analyzes the fate of a number of iconic items that are closely connected both with the history of Kazakhstan and Russia. Among them are the first collections of the Peter the Great Kunstkamera, which were admitted from the territory of modern Kazakhstan and which perished in a fire of 1747, as well as the rich Kazakh ethnographic and illustrative collections which are carefully stored and studied in MAE RAS.

The book presents the first volume of the author's series entitled "My World of Islam", which is the most important and final part of his project "Ijma'= Concordia". This project initiated by the author in 2006 comprises the expeditions as well as the documentary and exhibition projects.

The multimedia application distributed together with the book allows one to enjoy an "augmented reality" by using a smartphone or tablet based on the Android or iOS operating systems in order to see a three-dimensional model of the mausoleum of Ahmad Yasavi right above the book cover, and to hear and "see" one of the chapters. The link on the screen also leads to the electronic version of the final chapter of the book, which includes audio and video illustrations. In this regard the National Branch of the Interstate TV and Radio Company "Mir" in the Republic of Kazakhstan plays an important role in the entire project.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Contents

Olzhas Suleimenov “I will not retell the book. Just read it” 6

Dedication 8

Preface (about St. Petersburg and Paris) 13

Chapter I. Mangyshlak 25
Collections
“The curious collection of idols” 89
The song from 1905 96

Chapter II. Taxis — relative time 103
Collections
The color 139
S. M. Dudin as presented by his colleagues 156
A. M. Uspenskiy Samuel Dudin. Education of the eye 162
The equipment of the romantic era 184

Chapter III. The two lakes 197
Collections
V. A. Bryukhanov Konyr-awliye..... 221
The Buddha in the cave 224
“The Album of Radloff” 230

Chapter IV. The Cup 241
Collections
The history of the Kazakh collection of the MAE 275
From the collection of Laikjan Berkimbaev
and Hasan Imambayev (admissions of 1899) 297

Afterword (about the wonders) 315

The participants of the expeditions of 2010–2015 324

Summary 326

Подписано в печать 20.02.2016 г. Формат издания 60 × 84 1/8.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 52,89. Тираж 1000 экз. Заказ № 17100.
Издательство ООО «КМБХ», СПб., ул. Кронверкская, д. 21.
Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ ЭКСТРАПРИНТ». СПб., ул. Кронверкская, д. 21.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-906523-11-2/
© МАЭ РАН